

DEATH DOES NOT COME ALONE

Ashly Dueal

MORTALLY
SILENT

Дельфия Этел давно знает, что она ведьма. Еще она знает, что боль любого человека разрывает ее на части, приносит невыносимые муки. Ее спасение в безмолвии. В вечном одиночестве. Она собирается потонуть в стенах собственного дома, однако все меняется, когда на пороге появляются незнакомцы из далекого города — Астерии. Стоит девушке пойти с ними? Или, вырвавшись на волю, она очутится в еще более глубоком океане из боли и одиночества? Тем временем в Астерии все меняется. После того, как Ариадна Блэк продала душу Дьяволу, она превратилась в ночной кошмар, вырвавшийся из снов жителей. Ей чужды сострадание и милосердие. Ей чужды человеческие эмоции. Сможет, ли она вернуть свою душу? Или же у этой истории нет счастливого конца?

Умереть — это выбор? Или безысходность.
Или же безысходность — тоже выбор?

Нужно быть или первым, или последним, чтобы о тебе помнили.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДЕЛЬФИЯ ЭТЕЛ

ГЛАВА 1. КАК ЗЛОБЕН В БУРЮ ОКЕАН.

Я считаю шаги, когда иду домой. Я всегда так делаю.

Девяносто три. Девяносто четыре. Девяносто пять.

Кто-то толкает меня в плечо, я резко покачиваюсь, но глаз так и не поднимаю. Лишь прибавляю скорость и громче думаю: девяносто девять, сто, сто один.

Широко распахнутыми глазами оглядываю серый, искореженный асфальт и плетусь, сгорбив от раздражения спину. Оттого, как часто я стискиваю в кулаках пальцы, у меня на ладонях остаются темные ссадины, бардово-синеватого цвета. Они ноют. Я считаю шаги и сосредотачиваюсь на боли, ползущей по пальцам. Я рада, что ладони зудят. Так проще. Не знаю, что бы я делала, если бы ни спасительные цифры и колики, тянущиеся вдоль кожи.

Двести восемьдесят семь, двести восемьдесят восемь. Дом уже близко; я чувствую, как страх разжимает костлявые пальцы, позволяя мне вдохнуть воздух. Двести девяносто. Люди далеко. Вокруг моего дома пустырь, но мне это необходимо. Пустота. Четыреста. Взмываю по ступеням, оказываюсь перед тонкой, загнившей дверью, пошатывающейся от ветра, и так быстро врываюсь внутрь, что едва не падаю, задев плечом косяк.

Боль вспыхивает мгновенно. Я рада своей боли. Моя боль лучше, чем боль других.

В доме витает запах старой мебели, который давным-давно успел впитаться мне под кожу. Я привыкла к этому запаху. Это запах спокойствия. Мой запах. Я вбегаю в ванную комнату, проворачиваю кран и нервными движениями стягиваю с себя одежду. Толстая струя прохладной воды ударяется о дно ванны. Разносится оглушающий треск, будто бы я стою рядом с гигантским водопадом, а затем мне становится очень спокойно. Я жду, пока вода дойдет до края, закрываю кран и порывисто опускаюсь на самое дно, втянув воздух как можно глубже в легкие.

Тишина. Раз, два, три, четыре, пять. Я могу быть здесь столько, сколько пожелаю.

Вода поглощает звуки, обволакивает тело, словно пленка, и не дает чужим чувствам, голосам, стонам, мольбам проникнуть ко мне в голову. Вода — моя тюремная камера, но я не хочу выбираться на свободу. Только здесь, в крошечной темноте, в безмолвной, робкой тишине, я чувствую себя, переживаю свои ощущения, не разрываюсь на части от боли тех, кто находится за стенами моего дома.

Пятьдесят три, пятьдесят четыре, пятьдесят пять.

Дышать труднее, я мну пальцами бортик ванны, но не поднимаюсь.

Плечи расслабляются, исчезает звон в ушах, я чувствую, как пузыри воздуха несутся по моей коже, и представляю, как они лопаются на поверхности. Они разрываются на сто, а, может, и двести миллиардов частичек! А я не разорвусь, не сейчас, потому что я в своем убежище. Здесь только я могу причинить себе боль.

— Как злобен в бурю океан. — Проговариваю я про себя, крепко зажмурив веки. — Но рыбы в глубине живут в неподвижных водах, как во сне.

Мысли смазываются, сплетаются, и грудь вспыхивает от боли, ведь дышать почти нечем. Но я не поднимаюсь на поверхность. Там больнее. Больнее, ведь я пропускаю боль каждого через свои нервные окончания, будто через сито. Больнее, ведь не всем людям я в состоянии помочь, или же не хочу попросту. Исцеляя других, я причиняю вред себе. И я, возможно, эгоистична, но мне кажется, спрятаться в собственной тюрьме правильнее, чем погрязнуть в тюрьмах окружающих.

Так или иначе, все мы выстраиваем вокруг себя стены.

Мои стены не только огораживают от людей, но еще и не пропускают их ощущения.

— Как злобен в бурю океан... — Повторяю я про себя. Тело дергается в конвульсиях, а я лишь крепче в пальцах сжимаю бортик ванны. — Но рыбы в глубине... Рыбы...

Пожар ошпаривает легкие, и я вновь ощущаю, как силки обхватывают горло. Сейчас я отключусь. Я уже отключалась, и много раз. Но затем внезапно чьи-то руки порывисто вырывают меня из плена безмолвия, и, резко распахнув глаза, я оказываюсь лицом к лицу с собственной испуганной матерью.

— Успела, — проговаривают ее потрескавшиеся губы. Я вижу ее тусклые глаза, но уже совсем скоро они превращаются в смазанные пятна, как и светлые волосы, как и морщины на лбу и около век, — успела.

Она обхватывает меня сильными руками и вытаскивает из ванны. Я безвольно падаю на кафель, сворачиваюсь клубком и чувствую, как из ванны на меня обрушиваются волны, плескающиеся из стороны в сторону, и с каждым ударом тело дергается, как от судорог. Я не помню, когда было иначе. Наверно, так было всю мою жизнь.

В ванной комнате припасено одеяло. Мама тянется к нему и накрывает им мои плечи и трясущиеся ноги. Ее грудная клетка тяжело вздымается и опускается, но мама не злится. Она никогда на меня не злится. Ласково поглаживает мокрые волосы и напевает себе что-то под нос, что успокаивает меня, как колыбельная.

— Как злобен в бурю океан, — шепчет ее тихий голос, и я впитываю тепло, которое так и исходит от ее объятий. — Но рыбы в глубине живут в неподвижных водах, как во сне.

— Как во сне, — повторяю я и разжимаю стиснутые в кулаки пальцы.

Ноги расслабляются, плечи резко поникают. Я ощущаю, как вода холодеет и катится по моему телу, и сильнее укутываюсь в шерстяное одеяло. Мама заботливо целует меня в макушку, а затем улыбается. Я не вижу, но чувствую, что теплота заполняет ее сердце.

— Идем.

Трудно представить мою жизнь без приступов и осложнений. Тогда это была бы и не моя жизнь. Я живу так уже девять лет. Живу вместе с виной и угрызениями совести. Я не могу спасти всех, а главное — не хочу. Но мои способности для этого и появились: чтобы я облегчала муки тех, кто их испытывает. К сожалению, впитывая боль людей, я пропускаю ее через себя. Мой организм больше не хочет тлеть от сомнений и разрываться на части от неразделенной любви. Организм изношен, сердце требует справедливости, а рассудок так и верещит, что еще чуть-чуть и спасать придется меня.

Когда я вижу человека, я вижу его неисправность. Вижу, в какой момент времени он сломался, и внезапно нахожу пути исцеления. Надо прикоснуться к нему ладонью и лишь впитать в себя его ощущения. Последствия бывают разными. В большинстве своем мне не терпится вернуться домой, вырвать из груди все то, что мне не принадлежит. Но иногда я не успеваю добраться до мамы. Я вырубаясь, теряю сознание и еще долго блуждаю где-то далеко, рассекая пространство и время абсолютно другим человеком.

Я ненавижу свои способности.

Я призвана помогать тем, кто не ценит моей помощи. Отказываться нет сил.словно на дозе, я ищу все новых искалеченных чужаков, которые так сильно во мне нуждаются. А потом я помогаю им, а они уходят, не сказав ни слова. Даже не притворившись, что я дала им второй шанс, дала им возможность задышать заново.

Люди — черные, пустые точки на огромной карте. Они сталкиваются, отталкиваются, старательно делают вид, что мир был создан именно для них. Воздух, чтобы они дышали, земля, чтобы по ней ходили. Люди не думают, что и без их присутствия воздух оставался бы воздухом, как и земля землей. Люди много о себе возомнили. А я должна их спасти.

Почему?

Не хочу. Они не заслуживают.

Иногда я чиню вину, пусть и не хочу этого делать. Я считаю, вина самое правильное чувство, которое было даровано человеку. Совесть редкое явление, но самое действенное. Люди с совестью живут не зря, они сожалеют о том, что сделали и о том, что упустили.

Ненавижу людей. Их желание быть лучше, сильнее, злее, опаснее. Они идут друг по другу, как по лестнице, а потом рыдают, словно не подозревали, как больно валиться вниз.

Я понимаю людей. Понимаю их чувства и мотивы, и, знаете, лучше бы их потаенные желания так и оставались для всех загадкой, потому что зачастую за тем или иным плохим поступком не стоит никакой высшей цели. Люди причиняют друг другу боль со злости, из зависти. Они просто делают. И все. В этом нет смысла, но иначе они не умеют. Лучше бы я не понимала и не знала отгадку. Лучше бы я оставалась в неведении и наивно полагала, что у каждого слова есть причина. Но нет. Причин не существует, как и хороших людей.

Мы сидим за круглым, маленьким столом. Не смотрю на маму, просто разглядываю еду в тарелке, понимая, что не хочу к ней притрагиваться. Я все чаще думаю о том, что я и дышать не хочу. Умереть — это выбор? Или безысходность. Или же безысходность — тоже выбор? Сглатываю ком в горле и хмурюсь, размяв пальцы под столом.

— Дел, еда остывает.

— Я н-не хочу, — запинаясь и нервно подергиваю плечами, — н-не голодная.

— Сама не понимаешь, что говоришь. Не капризничай, ладно? — Мама улыбается. Она постоянно мне улыбается. Отпивает воды и глядит на меня заботливым взглядом, словно просит прощения. Ее родословная оставила отпечаток на наших жизнях. Ее бабушка была

ведьмой. Из-за ее родных мы стали такими. Но я никогда не винила мать. Мама то, что не дает мне утонуть. Она единственный светлый человек на моем пути, и я никогда не хотела ее исцелить, потому что всегда знала, что она сильная и не нуждается в помощи. — Была в магазине?

— Что?

— Ты была в магазине, выходила из дома.

— Да, — киваю и облакачиваюсь локтями о стол, — хотела к-купить ч-чай.

Чертов чай. Всего лишь магазин, всего лишь в нескольких сотнях метров от дома! И я вернулась с твердым намерением захлебнуться на дне старой ванны. Мама понимающе и серьезно кивает, как только она умеет, а я прохожусь пальцами по волосам. Они еще не до конца высохли. Мокрыми полосами спадают на плечи, а за ними тянутся тонкие струйки.

— Мы же договорились, что ты будешь меня предупреждать, помнишь, Дел?

— М-мам, ты и т-так все знаешь.

— А если бы не знала?

— Ты в-в-всегда..., - как же трудно, я едва шепчу, — все з-знаешь.

Договариваю и неуклюже покачиваю головой. Язык взывает от неприятной боли, и, зажмурившись, стискиваю пальцы и нервно топаю по покрытию ногами. Едва слышно. Но мне надоело бороться. Моя последняя попытка отдохнуть от мира под водой закончилась плохо. Я отключилась, а пришла в себя уже в больнице с багажом физических проблем, о которых обычно не думают, когда пытаются покончить с собой. Никто ведь не надеется, что он выживет. Верно? Хотя я толком и не планировала умирать. Хотела сбежать, да. Но я никак не ожидала, что едва не переступлю черту. Да еще и вернусь искалеченной.

Доктора сказали, что я повредила какой-то канал в каком-то отделе мозга. Они очень много тогда говорили, но я не могла слушать, потому что больница — не лучшее место для человека, который впитывает в себя боль и чувства окружающих. Поэтому столкнуться с последствиями мне пришлось уже дома, когда я не смогла нормально позвать маму. Когда я прощалась с отцом — он работает на судне — а голос осип, и вместо нормальных звуков, я хрипела, как старая пластинка.

— Сегодня было столько клиентов, — пропевает мама, поправляя густые волосы, — ты и представить себе не можешь. Я еле успевала! Хорошо, что Айрис согласилась помочь.

Я киваю. После того, как мой голос превратился в скрежет, я стала меньше говорить, но больше жестикулировать, округлять глаза, щурить глаза, и все в этом духе. Общение на уровне инстинктов и интуиции. Вряд ли меня кто-то поймет кроме мамы.

Вскидываю брови, а она пропевает:

— Да, Айрис согласилась помочь, потому что я пообещала ей надбавку. Но, знаешь, у этой девушки действительно есть талант. Она составляет невероятные букеты, дорогая.

— Н-не сомнев-ваюсь.

— Тебе бы понравилось.

Пожимаю плечами, а мама вздыхает. На ней длинное, бесформенное платье, которое она, возможно, носила еще в эпоху хиппи. Или кто там строил иллюзии насчет счастья? Я почему-то думаю, что она выглядит как никогда красивой, молодой и свежей, пусть давно уже не отдыхала и не снимала с плеч груз ответственности.

Я опускаю руку и неожиданно слышу возглас:

— Осторожно!

Я задеваю локтем тарелку. Она стремительно валится вниз, врезается в пол с диким

треском, и десятки осколков разлетаются по кухне, одновременно с распластавшимися по полу зелеными горошинами. Я виновато морщусь.

— П-прост-ти, — порывисто поднимаюсь, — н-не хотела. Я н-не...

— Дел, все в порядке.

Нет. Я падаю на колени и начинаю нервно собирать осколки, царапая о них пальцы, а мама протяжно выдыхает и присаживается рядом, водрузив на мои плечи теплые руки.

— Все хорошо.

— Н-нет. Нет... — Стискиваю зубы и считаю: раз, два, три, четыре. Сколько горошин? Пять, шесть, семь, восемь. А сколько осколков? Их меньше. Но они опаснее. Они режут и причиняют боль. Они, как моя жизнь: прозрачные и безобразные. — Н-неуклюж-жая.

— Я сама уберу, дорогая.

— Я сама х-хочу, я р-разб-била! — Разъяренно сгребая все в кучу, а мама просто сидит со мной рядом и молчит. Она смотрит. Наблюдает. И в груди у нее взывает, словно один из осколков пронзает сердце. Она отворачивается, потому что знает, что я это почувствую, и виновато поджимает губы. Ей меня жаль. А я растерянно застываю. По пальцам робко и бесшумно скатываются тоненькие, красные полоски. Наверно, я пугаю маму. — П-прости.

Она встряхивает волосами. Молча поглаживает мой подбородок нежным пальцами, а затем обнимает. В ее объятиях всегда спокойно. Как в океане.

— Иди, отдыхай. Я сама уберу.

Послушно поднимаюсь на ноги и плетусь в свою комнату. У меня не только дефект речи. Возможно, вся моя жизнь — разбитое зеркало. Раз, два, три — считаю ступеньки. Веду пальцами по стене и бреду к себе в спальню, думая о том, как мама сейчас убирается и обо мне плачет. Она ведь должна плакать, пусть я никогда этого не видела.

Люди должны лить слезы, иначе можно решить, что им все равно.

В комнате темно. Шторы задернуты. Достая наушники, включаю музыку и щелкаю динамиком до тех пор, пока уши не начинают взывать от боли. Отлично. Устало валюсь на кровать и скручиваюсь, будто животное, прижав к груди колени.

— Как злобен в бурю океан. — Шепчу я одними губами, не издавая ни звука, — но рыбы в глубине живут в неподвижных водах, как во сне.

ГЛАВА 2. УТЕС.

Я почти уверена, чинить людей — бессмысленно. Они перестают чувствовать боль, но при этом я не исправляю того, что им удалось разрушить. Знаете, когда людям больнее всего? Не в последнюю секунду. После. Люди ломаются не в процессе, а как результат. Не в тот момент, когда наступает самое сложное, не в тот момент, когда груз ответственности горит на плечах и пылает, как свежее мясо на вертеле. Люди ломаются, когда все кончено. Когда бой проигран, близкий потерян, рана кровоточит. Люди ломаются слишком поздно. Не вовремя. Не тогда, когда надо что-то сказать, а когда уже говорить нечего. Когда поезд уехал, а момент упущен. Ты потерял нечто важное, и лишь теперь ты понимаешь, как это «нечто» много для тебя значило. И потом я прикладываю ладонь, забираю корчующиеся в груди вопли совести или пики боли, и человек открывает глаза, и он продолжает жить. Но жить в руинах из собственной глупости. В пустыне собственного одиночества. Я помогаю им начать все заново. Но понимаете, что самое смешное — люди ведь идиоты, и они вновь и вновь повторяют свои ошибки. И они не отстраивают новые стены, а продолжают лихо

топтаться в мусоре из своих надежд и стремлений, добавляя в эту гору новые свершения, у которых нет будущего.

А я их лечу.

Опять.

Бессмыслица. Определенно, невероятно глупая способность: забирать боль у тех, кто за эту боль держится; кто стремится к новой боли.

Поднимаюсь на ноги, заправляю кровать и подхожу к зеркалу. Я расчесываю волосы медленно и сосредоточенно, считая это одним из тех занятий, что отвлекают от того, что творится за окном. Я прокатываюсь щеткой, локоны хрустят, вытягиваются, и я внезапно становлюсь похожей на обычного человека. Правда, это иллюзия, конечно.

Я далеко не обычный человек. И проблемы у меня не человеческие.

Знаете, иногда я думаю, что не любить свои способности — грех. Многие ведьмы — да пусть это полное безумие — держатся за религию, за церковь, наивно предполагая, что Бог взглянет на них сверху вниз и погладит по головке, да шепнет: я с тобой.

Уголки моих губ дрогают, и я тихо усмехаюсь.

Да-да, он со мной каждый раз, когда я захлебываюсь в ванной комнате. Он со мной. Он наблюдает. И, наверняка, ему очень смешно.

Я всегда скептически относилась к религии. Нет-нет, людям нужно во что-то верить, уж я-то знаю. Но я не понимаю механизм «прощения», «искупления». В чем смысл? Разве стоит прощать всех? Убийц? Насильников? Умалишенных психопатов, которые глядят на свою жертву бешеными, зверскими глазами и получают удовольствие от ее мук? Почему я должна придерживаться религии, в которой каждый ублюдок и псих найдет свою тропу, в которой даже «ад» — метафора искупления? Девять кругов, одиннадцать тысяч ступеней, семь грехов, и каждый — прощается, пусть в Святой Книге говорится о не прощении. Даже мои способности — в излечении. Какого, спрашивается, черта?

Чем эти люди заслужили такое к себе отношение?

Знаю: это не милосердие. Это равнодушие. Каждый должен получать по заслугам, и каждый должен знать, что, соверши он преступление, никакой Господь по головке его не погладит. И тогда я поверю в такого Хозяина. Тогда я стану верующей и начну молиться перед сном, ходить в церковь. Да, тогда я буду знать, что виновные получают по заслугам, и никто их не простит лишь потому, что они извинились. И тогда я решу, что мой дар лишь тех исцеляет, кто этого заслуживает. А не всех подряд. Не каждого, кто сделал так много, но расплатился так просто.

Я спускаюсь вниз. Мамы уже нет. Она всегда уходит рано, и я вдруг думаю, что она специально убегает, чтобы я не ощущала ее чувства. По утрам ведь жизнь всегда кажется невыносимой. Ночью ты готов свернуть горы, а с рассветом хочешь слиться с пылью.

Послезавтра Йоль — день зимнего солнцестояния. Мне опять придется запереть себя в ванной комнате, а моей матери вновь придется не вставать с постели. Но мы привыкли.

Наверно.

Мне хочется прогуляться, хотя я прекрасно понимаю, во что это может вылиться. Но сидеть дома — невыносимо. Когда-то я уже пыталась запереть себя, замуровать в коттедже, как в тюрьме, лишь бы не встречаться с людьми и не испытывать их чувства. Но потом до меня дошло, что из дома выходить нужно, иначе я окончательно сойду с ума. Собственно, у меня и так нет друзей, нет хороших знакомых. Закрывшись в своей комнате, я бы просто срослась с деревянным полом и превратилась бы в чучело, набитое собственным ужасом.

Я натягиваю куртку и выхожу из дома, впялив взгляд вниз. Я привыкла смотреть на носки кроссовок и сосчитывать шаги, это отвлекает от реальности, происходящей вокруг.

Сразу сворачиваю с главной дороги. Бреду вдоль тихого леса, вдыхаю глубоко запах хвои и думаю: сегодня слишком тепло, даже душно, словно погода пытается стянуть ваше горло в тисках и повалить на спину. Ветер завывает где-то высоко в небе, над верхушками деревьев, а я плетусь по иссушенной тропинке и считаю: шестьдесят два, шестьдесят три. Шестьдесят четыре — слышен рокот волн, сражающихся с нависнувшими над пропастью острыми скалами. Шестьдесят пять — слышен запах моря, который смешивается с запахом сухой земли, хвойных стволов, иступлено наблюдающих за паразитами, пожирающими их древесную кору. Шестьдесят шесть — слышно мое спокойное сердцебиение. Я одна, в лесу как всегда никого нет, никто не посмеет приблизиться ко мне, нарушить спокойствие. Эта дорога — мое спасение, изолированный путь от неприятностей, бушующих в городе.

Через какое-то время я, наконец, оказываюсь перед невообразимой пропастью, резко сливающейся с синим горизонтом. Мой папа любит сюда приходить. Он и показал мне это место. Он сказал, что я могу находиться здесь столько, сколько пожелаю. Могу следить за волнами и ждать, когда он вернется; могу первой увидеть его лодку.

Я подхожу к краю обрыва, усаживаюсь на сухую землю и выдыхаю. Звучит только мелодия моря, бушующих волн, и никого здесь нет. Как я и хотела.

Папа редко бывает дома. Почти все время рыбачит. Иногда я не вижу его неделями и невероятно скучаю. Они с мамой, словно созданы были для такой непутевой дочери. Даже не знаю, что бы со мной сделали другие родители. Наверно, не вытаскивали из ванной, до верхушки наполненной водой, а топили, в надежде, что их кошмарам придет конец.

Я наблюдаю за грозowymi тучами, скопившимися где-то над горизонтом, и тяжело выдыхаю. Наверно, сегодня будет дождь. Сильный дождь, судя по молниям, сверкающим в темно-синем, бардовом месиве из облаков. Я люблю дождь. Люблю считать капли.

— Ты никогда меня не слушаешь! — Неожиданно взывает за моей спиной женский голос, и я резко оборачиваюсь. Что это было? Всмотриваюсь в кромку леса, настороженно слежу за черными, толстыми стволами и морщусь. — Никогда! — Продолжает вопить голос из глубины леса, и я вдруг понимаю, что кто-то забрался в ту же даль, что и я.

Отлично.

Я изо всех сил стискиваю в пальцах сухую землю, которая в тот же миг царапает до боли ладони, и зажмуриваюсь. Почему. Почему. Пусть они уйдут.

— Чего ты орешь!

— Не трогай меня!

— Ко мне подойти, господи, живо подойди, идиотка!

Слышу, как скрипят зубы, и внезапно ощущаю этот поток ненависти, который смело прорывается сквозь переплетенные, хрустящие ветки. Он врзается мне в спину клинком, и я вдруг думаю, что спрыгнуть с утеса — отличная идея. Спрыгнуть. В воду.

Вода огородит от звуков, обнимет, примет в безмолвие.

— Отвали! Все, иди к черту! Я больше никогда не...

По утесу проносится звонкая пощечина, и я нервно дергаю головой.

Я ненавижу людей.

Ненавижу их поступки, слова. Ненавижу безнаказанность, с которой они вытворяют все, что им угодно. Ненавижу.

— Ну и катись! — Взывает парень под рыдания, вырывавшиеся изо рта девушки. — Ты

ненормальная идиотка, проваливай, давай, иди!

Его голос тонет в свисте ветра, а вот рыдания становятся громче, и тогда я понимаю, что незнакомка, покачиваясь и держась руками за покрасневшее лицо, выбегает ко мне.

На мой утес.

На мое место.

Я смотрю на нее через плечо, а она застывает, впялив в меня стыдливый взгляд. Да, я всегда вижу, когда людям стыдно. За то, кто они есть. За неумение дать сдачи. За горячее неуважение к себе, к своему мнению, к своей жизни. Такие девушки, как она — дымка, они не живут, они плавают и мельтешат перед глазами. От них отмахиваются ладонями, их не воспринимают. Они никому не нужны. Ими пользуются, ею пользуются, пользовались так много раз. Я вижу правду в серых, напухших глазах незнакомки.

Она не убегает, дергаясь от резких вдохов и выдохов, а я поднимаюсь.

В голове щелкает. Будто стрелка часов. Я наклоняю голову, смотрю на девушку, и я понимаю, что она поломана. Ее надо починить. Надо забрать ее боль, отнять ужас, стыд. Я могу это сделать. Но хочу ли я? Нужно ли это?

Неважно. Мои способности никогда не спрашивают разрешения. В какой-то момент я просто перестаю себя контролировать. Я становлюсь совершенно другим человеком.

— Ты плачешь. Я могу это исправить. — Делаю шаг вперед, а позади волны врезаются в скалы с оглушающим треском. — Тебе не будет больно, я обещаю.

Но ей будет больно. И еще много и много раз, потому что она вновь вернется к тому кретину, что ударил ее. Или найдет нового. Она не умеет иначе. Она не вынесет урок, если я избавлю ее от стыда, заберу ненависть, сделаю жизнь проще, но жизнь этого не любит. Не любит быть простой. Поэтому она ударит вновь и гораздо сильнее.

Темноволосая девушка дергается, когда я оказываюсь совсем близко. Но назад я не отступаю. Изучаю пристальным взглядом полопавшиеся сосуды в ее глазах, эти тоненькие нити, что тянутся вокруг радужки воспаленной паутиной. Изучаю отпечаток его руки. Да. Видно даже слишком отчетливо — грубые, толстые полосы на щеке и подбородке.

— Тише, — убаюкиваю я, заметив, как дрогают обветренные губы незнакомки, — тебе станет легче, я лишь прикоснусь рукой, лишь заберу все, что причиняет боль.

Я должна, меня тянет зависимость, доза. Воздух застревает в горле, и я понимаю, что смогу задышать только тогда, когда выполню предназначение, сделаю ее жизнь лучше.

— Тиш-ш-ше.

Я прикладываю ладонь к груди девушки, и невероятная колючая волна врезается в лицо, ополоснув с ног до головы все тело, спина вытягивается, рот распаивается в немом крике, и я гляжу на серое небо широко распахнутыми глазами и чувствую, как сквозь меня пронесется поток невыносимой боли, поток унижения и стыда. Колени дергаются, а я стою, стою, даже когда ощущаю слезы на щеках, даже когда хочу сорвать с себя кожу, потому что считаю ее грязной, изношенной. Тиканье часов — ее жизненных часов — вопит в моей голове невыносимо громко. Каждая упавшая слеза, каждый удар, каждый вдох.

Как всегда все заканчивается слишком резко.

Я отлетаю в сторону, прижимаю к груди руку, а незнакомка валится на колени.

Теперь ей будет лучше. Возможно. А вот у меня в груди взывает невыносимая боль, после которой хочется рыдать во все горло. Я резко встряхиваю волосами, зажмуриваюсь и стискиваю зубы, а она не проходит. Она не исчезает. Я все так же ощущаю себя гнилой.

Она была гнилой. Эта девушка. Я ее починила.

— Н-ненавижу-жу, — шепчут мои губы, и, хромая, я схожу с места.

Это мой утес. Мой! Здесь никого не должно было быть. Слезы градом катятся вниз, а на голову падают дождевые, огромные капли. Я плетусь обратно домой, прижимая к себе руки, продавливая ими живот, но становится только хуже. Я вижу, как эта девушка ревет у себя дома, как ее к полу прижимают мужчины, всегда с разными лицами. Они делали ей так больно, почему она не сопротивлялась, почему терпела.

Я взываю от очередной боли и врезаюсь в липкий ствол дерева. Прикладываю лоб к коре и начинаю грубо пальцами расцарапывать ее, надеюсь, заменить душевные скитания физическими. Скоро станет легче. Раз, два, три, четыре. Это проходит. Всегда проходит.

Пять, шесть, семь, восемь.

Над головой взрывается молния. Ветер взывает такой сильный, что деревья тот час наклоняются ниже и скрипят от напряжения. А я горблюсь под тяжестью чужих эмоций.

Иногда я жалею, что не могу прикоснуться к своей груди и забрать свои эмоции. Так ли важно чувствовать? Сейчас люди руководствуются не светлыми ощущениями, а теми, что приносят боль. Сейчас чуждо добро, как справедливость, сейчас ты становишься, даже невольно, обозленным, обиженным, сломленным. Нужно ли это людям?

Без эмоций жить стало бы легче. Как от них избавиться?

Я невольно смотрю на обрыв и поджимаю трясущиеся губы. Да, там, внизу, морская пучина, которая всегда готова раскрыть объятия. Она ждет меня и манит. Она знает, что я нуждаюсь в тишине и покое, и она сможет помочь мне.

Очень медленно отстраняюсь от дерева, смахиваю холодными руками капли дождя, непрерывно скатывающиеся по лицу толстыми линиями, и иду вперед. Шмыгаю носом. Я всегда балансировала. Как и все мы. Вот только меня манила тишина, свойственная лишь мертвым. Живые пребывают в постоянном шуме, который невыносим для меня, и я жила и надеялась, что однажды он утихнет... Утихнет этот шум. Однако со временем мне стало ясно, что крик, стоящий в моих ушах, исчезнет только тогда, когда исчезну я. Загвоздка. Я ведь не собиралась умирать. Но, может, и выхода другого нет?

Смерть. Обычное явление. Мы рождаемся, чтобы умереть. Таков закон. Некоторые пытаются заполнить эту тонкую черту, стоящую меж цифрами на надгробье, событиями и воспоминаниями. Некоторые, такие же, как я, просто хотят пропустить ту фазу жизни, при которой у тебя ничего не получается, а жизнь предстает в виде колючего шара, как можно быстрее. Знаете, я ведь не против испытаний. Просто они должны к чему-то приводить, ты не должен страдать просто так. Должна быть цель, замысел.

Я не вижу цели.

Я вижу обрыв.

Я подхожу на край и вытираю тыльной стороной ладони лицо. Порывы ветра хлещут по щекам так же грубо, как тот мужчина хлестал по щекам неизвестной девушки. Думаю, она уже далеко. Она убежала и решила, что жизнь стала иной. А я вижу свою жизнь внизу, в бирюзово-бордовой пучине с пенистыми гребнями. И я хочу прыгнуть.

— Нет! — Воскликает незнакомый голос одновременно со вспышкой, полоснувшей по небу острым клинком. И я резко оборачиваюсь, приклеив к земле правую ногу, уже робко поддавшуюся вперед. Растерянно округляю глаза.

Метрах в десяти от меня оказывается невысокий парень, он держит руки перед собой и машет ими, словно я дикое животное. Справа от него темноволосая женщина. Она стоит в такой позе, будто бы готова накинуться на меня в любую секунду, что не нравится мне. И не

может понравиться. Я обозлено встряхиваю головой.

— Уб-бирайт-тесь.

— Нет, не надо, подожди, — повторяет незнакомец, сделав крошечный шаг вперед. По его запотевшим очкам катятся толстые дождевые капли. Он наклоняется, но я со свистом выдыхаю колючий воздух и отшатываюсь, — лучше отойди от края, слышишь?

— Лучше н-не трог-гай меня.

— Пожалуйста, — вмешивается женщина, — мы хотим помочь.

Я растерянно моргаю, пытаясь смахнуть недоумение с глаз, но ничего не выходит. Я впервые вижу этих людей и искренне не понимаю, с какой стати им спасти мне жизнь. Не умеют люди помогать друг другу. Я знаю. А они пришли сюда не просто так. Я чувствую.

— К-кто вы?

— Давай поговорим у тебя дома, Дельфия.

Они знают мое имя. Я ошеломленно стискиваю зубы и слышу, как о скалы вальжно разбиваются огромные тонны воды. Земля под ногами даже трясется. Мне не нравится то, что происходит. Я ощущаю себя загнанной в клетку, и дышать тут же становится тяжело.

— Откуда-да в-вы...

— Твоя мама сказала, где тебя найти.

— Но...

— Она это предвидела, — вновь опережает меня парень в огромных очках. У него такие блестящие глаза, что мне вдруг кажется, они сейчас сожгут меня заживо, — пожалуйста. Ты не должна прыгать, Дельфия. Ты ведь не хочешь.

— Хоч-чу. — Я разворачиваюсь лицом к обрыву и глубоко втягиваю холодный воздух.

— Нет. Не хочешь. Но прыгнешь. — Парень сглатывает, а я невольно перевожу на него взгляд. Незнакомец передергивает плечами, а затем как-то криво усмехается. — В смерти нет спасения. Смерть — это конец, Дельфия. Проблемы не исчезнут. Ты исчезнешь.

— Хватит.

— Твоя мама. Ей стало плохо.

— Ч-что? — Холод проносится по моей коже, и я невольно оборачиваюсь. Пожалуй, ко мне возвращается нечто настоящее, нечто реальное. Ни наваждение, ни обида. Страх.

— У твоей мамы было видение, в котором ты прыгнула, Дельфия. Ей стало нехорошо. Поэтому мы нашли тебя, она сказала, где ты будешь. Это не судьба. И не случайность.

Схожу с места. Впяливаю рассеянный, ошеломленный взгляд в землю, хлюпающую от толстых дождевых капель, и бреду вперед. Как тень. Как машина.

Я должна найти маму. Должна вернуться к ней.

— Подожди, пожалуйста, — парень нагоняет меня, хватая за руку, но я порывисто от него уворачиваюсь, так и не подняв подбородка, — не убегай, черт возьми, мы ведь помочь тебе хотим, слышишь?

— Нет.

— Не слышишь?

— Вы не м-мне хотите помочь, а с-себе.

Люди одинаковые. Всем людям что-то нужно, и только тогда они становятся теми, в ком вы нуждаетесь. Лишь взамен на что-то. Лишь для выгоды. Не обольщайтесь. Доброта — валюта, которой сейчас расплачиваются. Она не идет от сердца, не идет от души. Ее уже успели растоптать и превратить в пыль, которую люди пускают друг другу в глаза.

Несусь по лесу, присвистывая. Когда дело касается чужих эмоций, я не в состоянии себя

контролировать, падаю, ломаюсь, смахиваю слезы. Когда дело касается моих эмоций, я превращаюсь в льдину. Делаю то, что нужно, чтобы выкарабкаться.

Мне кажется, я бегу целую вечность. Легкие горят, но я не обращаю внимания, лишь считаю в голове проделанные шаги; считаю, сколько раз вспыхивает молния. Это немного успокаивает, но не избавляет от страха, борющегося с рассудком.

«Сохрани спокойствие, Дельфия», — думаю я и сжимаю в кулаки пальцы.

Наконец, я вижу дом. Взбираюсь по лестнице, врываюсь в коттедж и с оглушающим звуком захлопываю за собой дверь.

— Мам! — Восклицаю я, бегло оглядевший. Мокрые волосы прилипают к щекам, и я невольно связываю их в неуклюжий пучок. — М-мам!

Иду по коридору, заглядываю на кухню и чувствую, как желудок делает кульбит.

— Дел, это ты?

О, Боже. Я хрипло выдыхаю и прикрываю глаза.

Наверно, ноги у меня подкашиваются, потому что я вдруг упираюсь спиной о стену и застываю на добрые пару минут. Покачиваю головой, утопая лицом в ладонях, а затем с вызовом руки опускаю и срываюсь с места. Нахожу маму в гостиной. Она сидит в кресле, и, кажется, сливается со светло-бежевой обивкой. Кожа у нее белее снега.

— Ч-что с т-тобой? К-как т-ты... к-как...

Я запинаюсь, злюсь на себя, а затем подхожу к маме и порывисто обнимаю.

— Дел, — с ее губ слетает сиплый вздох, — дорогая, как же ты меня напугала.

Ее голос срывается, а руки сжимают меня все крепче и крепче. Я не собираюсь глаза открывать. Черт же возьми, я не хочу! Я беспомощно упираюсь лбом в ключицу матери и чувствую колючие слезы, прикатившие к глазам. Бессмысленные и предательские слезы, сопровождаемые судорогами глотки и трясушимися коленями.

— Т-ты...

— Прости, я просто увидела, как ты прыгнула, как ты вообще додумалась, Дел? Ох, ну как ты могла? Девочка моя, это же чистой воды безумие.

— Т-так нужно.

— Нет, не говори подобных вещей, — мама отстраняется и пронзает меня недовольным взглядом, — ты слишком мало боролась, моя дорогая. Люди сражаются всю жизнь, а ты же решила сдать уже сейчас. Ты не имеешь права.

Стыд подскакивает к горлу. Я поджимаю губы и отворачиваюсь, ощутив себя глупой и растерянной. Мне просто было больно, и я просто решила поставить точку.

— Разве так мало страдающих людей, Дельфия? — Поднимаясь, спрашивает меня мама и слабо выдыхает. — Если бы каждый раз люди сдавались, на земле бы никого не осталось.

— Оно гор-р-рит. — Я порывисто ударяю себя по груди и гляжу на маму. — Здесь.

— У всех горит. И это хорошо. Потому что когда перестанет гореть — ты перестанешь дышать. — Мама вскидывает подбородок, затем проходит холодными пальцами по моей щеке и дергает уголками губ. — Больше не делай так.

Я киваю. Не хочу соглашаться, но соглашаюсь, потому что верю маме. Наверно, мне в очередной раз пришлось столкнуться с той частью себя, которая хочет стать свободной.

Свобода — вымысел. Я давно должна это уяснить.

Мама выходит из гостиной, держась руками за талию, а я плетусь за ней, будто бы я боюсь, что с ней что-то случится, если отвернусь. Да, словно от меня что-то зависит. Она останавливается уже в коридоре, тянется пальцами к двери, но застывает. Глядит на меня

через плечо и брови сводит, словно собирается сказать что-то важное.

— Я видела это.

— Ч-что?

— Этот день. Видела очень давно, когда ты еще была совсем малышкой. — В ее глазах проскальзывает страх, обнаженный и явный. Она поджимает губы, но они все равно у нее трясутся. Я чувствую, как внутри у меня все скручивается, сводит судорогами под музыку ее громающего сердца. — Ты должна знать, что я люблю тебя.

— М-мам.

— Будущее можно изменить. И мы нередко доказывали это. Я доказывала, когда тебя видела мертвой, видела, как ты задыхаешься в ванной, но приходила, спасала тебя. Ничего не происходит без вмешательства человека, человек сам решает, по какой дороге пойдет!

— Я не понимаю. — Колит. Внутри. Мама говорит горячо, а мне становится холодно.

— Ты уйдешь.

— Я н-не...

— Ты уйдешь, потому что это починит тебя, Дельфия, — договаривает она. Мы глядим друга на друга рассеянно, — починит тебя так же, как ты чинишь других.

Я застываю. Что вообще происходит? О чем она говорит? Ничего не понимаю! И это начинает меня дико раздражать. Злость прокатывается по спине стаяй мурашек, и гляжу я на маму уже не растерянно, а рассерженно. Почему она тянется к двери?

— Ч-что ты д-делаеш-шь? — Еле выговариваю я, но не потому, что заикаюсь, а потому, что невероятно злюсь. Мама обхватывает пальцами дверную ручку. — П-прекрат-ти.

— Так надо. Эти люди помогут тебе.

— Мне не н-нужна н-ничья п-п-п... — черт возьми! Я злюсь, и говорить еще труднее!

— Дел...

— ...п-п-помощь!

— Выслушай их, пожалуйста.

— Они лишь х-хотят, чтобы я помогла. К-как и все люди.

— Не сомневайся, что, помогая другим, ты помогаешь себе.

Я усмехаюсь, зло усмехаюсь. Покачиваю головой, не веря, что моя мама говорит мне подобное и расправляю плечи. Нет, это какое-то безумие. Я не собираюсь никуда уходить.

— Н-нет.

— Да. В глубине души ты добрая, Дел, я знаю. — Мама хватается пальцами за дверную ручку и улыбается одной из тех улыбок, что когда-то придавали мне сил, но сейчас я вижу предателя, который вдруг решил от меня избавиться. — Ты поймешь. Когда-нибудь.

Она открывает дверь как раз в тот момент, когда незнакомый парень в запотевших очках замахивается, чтобы нажать на звонок. Он растерянно застывает, а мама отрезает:

— Проходите.

Вот так. Просто. Без каких-либо вступительных слов и вопросов моя мать позволяет двум незнакомцам переступить порог собственного дома. Безумие!

Я делаю несколько шагов назад и сосредоточенно изучаю гостей. Парень, женщина. Проходят в плохо освещенный коридор, останавливаются, переминаются с ноги на ногу и вытирают лица от дождевых капель. Слежу за их руками, за тем, как дрогают иголки губ.

— Простите, что врываемся, — хриплым голосом шепчет женщина и откидывает назад угольно-черные волосы, — мы слишком долго вас искали.

— Не извиняйтесь.

— Н-не бывает х-хорош-ших л-людей. Бывают п-п-плохие и мертвые.

— Случаются исключения, — вклинивается парень, нервно потеряв переносицу, — Ари удивительная девушка, она не заслужила того, что с ней происходит.

— Если она уд-дивит-тельная д-девушка, она с-сама выкараб-бкается.

Я и так сказала слишком много, и так попыталась выслушать и даже постояла рядом. Я поворачиваюсь к гостям спиной и несусь вверх по лестнице. Люди вдруг сговорились и решили, что их боль важнее боли других. С какой стати?

Да. Черт возьми. Да. Я — эгоист. Испорченная и гнилая. Одинокая.

Да.

Считаю ступеньки и прохожусь руками по пылающему лицу. Мне уже плохо. Уже в груди взывает вина и сожаление. А что если...

Нет, пусть сами справляются со своими проблемами. Почти всегда, когда ты ведешь обычный образ жизни, катастрофические неприятности не сваливаются на твою голову. И я могу сделать вывод, что, раз уж эта девушка попала в такую ужасную ситуацию — она сама напросилась! Тогда с какой стати мне ей помогать?

Врываюсь к себе в комнату и иду к кровати. Сажусь на край. Складываю на коленях руки и впяливаю взгляд куда-то вперед, произвольно прокручивая слова парня, взгляды женщины. Они проделали такой путь, чтобы подавить на жалость. Они жалкие. Им внутри так больно, что я ощущаю колючие нити даже на втором этаже. Нити будто прорастают из пола, тянутся ко мне кривыми пальцами. Резко отворачиваюсь.

Нет, Дел, нет. Не стоит вновь надеяться, что здесь все иначе. Не стоит верить, что на свете есть еще люди, достойные исцеления! Люди придумали семь смертных грехов еще в начале своего существования, но даже сейчас не изменили названий, не зачеркнули их, не добавили новых. Как было, так и осталось. Порок и желание — взаимосвязанные тропы, по которым проходит каждый человек. Каждый. И эта девушка. Она просто свернула не туда.

Но это не моя проблема.

Неожиданно я слышу, как кто-то тихо стучит пальцами по двери. Дверь скрипит, она открывается, позволяя тусклому свету пробраться в мою серую камеру, и на пороге вдруг оказывается тот молодой парень, что должен стоять внизу.

Сипло выдохнув, отворачиваюсь.

— Я пройду?

Не отвечаю. Он все равно пройдет.

Я искоса наблюдаю за тем, как он с интересом оглядывает мою комнату, стеллажи с книгами, как проходится пальцами по пыльным корешкам. Парень неуклюже чешет шею, а потом переводит взгляд на меня. Я тут же вновь отворачиваюсь.

— Ты много читаешь. Я тоже раньше много читал, но потом...

— Мне н-не интересно.

— ...потом началась эта заваруха с ведьмами, знаешь ли, — продолжает он, несмотря на мое замечание и сплетает на груди руки, — трудно спасти свой зад и читать Ремарка.

Смотрю на парня и недоуменно повожу плечами.

— Я должна уд-д-дивиться?

— Что у тебя с речью?

— То же, что у тебя с г-г-головой, — защищаясь, рычу я, — п-проблем-мы.

— Наверно, это паршиво..., — незнакомец по-хозяйски плюхается рядом, а я смотрю на него огромными глазами и чертовски удивляюсь, откуда столько наглости.

Молчу. Не хочу говорить. Пытаюсь понять, что его сломало, но натыкаюсь на нечто абсолютно незнакомое. Внутри этого человека поразительная пустота, пусть сердце ровно бьется, а в глазах горит огонек. Я бы решила, что он мертвый, если бы не видела его перед собой. Это сбивает с толку. Озадаченно морщусь лоб, а он брови вскидывает.

— Что? — Глядит на меня растерянно. — Что ты увидела?

— Н-ничег-го.

— Ты врешь.

— Я н-не могу т-тебя починить, — внезапно выпаливаю я, сама удивившись, что в этом призналась. Рассеянно отстраняюсь и покачиваю головой. Черт. Люди близко, эмоции мне не подвластны. То вспыхивают, то погасают, как молнии на небе.

— Я слышал о твоих способностях, — задумчиво протягивает он, вдруг улыбнувшись, будто я могу состряпать пони из кучевых облаков. Что его так радует? Ненормальный. Не хочу здесь находиться, но понимаю, что оказалась в ловушке. Взгляд этого парня кажется мне удивительно интересным. Я чувствую, как внутри у него переворачиваются органы, и как вспыхивают вены. Но я не могу найти выход и решение. Впервые я понятия не имею, как помочь. — Наверно круто исцелять людей, всегда быть в состоянии помочь близким.

— Нет.

— Почему?

— Это б-больно.

— Помогать?

Я просто отворачиваюсь и поджимаю губы. Откровения — не по моей части.

— Знаешь, смотреть на то, как близкие люди страдают, терять их — не приятнее. — Его вдруг пробирает холод, я чувствую, как мурашки пробегают стайей по спине, и все-таки на него смотрю из-под опущенных ресниц. Он уже отвернулся, он глядит на свои сплетенные пальцы и мнет их, словно волнуется. — Та девушка, о которой мы говорили внизу, Ари...

— Т-твоя подруг-га.

— Да, она спасла мне жизнь, — уголки его губ дрогают, парень улыбается, а внутри тут же внутренности превращаются в кровавое месиво, взывают, лопаются. Он смеется. И он ужасно страдает. Сильнее стискивает пальцы, сильнее растягивает губы. — Она в беде, но я в этом виноват, к огромному сожалению. Собственно, мы, наверно, ролями поменялись. Я раньше был жертвой, ну, знаешь, все эти весельчаки в фильмах..., - он смотрит на меня, но я не отвечаю. Впрочем, и не нужно. — Ариадна спасала нас с братом, мы вроде бы как ей и помогали, но, по сути, лишь крутились рядом. Поддерживали. Теперь я должен ей помочь.

— П-помог-ги. — Отрезаю я. — Давай. С-сам.

— Черт возьми, Дельфия, если бы я мог сам, сидел бы я здесь?

— История гр-рустная и...

— Я не за жалостью пришел.

— Тогд-да зачем?

— Возможно..., знаешь, ничего ведь просто так не происходит, верно? Твой дар также тебе достался не случайно. Ты должна помогать. Вот и все.

Я гневно свожу брови и поднимаюсь с кровати. Смотрю на парня.

— Вот и в-в-все, — эхом повторяю я и наполняюсь ядовитой желчью, — уходи.

— Хотя бы попытайся, пожалуйста, ведь...

— Не хоч-чу.

— Попробуй, — он вскакивает с крови и взмахивает руками, — тебе ведь несложно, ты

с этим каждый день сталкиваешься! Что стоит, Дельфия, что тебе стоит...

— Это больно! — Взрываюсь я и испепеляю парня ненавистным взглядом, — все в-ваши проблемы вал-лятся на м-мои плечи. И почему? Потому ч-что я д-должна? Пот-тому ч-что вы приход-дите и строите г-глазки? Идите к черт-ту.

— Дельфия, я не имею права, но...

— Не имеешь.

— Всем больно, — горячо заявляет парень, разведя в стороны руки, — все страдают.

— Нет.

— Думаешь, я не знаю, что такое боль? Ты думаешь, я не...

— Вы говор-рите, что вы понимает-те. Но что вы мож-жете понимать? Я тоже думала, что разб-бираюсь в любви, п-пока не полюбила, не п-пропустила через себя сотни чувств и эмоц-ций, и б-боль могла описат-ть, могла н-найти слова, пока не ощу-тила ее в полной мере и не понял-ла, что слов д-для ее описания не с-существует. — Выдыхаю, резко плечи опускаю, пытаюсь выкинуть из головы ощущения этого парня, потушить костер, и устало прикрываю глаза. Столько лет живу с чужими эмоциями, но до сих пор не научилась себя контролировать. Наверно, это невозможно. Людские чувства, как болезнь, вирус, который передается по воздуху мгновенно. — Ты н-ничего не знаеш-шь о боли. — Вновь только уже тише проговариваю я и нерешительно гляжу на парня.

Он стискивает зубы, прожигает меня холодным взглядом, способным разрезать лихо и молниеносно на тысячи кусков, а затем кивает.

— Хорошо. — Ни намек на прежнего весельчака, что пересек порог. — Как скажешь.

Парень уходит, задевая меня плечом. Рвется к выходу, однако застывает у двери.

— Знаешь, не мне нужна жалость. А тебе.

Слышу, как сипло он выдыхает, а потом вижу его удаляющуюся спину в отражении.

Я порывисто сплетаю на талии руки и упрямо вздергиваю подбородок.

Мне не нужна ничья жалость. И сострадание. Я привыкла быть одна, ведь так легче. Так проще. Боль причиняют, она не возникает из воздуха. И причиняют ее другие люди. Я ненавижу людей, потому что они не понимают..., не понимают, как много могут сделать, и как мало делают. Они могут нарисовать тебе крылья за спиной. Но вместо этого толкают с обрыва, даже не обеспечив парашютом. Они все требуют и требуют, и им все мало; как бы часто я не спасала их жизни, как бы искренне не пыталась залечить их раны, они все равно повторяют свои ошибки. Все равно уничтожают друг друга.

Я чувствую, как щеки у меня пылают и, прикрыв ладонями лицо, горблюсь.

Почему я стала такой.

Покачиваю головой и хрипло выдыхаю, понятия не имея, откуда во мне столько этой колючей, горячей злости. Хотя, нет. Я знаю. Я понимаю, в какой момент изменилась. Но я ничего не могу с этим поделать. Я всегда буду смотреть на людей и видеть неблагодарных монстров, так легко распоряжающихся не только своей, но и чужой жизнью.

Даже я стала чудовищем. Холодной и черствой. Превратилась в того, кого осуждаю.

Капли дождя бьют по окну. Раз, два, три, четыре, пять.

Я люблю воду, а она не любит людей. Душит их. Наверно, чувствует, что принимает в объятия темноту, похлеще той, что томится на дне.

Прикрываю глаза, стискиваю зубы и вдруг думаю, что больше людей, окружающих меня, ненавижу лишь саму себя. Свою слабость, неспособность быть выше и сильнее. Мне хотелось бы стать свободной от боли, сковывающей мое тело, но, возможно, освободиться я

смогу лишь тогда, когда приму ее всецело, как часть меня, альтер-эго. Возможно, выход по дороге к краю пропасти, возможно, я должна пропустить эмоции через себя, смириться с тем, что они всегда будут разрывать мое тело. Возможно, тогда я скину оковы?

Шесть, семь, восемь.

Внезапно я понимаю. Раньше я понимала людей. Сейчас понимаю себя.

Решительно опускаю руки, разворачиваюсь и убегаю из комнаты. Несусь по узкому коридору, тарабаню босыми ногами по лестнице. Ветер откидывает назад высохшие кудри и режется в лицо. Но он не останавливает меня. И буря за окном меня не останавливает.

Я подбегаю к гостям в тот момент, когда сгорбленная женщина тянет на себя дверь.

— С-с-стойте! — Вослицаю я, взмахнув рукой. Незнакомцы оборачиваются, как и моя мама. Они застывают в недоумении, а я, сглотнув ком в горле, шепчу, — я с вами.

ГЛАВА 3. РУИНЫ ПРОШЛОГО.

Мы едем в машине уже больше трех часов, я сижу сзади и молчу, упрямо изучая все, что попадаетея взору. Лишь бы не искать логики в поступках и не пытаться понять себя и свои мотивы. Наверно, выглядит это странно: я в компании двух незнакомцев, надеюсь в себя привести очередную незнакомку, с одним лишь отличием — она живет в Астерии.

Я о таком городке и не слышала.

Я насчитала несколько сотен проезжающих машин, затем переключилась на деревья, но они пролетают слишком быстро, глаза устают. Тогда я сглатываю и принимаюсь пылко изучать собственные ладони, будто бы вижу я их впервые. Мне жарко. Я потеряна. Где я и что происходит, почему я не дома. Я хочу погрузиться под воду.

Как злобен в бурю океан. Но рыбы в глубине живут в неподвижных водах, как во сне.

— Слушай, давай начнем все заново, — неожиданно протягивает с переднего сидения надоедливый парень и оборачивается, но я глаз не поднимаю, не хочу. — Я — Хэрри.

А я — нет. Продолжаю хранить молчание, разглядывая грязь под ногтями. Но парня я ничуть не смущаю, он придвигается ближе и улыбается. Господи, когда он уже прекратит.

— Что? — Рывкаю я.

— Я — Хэрри.

— Я ус-с-слышала.

— А ты должна сказать...

— Т-ты и так з-знаешь мое имя.

— Все равно скажи. Или нет? — Сверкаю глазами, и он отодвигается, приподняв руки в сдающемся жесте. — Ну, ладно. Ты не разговорчивая, я понял.

Класс. Я отворачиваюсь к окну. Женщина вроде бы ведет аккуратно, а мы все равно рассекаем воздух острой стрелой. Она торопится; видимо, эта Ари много для нее значит.

— На самом деле, я хороший парень, — неожиданно отрезает Хэйдан, или как там его, и я даже не сдерживаюсь и громко выдыхаю, встряхнув головой.

— Ну и ч-что?

— И то, что тебе можно общаться со мной, Дельфия. Я не укушу! — Он смотрит через плечо на то, как я равнодушно морщу лоб, и усмехается опять. Снова. Чертов шутник. Все ему весело и классно. А почему бы не заткнуться в трагическом молчании и продолжить мысленно поносить этот мир, ведь он непременно этого заслуживает? — Я добрый брат, на полном серьезе. Ты не видела злого брата, моего брата, вот он действительно тебе вряд ли

понравится. Сразу говорю, приготовься.

— К ч-ч-чему?

— К тому, что он немного...

— ...спятил, — продолжает за Хэрри женщина и постукивает пальцами по рулю.

— И это мягко сказано.

— И почему ж-же?

— Из-за Ари. Она вроде как ему нравится. Но она сделала нечто... нечто плохое.

Ого, замечательно. Племянница, подруга, любовь всей жизни... Теперь хотя бы ясно, почему вокруг нее носятся все эти люди. Что же с ней? Что в ней поломано? Признаюсь, я даже чувствую некий интерес. Если бы все было просто, эти двое не поехали бы за мной в такую даль. Не искали бы подходящую ведьму так долго. Видимо, здесь что-то другое.

— У тебя тоже татуировка? — Интересуется Хэйдан, и я машинально прикрываю тату волосами. Он дергает уголками губ, а я равнодушно отворачиваюсь.

— Оно у в-всех ест-ть.

— И в чем твое проклятье?

Перевожу скептический взгляд на парня и повожу плечами.

— Отк-к-куда ты т-так много з-знаешь о моем м-мире?

— Провел несколько недель в компании опасных ведьм, — отвечает за него женщина.

— Не просто опасных, — обернувшись, восклицает он, — но еще и неугомонных, даже в тех случаях, когда неприятности не помахивали нам ладонью, мы все равно натыкались на них, и вряд ли это невезение или Судьба...

— Мойра люб-бит шутить.

— Значит, у нее проблемы с чувством юмора.

В этом он прав. Если Мойра и хотела создать беззащитное, озлобленное создание, то назвала его моим именем и фамилией. Дельфия Этел — синоним параноидальной слабачки.

В какой-то момент Хэйдан перелазит через перегородку и усаживается рядом, чтобы издеваться надо мной на более близком расстоянии. Я с отчаянием выдыхаю, а он достает из кармана телефон и начинает листать фотографии... Господи, с ним что-то не так. И я не прозализанную челку и странные очки. Что-то не так в его извилинах. Хэйдан сближается слишком просто. Люди не заслуживают того, чтобы им верили и в них верили.

— Это тетушки Ари. Точнее не совсем они, — сообщает он, мотнув пальцам по экрану, и я скептически морщу лоб. Он серьезно? — Долгая история, в которой фигурирует пиво.

Хэйдан продолжает листать фотографии, поясняя какую-то несуразицу. Кинотеатр и парк, скамейка, гамак. Не понимаю, почему он это делает и зачем. Я смотрю не на снимки, а на него. Пытаюсь отыскать в этой голове хотя бы толику здравого смысла и не нахожу.

— А вот здесь Ари еще не отдала свою душу.

— Д-душу?

Наконец, парень отрывает взгляд от телефона и смотрит на меня растерянно, словно он проболтался, сказал лишнее. Я хмурюсь, а он передергивает плечами. Тут же горбится, уменьшается, но улыбку с губ не прогоняет. Сумасшедший.

— Она заключила сделку.

— С х-хозяином? — Растерянно шепчу я и отодвигаюсь дальше. — Это же...

— Она сделала это, — с нажимом проговаривает парень, — чтобы спасти мне жизнь. Я умер, Дельфия. Но теперь я жив. И только потому, что она идиотка.

Верно. Идиотка. Пойти на сделку с Дьяволом! О чем она вообще думала? Парень та

быстро отворачивается, будто бы пытается скрыть ужас в глазах, а я застываю. Ари любит своих друзей, конкретно этого человека. Вот и пожертвовала собой.

Интересно.

Я задумчиво наклоняю голову и слежу за тем, как нервно мнет ладони Хэйдан. Он не чувствует вины, не чувствует себя разбитым. Пожалуй, он прибывает в состоянии, когда у тебя нет времени на мысли, и ты действительно ни о чем не думаешь. Просто делаешь.

— И как т-там? — Едва слышно спрашиваю я, поведя плечами. Парень оборачивается.

— Там?

— За г-гранью.

Минуту погодя, Хэйдан отвечает:

— Темно. Я бы не хотел туда вернуться.

Хмыкаю и вновь смотрю на фотографию, что светится на дисплее. Он сказал, здесь у Ари еще есть душа. Внимательно изучаю ее рыжие волосы, невероятно зеленые глаза. Она очень красивая. Даже слишком. Худощавая и сверкающая, как солнце. Наверно, друзья на нее могли положиться; на то, что она будет рядом и согреет.

— В этот день мы сидели на заднем дворе, Ари и Мэтт как всегда ссорились. Я пошел на кухню за едой. Ну как, я прекрасно понимал, что им нужно поговорить наедине, — вдруг улыбка вновь появляется на лице Хэййдана, искренняя и широкая, — я ждал, когда они уже в себя придут и прекратят громкими словами бросаться. Впрочем, они говорили тихо, будто знали, что я подслушиваю. Когда они все-таки помирились, Мэтт приобнял ее, вот, видно? Я не мастер фото. — Хэйдан показывает пальцем на парня, который сидит рядом с Ари, его лицо и, правда, видно не очень. Но вот Ариадна четкая. Яркая. — Сфотографировал, пока у них не возникло желание проверить, чего я так долго за сэндвичами хожу. Хотя, знаешь, я почти уверен, что во времени они на тот момент потерялись.

Хэйдан протяжно выдыхает, нервно выключает телефон, а я морщусь. Он говорит о них так, будто они несчастные влюбленные, будто он потерял их обоих. Не только Ари.

— Мы в тот день чокались сэндвичами, представляешь?

— Нет.

— Это весело. Правда, мамины сэндвичи не очень вкусные, после них единицы себя в целостности и сохранности чувствуют. Но мы все выжили. Хороший был день, несмотря на то, что до этого лило, как из ведра.

Парень мечтательно кривит губы, а я с интересом изучаю его. Впервые я вижу нечто странное в глазах человека — любовь к другим людям. Это ошеломляет. Моя мама меня не может не любить, наверно. В смысле, может, конечно. Но вполне объяснимо ее ласковое и трепетное отношение к дочери. Любовь же этого парня к какой-то девушке необычна. Она не касается взаимоотношений, не держится на физическом притяжении.

«Родственные души», — вдруг думаю я и сама поражаюсь своим мыслям.

Следующие несколько часов мы едем в молчании. Наверно, парень сказал все, на что у него хватило и смелости, и сил. Он не пересаживается вперед. Сидит по центру, а я так и прижимаюсь к дверце, до сих пор ощущая себя лишней, не в своей тарелке.

Глупо отдавать душу Дьяволу, очень глупо. Неужели это то, что я должна починить?

Безумие. Неожиданно взаимосвязь этой девушки с Хозяином кажется мне опасной, я определенно втягиваю себя в огромные неприятности. Друзья врагов — тоже враги! Если я попытаюсь исцелить эту девушку, возможно, я навлеку беды на себя.

Я не хочу этого.

Почти через сутки я вижу впереди столб черного, густого дыма. Что происходит?

Женщина за рулем напрягается, а Хэйдан протяжно выдыхает. Я растерянно смотрю по сторонам и внезапно замечаю искореженную, заржавевшую вывеску — Астерия.

— Вот мы и дома, — шепчет Мэри-Линетт Монфор, и меня пробивает дрожь.

Городок встречает меня промозглым ветром и разрушенными церквями, покрытыми трещинами и дырами. Битое стекло трещит под колесами машины. В воздухе витает дым.

Я приехала в мертвый городок, где люди, запирают на засовы двери и ставят на окна решетки. Приехала в безмолвную тишину, укрытую пушистым туманом.

Здесь случилось что-то страшное.

— Раньше Астерия выглядела иначе, — сбавив скорость, шепчет женщина, — после того, как Люцифер забрал душу Ари, многое изменилось.

«Я приехала спасти монстра», — внезапно думаю я, заметив, как из разбитого окна на нас огромными глазами пялятся двое детей. Они испуганы. Она их напугала. Ари.

— Ч-ч-что здесь п-произ-зошло? — Страх сотен людей впивается в меня клинками. Все они хотят излечиться, у всех можно забрать ужас. Тело сводит такой судорогой, что мне в ту же секунду дышать становится невыносимо. Я сильнее вжимаюсь в кресло, а Хэйдан вдруг переводит на меня растерянный взгляд. И он просит меня остаться? Просит спасти и вернуть эту девушку? Она чудовище, монстр, живущий в самых потаенных страхах у всех этих людей, что прячутся в развалинах, скрыты в черном дыме. Она не заслуживает.

— Хэрри, — зовет женщина и приподнимает руку, — смотри, церковь. Она...

— ...не была разрушена, когда мы уезжали, — договаривает парень и сводит брови. Тут же я чувствую, как сердце у Мэри-Линетт Монфор подскакивает к горлу. Бирюзовые глаза наполняются нескрываемым ужасом, и на педаль она жмет уже не так пылко, как прежде.

Все молчат. Молчание впервые убивает меня. Раздирает. В нем больше ужаса, чем в крике. В вопле. Женщина тормозит напротив небольшого, серого коттеджа, глушит мотор и опускает на колени дрожащие руки. Я слышу, как громыкает ее сердце. Бум. Бум. Бум.

— Идем, — командует Хэйдан, — давайте, мы дома, Норин и Джейсон, все ждут нас.

— Да, ты прав. Конечно.

Парень кивает. Выбирается из машины, следом за ним женщина. А я сижу в салоне и с ужасом осматриваю иссушенные деревья, затвердевшую землю. Декабрь — лютый месяц.

Но сейчас на улицах зима, которой раньше я не видела, жестокая и немногословная.

Я все-таки нерешительно открываю дверь. Вдыхаю странный, тяжелый запах и сразу же поджимаю губы: мне трудно дышать, но отнюдь не от дыма или гари. Людские эмоции и на въезде встретили меня холодно. Тут дело в терзаниях, что рвутся из окон особняка. Я уже чувствую, что, преодолев порог этого дома, я окунусь в океан из агонии. Произошло в этом месте нечто ужасное совсем недавно. Отголоски криков до сих пор путешествуют по улице. Я слышу их, чувствую. Сжимаю перед собой руки и бреду вперед, за Хэйданом. Он же приближается к дому, отворяет калитку, ждет, пока Мэри-Линетт Монфор отогреет нам дверь. Затем оборачивается и дергает уголками губ, как бы приглашая: добро пожаловать в наш личный ад, Дельфия Этел.

— Я пойду, найду Норин и Джейсона, — сообщает женщина, закрыв за нами дверь.

— Конечно. А я Мэтта.

— Договорились.

Они кивают друг другу и расходятся. Парень зовет меня за собой на второй этаж. Не хочу идти, там очень больно. Он глядит на меня недоуменно и растерянно, а я вижу за его

спиной черную прозрачную пелену, пройдя через которую попадаешь во мрак.

— Давай же, пойдем, я хочу с братом тебя познакомить.

Раз ступенька, два и три. Я поднимаюсь, крепко ухватившись за перила. Надо бежать отсюда, сломя голову! А я плетусь вперед. Четыре. Пять, шесть. Семь. Восемь.

Мы оказываемся на второй этаж, идем в чью-то спальню. Хэйдан говорит, говорит, а я не слушаю. Растерянно изучаю черно-белые снимки, вдыхаю травяной запах. Я вдруг очутилась именно в том месте, где живут ведьмы. Злые ведьмы.

— Наш Джейсон — оборотень, кстати, потом и его тебе представлю. Хорошо? — Парень отталкивает рукой дверь, но смотрит на меня. — Хорошо?

Киваю. Пусть делает, что хочет, а я должна втянуть воздух, иначе задохнусь, иначе...

Застываю, увидев за его спиной девушку. Ариадну. О, Боже. Она лежит на кровати и не шевелится, лишь медленно, глубоко дышит. Глаза закрыты. Огненные волосы свисают вниз и касаются черного деревянного пола. Она невероятно красивая, снимки — нелепость. Они и половины не передали из того, что есть в жизни. Смертельно прекрасная.

— Мэтт? — Растерянно оборачиваюсь и вижу, как к нам подходит высокий парень.

Парень с гигантскими уродливыми царапинами на пол-лица, что тянутся вдоль щеки и подбородка и скользят по шее, словно след от чьих-то толстенных когтей. Я распахиваю глаза, а он мимо меня пронесется, словно и не замечает. Словно я призрак. Иллюзия.

— Черт возьми, что с тобой? — Испуганно восклицает Хэйдан, сорвавшись с места. — Я с тобой разговариваю, Мэтт, что случилось? У тебя на лице...

— Я видел. Это ее мы искали?

Парень садится рядом с Ари и ласковым движением накрывает ее оголенные плечи одеялом, поправляет волосы. Возможно, раньше он был красивым, под стать той девушке, что лежит рядом с ним. Однако теперь я не вижу брата Хэйдана. Я вижу шрамы, которые, наверняка, остались у него внутри, под кожей, полоснули сердце.

— Это Дельфия, — не своим голосом шепчет Хэйдан.

— Кое-что случилось.

— Что именно?

Ответа нет... Темноволосый парень трепетно проходится тонкими пальцами по щеке девушки, заправляет рыжий локон волос ей за спину. Сводит брови.

— Мэтт, что произошло? Почему Ари здесь, что с ней? Она без сознания?

— Она спит, — едва слышно шепчет Мэтью Нортон, а затем по дому пронесется такой невообразимый вопль, что ноги у меня подкашиваются, а перед глазами темнеет. Я ничего не успеваю понять, отшатываюсь назад, хватаюсь теплыми ладонями за уши и скатываюсь по стене, ощущая нечто невероятно ужасное.

Такой крик означает лишь смерть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ МЭТТЮ НОРТОН

ГЛАВА 1. МИНУС ОДИН.

Сорок один день назад

Я захлопываю дверь и быстрыми шагами иду вперед. Рядом со мной оказывается тип в

древнем пальто, кажется, Джейсон. Я плохо его знаю, и потому не могу еще ему доверять.

— Вот он, — говорит Мэри-Линетт, взмахнув рукой, — вот же он, эй, быстрее.

В горле застревают колючая дрянь. И я пытаюсь сглотнуть ее, но не выходит. Сердце грохочет в ушах. Перед глазами все плавает, и вижу я только бледное лицо брата, который стоит на дороге около главного входа в морг. Он растерян. Он ничего не понимает.

— Хэрри, — выдыхаю я, оказавшись рядом. Не верю. Черт возьми! — Хэрри, — сколько бы раз не повторял его имя, в голове не укладывается, что брат жив. Дьявол, он воскрес! Я его вижу, вижу его тупые очки и доставучую физиономию. Вижу покатые плечи. Впервые я хочу снова и снова слушать его идиотские шутки! Хочу бегать за ним по городку и хочу вылавливать его, доказывать, что он сходит с ума, ведет себя по-детски.

Хочу даже просто сидеть рядом. И молчать.

Я хватаюсь пальцами за шею брата и тяну на себя. Я никогда не обнимал его. Людям ведь кажется, что любое проявление чувств — нелепость, и мне так казалось, однако сейчас я не думаю о том, что есть какие-то правила и принципы, я зажмуриваюсь и хлопаю его по лопатке, стиснув зубы.

— Привет.

Хэйдан не отвечает. Не поднимает рук. Стоит, будто оцепенел и не двигается. Когда я отстраняюсь, взгляд у него все еще направлен вперед, а в глазах плавают недоумение. Не понимаю, что с ним и невольно перевожу взгляд в сторону сестер Монфор. Они молчат.

— Эй, — вновь смотрю на брата, — Хэрри, ты как?

Он прищуривается, разглядывает нечто важное перед собой, а затем опускает глаза и изучает бледные руки, покрытые едва заметной испариной. Его кадык дрогает.

— Он придет в себя, не волнуйся, — обещает Мэри-Линетт Монфор. Ее сестра звука не произнесла с тех пор, как Ари ушла с Люцифером.

Ари.

Что-то щелкает, когда я о ней вспоминаю. Щелкает в голове. Но это не страх, не гнев и не отчаяние. Я не сомневаюсь, что спасу ее. Я знаю, что она вернется. Она не сможет не вернуться. Мне лишь нужно понять, что сделать. Нужно найти выход, и я найду выход.

— Как ей помочь? — Спрашиваю я отстраненно. — Что нужно сделать?

— Мы разберемся.

— Вы? Я с вами.

— Нет. — Мэри-Линетт передергивает плечами и вскидывает брови. — Так не пойдет.

— Пойдет. — Ледяным голосом отрезаю я. Кладу ладонь на плечо Хэрри и вижу, как у Джейсона приподнимаются уголки губ. Он достает из пальто сигареты, закуривает и тихо усмехается, возможно, надеясь, что никто не обратит на это внимание. Я обращаю. — Что?

Он переводит на меня черный взгляд.

— Извини?

— Я сказал что-то смешное?

— Нет. Ты сказал именно то, что все от тебя ждали.

— Я не спрашиваю разрешения, — мне вдруг хочется пояснить, хочется сказать им, что я никуда не исчезну. Если придется, буду стоять под окнами. — Так как ей помочь?

— Никак, — неожиданно хрипло сообщает Норин Монфор, и это ее первые слова, с тех самых пор, как мы вышли из леса. Женщина бледнее снега, она придвигается к нам, но тут же складывает на груди руки, будто защищаясь. — Сейчас мы никак ей не поможем.

— Почему?

— Потому что не найдем.

Повисает тишина. И Хэйдан молчит. Черт возьми, все застывают, словно статуи! И я смотрю на них, не скрывая раздражения. Нам срочно нужен план. Мы должны понять, как действовать, мы не сдвинемся с мертвой точки, если будем поддаваться эмоциям.

Только не сейчас. Не в тот момент, когда нужно собраться и мыслить холодно.

— Она сама объявится, — внезапно говорит Джейсон, докуривает сигарету и бросает ее на асфальт. Легкая дымка тянется вверх, но он припечатывает ее подошвой ботинок. — Мы не должны искать Ари, мы должны быть готовы, когда она вернется.

— И когда она вернется?

— Отдав душу, она не избавилась от всех эмоций. — Нахмутив лоб, протягивает Мэри-Линетт и кивает. — Люцифер попытается обучить ее, заставит объединить чувства.

— Каким же образом? Не понимаю. — Чувствую себя умалишенным кретином. Как бы много я не задавал вопросов, ответы мне все равно не ясны. — Объединить чувства? Так вы же говорили, что без души человек абсолютно неуправляем, что он ничего не ощущает.

— Не так-то просто потушить костер. Остаются искры. Ари направит все оставшиеся, последние эмоции на нечто одно, а затем от них избавится, но для этого нужно время.

— Еще нужно, чтобы это подходило Люциферу, — проговаривает Норин Монфор, и я замечаю, как дрогают ее бледноватые губы, — да, Люцифер сделает из Ариадны чудовище, не сомневайся, мой мальчик. Ты уверен, что хочешь быть этому свидетелем?

— Ари — не чудовище. Вы всегда ее недооценивали. Она упрямая.

— Ты даже не представляешь, что с людьми делает Дьявол... — женщина делает шаг ко мне, но я назад не отступаю. Смотрю на нее прямо и решительно. Я ее не боюсь. — Ему не нужно превращать ее в монстра, она сама станет им.

— Посмотрим.

Я поддерживаю Хэрри за плечи и отворачиваюсь. Каким образом они собираются ей помогать, если не верят в то, что это возможно? Ари умеет быть занозой в заднице. Скоро даже Дьявол поймет, как сложно управлять ей, как трудно ее приручить. Это невысказано.

— Я должен отвезти брата домой. — Смотрю сначала на Хэрри, потом на Монфор. — Я понимаю, что вы не собираетесь посвящать меня в курс дела. Но я должен...

— Пожалуй, согласиться с тобой проще, чем поспорить, — перебивает меня Джейсон и кивает, будто решает и за Норин, и за Мэри-Линетт. На удивление с ним никто не спорит. — Я лично скажу, если что-то узнаю. А теперь уведи брата. Вид у него болезненный.

Конечно. Он ведь восстал из мертвых. Но я молчу. Потираю пальцами подбородок и в очередной раз окидываю Джейсона скептическим взглядом. С какой стати ему верить? Я понятия не имею, почему люди так легко доверяют другим людям. Правда, не мне судить. Ари возникла в Астерии неожиданно. Еще неожиданней она стала частью моей жизни.

Хмыкаю и похлопываю Хэрри по плечу.

— Идем, — брат в глаза мне не глядит, просто неуклюже сходит с места, — пора домой.

Его босые ноги плюхают по асфальту, словно привязанные тяжеленными гириями. На плечах тонкий халат. Я думаю, нам повезло. Думаю, Ари все подстроила, ведь она всегда была ненормальной, и, скорее всего, собой пожертвовала с определенной целью, но я не уверен. На самом деле, я не знаю, что и думать. Это чертовски раздражает. Брат восстал из мертвых! А в больнице никто и глазом не моргнул. Он плетется со мной рядом, но утром я лично следил за тем, как его уносили в черном мешке. Мы сидели в морге, отец молчал, а на стене, издеваясь, стучала секундная стрелка. Но теперь это вымысел.

Ничего этого не было.

Хэрри жив. И наплевать, что почти на каждом шагу он спотыкается и передергивает плечами. Наплевать, что он молчит, что отвечает на мои взгляды неуклюжим мычанием. Я смогу заснуть сегодня ночью, и я буду знать, что совсем рядом он слюнявит подушку.

Родители тоже смогут заснуть. А точнее — проснуться, чтобы на самом деле закрыть глаза, а не пребывать в темноте с открытыми.

Я открываю Хэйдану дверь, сам оббегаю капот и потираю пальцами глаза. Я давно не отдыхал нормально. Как же мне осточертело влипнуть в неприятности. Люди хотят вкус жизни почувствовать, но, правда в том, что вкус — горький. Жизнь приятной не бывает. Да, она либо пресная, либо кислая, которую не терпится выплюнуть. Так что не стоит мечтать о том, что нам не по силам. Проще жить в обычном мире с обычными проблемами, чем не сидеть на месте, понимая, что в любой момент можешь подохнуть. Это только звучит так интересно и завораживающе. Но хватает пяти секунд нестерпимой паники, пять секунд не просто страха или испуга, а ужаса, от которого мурашки не по коже бегут, а под кожей, и уже не тянет геройствовать, не тянет к приключениям.

Мы едем молча. Я смотрю на Хэрри, он смотрит в окно. Собственно, что сказать — не имею понятия. Сжимаю в пальцах потертый руль и киваю:

— Все будет в порядке. — Киваю еще раз. — Мы разберемся.

Не знаю, кого пытаюсь поддержать. Наверно, Хэйдана. А, может, себя, а, может, мне хочется верить, что Ари — эта рыжая заноза в заднице — тоже меня услышит.

В какой-то момент я вспоминаю лицо светловолосого мужчины, что увел Ариадну в глубину леса, вспоминаю его красные глаза. И я не пугаюсь. Я никак не могу понять, даже принять, что видел Дьявола. Ужас внушало лишь осознание того, что Ари больше меня не помнит, что она отводит взгляд, черный, пустой взгляд, и уходит. А Люцифер... Столько в жизни, черт возьми, изменилось, а я до сих пор поверить не могу, что вокруг разгуливают ведьмы, перевертыши и прочая дрянь, о которой мне рассказывали Монфор.

Еще и Хэрри восстал из мертвых.

Нервно потираю пальцами переносицу и, стиснув зубы, искоса гляжу на брата. Он не шевелится. Сидит, сложив на коленях ладони, смотрит в окно, а я дергаю уголками губ.

— Ты давно не был таким тихим, — он не отвечает, лишь рычит умирающий двигатель этой колымаги, и я хмыкаю, — посмотрим, сколько ты протянешь без шуток. Уверен, уже с первыми утренними лучами ты придешь в себя и захочешь выговориться за все время, что молчал. Но давай договоримся — по шутке за день, иначе я сойду с ума.

Брат не смотрит в мою сторону, даже бровью не поводит, и я отворачиваюсь, ощутив себя чертовски увязшим в дерьме. Но я выберусь. И Хэрри выберется.

Мы приезжаем домой, а брат не выходит из машины, пока я не открываю ему дверь и не вытаскиваю из салона за руку, как пятилетнего ребенка. Он ведет себя странно, но я и не ожидаю, пожалуй, что будет просто. Он умер. Его не было здесь, в нашем мире. И, черт возьми, кто знает, что он видел? Может, молчание — самая безболезненная реакция.

— Сейчас придется с родителями поговорить, — предупреждаю я, — ты молчи, а я что-нибудь придумаю, — Хэйдан не отвечает, и я недовольно выдыхаю.

В принципе, кто сомневается, что он не будет молчать.

Открываю дверь, осматриваюсь и верю, что предки воспримут ситуацию нормально, ну, или хотя бы попытаются. Их сын жив. Повод улыбнуться и продолжить жить дальше, как ни в чем не бывало, верно? Нет, проклятье, конечно же, нет. Долорес не отвяжется от нас с

Хэрри, пока не узнает правду. Но проблема в том, что Хэрри — болтливый засранец — не произнесет сейчас ни звука, а я не собираюсь выдавать Монфор. То есть ночка сегодня нам предстоит на удивление долгая! Но я не жалуюсь. Я просижу хоть сто ночей. Хэйдан жив. И это главное. Последствия можно разрешить.

Мы ступаем за порог, и тут же оба замираем. Хэрри останавливается, потому что я в недоумении сжимаю его плечо. Я же застываю, потому что улавливаю в коридоре стойкий запах выпечки. Какой-то отравы, потому что Долорес вечно готовит отраву, когда решает поэкспериментировать. И, тем не менее, что могло заставить женщину взяться за готовку, если утром она обнаружила мертвого сына в постели?

- Мэтт, это вы?

Я прочищаю горло и хмурюсь, я не знаю, что сказать. Так и стою на пороге, крепко к себе Хэйдана прижимая, а тот вдруг кладет голову мне на плечо.

— Эй, — шепчу, поправив его слипшиеся волосы, — ты чего?

— Мэтт, давайте на кухню!

Вновь вытягиваюсь. О чем это она?

— Только руки помойте, и живо сюда.

Помойте руки? Что за чушь. Я недоуменно отворачиваюсь, пытаюсь осознать, что за черт происходит, а потом внезапно понимаю, что и врачи в морге не всполошились, узнав, что у них минус один труп. Значит ли это, что Ари как-то повлияла на ход истории? Вдруг люди вокруг не знают, что Хэрри вообще когда-либо умирал?

— Господи. Ну, я же с вами разговариваю, — возмущается Долорес, вбежав в коридор, но замирает, сжав в пальцах грязное полотенце. Она растерянно глядит на меня, потом на Хэйдана, и я жду, что она сейчас взревет не своим голосом, что она накинется на брата, но ничего подобного не происходит. Долорес хмурит коричневые брови и порывисто ставит на пояс руки. — И что это с ним? Хэрри, ты на кого похож? Что за халат? И почему босой?

Халат? Босой? Черт возьми, она действительно не помнит, что еще утром сына у нее увезли в плотном, черном мешке. Это невероятно. Просто уму непостижимо.

— Он...

— Что?

— Давай на чистоту, — я сглатываю, а глаза у Долорес округляются, будто бы я только что раскрыл ей страшную тайну. Открываю рот, а она уже шепчет:

— Он принимает? Наркотики?

Мда, отличный вывод. Я закатываю глаза, а она восклицает:

— Не надо тут мне глаза закатывать! Хэрри, господи, ты с ума сошел?

Хэрри мычит что-то несуразное, слюнявя мне плечо, а я раздраженно отрезаю:

— Он не сошел с ума.

— Серьезно? Бог ты мой, он же говорить даже не может! — Она попрыгивает к нам, а я тут же отступаю назад, защищая брата от ее прытких пальцев. — Что ты делаешь?

Действительно — что я делаю? Ветер врзается в мой затылок, Хэйдан наваливается на меня всем телом, и абсолютно сбитый с толку, я вдруг говорю:

— Мы были на вечеринке.

Долорес замирает, нахмурив вспотевший лоб, и прищуривается.

— И как это должно меня успокоить?

— Он в порядке. Просто выпил лишнего.

— От него не пахнет алкоголем, Мэттью.

— Он и не пил алкоголь, это же Хэрри. — Мозги работают быстрее, чем я успеваю что-либо понять. Потому я просто несу первое, что приходит на ум, и пытаюсь при этом еще и серьезно выглядеть. — Ему что-то в сок подсыпали, он не знал. Отключился моментально.

— А ты где был?

— Ну, а как ты думаешь? Я был с Джил, конечно.

Джил мой козырь. Хэйдан говорит про Ари, я говорю про Джил, и родители думают, что в жизни у нас все очень классно, и волноваться нет повода.

Долорес вымученно выдыхает, как выдыхают только женщины, у которых есть дети, и взмахивает в воздухе полотенцем.

— Послушай, это хорошо, что вы вместе куда-то выбрались. Но ты ведь знаешь, как у Хэрри трудно получается с людьми сходиться. Мог бы побыть с ним, поддержать.

— Я отвлекся на минуту.

Так и есть. Всего минута, а он уже вскочил с пола и кинулся к Ариадне, сжал ее руку и не выпускал до тех пор, пока Дьявол не покинул коттедж Монфор-л'Амори. Ну, а что со мной случилось в тот момент? Почему я сидел на месте, а он кинулся вперед?

Одна минута.

Одно мгновение.

И все изменилось.

— Что ему подсыпали? Давай я...

— Нет, — вновь отстраняюсь, — слушай, все в порядке. Честно. Я отведу его в комнату, а утром он оклемается, серьезно. Ничего смертельного.

— Мэтт, мне совсем не нравится, что вы куда-то пропадаете так часто.

— А разве не этого вы с отцом добивались?

— Ну, что ты слова переворачиваешь, — Долорес потирает пальцами лоб, — я рада, что вы так сдружились, но никто не говорил о ночных вылазках, вечеринках и...

— У Хэрри друзей не прибавится, если он будет сидеть в четырех стенах. К тому же, я на той вечеринке его с Ари оставил. Они вместе сидели, и ей кстати тоже нехорошо стало.

— И этой милой девочке?

У Долорес в глазах ужас проносится, а я вдруг понимаю, что выиграл в поединке, и у нее на уме теперь далеко не босые ноги Хэйдана.

— Какие же сейчас жестокие подростки! Издеваются над новенькой! Подумаешь, она Монфор. И что дальше, верно? Ох, отведи его в спальню. А потом спускайся на кухню.

— Я не голоден.

— Мэтт.

— Все в порядке. — Схожу с места и на автомате повторяю. — В порядке.

Она говорит что-то еще, но я не слушаю. Медленно поднимаюсь по лестнице, думаю о том, что делать завтра, как спасти Ари, как возвращать к жизни брата, и понимаю, что у меня совсем нет идей. Это плохо. Идеи должны быть, иначе с места ничего не сдвинется.

Прихожу в спальню Хэрри. Помогаю ему сесть на край кровати и грузно выдыхаю, оглядывая его потерянный вид, пустые глаза. Что с ним? Почему он молчит?

Нервно потираю пальцами подбородок и невольно сажусь перед братом на колени.

— Я никуда от тебя не денусь, можешь молчать. Если это нужно. — Брат сплывает, я замечаю, как дрогает его кадык и дергаю уголками губ. — Я рядом.

Прохожусь пальцами по его прилизанным волосам и медленно выхожу из комнаты. Дверь до конца я не закрываю, оставляю щель, стараясь не вспоминать, как относительно

недавно вырвался за порог этой спальни, едва дыша, едва понимая, что происходит.

Встряхиваю головой и с силой стискиваю ладонями пылающие виски. Наплевать, да, наплевать, что было, что случилось, что произошло. Хэрри дома.

Осталось вернуть домой Ари.

ГЛАВА 2. РИТУАЛ.

Я просыпаюсь от крика.

Подрываюсь, рассеянно оглядываюсь, пытаюсь отыскать источник, но понимаю, что звуки доносятся из соседней комнаты. Из комнаты Хэрри.

— Черт.

Темнота в глазах неприятно щиплет. Я резко смахиваю ее пальцами, надавливаю, так сильно, как только могу, и встаю с постели. От жары простыня влажная, они прилипает ко мне, а затем валится на пол с глухим шелестом.

Когда я врываюсь в спальню Хэйдана, он валяется на полу. Руками держится за лицо и спину выгибает так рьяно, что морщится от боли. Я стремительно подношусь к брату и в его плечи впираюсь стальной хваткой, пытаюсь унять ужас, подскочивший к глотке.

— Эй, Хэрри, что с тобой! — Наблюдаю за тем, как у брата по щекам скатываются едва заметные мокрые полосы, и хриплю, — прекрати, эй, слышишь, это сон, Хэрри.

— Нет, нет.

— Ты в безопасности.

— Но она...

— Тише. — Хэйдан отбивается, но я обхватываю в замок его руки. — Хватит. Это сон. Я рядом, слышишь? Ты дома, Хэйдан, ты, черт возьми, дома.

Брат всхлипывает, чем убивает меня окончательно, и я так крепко стискиваю зубы, что судорога прокатывается по лицу. Он не должен быть слабым. Он должен взять себя в руки и прекратить поддаваться эмоциям. Он жив. Он дома.

Что не так? Почему ему страшно?

— Эй! — Я решительно встряхиваю брата за плечи и вижу, как он распахивает глаза. В эту самую секунду на меня глядит совсем другой человек, не мой брат, не Хэйдан Нортон, которому всегда удавалось скрыть страх за улыбкой, скрыть панику за шуткой. Он вдруг в испуге застывает, хлопает мокрыми ресницами, а я морщусь от странной горечи, из-за которой першит во рту и отворачиваюсь. Брат молчит, и тогда я выпускаю его запястья из оков, ударяюсь спиной о корпус кровати, надавливаю пальцами на переносицу и грузно выдыхаю, покосившись в его сторону.

— Это чертов сон, Хэрри. Тебе просто приснилась какая-то чушь.

Он продолжает пялиться на меня. Не двигается и не произносит ни звука.

Я внезапно думаю, что я слишком груб, не проявляю понимания и прочей чуши. И я покачиваю головой, взмахнув пальцами в воздухе.

— Ну, давай, расскажи, что ты видел. И станет легче. — Брат не реагирует, а я опускаю руки и вскидываю брови, ожидая хотя бы чего, хотя бы писка, но нет. В комнате висит все та же удушливая тишина, и я нервно дергаю уголками губ. — У тебя есть время, Хэйдан, но не так много, как ты думаешь. Ты должен... — запинаюсь, заметив, как кадык у брата робко дрогает и нехотя поднимаюсь с пола, — ты должен помочь мне.

Мы смотрим друг на друга. Хэрри в тупой ночнушке, я со смятым лицом. Не так все

красиво и эпично, как могло бы показаться. Отнюдь мы похожи на двух идиотов, а не на парней, сражающихся с чем-то посложнее бессонницы.

— Ты напугал меня, я испугался, что ты..., что опять... — Не заканчиваю, вижу в глазах брата лишь отчужденность, пустоту и отмахиваюсь. Хэрри где-то далеко. Он не здесь. На меня вдруг снисходит странное озарение, что я бы не отказался от его шуток.

Я всегда говорил, что шутки его ни к чему, и что момент слишком серьезный, чтобы веселиться или чушь нести. Но, возможно, именно в такие моменты — в такие моменты, как этот — и нужны слова невпопад, бессмысленные заметки.

— Я в комнате, если что.

Сомневаюсь, что он слышит. Я выхожу из его спальни, шаркая ногами, плетусь, тихо выдыхая воздух, но затем внезапно останавливаюсь на пороге и облокачиваюсь о дверной косяк руками. Мне нужно пройтись, выбраться отсюда, нужно проветрить мозги, наконец, понять, что происходит и что делать. Я не могу без плана. Я не могу рисковать просто так или наоборот бездействовать. Я должен что-то делать, иначе сойду с ума.

Отталкиваюсь от стены, киваю сам себе, будто ненормальный, и бреду к выходу.

Уже на улице я понимаю, что начинает светать. Возможно, сейчас около пяти утра, я никогда не бродил по Астерии в такое время. Мне хочется поговорить. Впервые, мне в это раннее утро хочется выговориться. Наверно, доходит постепенно, что попал я в ситуацию, которая впечатлила бы окружающих. Но с кем поговорить?

Я думаю о Джил. Я понимаю, что Хэрри мне помочь не сможет. Понимаю, что с Ари связаться не получится, и тогда я плетусь к Джиллианне. Хотя, возможно, я все равно бы к ней пошел, даже если бы Ари и Хэрри были рядом. Я так долго с ней знаком. Она была со мной рядом в те моменты, когда все отвернулись.

Не верится, что сейчас все совсем иначе.

Я хочу набрать ее номер, смотрю на дисплей телефона, но затем отворачиваюсь. Что я ей скажу? И как она мне поможет? Мы с Джил давно не близки, мы давно стали чужими.

— Отлично. — Забрасываю телефон в карман и прохожусь ладонями по лицу. — Класс.

Поговорить мне не с кем. Просить помощи не у кого. Выходит, я должен сам понять, что делать. Но с чего начать? Ари ушла не просто так. Люцифер решил спрятать ее, но по какой причине? Почему сразу не пустить оружие в бой? Почему сразу не воспользоваться ее способностями? Наверняка, сейчас Ариадна уязвима, а это значит, что именно сейчас я должен ее найти. Но где искать?

Я останавливаюсь посреди улицы, оглядываюсь и хмурю брови, пытаюсь вспомнить о том, что со мной успело произойти за этот треклятый месяц. Я уносил ноги в лесу, искал ведьм, о которых ничего не слышал; даже застрелил на парковке Каролину Саттор; видел, как Ари умирает от сил Дьявола — неоднократно. А еще от рук людей — если их так можно назвать. Меган фон Страттен едва не лишила нашу школу всех учеников, а еще одна из ее приспешниц прокатилась лезвием по моему торсу, как по маслу, после чего я едва не умер и не потащил за собой Ариадну. Еще мы ужинали с Люцифером. Собственно, ужин был в стиле Монфор — кровавый и скудный. В основном, все мы думали о том, как бы остаться в живых, а не о закуске. И в итоге — что я имею? Какие зацепки? Какую помощь? Джейсон и тетушки Ари не хотят сейчас меня втягивать — сказал бы я им, что я на этот счет думаю.

Но кто тогда даст ответы?

Кто знаком со сверхъестественным миром, и кто заинтересован в спасении Ари?

Мне становится так паршиво, что глотку сдавливают. Я жалок. Мои попытки понять, что

происходит — бесполезны и смешны. Что я могу? Я простой человек. Я никто. Слабый, сбитый с толку, не знающий ничего даже об обычной жизни, что уж о сверхъестественной говорить. Я ни за что не спасу Ари, потому что, несмотря на мои чувства, на огонь в груди и желание посмотреть в ее малахитовые глаза, я ни на что не способен.

Тоска прокатывается по коже, будто ледяной дождь. Зажимаю пальцами переносицу, жмурюсь, ломая голову, ломая стереотипы, и неожиданно ощущаю странный прилив сил.

Меня покачивает в сторону. Ветер врзается в лицо, заставляя поднять подбородок.

— Вот черт, — я рассеянно вскидываю брови, — Ноа Морт. Конечно...

Понятия не имею, как мысли о нем появляются в моей голове! Головокружение, как и тепло, как и ощущение, словно чьи-то руки несколько секунд назад крепко сжимали мои плечи, отрезвляет голову. Выпрямляюсь и вновь повторяю:

— Ноа Морт.

Как же я раньше не додумался? Ариадна жива только благодаря нему. Он спас ее, он контролирует всех нас, ведь, как бы сильно Дьявол не старался, стоит только Ноа Морту щелкнуть пальцами, и мы восстанем из пепла, как чертовы фениксы. Он на вершине этой пищевой цепи. Вот кто мне нужен, вот кто сможет помочь, а главное, и сам захочет спасти Ариадну, ведь она не только рыжая заноза в заднице, но еще и его дочь.

Я киваю сам себе — вновь — и задумываюсь: как найти Смерть? И при этом остаться в живых. Ари говорила, что ездила в Дилос, что там расположено здание, в котором сидят в обособленных кабинетах представители высшей касты сверхъестественных тварей.

Ведьмы нервно стоят в сторонке, как и оборотни, и перевертыши.

В Дилосе восседают те, кто управляет нашей жизнью: Смерть, Судьба, Удача, Карма и, я уверен, огромное количество тех, о ком ни Ари, ни нам неизвестно.

Но как туда пройти обычному смертному? Такое вообще возможно?

Я чешу шею и вновь достаю телефон. Мне нужно с кем-то посоветоваться, и если не с Монфор или Джейсоном, то с кем-то похожим на меня — с обычным человеком.

Проходит буквально несколько секунд, а на противоположном конце провода уже не своим голосом отрезает женский голос:

— Мэттью?

— Да. — Я никогда не дружил с Бетани Пэмроу. Мы даже никогда не общались. Я был уверен, что на уме у Бетти только команда поддержки, и мне казалось, нас ничто не может связать вместе, однако оказывается, смертельная опасность — хорошее начало для крепкой дружбы или для лютой ненависти. — Знаю, я рано, но есть причины.

— Ничего страшного. Ты в порядке?

— Надо поговорить.

— Ладно, — девушка озадачено замолкает, — скажи, я подойду или...

— Я сам приду. Ты ведь не против? — Не дожидаясь, пока Бетани согласится. Схожу с места и глухо откашливаюсь. — Пришли мне адрес сообщением.

Сбрасываю звонок и крепко зажимаю пальцами переносицу. В какой-то момент мне кажется, что усталость берет свое, что ноги вот-вот подкосятся. Но потом я вспоминаю о том, что Ариадна сделала для Хэйдана, и выпрямляюсь: я должен помочь ей, она слишком многим пожертвовала, чтобы вернуть моего брата к жизни.

Бетани Пэмроу живет в коттедже с квадратными окнами, на которых висят кованые решетки. Похоже на тюрьму, но я и не сомневался, что шериф Пэмроу превратит свой дом в камеру для заключенных. Я решительно иду к двери, не думая о том, что могу разбудить

родителей Бет. Мне глубоко наплевать на реакцию шерифа. Я только надеюсь, что смогу сдержаться и не разобью его лицо, если вдруг увижу.

Нажимаю на стертый звонок. Бетани открывает почти сразу же. Она собирается что-то сказать, но я опережаю ее, бесцеремонно ворвавшись внутрь, и отрезаю:

— Нужна помощь.

Девушка закрывает дверь и ставит на пояс руки. Смотрит на меня как-то жалостливо и переминается с ноги на ногу, разрываясь между чем-то, о чем я понятия не имею. И нам в эту минуту вдруг не хватает Меган фон Страттен с ее чудо способностью читать мысли.

— Что? — Спрашиваю я, обернувшись. — В чем дело?

— Я просто...

— Просто — что?

— Не пойду на похороны, — выдыхает Бетани, — черт, Мэттью, я не хочу. Прости, но...

Похороны? Недоуменно плююсь на девушку и вскидываю брови. О чем она?

— Я знаю, что это неправильно. Но это невыносимо, ладно? Невыносимо! Я всю ночь заснуть не могу. Как подумаю о том, что уже завтра Хэрри закопают в чертову землю, и...

— Закопают? Хэрри?

Меня будто ударяют под дых. Нервно осматриваюсь, ощутив панику, подскочившую к глотке, и застываю. Хэрри ведь цел. О чем она? Что случилось? Я оставил его дома.

Правда, затем что-то щелкает между висков. Я наклоняю голову и на Бетани смотрю озадаченно. Выходит, она не знает, что Хэйдан воскрес. То есть о смерти Хэйдана забыли все, кто не был причастен к сверхъестественным событиям! Бетани же все знала, поэтому и не в курсе того, что случилось уже ночью, не в курсе того, что Ари продала душу.

— Отлично, — отрезаю я, закатив глаза.

— Отлично? — Удивляется девушка, сверкнув карими глазами. — Что именно отлично?

— Хэйдан жив, Бетани. И никто не собирается его закапывать.

— Что?

Голос девушки взмывает сразу на несколько октав, она хлопает ресницами и косится на меня так робко и зло одновременно, что я не удерживаюсь и отвожу взгляд в сторону.

— Хэйдан жив? Но как? Как такое возможно? О Господи! Сумасшедший дом.

— Ты разбудишь родителей.

— Их нет.

— Значит, разбудишь соседей.

— Мне глубоко наплевать на соседей. — Фыркает девушка и подпрыгивает ко мне. Так и не скажешь, что она когда-то казалась мне пустоголовой идиоткой. — Ты шутишь? Мэтт, я понимаю, это трудно, но Хэрри умер. Он же...

— Ариадна спасла его, продала душу Дьяволу, — я бросаю эту информацию невзначай, будто в ней нет ничего интересного, ценного или удивительного. Просто говорю, словно у меня не горчит во рту, когда я вспоминаю ее отрешенный взгляд; словно внутренности не сжимаются, когда я вспоминаю, как она повернулась ко мне спиной и ушла.

— Что? Что она сделала?

Я поднимаюсь на второй этаж, а Бет семенит за мной, то и дело, взмахивая руками.

— Нужно найти отца Ари.

— Зачем? Черт, Мэтт, остановись на секунду, ладно?

— Нет времени.

— Она сдалась? Она все-таки согласилась на сделку? — Не унимается Пэмроу, прыгая

вокруг меня, будто я сахарная вата. Недовольно закатываю глаза, а она прижимает руками покрасневшие щеки и шепчет, — с ума сойти. О чем она думала.

— Наверно, о Хэрри.

— Но теперь она плохая, Мэтт, теперь она...

Бет замолкает, а я остаиваюсь и смотрю на нее через плечо, прекрасно понимая, о чем именно она ведет речь. Злую Ариадну мне еще не приходилось видеть. Боюсь, дар у нее слишком опасный, как и сама Ари — слишком эмоциональна, слишком легкомысленна. Она ведь всегда сначала совершала поступки и только потом думала о последствиях.

— Надо вернуть ее.

— Потому я здесь.

— А что с Хэрри? Где он?

— Он..., — пожимаю плечи и отнекиваюсь, — ему нужно время.

Девушка кивает и проводит меня к себе в комнату. Я настолько поглощен мыслями о спасении Ариадны, о ведьмах и прочей чуши, что даже не могу смотреть по сторонам, мне глубоко наплевать на цвет обоев в комнате Пэмроу, на то — есть ли у нее книжные шкафы или компакт-диски. Я ничего не вижу. Усаживаюсь на табурет и сплетаю в замок пальцы.

— Что ты планируешь делать, Мэтт? — Сиплым голосом спрашивает Бетани. — Ты уже разговаривал с тетями Ари? Что они сказали?

— Не вмешиваться.

— Ну а ты, конечно, решил иначе. — Я поднимаю взгляд, а черноволосая девушка едва заметно дергает уголками губ. — Ты смелый, раз решил, что сумеешь побороть Дьявола.

— Смелый?

— Или глупый.

— Ари спасла Хэрри, — я приподнимаю руки, — она идиотка, но она это сделала. У меня нет выбора, я должен ей помочь. Вот и все.

— И дело, конечно, только в этом.

— Мы тратим время, Бет. Разговариваем о том, что не имеет никакого значения. Какая разница, какие у меня мотивы или цели? Я хочу вернуть ее, это единственное, что важно.

Девушка кивает, а я протяжно выдыхаю.

Люди постоянно задают вопросы, чтобы как-то прояснить ситуацию. Но что, если у тебя нет ответов? Что если я сам не знаю, отчего у меня горло сдавливает?

— И что ты собираешься делать, Мэтт?

Я выпрямляюсь и серьезно гляжу на девушку.

— Я хочу найти Ноа Морта и выяснить у него, как вернуть Ариадну обратно.

— Ты хочешь встретиться со Смертью?

— Да.

Несколько невероятно долгих секунд девушка молчит и смотрит на меня, будто бы я больной, сбежавший из клиники. Однако затем она отмирает и небрежно бросает:

— Вот это план. Скинемся из окна или перережем вены?

— Я предпочитаю нечто не такое кардинальное.

— Таблетки?

— Бетани, я серьезно.

— Я тоже. Ты хоть представляешь, как по-идиотски это звучит?

— Не думаю, что у нас есть иной выход. Все, что сейчас происходит, не поддается, и не будет поддаваться логическому объяснению. Мы уже не в нашем мире, Бет.

— Я резать вены не собираюсь, — раскатило протягивает девушка и подсаживается к ноутбуку, — мы, может, и имеет дело со сверхъестественными проблемами, но кто сказал, что люди и раньше с подобной чертовщиной не сталкивались, м? Или мы с тобой первые смертные, посягнувшие на территорию нечисти?

— Что ты имеешь в виду?

— Если кто-то до нас попадал в подобную ситуацию, он непременно поведал об этом миру. Тебе так не кажется? — Бетани включает ноутбук и открывает браузер.

В ту же самую секунду я закатываю глаза и протяжно выдыхаю.

— Бет.

— Что?

— Искать в Интернете? — Устало передергиваю плечами. — Seriously?

— Ну а что ты предлагаешь? — Бросает девушка. — Мы обычные люди и справляться с проблемами, даже потусторонними, нам придется обычным способом.

Бетти сошла с ума. Одержимо печатает что-то, щелкает пальцами по компьютерной мышке и кусает губы, наверняка, читая абсолютную нелепицу. Я даже смотреть не хочу, о чем там люди пишут, и я почти уверен, большинство неуравновешенных психов начинает свой путь именно с блогов о Дьяволе и сатанизме.

— Вот, слушай, нужно нарисовать круг и...

— Дальше.

— Дослушай.

— Зачем? — Поражаюсь я, запустив пальцы в волосы. — Это чушь, Бетани.

— Прекрати. Ты же сам хотел выйти из зоны комфорта, верно?

— Но я не это имел в виду.

— Замолчи и запоминай. Нам нужны свечи, нитка и нож.

— Все-таки вернемся к первоначальному варианту и перережем себе вены?

Бетани пронзает меня недовольным взглядом и вскакивает со стула.

— Ты сам ко мне пришел за помощью, так что заткнись и найди в столе нитки.

— Но я не...

— Ты хочешь вернуть Ари или нет? — Бет пронзает меня темным взглядом, и я громко выдыхаю, стиснув пальцы так сильно, что сводит ладони. Пэмроу издевается. Хуже, чем просто сидеть и ничего не делать, сидеть и вырисовывать магические круги на полу.

Но, правда в том, что я на многое готов, лишь бы Ариадна внезапно оказалась рядом и сказала, что все неприятности позади. Я хочу вновь ее увидеть. Хочу испытать то, что со мной происходит, когда она оказывается в нескольких метрах, сантиметрах, миллиметрах.

— Хорошо, — холодно отрезаю я, разжав кулаки.

Я нахожу нитки под слоем какой-то девчачьей дряни, к которой даже прикасаться не так уж и приятно. Бетани приносит свечи и широкий кухонный нож, будто мы собираемся разрезать торт. А Люцифер задует свечи и загадает желание.

— На сайте написано, что мы должны сделать два узла: в начале нити и в конце. — Бет с видом знатока отнимает у меня красную нитку и плюхается на пол, я нехотя усаживаюсь рядом. Скептически осматриваю комнату, задернутые занавески, толстые, ароматические свечи и прикрываю пальцами глаза. Мы сошли с ума. — Нужно привязать конец к рукояти ножа. Кажется, правый. — Она смотрит в ноутбук и кивает. — Да, верно. Зажги пока свечи.

Бет бросает мне зажигалку, щелкаю затвором, а девушка уже порывается ко мне и на свечки смотрит с маниакальным, почти сумасшедшим выражением.

— Только зажигай с запада на восток, услышал? Это очень важно, Мэтт. Иначе ничего у нас не получится. И мы зря пытаемся.

— Да у нас и так ничего не получится, — ворчу я, зажигая фитиль, и тут же пропускаю удар по плечу. — Что? — Бет цокает. — Прекрати, тебе ведь не пять лет.

— Я и в ведьм раньше не верила, но, по-моему, мы оба уяснили, что в мире все совсем не так, как нам кажется. Ты ту женщину с крыльями помнишь? А помнишь ее пасть? Мир полон такого дерьма, что я уже ничему не удивлюсь, Мэтт.

Коротко киваю и разбираюсь со свечами. На стенах прыгают едва заметные желтые огрызки от света, сквозь занавески прорываются первые лучи. Мы сидим с Бет в центре ее небольшой спальни и наматываем красную нитку на кухонный нож, и все бы ничего, но у меня складывается впечатление, что это не Ари пропала, а мой рассудок.

Хэйдану бы понравилось то, чем мы занимаемся. Он бы отпустил парочку идиотских шуток, но я бы ничему ему не сказал. Пусть шутит. Теперь он может шутить напропалую. Правда, сейчас его рядом нет, и мне становится паршиво.

— Надо порезать палец. Поставить нож в центр и при помощи нити начертить ровный круг своей кровью. Боже, звучит жутковато.

— Давай, — я отнимаю у девушки нож и решительно скольжу лезвием по ладони.

— Осторожно!

— Все в порядке.

Впиваюсь острием ножа в пол и рисую круг, прокатившись по дереву рукой. Все это время Бетани смотрит на меня достаточно пугливо, и мне вдруг кажется, что ей уже самой не приходится по вкусу эта идея с вызовом Смерти на дом. Вдруг и, правда, придет.

— Готово. — Отбрасываю нож и вытираю ладонь о джинсы. — Что дальше?

— А дальше...

Бет щелкает по клавиатуре, а затем вдруг рассерженно взывает.

— Что такое?

— О нет.

— В чем дело?

— Мэтт, черт, Интернет пропал. — Девушка глядит на меня из-под опущенных ресниц и виновато поджимает губы. — Прости. Надо чуть-чуть подождать.

— Ты шутишь? — Я сжимаю окровавленную ладонь и хмыкаю. — Вовремя.

— Не знаю, соединения нет.

— Ну, отлично. Просто замечательно. — Я взмахиваю рукой и передергиваю плечами. Внутри все скручивается, сплетается, и мне внезапно кажется, что я разочаровываюсь. Как будто я верил, что дело сдвинулось с мертвой точки. Идиот. Нужно было сразу прекратить этот цирк. — Мы только зря потратили время. — Гнев поднимается к горлу. — Все зря.

— Слушай, давай еще подождем, — протягивает Бетани, — рано опускать руки.

— И что мы найдем? — Злюсь я. — Начертим еще один круг или смастерим алтарь? Или же принесем кого-то в жертву?

— Вы можете попробовать латынь, — внезапно разносится хриплый мужской голос по комнате, и мы с Бетани одновременно подскакиваем на ноги.

Бет взвизгивает, прижимается ко мне, а я ошарашено распахиваю глаза. Черт возьми.

В углу комнаты стоит мужчина в дырявом плаще. Волосы у него растрепаны, глаза в мои смотрят равнодушно. А прозвучавшая шутка превращается в вполне серьезный совет. Которым, собственно, ни я, ни Бетани сейчас не в состоянии воспользоваться.

Вскидываю руки, не имея ни малейшего понятия, чего ждать: сумасшедшего психа, прорвавшегося в дом, чтобы украсть нечто ценное, или же демона, перевертыша, Дьявола, ведьмака, фею. Кто там еще у них есть?

— Еще есть оборотни, — говорит мужчина, и я недовольно морщусь.

— Что?

Незнакомец наклоняет в бок голову, а я чувствую, как Бетти изо всех сил стискивает в пальцах мой локоть. Что за чертовщина? Медленно опускаю руки и застываю.

Неужели сработало?

— Нет, — отвечает мужчина, сомкнув пальцы в замок перед собой, — не сработало.

— Но вы...

— Ноа Морт.

— Смерть. — Я решительно стискиваю зубы, наблюдая за мужчиной, а он стоит в углу комнаты и не отводит от меня темных глаз, изучая и сканируя, словно детектор. Никогда я не видел таких глаз. Мне становится не по себе, но я тут же беру себя в руки. Я не должен его бояться, он пришел сюда из-за Ари, из-за своей дочери.

— Так и есть. Твое время еще не пришло.

— Умеете читать мысли? Вы как Меган фон Страттен.

— Скорее, она, как я. — Смерть делает шаг вперед, а Бет тянет меня назад, однако я не схожу с места. Поднимаю подбородок и набираю как можно больше воздуха в легкие. Нет смысла убегать. Я хотел встретиться со Смертью. Вот она. Передо мной.

— Как..., — запинаясь и сглатывая, — как вы узнали о том, что мы ищем вас?

— Услышал.

— Почему не пришли раньше?

— Был занят.

Я даже спрашивать не хочу, чем именно он был занят, я переминаюсь с ноги на ногу, а затем дергаю уголками губ и в глаза Ноа МОРТУ гляжу смело и рассержено.

— Почему вы не спасли Ари? И почему не убили Люцифера?

Он позволил ему забрать ее, прекрасно понимая, что из этого выйдет. Наблюдал или, может, услышал, как она мысленно прощалась с семьей, продавая душу. И бездействовал.

Мужчина задумчиво хмыкает и облакачивается спиной о деревянный комод. Руки он сплетает на груди, достаточно медленно, будто бы специально, чтобы я успел раскалиться еще сильнее и вопросов придумать еще больше, но я держу себя в руках. Эмоции мешают, они всегда приносят лишь вред, они отнимают время. Рассудок должен быть холоден.

— Ты много думаешь, — неожиданно отрезает Смерть, — но мало говоришь. Кажется, у вас таких людей называют замкнутыми. И опасными. Но я, конечно, немного понимаю.

— Ответьте на мои вопросы.

— Я не могу.

— Не можете ответить?

— Не могу убить Дьявола; вопреки всеобщему мнению, смерть не для всех вездесуща. Отнюдь это насмешка Судьбы, о которой она сейчас жалеет.

— Мойра Парки?

— Люди всегда пытаются избавиться от злодеев, — едва слышно говорит Ноа, — но они не понимают, что на место одного злодея приходит другой злодей, всегда. Да, такова ваша природа, а я и Мойра обязаны соблюдать этот баланс: баланс черного и белого.

— Не понимаю.

— Ты и не должен. Это моя работа. Но я ошибся. — Смерть отходит от комода.

— Ошиблись?

— Я нарушил баланс.

— Каким образом? — Я сжимаю пальцами переносицу и грузно выдыхаю. Он только и делает, что говорит загадками, ребусами. Виски вдруг вспыхивают, и я начинаю злиться, пусть и понимаю, что это неправильно.

Ноа Морт останавливается перед задернутыми шторами и переводит на меня темный взгляд, в котором сосредоточено нечто такое, что трудно описать словами. Я хочу сказать что-то еще, но замолкаю. Я должен понять, что разговариваю не просто с отцом Ариадны. Это Смерть, та самая, что забирает жизни, провожает людей в ад, размахивает косой или, чем там. Это не просто мужчина. И взгляд у него не просто так пробирает до костей.

- Я не могу забрать того, у кого нет имени, — прервав мои мысли, отрезает Ноа Морт и сходит с места. — Я не могу его отыскать. Мойра наделила Люцифера множеством форм, воплощений. Она скрыла его от моего взора.

— Но зачем?

— Как я и сказал, чтобы сохранить баланс.

— Бессмыслица, — бросаю я.

— Люди многого не понимают. Не понимают, что добро и зло существуют благодаря друг другу. Не было бы добра, если бы люди не понимали, что существует зло.

Слова так и подсакивают к горлу, но я стискиваю пальцы и прикусываю язык.

Не было бы добра, если бы люди не понимали, что существует зло, но зло не просто существует. Оно портит жизнь, оно убивает и отнимает близких; но, конечно, Морту этого не понять. Да и что он может понять, если живет вечно? Говорит, словно это люди чего-то не понимают. Но люди понимают даже слишком много. Что вокруг есть предатели, психи. Что никому нельзя доверять. Иногда даже себе.

— Вы сами выбираете, как жить.

— Да уж, сами, — отрезаю я и нервно прохожусь пальцами по подбородку. Смотрю на Бетани и вижу, как девушка поджимает губы. Уверен, она думает о том же, о чем и я. Мы боремся каждый день с тем злом, которое они решили оставить в живых лишь потому, что без него, как им показалось, жить стало бы скучно. Это несправедливо.

— Именно это даровало вам смысл в жизни, Мэттью Нортон, — кивнув, говорит Ноа и подходит ко мне уверенным шагом, — борьба каждый день за свое будущее — если не ради этого, то ради чего дышать?

— Возможно, вы правы, — холодно отвечаю я.

— Возможно? — Мужчина неожиданно еле заметно дергает уголками губ и поправляет густую шевелюру. Не знаю, чем именно его позабавили мои слова. — Меня позабавило то, что ты берешься спорить со мной, — тут же отвечает он, — это интересно, учитывая, что ты в курсе того, с кем разговариваешь. Не боишься?

Я чувствую, как першит во рту, и вдруг понимаю, что не хочу лгать.

— Боюсь.

— Значит, ты просто глупый.

— Или храбрый, — подает голос Бетани за моей спиной и тут же горбит спину.

На какое-то мгновение уверенность покидает меня, я ненавижу это чувство: в голове пусто, горло саднит, а руки кажутся налитыми свинцом, и ощущаешь ты себя на редкость незащитным. Взять под контроль страх безумно сложно, лишь мечтатели и глупцы — что,

по-моему, одно и то же — до сих пор уверены, будто стоит тебе сомкнуть в кулаки пальцы и досчитать до десяти, как мир тут же станет прежним и безопасным. Нет. Не станет.

У страха есть то, чего нет у других чувств. Страх парализует. Да, ты можешь застыть в удивлении, замереть в ожидании. Но от страха ты теряешь сам себя, теряешь рассудок и превращаешься в безмозглую куклу.

Сейчас я испытываю нечто подобное. Так и хочется поднять голову, дабы убедиться, что мои конечности не привязаны к потолку тонкими нитками.

— Ари нужна помощь, — через силу проговариваю я и встречаюсь взглядом с Ноа. Мне кажется, мужчина вновь дергает уголками губ, но, возможно, я просто схожу с ума. — Я бы и сам справился, но я не знаю, что делать. Ваш мир...

— ...чужой для тебя, — договаривает Смерть и кивает, — я рад, что ты понимаешь это.

— Так вы поможете?

Ноа Морт поправляет волосы и протяжно выдыхает:

— Конечно, иначе меня бы здесь не было.

Отлично. Я решительно выпрямляюсь, а Бетани, наконец, выходит из-за моей спины и поджимает губы. Она выглядит испуганной, но старательно держит себя в руках.

— Как я сказал, я нарушил баланс, — вновь прерывает тишину Смерть и раскатистыми шагами движется к окну. Ноа застывает перед голубыми занавесками и переводит на меня серьезный взгляд. — Я не должен был допустить появления большего зла. Но я допустил. К сожалению, моя дочь, действительно, опасна... ее пребывание на темной стороне принесет много неприятностей. И я не утрирую. Так сказала Мойра, а я склонен ей верить.

— Судьба думает, что Ари причинит кому-то вред? — Недоверчиво спрашивает Бетани и нервно улыбается, на что Смерть отвечает:

— Нет, не думает. Она знает.

— Отлично.

— Но как ей помочь? — Я порываюсь вперед. — Где искать? Она в Астерии? В Дилосе?

— Не нужно искать то, что и так скоро найдется, Мэттью Нортон; разве ты не слышал, что обычно сбываются те желания, о которых вы меньше всего думаете?

— Тогда что делать?

— Искать, но не Ариадну. А способ спасти ее.

Вот это помощь, вот это план!

Я скептически смотрю на Ноа Морта, внезапно подумав, что он все-таки не Смерть, а сумасшедший худощавый прохожий, случайно заскочивший к Бетани на чай.

— И каков же способ? — Аккуратно интересуюсь я.

— Единственный человек, который знает ответ на этот мучающий тебя вопрос, сидит в кабинете рядом со мной. — Ворчливым голосом протягивает Ноа, и я удивленно хмыкаю. Кажется, на человека он похож больше, чем я мог бы предложить. — Но так как мы давно с Мойрой знакомы — довольно давно — и я успел стать ей почти другом, она согласилась мне немного упростить задачу. Она назвала имя, которое я могу назвать тебе.

— Имя? — недоверчиво переспрашиваю я и наблюдаю за тем, как Ноа кивает.

— Да. Имя.

— Что ж, хорошо. Какое?

— Джофранка.

— Джофранка. — Четко повторяю я и киваю. — Спасибо. — Итак, первая зацепка.

— Спасибо? — Растерянно переспрашивает Пэмроу. — Но как мы найдем человека,

зная лишь его имя? А что насчет адреса? Города? Фамилии?

— Имя может рассказать о человеке гораздо больше, чем вы думаете.

— Но, может быть...

Бетани собирается сказать что-то еще, как вдруг Ноа Морт испаряется.

Не веря своим глазам, я прищуриваюсь, а Бетти громко охает.

— Он исчез, — хрипит она, — господи, просто в воздухе растворился! Дурдом, как тут с ума не сойти, когда прямо на глазах люди испаряются?

Девушка взмахивает руками, а я хмыкаю. Боюсь, с ума мы сошли давным-давно.

ГЛАВА 3. МАНЭКИ НЭКО.

Я сплю пару часов в гостиной у Бетани. Она будит меня часов в девять, ставит рядом со мной на стол овальную чашку, из которой тянется густой пар, а я вяло киваю.

— Ты в порядке? — Я киваю еще раз. Отпиваю чай и потираю пальцами глаза. Наверно мне стоило вернуться домой, проверить Хэрри, поговорить с отцом. Но я никогда не делал то, что даровало бы мне или моим близким несколько секунд спокойствия. Порой, надо ни на минуту не терять бдительность и совершать отчаянные, но правильные поступки.

Сейчас правильно пойти к Монфор и рассказать то, что я узнал от Ноа Морта.

Да, я мог бы попробовать и сам раздобыть какую-то информацию, но я не идиот, мне не нужно объяснять, что времени мало, а помощь — вполне приветствуется.

— Слушай, я хотела бы увидеть Хэрри, — говорит девушка, — я волнуюсь.

— С ним все хорошо.

— Он ведь воскрес, Мэтт.

— Хэйдан в порядке, — я поднимаюсь с дивана и потираю ладони о джинсы.

— Не все справляются с трудностями так же просто, как ты. — Отрезает девушка и мне в глаза смотрит почти недовольно. Я привык к таким взглядам и никак не реагирую. — Эй.

— Что?

— Но он...

— ...спит в своей идиотской пижаме и набирается сил. Он жив, Бетани, и он дома. Что тебе еще нужно? Сейчас нет времени на болтовню. Ты со мной?

Бетани Пэмроу поджимает губы и кажется мне довольно расстроенной. Однако уже в следующую секунду она нехотя кивает и взмахивает в воздухе загорелыми руками.

— Да, я с тобой. Конечно.

Джофранка. Это имя никак не покидает мои мысли.

Я пытаюсь представить, чью же помощь мне подкинул сам Ноа Морт, но я теряюсь в догадках. Это может быть кто угодно: и обычный человек, и очередная ведьма. Надеюсь, к этому помощнику не придется переплывать океан или пересекать границу.

Мы с Бетани покидаем дом и решительным шагом направляемся в коттедж Ари.

Что может придать сил и вести вперед? Одного желания мало, и воля тоже предстает перед нами чем-то вроде немислимого образа, обросшего мхом и покрытого плесенью. Но тогда что тянет меня вперед? Что не дает мне покоя и грызет внутренности?

Порывисто встряхиваю головой, чем немного пугаю Бетани, и продолжаю плестись вперед, засунув в карманы брюк руки. Я справлюсь, сделаю все, что от меня зависит.

О коттедже Монфор-л'Амори всегда ходили идиотские, страшные легенды. Сколько себя помню, в Астерии недолюбливали сестер Монфор. А еще боялись. Я никогда слухам не

верил, да и сейчас с трудом понимаю, во что ввязался. Однако теперь дом Ариадны мне напоминает эпицентр опасностей, и желудок сам собой скручивается в узел.

Паршивое чувство.

С этим местом связаны все самые необъяснимые и опасные события в моей жизни. Я не хотел бы сюда возвращаться, если бы меня спросили. Но меня не спрашивают.

Уверенно забираюсь на крыльцо и ударяю по двери. Бетани пугливо оглядывается.

— А что если...

— Люцифер немного занят, Бет, — сообщаю я, искоса взглянув на девушку. — Ничего с нами не случится. Ты можешь выдохнуть.

— Не могу, Мэтт. И ты не можешь.

— Как видишь, я дышу нормально, — вновь стучу по двери, только сильнее и жестче, а затем недовольно стискиваю зубы. Где они там? Уснули? Уехали?

— Тебе напомнить, как Дьявол заглядывал в этот коттедж на ужин?

— И что?

— И что? — Пэмроу гортанно усмехается, и я уже готовлюсь выслушать очередную не к месту сказанную реплику, как вдруг дверь открывается.

Бет поджимает губы, а я встречаюсь взглядом с Мэри-Линетт Монфор; женщина уже в следующую секунду криво улыбается, и я, черт возьми, понятия не имею, почему.

— Ну, здравствуй. Дай угадаю, у тебя есть план?

— Почти.

— Кто бы сомневался, не прошло и дня, а ты уже здесь, — низким голосом протягивает женщина и опирается всем телом о дверь. — Кажется, я проиграла.

— Что вы проиграли?

Мэри-Линетт горячо выдыхает и кивком приглашает меня войти, я тут же пересекаю порог, но останавливаюсь, заметив перекошенное лицо Бетани. Что ее так пугает? Молния два раза в одно место не бьет. Ничего с нами не случится. Не сегодня.

— Бет, идем.

— Я..., - Пэмроу запинается и переводит на меня потерянный взгляд. Карие глаза так и горят ужасом, переливаясь в тусклом, утреннем свете. Девушка застывает, а я выжидающе смотрю на нее, надеясь, что она хотя бы не разревется.

— Деточка, ты в порядке? — Вмешивается Мэри-Линетт. — Эй, ты вся бледная.

— Я просто..., этот дом, мне не по себе.

— Ничего страшного.

— Ты пройдешь или нет? — Я вскидываю брови и жду ответа, на что Бетани сдувается, как воздушный шар и виновато горбит плечи. Ясно. Я взмахиваю рукой. — Ладно.

— Мэтт, прости, — не своим голосом протягивает Пэмроу, — я бы хотела, но...

— Иди домой, Бет.

— Это не так просто!

— Уйти домой?

— Попрооть страх. Это совсем не просто.

— Ты и не должна, — я пожимаю плечами и с сопереживанием киваю. К сожалению, я толком никогда не умел сопереживать. — До встречи, Бетани. Еще увидимся.

Девушка нерешительно помахивает мне ладонью, а я прохожу вглубь коридора, так и не взглянув на нее. Зачем? Ей страшно. Это вполне естественно. Не все готовы рискнуть тем, что у них есть, ради другого человека. Это исключительная глупость, на самом деле.

Прохожу на кухню, старательно игнорируя монотонный звук, колотящий по ребрам. Сердце разыгралось не на шутку. Возможно, оно сигнализирует о чем-то. Возможно, меня должно крутить от страха или ужаса так же, как и Бетти. Но почему-то снаружи я остаюсь спокоен, пусть внутри и стораю от едва ощутимой паники.

В коттедже Монфор как всегда витает запах трав и настоек, которыми Норин обычно лечит раны и поливает неизвестные мне растения. Довольно жуткий дом: темный и тихий, вполне соответствующий всем канонам фильмов ужасов про ведьм и прочую нечисть.

Как я и ожидал, Норин и Джейсон оказываются на кухне. Они пытаются отмыть стол от крови, что уже застыла и превратилась в бугристую корочку, а также складывают куски от поломанных стульев и осколки от разбитых ламп в огромные, черные мешки.

— Пришел помочь? — Интересуется Джейсон, смахнув со лба испарину. Этот мужчина в два раза больше меня, и я никогда не считал себя хиляком, но сейчас мне вдруг кажется, что его ладонь вполне смога бы обхватить всю мою голову целиком.

— Я узнал нечто важное.

— Что именно? — Норин Монфор откладывает в сторону блекло-алую, мокрую тряпку и закатывает рукава толстого свитера. — Говори.

— Я разговаривал с Ноа Мортом.

— С кем?

— С отцом Ариадны.

Лицо старшей Монфор вытягивается и становится непроницаемым. Впрочем, как и в глазах Джейсона вспыхивает искреннее любопытство и недоверие... да что врать, я сам бы удивился, скажи мне кто-то, что сегодня я встречу со Смертью.

Норин долго смотрит мне прямо в глаза, и мне становится не по себе.

— Это невозможно. — Наконец, шепчет она осипшим голосом.

— Зачем мне врать?

— Ты вполне мог сойти с ума, — предполагает Джейсон, достав из кармана брюк пачку сигарет. Он закуривает, выдыхает белый дым в мою сторону и ухмыляется. — Так ведь?

— Я не спятил.

— Тогда как это произошло? Ты просто позвал его, и он пришел?

Нет, сначала мы с Бетани нарисовали в ее спальне круг кровью и зажгли свечи, но об это я рассудительно умалчиваю и серьезно хмурю брови.

— Ноа Морт пришел, потому что знал, что я ищу Ари.

— Но почему Ноа не пришел к нам? — Не понимает Норин. — Это же невероятно глупо и бессмысленно. Прийти за помощью к смертному? Прости, я...

— Какая разница? — Внезапно вмешивается Мэри-Линетт, возникшая за моей спиной. Я оборачиваюсь, а женщина уже пронесется мимо. Я рад, что за меня вступились. Правда, уже в следующее мгновение она добавляет, — Смерть никогда не действует логично.

Отлично. Трое взрослых впяливают в меня недоверчивые взгляды, и чувствую я себя полным идиотом, хотя пришел не за помощью, а с подсказкой. Тишина звенит в воздухе, а дым от сигарет скапливается под потолком, переплетаясь в кучевые облака, и я жду, когда семейка Монфор отомрет и попытается смириться с тем, что я оказался на шаг впереди, но так и не дожидаясь адекватной реакции.

Как я и думал, у взрослых с гордостью дела обстоят острее, чем у подростков.

— Вы чего? У меня есть зацепка.

— Откуда ты знаешь, что приходил именно Ноа Морт? — Ровным голосом спрашивает

Джейсон и прикладывает пальцы к тонким губам. — Тебя вполне могли навести на ложный след. Это многое бы объяснило.

— Что именно?

— Что пришли к тебе, — поясняет Норин, — а не к нам.

— А вы не думали, что Смерть просто посмотрел и увидел, кто именно ломает голову над спасением Ари, а не драит всю ночь полы?

— Ты хочешь сказать, что...

— Нет, — шепчу я, устало сжав пальцами переносицу, — не хочу. И не говорю. Но если честно, я не понимаю, чего вы взъелись. Я хочу помочь.

— Ладно, все в порядке. Извини. — Мэри-Линетт взмахивает руками. — Ты прав.

— Знаю.

Джейсон едва слышно усмехается, а затем бросает косой взгляд на Норин. Я понятия не имею, о чем они мысленно договариваются, но уже через пару секунд он выбрасывает в мусорный пакет тлеющий окурок и сплетает на груди руки.

— Ну, выкладывай. Что за информация?

— Имя. Весьма необычное. Никогда не слышал ничего подобного. Джофранка.

Сестры Монфор перекидываются понимающими взглядами, которые для меня вновь ничего не значат, и одновременно выдыхают. Я хмурю лоб.

— Знаете, кто это?

— Приблизительно, — неуверенно отвечает Мэри-Линетт.

— Приблизительно?

— Похоже на Ловари, — шепчет Норин Монфор, поправив спутавшиеся волосы. Ветер лениво барабанит по стеклам, отбрасывает тонкие занавески, а затем врывается в мое лицо, пробуждая меня от странного недоумения. — Иными словами, цыгане.

— Что? — Они должно быть шутят. — Цыгане? Разве такое возможно?

— О, да, — загадочным голосом протягивает Мэри-Линетт и облакачивается спиной о стену, — у народов Ловари интересная история, интересная и крайне опасная. Мы, ведьмы, предпочитаем с ними не пересекаться.

— Почему?

— Ловари — своенравный, свободолюбивый народ, который чтит магию, но получает ее не от Дьявола.

— Но тогда каким образом?

— Забирая силу у других, — тихо бросает Джейсон и переводит взгляд на Норин, — это объясняет, почему Ноа пришел к мальчишке. Ловари опасны для ведьм, но не для людей.

- Но почему Джофранка? Почему цыгане? — Не понимает Норин, отвернувшись. — У меня плохое предчувствие. Ловари нельзя доверять! Они опасны, непредсказуемы. Как же они помогут найти Ариадну, если договориться с ними практически невозможно? И я бы не сказала, что, общаясь с ними, люди не рискуют.

— Ведьмам обычно достается больше, — едва слышно вставляет Мэри-Линетт.

— Но даже для Мэтта это вполне может обернуться проблемами.

— Просто Ноа Морт знает, что я пойду, — сестры Монфор, как и Джейсон, переводят в мою сторону недоуменные взгляды, а я равнодушно повожу плечами, — я не боюсь, я готов пойти, куда вы скажете, если это поможет в поисках.

— Мы все пойдем, — кивает Норин, — нужно спешить.

— Стоп, стоп! — Бросает Джейсон, когда сестры Монфор дергаются в сторону выхода,

и приподнимает ладони. Женщины практически одинаково недоуменно хмурят лбы, а я на долю секунды прекращаю быть объектом их слезки. — Вы серьезно?

— Что именно? — Не понимает Мэри-Линетт.

— Смерть пришел к этому парню, чтобы вы не вмешивались. А вы пойдете?

— Конечно, да.

— Конечно, нет, — ледяным голосом отрезает Джейсон и стойко выдерживает грозный взгляд Норин. Старшая Монфор подается вперед, а он уже сходит с места. — Не сейчас. Ты действуешь на поводу у эмоций, а к хорошему это не приводит.

— Мы не собираемся сидеть здесь, когда...

— Собираетесь.

— Нет, — женщина семенит за гостем, но он не обращает на нее внимания. Решительно бредет по коридору, подхватывает со стула пальто, но тормозит на повороте, едва приткие пальцы старшей Монфор впиваются ему в плечо, — остановись, пожалуйста, это вздор.

— Что именно Норин?

— Мы не будем сидеть здесь, пока вы спасаете Ариадну, — вступается Мэри-Линетт. У нее в глазах загорается нечто настолько яркое и опасное, что мне становится не по себе.

Джейсон невозмутимо надевает пальто, кивает мне, чтобы я плелся к выходу, а затем почти лениво переводит взгляд на разъяренных женщин.

— Во-первых, вам в гостях у Ловари делать нечего. Во-вторых, случись что-то с нами, кто нас вылечит, дамочка? — Он смыслено вскидывает брови, а Норин с силой стискивает в кулаки пальцы. Выглядит она, как гарпия, готовая накинуться на любого недруга. — Ты и сама понимаешь, что должна остаться. Как и ты, Мэри. Наведите порядок, успокойтесь. У вас еще будет возможность вляпаться в неприятности, не сомневайтесь.

— Я могла бы помочь, — смилив пыл, протягивает Мэри-Линетт, — мои способности...

— ...крайне необходимы здесь, а там я и сам справлюсь.

Хочу сказать, что к Ловари Джейсон собирается наведаться не в одиночку, но потом решаю не вмешиваться. Ищейка прав. Если с нами что-то случится, только Норин сможет залечить раны. Ну, а защитить Норин вполне сможет Мэри-Линетт.

Правда, мою голову не покидает вопрос: каким образом Джейсон сумеет справиться с цыганами? У него тоже есть способности? Он сталкивался с ними раньше?

Я совсем ничего не знаю об этом типе. Лишь то, что у него заросшее лицо и широкие плечи. Ну, и, наверняка, у него хороший удар справа. И слева. Еще он в курсе того, что по земле разгуливают ведьмы, перевертыши, Дьявол и прочая нечисть. Но откуда?

Что его с ними связывает?

Мы садимся в старую, потертую развалюху, к которой, естественно, никому больше, кроме самого хозяина, не разрешается притрагиваться, и пристегиваемся. Открываю окно, надеясь взбодриться от прохладного утреннего воздуха, и потираю пальцами виски.

— Как твой брат?

— Нормально, — опускаю руки и киваю, — жить будет.

— А ты?

— Со мной все в порядке.

— Серьезно? — Скорее усмехается, чем спрашивает ищейка. Он сбрасывает скорость и дергает уголками губ, отчего мне хочется врезать ему, как следует. Кажется, этот человек только и делает, что смеется надо мной, над моими словами и поступками. Это злит. — Эй,

тише, парень, — улыбается Джейсон.

— Что? — Не понимаю я.

— Усмири пыл.

— Но я молчал.

— Ты многое мне сказал своим дыханием и бешеным сердцебиением.

— Дыханием? — С абсурдом бросаю я и во все глаза пялюсь на мужчину. Какого черта он говорит? Что еще за бешеное сердцебиение? — Что?

— Парень, злишься ты слишком громко.

— Но я не..., — отворачиваюсь и затихаю, опустив недоуменный взгляд на ладони. Что за чертовщина? Откуда он знает, о чем я думаю? Как догадался? Эмоции я надежно в себе скрываю, даже близкие их не видят. — Ну, конечно, — лениво закатываю глаза к потолку и выдыхаю. — Это многое объясняет, Джейсон.

— Что именно?

— Вы ведьмак.

В ответ на мое утверждение мужчина прыскает со смеху и покатывается на сидении, что, как бы странно это не звучало, злит меня еще сильнее.

— Я сказал что-то смешное?

— О да.

— Вы не ведьмак?

— Откуда ты слово такое взял? — Джейсон убирает темные волосы за уши и переводит на меня колючий взгляд. — Мальчик, это полная глупость. Во-первых, способности ведьм передаются только по женской линии. А, во-вторых...

— Я не обязан в этом разбираться.

— Ари тебе ничего не рассказывала?

— Нет.

— Плохо.

— Почему же? Это дает вам лишний раз повеселиться. Не так ли? — Повожу плечами, а Джейсон хмурит лоб и смотрит на меня так, будто я вновь сморозил глупость. — Что?

— Ты или смелый, или глупый.

Не отвечаю, потому что я сам уже не знаю, какой я; в голове все смешалось, я ничего не понимаю, не могу понять. Я будто бы утратил способность анализировать, приходиться к нужным решениям, словам и поступкам. Я чувствую себя брошенным в воду, связанным и задыхающимся. И мне никогда не приходилось шастать по улицам с закрытыми глазами, а сейчас я только и делаю, что плетусь на ощупь в густом тумане.

— Куда мы едем? — Равнодушно бросаю я и вновь смотрю на мужчину. Тот уже сидит ровно, глядит на дорогу и кажется мне вполне адекватным человеком. Пусть и чужим.

— Ловари никогда не сидят на месте. Я пытаюсь уловить их запах.

— Запах.

Отлично. Он пытается почуять цыган. Потираю взмокшими ладонями лицо и киваю. Я в дурдоме. Хотя странно, что я еще не утратил способность удивляться.

— В чем-то ты все-таки прав, — нехотя протягивает Джейсон, искоса взглянув на меня.

— Да неужели.

— Я не человек, это ты верно подметил. С интуицией у тебя все в порядке.

— Но тогда, кто вы?

Мужчина ничего не говорит. Молчит несколько долгих секунд. Я уже думаю, что он

решил проигнорировать мой вопрос, как вдруг он вальяжно оборачивается и впечатывает в меня ярко-рыжий, искрящийся взгляд.

— Черт возьми, — выругиваюсь я и неуклюже отшатываюсь назад.

Радужка Джейсона неестественного желтого цвета, а лицо на миг, как мне кажется, обезображивает животный оскал. Вот же Дьявол! Хотя, нет. У Люцифера глаза красные, а у Джейсона желтовато-ореховые, как у волка. Настоящего волка.

— Так ты... вы...

— Да, я оборотень, Мэтт.

— Круто, это... да, вполне круто, — отворачиваюсь и со свистом выдыхаю: неужели все сказки, что нам рассказывали в детстве родители — реальность? Ведьмы, призраки.

Внезапно мне кажется, что весь мир нас нагло обманывал, утаивая внутри себя вещи, не просто интересные, но и завораживающие, опасные, удивительные! Я вдруг думаю, что живем мы не по-настоящему, живем в иллюзии, которую сами же для себя создали.

Вокруг так много неопознанного, а мы и не замечаем. Не хотим замечать.

С одной стороны, желание быть как можно подальше от сверхъестественной жизни — вполне объяснимо. Но, с другой, выходит, мы существуем в выдуманном мире, в то время как реальный мир — полная фальшивка.

Неожиданно все то, что раньше имело смысл — теряет его, важные вещи и проблемы. До меня вдруг доходит, что половина сказанных мною слов, половина совершенных мною поступков ни черта не значат, потому что делал я их будто с завязанными глазами, в мире, которого никогда не существовало.

— Не грузи себя, мальчик.

— Если вы не против, это мое дело.

— Я не против. Но это бессмысленная трата времени.

— А моя жизнь не бессмысленная трата времени? — Я нервно усмехаюсь и покачиваю головой. — Знаете, внутри такое чувство, что мы в цирке, выполняем трюки без страховки.

— Ну, примерно так и происходит. — Джейсон достает из кармана брюк пачку сигарет, закуривает и опирается левой рукой о подлокотник. Он смотрит на дорогу, дым выпускает вперед, а я гляжу на него и молчу. — Если ты будешь много об этом думать, поймешь, что ответов не существует, и сойдешь с ума. Лучше подумай о том, что действительно важно.

— И что важно?

— Например, сейчас нам важно найти Ловари. — Мужчина оборачивается и кивает мне с видом человека, знающего жизнь вдоль и поперек и прошедшего через слишком многое, чтобы спорить о ней. — А завтра нам потребуется что-то еще. Вот и все.

Я ничего не отвечаю. Отворачиваюсь и сжимаю в кулаки пальцы.

На удивление ехать в компании Джейсона довольно приемлемо. Он молчит, смотрит на дорогу и делает вид, будто бы меня в машине нет, и, возможно, игнорирование у него — произвольная функция, но меня она вполне устраивает. Я также думаю о том, что будет дальше и стараюсь не вспоминать, что на соседнем сидении притаился оборотень.

Хэйдан бы прыгал от радости.

Мы выезжаем за город и несемся минут пятнадцать по прямой дороге, наполненной лишь запахом хвойных деревьев и пением едва проснувшихся птиц. Эта поездка внезапно напоминает мне погоню с Ари и Хэрри за сестрами Монфор в полночь... Ту самую, когда мы едва не погибли от пасти монстра, больше похожего на собрата Джейсона. Уже тогда я понял, что напрашиваюсь с этой рыжеволосой незнакомкой на серьезные проблемы, но по

необъяснимым причинам я не ушел и не схватил за шиворот брата. И мы остались, потому что, какой бы опасной не была жизнь Ариадны, сама Ари каким-то престранным образом сумела засесть в нашей жизни прочно и намертво.

Неожиданно Джейсон резко выворачивает руль влево, и машина подпрыгивает, едва мы скатываемся с обочины на бугристую тропу, поднимая шоколадные клубья пыли.

— В чем дело?

— Они близко. Я чувствую.

— Отлично. Но что мы знаем о Ловари? Что сможем им предложить?

— Ничего не сможем, магических способностей у нас с тобой нет.

— Тогда на что мы рассчитываем? — Я недоуменно вскидываю брови.

— На удачу, — усмехается мужчина и глубоко затягивается, — поверь мне, мальчик, мы ничего не решаем. Просто делай то, что должен. А дальше будет, как будет.

— Ари говорила, вы всегда знаете, как поступить правильно, а оказывается, вы просто ведетесь на поводу у случая.

— А кто тебе сказал, что нарваться на неприятности — значит поступить неправильно? Спокойствие никогда не приносит ответов, запомни. Попытки что-то сделать, всегда есть риск. В любом случае. И не всегда этот риск хорошо заканчивается. Поэтому нам только и остается, что рассчитывать на удачу. Все очень просто.

Сначала мне кажется, что несет он полную околесицу. Но потом я понимаю, что этот человек побольше меня о жизни знает. Наверно, и в словах его есть смысл.

— Ладно. — Я коротко киваю и разминаю плечи. — Как я должен себя вести?

— Как слабослышащий и слабовидящий немтырь.

— Окей.

— Знаешь, кто такой немтырь?

— Да, я знаю, кто такой немтырь.

— Это просто...

— ...просто что?

— Ничего, — Джейсон взмахивает руками и с протяжным выдохом выкидывает в окно окурки и бросает. — В любом случае, я разберусь.

— А если не разберетесь? Что тогда?

Ищейка останавливается в густых зарослях папоротника, спрятав автомобиль в тени спутанных веток, и переводит на меня смысленный взгляд.

— Тогда беги.

Отличный совет.

Неожиданно я сожалею о том, что не взял с собой лук и стрелы. Что за мысли? Меня порядком пугает мое желание вырядиться сейчас в Робин Гуда... Однако стоит признать, что наличие оружия часто спасало мне жизнь. Обычно Хэрри занимался подобным: делал то, что нормальные люди никогда бы не сделали. А я смотрел на него, как на психа, и уже в следующее мгновение вытаскивал нас из огромных передрыг.

Почему мы принимаем то, что имеет значение, тогда, когда принимать нет смысла?

Встряхиваю головой и вслед за Джейсоном выбираюсь из салона. Мы оказываемся в центре густого леса, опоясанного зеленой листвой и маджентовым рассветом, который так и норовит упасть на мою страдающую мигренью голову. Раздражает сонное состояние. Но я ведь должен выглядеть уверенно, должен идти прямо, знать цель, средства, а в башке, то и дело, выключается свет и включается режим автопилота.

— Джейсон, я хотел спросить...

— Я, кажется, просил идти молча.

— Ты сказал, что Ловари не получают дар от Дьявола, — намеренно перехожу на «ты» и откашливаюсь, надеясь, что ищейка спокойно к этому отнесется. — Но как тогда цыгане вообще узнали о магии? Как поняли, что можно отнимать ее у ведьм?

— Рано или поздно находятся те, для кого секрет раскрывает свои объятия, Мэтт. Как ты и твой брат, например. Но вы бы с радостью забыли об этом мире, а Ловари с головой в этот омут окунулись, прознали верные способы, пожертвовали не одним поколением.

— То есть они — самоучки.

— Что-то вроде того.

— Выходит, любой человек может научиться магии, если сильно захочет?

— Магия требует много физических сил. Научиться может любой, а жить с ней... — На какое-то мгновение Джейсон замирает и прислушивается к окружающему нас лесу, будто тот умеет говорить. Я с интересом наблюдаю за ним и вскидываю брови, когда он широко улыбается и кивает в сторону поросшего мхом столетнего дуба. — Нам сюда.

— И ты думаешь так, потому что...

— Разве тебе все нужно знать, мальчик? Просто делай, что говорю, и точка.

Ненавижу, когда мне затыкают рот, но, стиснув зубы, замолкаю. В конце концов, для меня отнюдь не выгодно соперничать с едва ли не единственным союзником.

Еще и оборотнем.

Мы бредем вдоль густых зарослей, сквозь которые слабо прорываются лучи света. В воздухе висит звенящая тишина, глубокая и тяжелая, давящая на голову и прижимающая к земле прозрачными лапищами. Я потираю пальцами переносицу и осматриваюсь. Лес на долю секунды кажется мне магическим порталом в пустоту, кажется зеленой бездной. Мы бредем дальше, а его, поросшие мхом, костлявые пальцы затягивают нас все глубже туда, откуда нет выхода. Возможно, я параноик, и ничего подобного не происходит. Но я вдруг ощущаю ледяное дуновение ветра, врезавшееся в сгорбленную спину. Слышу, как тишину нарушают скрипы и шорохи, не принадлежащие вековым деревьям, и в это мгновение по пищеводу скатывается колючее недоумение, горечь и тихий страх, что мне вновь придется столкнуться с тем, о чем я не имею ни малейшего понятия.

Внезапно Джейсон останавливается и придерживает меня рукой. Я свожу брови, а он кивает вверх, сощурив и без того узкие глаза. Я поднимаю голову и, присмотревшись, замечаю над сплетенными ветвями прикрепленную деревянную табличку с вырезанными на ней кривыми буквами. Язык мне неизвестен. Слова написаны неаккуратно, словно кто-то слишком торопился, когда пытался вывести каракули на деревянном листе.

— Что это значит?

— Ки шан и Романы, Адой сан и човхани. — Джейсон опускает руку и оглядывается. А я выпрямляюсь, неожиданно ощутив приток адреналина и укол опасности, которая вполне возможно укрыта в густых зарослях. — Куда идут цыгане, там есть и ведьмы.

— Знаешь их язык?

Мужчина не отвечает. Сходит с места и достает из кармана связку сухих растений. Я выравниваюсь с ним, оглядываюсь и серьезно свожу брови.

— Что это?

— Трава.

— Какая трава?

Джейсон переводит на меня раздраженный взгляд и отрезает:

— Сухая.

— Сухая? Серьезно? — Это уже и меня начинает злить. — Я задал вопрос.

— А я и не собираюсь тебе всего объяснять, мальчик, — стремительно развернувшись, говорит Джейсон и едва не сталкивается со мной лбом. Он возвышается над моей головой, будто великан, и мне приходится расправить плечи, чтобы доставать до его подбородка.

— В чем проблема?

— В том, что ты много болтаешь.

— Я спрашиваю.

— Ты, как твой братец. — Джейсон закатывает глаза, а я злюсь, потому что, во-первых, закатывать глаза могу только я. А, во-вторых, еще никто не сравнивал меня с болтливым, вечно мешающим Хэрри. — И я не твой папочка, уяснил?

— Неужели.

— Просто иди за мной.

Втягиваю лесной воздух глубоко-глубоко, а затем тяжело выдыхаю, стиснув пальцы так сильно, что сводит ладони. Плевать. Пусть говорит, что хочет. Я должен найти ответы, и, если он не хочет мне помочь, поможет другой.

— Как скажешь, — бросаю я и выхожу вперед, задев Джейсона плечом. — Папочка.

Почти уверен, что он усмехнулся мне в след, но не оборачиваюсь, чтобы проверить.

Нахождение неизвестно где, неизвестно с кем удручает и раздражает. Я мог бы и сам найти Ари, если бы знал о мире ведьм хоть что-то, но я не знаю, и мне приходится вестись на поводу у удачи, как выразился Джейсон, чего я терпеть не могу, ведь «Удача» — редкая сволочь. Всегда играет на противоположном поле.

— Говорить буду только я, — едва слышно отрезает за моей спиной мужчина.

— Говори.

— И принимать решения тоже.

— Сначала найдем нужного человека, а потом будем принимать решения.

- Буду..., — исправляет Джейсон, поравнявшись со мной, — я буду, а ты притворишься дубом. Только сделай личико подоброжелательней.

Так. Хватит. Плевать, что он выше меня и сильнее. Я резко останавливаюсь, сомкнув в кулаки пальцы, и впечатываю такой раздраженный взгляд в лицо ищейки, что любой бы на его месте уже уносил ноги. Но, на сей раз, противник мне достался не менее отвратный, и отвечает он мне таким же черствым, тупым взглядом, не уступающим моему по степени злости и надменности.

— Не подеритесь, мальчики, — неожиданно разносится низкий, женский голос, и мы с Джейсоном одновременно оборачиваемся.

Облокотившись о дерево, в ленивой, расслабленной позе, стоит невысокая женщина. Понятия не имею, что делать: защищаться или не двигаться? Первый порыв найти стрелы за спиной, и я непроизвольно прохожусь пальцами по легкой куртке.

— Тише! Спугнешь ведь, — мурчит женщина, размеренно двигаясь в мою сторону, и я застываю в исступлении, когда понимаю, что глаза у нее не просто узкие.

Вблизи они оказываются кошачьими.

— Котик, я бы на твоём месте не приближался..., — угрожает Джейсон, оставаясь при этом абсолютно спокойным, но «Котик» лишь шире улыбается.

— Но ты не на моем месте. И, к твоей удаче, никогда на нем не будешь.

— Кто вы? — Я подаю голос и свожу брови. Какого черта творится? Китайка посреди леса, да еще и с кошачьими глазами. Наверняка, меня уже успели огреть чем-то по голове.

— Японка, — поправляет женщина, облизав губы, и, наконец, останавливается в метре от носков моих ботинок. Она игриво вскидывает брови, облакачивается о кривую толстую ветвь дерева и ухмыляется, а я, черт возьми, устал уже удивляться. Однако иначе, видимо, не бывает. Похоже, в этом мире все умеют читать мысли друг друга. — В этом мире мысли друг друга читают только создатели мира и ведьмы, наделенные этой способностью извне.

— Так вы ведьма?

— Нет.

Женщина скусающе выдыхает, а я вдруг замечаю, как вытягивается лицо Джейсона.

— Не может быть, — растерянно протягивает мой напарник и проходится пальцами по подбородку, а затем усмехается, правда, на сей раз, гораздо громче, — глазам не верю.

— И не нужно, — мурчит женщина, хлопая густыми ресницами, — глаза часто врут.

— Что происходит? Кто это?

— Манэки Нэко.

— Манэки... кто?

— Манэки Нэко, — будто эхо, слетевшее с губ Джейсона, отзывается женщина и уже в следующую секунду оказывается передо мной с протянутой, тонкой ручкой, — или Удача, иными словами, голубоглазка.

Я скептически хмурю лоб, изучаю копну коротких, иссиня-черных волос, спутанных и сваленных на узкий лоб, не тронутый ни единой морщинкой, и нерешительно поджимаю губы, когда в очередной раз встречаюсь с незнакомкой взглядом. Радужка ее глаз едва ли не фиолетового цвета, а еще она продолговатая и вытянутая, словно полумесяц.

— О помощи меня попросил Ноа Морт, — поясняет женщина. — К счастью, сегодня я в хорошем настроении. Вполне могу уделить вам пару минут, пусть я и ненавижу выползать из своего кабинета. Люблю копаться в картотеке, выискивать имена счастливчиков...

— Мы бы и сами справились, — небрежно бросает Джейсон.

— Одной только люцерны не хватит, чтобы выбраться из логова Ловари, дорогой мой. Но ты мне всегда нравился, Джесси, правда, — Манэки Нэко поводит плечами и театрально выдыхает, будто действительно умеет переживать, — я столько раз жизнь тебе спасала, что сейчас было бы глупо все бросить на произвол этой Мойры, верно? Она как понапишет, а мне потом расхлебывай, судьба неугомонная. Надоела уже со своими поворотами.

Я молчу. Я даже не знаю, что сказать. Но затем вдруг до меня доходит, что говорить ничего и не нужно. Ноа Морт сделал еще один ход: нашел достойного союзника, который сумеет не только вывести нас из ловушки, но и поможет добыть информацию.

Осталось дело за малым: броситься в омут необдуманных поступков с головой.

— Идемте. — Схожу с места и сначала хочу спросить дорогу у Джейсона или этой, как ее там, но затем передергиваю плечами. Если со мной рядом Удача, я, наверняка, дойду до Ловари и с закрытыми глазами. Нет смысла тратить время на болтовню.

Мы и так плетемся до цыган уже целую вечность.

— Запах отчаяния невероятно сладкий, голубоглазка, — неожиданно пропевает Манэки и берет меня под локоть. Я недоверчиво вскидываю брови, а она кривит губы. — Ты ничего не боишься, это крайняя степень отчаяния — когда уже не важна даже жизнь.

— Я не понимаю, о чем вы.

— О том, что у тебя невероятно красивые глаза, и еще, пригнись!

— Что?

Женщина уверенно отталкивает меня в сторону, и в это же мгновение рядом со мной проносится сверкающая пуля, вскоре врезавшая в сухую кору дерева. Я распахиваю глаза, а Манэки Нэко легкомысленно пожимает плечами.

— Нужно смотреть по сторонам, голубоглазка, — внезапно за ее спиной появляется еле заметный силуэт несущегося мужчины, который и нарушил тишину выстрелом. Он бежит со всех ног, намереваясь снести нам головы серебряными, лихими пулями, однако падает, так и не достигнув цели. Его ноги сплетаются, а тело прогибается и в итоге наваливается всем своим весом на толстую шею, которая, врезавшись в землю, издает громкий хруст. Я перевожу оторопелый взгляд на обездвиженного Джейсона, а женщина выдыхает. — И под ноги тоже нужно смотреть. Жаль беднягу, не повезло.

— Неплохо, — отмерев, бросает мой напарник и достает сигареты из кармана пальто.

— Неплохо? — Я поднимаюсь на ноги и хватаюсь ладонями за затылок. — Он шею себе сломал, потому что о корень дерева споткнулся. Так вообще бывает?

— Как видишь, бывает.

— А вдруг это не Ловари?

— И стрелял он в нас, потому что заблудился. Хорошая теория.

Встряхиваю головой и протяжно выдыхаю. Она права. Я задаю глупые вопросы. Мы должны убивать тех, кто хочет убить нас, иначе сыграем с собой плохую шутку.

— Ладно. Хорошо, — я киваю, зажмурившись на пару секунд, — мы близко, верно?

— Нет. Мы уже пришли.

Манэки Нэко кивает в сторону, выпрямляемся, а я замечаю, как сквозь густые листья пробивается изображение небольших, деревянных срубов, старых и разваливающихся под изголодавшимся солнечным светом. Построенные несколько веков назад, они кажутся мне заброшенными домиками, изредка заполняющиеся живыми голосами. Кочуя, цыгане так и оставляют свои дома на растерзание времени и ветрам, и дома стареют быстрее людей или стареют в той же степени, что и их хозяева, пустившиеся в дорогу.

Сейчас поселение наполнено жителями, скотом и невообразимой вонью, которая так быстро врезается в мои ноздри, что желчь прокатывается по глотке.

Я порывисто отворачиваюсь, а Джейсон кривит губы.

— Ты в порядке?

— Запах. Похоже на...

— ...гниющую плоть? Да, так и есть. Способности убивают Ловари, потому что никто из них не в состоянии совладеть с силами. Вспомни, как Ари впервые встретила Дьявола?

— Она умирала, — недоуменно протягиваю я.

— Верно. И они умирают. Только им удалось найти способ растянуть удовольствие. И умирают они довольно долго, изнашивая свое тело, сгнивая изнутри.

— Идемте, — говорит Манэки, размяв тонкую шею, — что-то мне подсказывает, что вся деревня погрузилась в сон, перепутав, собранные ягоды смородины с белладонной.

— Вы убили целую деревню? — Резко восклицаю я, закатив глаза, и отворачиваюсь. В груди неожиданно что-то вспыхивает, и мне становится страшно. Я не показываю этого, и мускул ни один не дрогает на моем лице. Но я пугаюсь. Себя. Того, что мы делаем.

Того, что мы сделаем.

— Эй, голубоглазка. Я же сказала, что они уснули, — Манэки бодро похлопывает меня по плечу и улыбается, — я — Удача, а не Смерть. Если бы народ Ловари нужно было просто

смести с лица земли, к вам на помощь явился бы сам Ноа Морт.

Женщина элегантно походкой обходит меня и оборачивается, сверкнув кошачьими глазами, ее лицо украшает соблазнительная улыбка, а до меня произвольно доходит, что мне только что улыбнулась Удача. Что ж, хороший знак.

ГЛАВА 4. ЛОВАРИ.

Удача или, иными словами, Манэки самонадеянна в той же степени, что и остальные представители сверхъестественного мира. Она, как и многие мои новые знакомые, имеет удивительную способность вести себя легкомысленно и соблазнительно, в то время как на горизонте маячат проблемы вполне серьезные для простого смертного. Но ей все равно. Я наблюдаю за тем, как женщина, виляя тощими бедрами, приближается к поселению цыган и дышит при этом отнюдь не сбивчиво. Ей не страшно. Она не волнуется. Она знает, что в голову ей не влетит пуля, а улыбку не заменит отчаянный оскал. Манэки криво улыбается, испепеляет кошачьими глазами заснувших жителей маленькой деревни и мурчит, подобно тому созданию, на которого она похожа.

Я же иду настороженно. Пусть мы и выполняем задание Смерти под защитой Удачи, я не думаю, что есть смысл расслабляться. Когда даже человеческому миру присуще бить нас по голове тайнами да пронзать спины острием истины, сверхъестественному, наверно, впору ошеломлять до полусмерти. Не сомневаюсь, что просто так мы отсюда не выйдем.

— Голубоглазка, ты так напряжен, — соблазнительным голосом протягивает Манэки, а я на пару секунд позволяю себе поддаться эмоциям и закатить глаза, — какой угрюмый.

— Это его фишка, — откидывая в сторону окурков, отрезает Джейсон.

— Почему твоя фишка не роскошный байк и парочка татуировок?

— Потому что я нормальный человек.

— О, не повезло тебе. Быть нормальным до невозможного скучно.

— Это уже ваша вина, раз мне не повезло.

— Верно... — Манэки ухмыляется, обернувшись на меня через плечо, а я настороженно оглядываюсь, ощущая, как желудок стягивается в колючий шар.

Люди спят, безмятежно валяются на земле, около домов и на деревянных ступенях, и мне кажется, что сейчас я моргну, а они внезапно очнутся, откроют тяжеленные веки.

Я решительно стискиваю зубы и изучаю амулеты, подвешенные под крышами домов и колыхающиеся от легкого ветра. Интересно, что они означают? Отчего могут уберечь?

— От любопытных глаз, — отвечает Удача, — эти безделушки отгоняют бесов.

— Бесов?

— Слуг Люцифера, которые могут заявиться в любую минуту и потребовать счет.

— Но зачем?

— Затем, что магию Ловари используют нелегально, воруют ее у законного владельца.

— Просто отпетые правонарушители, — язвлю я и громко сглатываю.

Ветер играет с сухими листьями, растерзывая их на миллионы частичек, а у меня на душе внезапно становится очень не спокойно. Я нутром чую беду.

Такое обычно случается со мной, когда я напрашиваюсь на огромные неприятности.

Пелена спадает. Иллюзия странного, неконтролируемого везения валится с плеч, и я вдруг осознаю, что ведушь на поводу у Удачи, которая непременно обманет меня. Она так устроена — застилает глаза, придает уверенности в том, что самые безрассудные поступки

имеют смысл, тогда как, по правде, идешь ты на верную смерть.

Я в логове врага. Меня окружает огромное количество незнакомцев, которые могут в любой момент очнуться и оторвать мне голову! И зависит все лишь от этой женщины, что плетется впереди, от щелчка ее тонких пальцев.

Я притормаживаю, чтобы поравняться с Джейсоном, и перевожу на него тревожный взгляд. Думаю, сейчас он вновь отпустит какую-нибудь тупую шутку, и мне захочется ему врезать, но, к моему огромному удивлению, Джейсон прикладывает к тонким губам палец и кивает, будто бы и сам все прекрасно понимает. Впервые мы сходимся во мнении, молча идем за женщиной и смотрим по сторонам, готовые ответить, если придется.

— Мальчики, давайте поиграем, — тянет Манэки звонким голосом, — как думаете?

- Отказом мы удачу спугнем, — фальшиво улыбнувшись, отрезает Джейсон, — разве у нас есть выбор, Манэки? Ты ведь нам так помогаешь.

— Правильно мыслишь, Джесси. Итак, — женщина внезапно испаряется и появляется в нескольких сантиметрах от наших лиц. Но мы с Джейсоном удивления не показываем, так и застываем перед ней, синхронно потянувшись каждый за своим оружием. Рука мужчины ползет в карман, я думаю, там он припас кольт или что-то в этом духе; я же вновь тянусь к стрелам, которых за моей спиной нет. Черт. — Я загадала цвет, черный или зеленый, как вы думаете? М? Джесси?

Кошачьи глаза женщины испепеляют, очаровывают, как очаровывает шанс или вера, но я вырываюсь из спутанных сетей ее чар. Откашливаюсь, поглядываю на Джейсона и на долю секунды замираю, потому что вижу, как мой напарник вытаскивает руку из кармана пальто, я собираюсь встряхнуть его изо всех сил. Неужели он вытащит оружие?

Но он достает пачку сигарет, закуривает и, криво ухмыльнувшись, шепчет:

— Зеленый, Манэки.

Озарившая лицо женщины широкая улыбка, будто говорит, что все получится, что у нас полно времени, и мы можем и дальше бродить посреди грязной улицы и не обращать внимания на спящих врагов, разбросанных по периметру. Манэки пропевает:

— Правильно, — а затем вспархивает с места, подходит к одному из разваливающихся деревянных срубов и распахивает входную дверь, кивнув, словно приглашая внутрь. — Это было слишком просто.

— Проще простого.

Джейсон выпускает клубья сероватого дыма, искоса поглядывает на меня, возможно, пытаясь что-то сказать, но я, черт, еще не знаю его так хорошо, чтобы читать его мысли. И что это за ребусы? Я закатываю глаза, наблюдаю, как мужчина вальяжно сходит с места, намереваясь и дальше играть по правилам взбалмошной мисс-везение, и вздыхаю. Класс.

Ари рассказывала, что Ноа Морт, Смерть, внушал ей спокойствие и безмятежность, хотя она собиралась его возненавидеть и никак уж не хотела ему доверять, однако что-то в его глазах успокаивало, внушало уверенность и теплоту.

Манэки Нэко внушает безнаказанность. Она улыбается, шутит, порхает вдоль серого скрипящего коридора и отнимает страх, забирает здравый смысл. Везение опьяняет, и мне вдруг кажется, что, выхватив сейчас оружие из пальто Джейсона и выстрелив себе в лоб, я останусь в живых. Мне кажется, что пуля каким-то мистическим образом от ricochet от моего черепа и врежется в череп недоброжелателя. Безумие!

Я вновь встряхиваю головой и прохожусь пальцами по лицу.

Происходит нечто странное.

Чем дольше я нахожусь рядом с Удачей, тем меньше я себя контролирую.

— Мэтт? — Я нервно оборачиваюсь на голос Манэки. — Что я загадала: день или ночь?

Откуда я, черт возьми, знаю? Хмурю брови и отрезаю первое, что приходит на ум.

— Ночь.

Я непроизвольно отодвигаюсь назад, делаю всего один шаг и внезапно чувствую, как подо мной проваливаются половицы. Правая нога соскальзывает в дыру. Я едва не падаю. Я ловко расставляю в стороны руки, сохраняю равновесие, но уже в следующее мгновение застываю, так как слышу хорошо знакомый мне свист. С широко распахнутыми глазами я оборачиваюсь и вижу, как на меня несется деревянная стрела; я ничего не успеваю понять, даже шаг сделать не успеваю. Вот черт! Приоткрываю рот, осознав, что скоро превращусь в мумию, однако внезапно прямо перед моим лицом возникает рука, которая перехватывает стрелу в воздухе и крепко сжимает в тонюсеньких пальцах.

Ошарашено оборачиваюсь, а Удача приближается к моему лицу еще ближе и шепчет соблазнительным, тихим голосом:

— Ты ответил правильно.

Дьявол. Хрипло выдохнув, я резко поднимаюсь, вытаскиваю ногу из дыры, и прохожусь по взмокшим вискам пальцами. Что это было? Ловушка?

— Это была ловушка, — тоном знатока объявляет Джейсон, подтвердив мои мысли, — и много их здесь, Манэки?

— Отвечайте правильно, тогда не узнаете.

Удача безмятежно пожимает плечами, сходит с места, а я протяжно выдыхаю. Что ж, кажется, Ловари хорошо позаботились о том, чтобы чересчур умные недруги заплатились жизнью за свою безнаказанность. Но что теперь делать нам?

— Мы идем в слепую, — отрезаю я, едва слышно, — это опасно.

— У нас нет другого выхода. Опаснее сейчас разозлить Удачу.

— Странные у Смерти попытки нам помочь.

— Ну, он же Смерть, — Джейсон пожимает плечами, — наверно, иначе он не умеет. Все его истории определенно заканчиваются трупами и похоронами.

— А что насчет твоих способностей? Если что, ты же сможешь... ну... — Я вскидываю брови и пытаюсь на пальцах объяснить превращение человека в чудовищного монстра. Не так уж и сложно догадаться, что выходит у меня плохо. Джейсон хмурит лоб.

— Нет.

— Не сможешь?

— Не захочу. — Мужчина резковато одергивает ворот пальто. — Поверь, мальчик, тебе это совсем не понравится. Проще справиться с Ловари. Чем со мной.

Джейсон выходит вперед, а я киваю. Надеюсь, у него есть причины так говорить.

Манэки заводит нас на второй этаж, где по комнатам лениво гуляет холодный ветер. Запах висит тяжелый и спертый. Запах табака и плесени. Я настороженно оглядываюсь, не понимая, как в таких руинах можно жить и с интересом изучаю пыльные полки с разными склянками и жидкостями. На стенах неаккуратными линиями выведены неизвестные мне знаки, буквы, которые, возможно, также являются защитными амулетами, а на полу, чаще на гнилых порогах, притаились белые линии, похоже сделанные из соли или соды. Также нам попадаются спящие Ловари, которые вполне похожи на обычных людей. Разве что на них грязная, порванная одежда, и лица у них серые, будто бы обугленные.

— Правда или ложь, Джесси? — В очередной раз прерывает тишину Удача и вальяжно

облокачивается о потрескавшуюся стену.

— Ложь, конечно, — улыбается Джейсон, подходя к женщине, — а иначе в чем прелесть жизни, если нельзя друг друга обмануть? Везение ведь любит дураков, верно?

— Верно. Я обожаю тебя, Джесси. Но ты совсем не глуп. Так что меня привлекает?

— Шарм, обаяние.

— Напыщенная самоуверенность, дорогой мой, которая заводит в такие заросли, куда ни один умник не сунется. — Манэки щелкает пальцами по носу Джейсона, что, наверняка, ему не очень нравится, и, подмигнув мне, скрывается за порогом очередной комнаты.

Я прохожу следом за Джейсоном. Окно в этом помещении забито досками, но сквозь них прорываются лоскуты солнечного света, в которых в замедленном темпе плавают и летают песчинки пыли. Лучи довольно скудно освещают стол с различными магическими принадлежностями и предметами, разбросанными по его поверхности, а, также, они почти не проливают свет на морщинистое, смуглое лицо старейшего мужчины, восседающего за этим столом. Волосы у него седые, глаза черные. Они смотрят на меня. Он не спит!

— Верно, — отвечает на мои мысленные вопросы Удача и приближается к незнакомцу. Она проходится пальцами по подлокотникам, прокатывается ими по распахнутым книгам, пыльным листам. — Он настроен на разговор, к вашему счастью. Вам повезло.

— Джофранка? — Спрашиваю я и вижу, как мужчина слабо подается вперед. Его лицо в толстых, глубоких морщинах, два шрама пересекаются на шее и скатываются водопадом под льянную изношенную рубашку. Похож он на отжившего не лучшие годы старика, так и просидевшего в этом широком кресле большую часть своей жизни, однако взгляд у него пронизывающий и испепеляющий. Живой. Взгляд нечисти. Взгляд дышащего, сильного и свободолюбивого человека, которого поневоле заключили в оковы.

— Вы пришли в мой дом, — осипшим голосом хрипит мужчина и сжимает в пальцах подлокотники старого кресла, — вы осквернили мою землю.

— Мы хотели...

— ...поговорить, — перебивает Джейсон и выходит вперед, — меня зовут...

— Я знаю, как тебя зовут, Джейдан Соннер.

Джейдан Соннер? Я перевожу недоуменный взгляд на Джейсона и замечаю, как его лицо мгновенно вытягивается, а пальцы смыкаются в кулаки.

— Меня давно так не называют, — бросает он, на что Джофранка кривит губы.

— Но это твое имя.

— У моих друзей есть несколько вопросов, Джо. И ты должен им помочь, — шепчет на ухо мужчине Манэки Нэко и улыбается, — пожалуйста. Будь хорошим мальчиком.

Я до сих пор настороженно гляжу на напарника. Почему же он скрывал собственное имя? Не самый лучший момент для раскрытия тайн, как всегда. Атмосфера молниеносно перевоплощается из натянутой, звенящей струны в бушующий ураган, сносящий на своем пути любые преграды, будь то разваливающийся стол или человеческая жизнь.

— Ты ведь в хорошем настроении, — науськивает Удача, поглаживая Ловари по спине и прикрывая глаза от странного, неизведанного мне удовольствия. — Ты ответишь на пару вопросов, и только, мой дорогой. Ты ведь хочешь, ты хочешь помочь.

Джофранка неровно дышит, крепко зажмуривается и растопыривает пальцы, словно пытается бороться с собой, но у него ничего не получается. Уже в следующую секунду он открывает глаза и кивает, медленным, осторожным движением.

— Вы ищете человека.

— Не просто человека, — отвечает Джейсон, — мы ищем ведьму.

Цыган наклоняет голову и хищно улыбается, обнажив стальные зубы.

— Это значительно упрощает проблему.

Его руки падают на стол ладонями вверх, поднимая груды пыли, зазывая, приглашая к себе. А я стискиваю зубы и боковым зрением вижу, как Джейсон, не колеблясь, ступает вперед. Он чересчур уверен в себе. Манэки права: только глупцы верят, что везение всегда на их стороне. Я переминаюсь с ноги на ногу, осматриваюсь и невольно замечаю лукавую улыбку Удачи. Вот это мне уже совсем не нравится.

— Подождите, — внезапно выпаливаю я и замечаю, как Джейсон приподнимает плечи, будто собирается развернуться и выбить из меня все дерьмо, — это не то, что нам нужно.

Джофранка застывает, словно мраморная статуя, а Манэки сверкает карими глазами, порываясь внутрь моих мыслей, которые, к счастью, сейчас слишком сумбурны, чтобы их можно было прочесть. Я ступаю вперед, а она выпрямляет согнутую по-кошачьи спину.

— А что же вам нужно, голубоглазка?

— Мы должны не найти Ариадну, а понять, как ее спасти.

— Возможно, вам повезет, и вы увидите то, что сможет помочь ей, милый, — томным, соблазнительным голосом шепчет Удача и делает несколько шагов ко мне, пленяя своими невероятно карими глазами, красотой и уверенностью. — Ответишь на вопрос, Мэтти? — В груди у меня шелкает. Очередной вопрос, и я могу ошибиться с ответом. В комнате тут же становится невероятно жарко, и я порывисто отдергиваю прилипшую к телу футболку.

Смотрю ровно в глаза Удаче, а она вновь мне обманчиво улыбается.

— Что я загадала: любовь или ненависть?

— Любовь. — Слишком быстро отрезаю я и пугаюсь своих слов. Они сорвались с моих губ невольно и непослушно, будто и не мной вовсе были сказаны.

Я застываю, прожженный насквозь испепеляющим взглядом Удачи, а она шепчет:

— Скоро узнаем, — и кивает Джейсону, позволяя вновь подойти к Джофранке.

Пальцы женщины ласково проходятся по моей руке, а я наблюдаю за напарником, у которого на лице выгравирована стальная решительность, и затаиваю дыхание. Что если я ошибся? Он умрет, пострадает? Я искоса наблюдаю за Манэки и в очередной раз ловлю ее нахальный взгляд, который не внушает ничего, кроме обмана и невообразимого дерьма.

— Я спросила, что загадала я, — вдруг шепчет мне на ухо Удача, — а не ты.

И отстраняется с лукавой, расстроенной улыбкой, почему-то показавшейся мне еще и прощальной. Женщина делает несколько шагов назад, а я вдруг понимаю, что проиграл! Ответил неверно. Значит ли это, что Джейсону грозит опасность?

Я уверен, Манэки Нэко покинет нас в течение нескольких секунд, и вместе с ней нас покинут и ее чары. Деревня оживет, Ловари очнутся и захотят нашей смерти. Вот только к этому моменту Удачи уже на нашей стороне не будет, и мы определенно умрем. Так что я могу? Как я справлюсь с врагами, о которых ни черта не знаю?

У Джейсона больше шансов. У него больше опыта, знаний. У него...

Приподнимаю голову и делаю то, что делаю всегда, когда выбора нет, а действовать нужно в одно мгновение. Я не анализирую, не думаю о последствиях. Я знал, что Ариадна за мной вернется, когда заставил ее уйти из горящей школы. Я знаю, что Джейсон меня не бросит, если спиритический сеанс Джофранки паршиво закончится.

Срываюсь с места, грубым движением отпихиваю напарника в сторону и слышу, как он выкрикивает мое имя. Однако затем я решительно хватаюсь за морщинистые руки того

старого цыгана, что впяливает в меня невидящий взор, и чувствую, как тело стремительно воспламеняется, словно погруженное в канистру с бензином. Я распахиваю рот, закрываю глаза, ощущаю, как вены на шее набухают, взрываются, и неожиданно проваливаюсь под деревянные половицы гнилого пола. Я падаю несколько секунд, но кажутся мне они целой вечностью. Я почти уверен, что прожег дерево своими ногами, что тело до сих пор пылает и жарится, словно на вертеле. Но уже в следующее мгновение меня притягивает к земле, и я грубо валюсь вниз, не объятый пламенем, не сжигаемый в агонии.

Я открываю потяжелевшие веки, нервно приподнимаюсь и понимаю, что нахожусь в огромном, темном зале.

— Черт возьми, — сипло вдыхаю, выдыхаю, прокатываюсь ладонями по потному лицу, вновь оглядываюсь, оборачиваюсь и громко сглатываю желчь, прикатившую к горлу.

Дерьмо, я только что совершил нечто невообразимое. Я только что переместился или как это называется? Как это вообще возможно?

Взъерошиваю волосы, порывисто опускаю руки и на выдохе осматриваюсь. Где я?

Здесь мало света: тусклые лампы пятнами освещают высокие, каменные стены, а над головой, в центре необъятного, сотканного из холода и мрака зала, висит громоздкая, едва вмещающаяся под потолком люстра со сверкающими свечами. Золотистые узоры, словно жилы, текут по стенам, собираясь в лужи около моих ног, около грубого, прямоугольного, массивного зеркала, около емкости, наверно, достаточно глубокой и расположенной точно под люстрой. Я на ватных ногах плетусь к этой емкости, к дыре в мраморном полу, будто к бассейну, и недоуменно прокатываюсь пальцами по густой, бардовой жидкости, которой эта емкость наполнена. Подношу руку к лицу, вдыхаю и заторможено отворачиваюсь, так и не осознав до конца, что посреди зала находится бассейн, залитый чьей-то кровью.

Черт. Черт.

Отхожу назад нервными и поспешными шагами, вытираю руки о джинсы несколько раз и стискиваю до скрипа зубы, понятия не имея, где я нахожусь, и почему именно сюда меня отправила магия Джофранки. Это ад? Я усмехаюсь, довольно нервно для самого себя и останавливаюсь около зеркала, в котором искаженно и размыто, еле заметно отражается мое лицо. Все черты смазаны. Глаз не разглядеть. Я будто бы стою за толстой пленкой.

Странно. Взъерошиваю волосы и горячо выдыхаю, приподняв подбородок.

Наплевать, что показывает зеркало.

— Нужно понять, что я здесь делаю.

Это не вопрос. Это подсказка, мотивация к действию. Я ведь неспроста оказался тут, я должен найти ответы. Ноа хотел, чтобы я это увидел. Но что именно?

Я вновь смотрю на золотисто-медную раму, защищающую зеркало, и непроизвольно замечаю повторяющуюся надпись, тянущуюся вдоль всего периметра. Интересно. Может, у меня паранойя. А, может, важно все, что я вижу. Буквы настолько маленького размера, что мне приходится присесть на корточки, чтобы разобрать хоть одно словосочетание. Так и прищуриваюсь, едва не столкнувшись лбом со старинной поверхностью.

— Латынь, — срывается с моих губ, и я раздраженно закатываю глаза, — отлично.

Я ходил на курсы Латыни, когда брал дополнительные занятия по биологии, сейчас в голове мало что осталось, однако я сразу узнаю слова: вода и огонь.

— Цертамине или сертамине, черт. Ин перпетум.

Что-то знакомое. Надавливаю пальцами на глаза и киваю сам себе. Давай же, думай, соображай. Все ведь слова когда-то встречались, только сейчас в голове пустота.

Я приподнимаюсь, собираюсь проверить текст чуть выше, как вдруг застываю, грубо опущенный невидимыми руками в вакуум. В солнечное сплетение будто вонзается кулак! Я оторопело гляжу в зеркало, но вижу лишь то, что происходит за моей спиной. А за моей спиной стоит окровавленная фигура. Фигура, поднимающаяся из багрового бассейна. Она медленно переставляет ноги, они ступают на пол с оглушительным, бурлящим звуком, а с плеч, рук, пальцев толстыми, ярко-алыми линиями скатывается кровь. Она валится вниз и тянется за силуэтом, словно след, словно красные нити. И я не могу дышать. Я растерянно оборачиваюсь, достаточно медленно, чтобы органы успели сплестись и потревожить тело мощной судорогой, а фигура придвигается еще ближе. Очертаний лица почти не видно, не виден цвет одежды, кожи, волос. Силуэт приближается, кровь падает огромными каплями на пол, хлюпающие шаги, хлюпают у меня в голове, между висков, в горле, и я собираюсь сойти с места, сделать хоть что-нибудь, но неожиданно я замечаю их.

Зеленые, изумрудные глаза, которые на кроваво-красном фоне кажутся ярчайшими, несуществующими звездами! Я ошеломлен и сбит с толку. Я забываю обо всем. Я ступаю вперед, ощущая, как краска отливает от лица, как в груди раскрываются свежие раны, и на долю секунды перестаю быть тем Мэттом Нортаном, которого все знают, которого я знаю.

— Ари. — Я подаюсь вперед, не веря, что вижу ее перед собой. Это она, она здесь.

Остаются считанные сантиметры, да и считанные секунды, как мне кажется, до того момента, как я схвачу ее за руку и уведу домой. Как вдруг красные искры вспыхивают на кончиках ее пальцев. Ариадна замирает, лицо ее становится чужим и обозленным, и уже в следующее мгновение ее рука резко поднимается и в силках сдавливает мое горло.

Что за...

— Ари, что ты делаешь. Ари!

Ее пальцы непослушно скользят по моей глотке, так как утопают в теплой крови, но это не мешает им стискивать мою шею с невероятной силой. Я опомниться не успеваю, но она уже приподнимает меня над полом. Я неуклюже мотыляю ногами, хватаюсь руками за силки, душащие и убивающие, а она неожиданно издает гортанный смешок.

Сквозь кружащиеся темные точки, вглядываюсь в лицо Ариадны и замечаю, как она скалит зубы, будто дикое животное; ее смех становится громче, он идет из груди, изнутри, утробной и жуткой. Такой, что я не сомневаюсь — дела плохи. Прыская слюной, рычу:

— Отпусти. Что ты...

— Соскучился?

— Хватит! Это же я, это...

— Тшш, — ее голос завораживает, пленит. Ари чуть ослабляет хватку, позволяет моим ногам коснуться земли и приближается так близко, что я ощущаю медный, соленый запах, исходящий от ее лица, — посмотри на меня. — Я смотрю, я слушаюсь ее беспрекословно, не соображая, не имея сил сопротивляться. Я оказываюсь к ней так близко, что вижу лишь ее глаза, те самые глаза, что видел давно, в которые любил смотреть. — Мэтт. Мой Мэтт.

Ее пальцы больше не сжимают мое горло, больше и не нужно.

Застываю сраженный ее красотой, сломленный ее близостью. Ариадна поглаживает мои плечи, касается щекой моей щеки и оставляет кровавые, толстые линии, а я просто не шевелюсь. Становлюсь рабом ее прихотей и желаний. Она шепчет:

— Обними меня.

И я обнимаю. Сжимаю ее худое, скользкое тело и закрываю глаза. Она отстраняется, я не хочу, чтобы она отстранялась, тянусь к ней, подаюсь вперед, а она просит:

— Поцелуй меня.

Грудь пропускает острый удар, удар в самое сердце. Я дрожу, как будто никогда еще не видел Ари, не прикасался к ее теплым губам, не сжимал ее в объятиях, а она ведь могла меня убить, ее пальцы оставили глубокие ссадины на шее, скулах, но мне все равно.

Я уверен, что пришел сюда именно за этим.

— Мэтт, — шепчет она, закрыв глаза, — пожалуйста, — придвигается ко мне еще ближе.

Я заключаю ее лицо в ладони, касаюсь губами ее лба и висков, а затем горячо целую, как никогда еще никого не целовал, и как не думал, что умею. Я неожиданно думаю, что я все сделаю, все, что она мне скажет. Ведь она так мне нужна, я так хочу ее вернуть.

Однако затем происходит нечто странное.

Сладкая эйфория испаряется, уступив место ледяному страху. Я словно просыпаюсь, и я распахиваю глаза, вижу лицо Ари перед собой и понимаю, что ее поцелуй перерастает в нечто большее, опасное. В нечто такое, что отнимает у меня силы и убивает.

— Ари, — хриплю я между поцелуями, — что ты делаешь.

Она лишь крепче сжимает меня в объятиях и шепчет:

— Ты ведь хочешь этого. Хочешь меня.

Что происходит? Я должен отстраниться, но я не могу. Ее губы, такие мягкие, что у меня сносит голову, но я все равно упрямо пытаюсь думать, сопротивляться. Дышать уже скоро становится трудно, но не от страсти. Ноги подкашиваются, а легкие сводит жуткой судорогой. Такое чувство, что эти теплые, мягкие губы высасывают из меня жизнь.

Она убивает меня.

— Ари.

— Тише.

— Ари, что ты делаешь.

Замерев всего на мгновение, она шепчет:

— Прощаюсь.

Ее бездонные глаза поглощают меня, заставляют тонуть. И я подаюсь вперед, чтобы вновь прикоснуться к ее губам, ведь умереть от ее поцелуев кажется мне большой удачей.

Притягиваю ее ближе к себе и вспоминаю тот день, когда нашел ее на крыльце дома. Она сидела спиной, но уже знала, что именно я оказался рядом. Она всегда чувствовала ко мне что-то, а я нет. Она чего-то ждала. А я просто был рядом. Я был дураком.

Сил уже нет перебирать ее волосы, и руки валятся вниз, но я все равно представляю, как я делаю это. Как касаюсь кончиками пальцев ее шелковистых локонов, как сжимаю ее в руках до изнеможения, до боли. Я падаю. Мои ноги просто перестают держать меня.

В отличие от Ари.

Она так держится за мои плечи, что я должен чувствовать боль. Но я не чувствую.

— Ари, — хриплю я, раскрываю глаза и вижу ее лицо, правда, не испачканное кровью, не искаженное злостью и равнодушием. Я тяну к нему руку, но затем внезапно ощущаю, как нечто извне хватается меня за плечи и резким движением отбрасывает в сторону.

Что за...

— Нет! — Издает вопль Ариадна, а я парю в неистовом, грубом потоке и вдруг...

Падаю, только на этот раз не на мраморный мол, а на деревянные, сгнившие доски.

Скручиваюсь от тупой боли, откашливаюсь и резко приподнимаюсь, вдохнув воздух так быстро, что он обжигает глотку. Какого черта происходит. Где я. Почему выбрался.

Шея вспыхивает от боли, руки наливаются свинцом. Я хочу встать, но понимаю, что сил нет, что голова разрывается от тягучей, неприятной мигрени, и мне остается только на полу корежиться, словно я жарюсь на конфорке. Черт. Бегло осматриваюсь, моргая, чтобы спугнуть черные пятна, плавающие перед глазами, но ничего не выходит.

Меня привлекают глухие удары, ползающие по комнате. Что это? Через силу голову поднимаю и замечаю смазанные силуэты двух мужчин, которые находятся совсем близко, и которые пытаются перерезать друг другу глотки. Что за...

— Джейсон? — Прищуриваюсь и порывисто приподнимаюсь. Что он делает? Мужчина отбивается от очередного выпада Джофранки и оборачивается.

— Удача отвернулась от нас.

Кто сомневался, что будет иначе? Чертова помощница, завела в логово врага и ушла со спокойной душой, точно выполнила просьбу.

Хватаюсь ладонью за стену и стискиваю зубы, злясь на себя за то, что никак не могу включиться в реальность, побороть головокружение. Я должен помочь Джейсону, а я даже на ногах ровно стоять не могу. Волосы падают на лицо, сквозь них я вижу, как напарник в очередной раз уворачивается от блестящего клинка, который в своих притких пальцах изо всех сил сжимает цыган. Неожиданно Ловари отпрыгивает в сторону, зажмуривается, и на Джейсона самостоятельно нацеливаются все острые предметы, что находятся на столе.

— Какого... — протягивает он, а затем неуклюже отворачивается, потому что орудия со свистом стартуют в его сторону.

— Осторожно!

Я уверенно наваливаюсь на Джейсона и сбиваю его с ног, мы кубарем падаем на пол, избегаем наконечников острых клинков, но прилично ударяемся о деревянные половицы.

Я со стоном перекатываюсь на спину, все еще не отойдя от прыжков во времени или в пространстве, черт их знает, а Джейсон уже вскакивает на ноги и раскидывает в стороны руки, растопырив пальцы, будто бес. Он не на шутку обозлен. Его дикий, черный взгляд в лицо Ловари врезается лихим ударом, и я почему-то уверен, что после такого вызова пути назад нет. Этот поединок закончится смертью. Джофранка обнажает стальные, уродливые зубы, Джейсон кривит сбитые в кровь губы... Никто не произносит ни звука, не разбавляет атмосферу громкой фразой и не оставляет времени на передышку. Мужчины срываются с места, накидываются друг на друга, словно дикие звери, но, по воле случая, а, может, воля на то, иного рода, никакая магия не помогает Ловари избежать тупых, сильнейших ударов от рук Джейсона, как кувалда пронзающих его тело, и ударов от рук судьбы.

Раз, два, цыган оторопело распахивает черные глаза, налитые ужасом.

Три, четыре, он взмахивает ножом в воздухе, цепляя грудь Джейсона, что злит моего напарника гораздо сильнее. Зарывав, словно настоящий зверь, Джейсон кидается вперед, впивается ладонями в лицо Ловари и уже в следующую секунду сворачивает ему шею.

Звучит такой громкий хруст, что я застываю, я и не знал, как звучит Смерть, вот она.

Глухой удар, соприкосновение мертвого тела, мешка с костями и земли.

Джофранка застывает с открытыми глазами, превращаясь у нас на виду в иссохший, разваливающийся скелет, а затем и вовсе исчезает, оставив лишь груды пыли. Я перевожу взгляд на Джейсона, тот переводит взгляд на меня. Пожалуй, мы неплохо поработали.

Топот ног вырывает нас из иллюзии.

Мы одновременно глядим на дверь и одновременно вспоминаем, что еще десятки, а, может, и сотни Ловари ждут нас с распростертыми объятиями за порогом. Черт возьми! Я

обозлено хмурю лоб, а Джейсон захлопывает дверь и прижимается к ней спиной.

— Непредвиденные обстоятельства, — спокойным голосом бросает он, стирает кровь с подбородка и тянется в карман за сигаретами. Я удивленно вскидываю брови, когда он, не обращая внимания на ор неприятелей, толпящихся за порогом, начинает курить.

— Тебе не кажется, что сейчас не лучшее время для перекура?

— Сейчас самое худшее время для перекура, мальчик. Поэтому мне и хочется курить.

- Ладно. Что будем делать? Ты вроде как сам собирался принимать решения.

Джейсон ухмыляется и выдыхает серый дым в потолок.

— Забавно.

— У нас нет выхода, — я делаю шаг вперед и киваю, — сделай это.

— Что сделать? Не пугай меня. Может, это и последние минуты нашей жизни, но...

Он смеется, а я недовольно свожу брови.

— Я говорю о твоих способностях. Превращайся. Мы не справимся с ними.

Джейсон недовольно опускает сигарету и спрашивает:

— Ты оглох? Кажется, я уже говорил свое мнение на этот счет.

— Да наплевать мне на твое мнение. Разве у нас есть другой выход?

— Есть. Сейчас я докурю сигарету, ты пока можешь немного поностальгировать и все в этом духе, а потом я открою дверь, и мы попытаемся выжить.

— И это ты называешь выходом?

— Именно так. Вот, видишь, дверь, — Джейсон кивает на дверь позади себя и вновь на меня смотрит пренебрежительно, — значит, за порогом — выход. Уяснил?

Это не вариант. Это самоубийство. Отчаянные решения тоже должны иметь смысл, а я не хочу умирать лишь оттого, что моему напарнику лень было раскинуть мозгами. Резко отворачиваюсь, хватаюсь пальцами за шею и жмурюсь. Так, так. Десятки цыган, сотни, да и тысячи неприятностей поджидают нас там. Более того, совсем скоро они ворвутся уже и в эту комнату. Нам надо сваливать. Срочно. Но как? Окна забиты, проход один.

Мы в ловушке.

— Послушай, — понизив тон, хрипит Джейсон, — я не вру, я не могу этого сделать.

— По какой причине? Это ты, такой, какой есть. И сейчас это вполне пригодится.

— Ты хочешь спастись, верно? — Оборачиваюсь, киваю, а мужчина отбрасывает в угол окурок и пожимает плечами. — Так вот ты не выживешь. Я не могу себя контролировать. Я выберусь из деревни, да. Но выберусь один.

Мужчина смотрит на меня серьезно, а я неожиданно понимаю, что только из-за меня он сгниет здесь, он не решится стать чудовищем, боясь перегрызть мне горло. Осознание данного факта меняет во мне что-то... внезапно я гляжу на Джейсона под абсолютно иным углом. Он пытается спасти меня? Предпочитает умереть вместе, а не спастись в одиночку?

— Хватит пялиться, — бросает он, отвернувшись, — иначе передумаю.

— Знаешь... спасибо.

Джейсон вновь глядит мне в глаза и усмехается.

— Было бы за что, мальчик. Поверь, перспектива превратиться в волка, чтобы сожрать целую деревню, отнюдь меня не радует.

Я внезапно прыскаю со смеха и устало потираю пальцами лицо. Черт, что же делать?

Неужели мы, действительно, вырвемся из комнаты, тая надежду на то, что Ловари от нас побегут, как от самого Люцифера?

Люцифера.

Меня вдруг, словно молния, пронзает абсолютно ненормальная, сумасшедшая идея! Я порывисто оборачиваюсь, гляжу на Джейсона и шепчу:

— Конечно.

— Конечно?

— Амулеты, развешенные по всей территории, знаки на стенах. Да ведь цыгане боятся бесов и Дьявола, что означает лишь то, что нам стоит их вызвать!

— Что нам надо сделать? — Напарник ошеломленно скидывает брови и осматривает меня таким взглядом, словно я спятил. — Ты спятил? — Да, я верно определил эмоцию.

— Послушай, это разумно. Сам подумай. Удача говорила, что Ловари воруют магию и пользуются ей незаконно. Знаки скрывают деревню от слуг Люцифера, а мы с тобой сами сюда его приведет, подскажем, поможем. Как тебе еще объяснить?

— Ты хоть знаешь, кто такой Люцифер, мальчик? Черт подери! Это не тот парень, про которого ты книжки читаешь или фильмы смотришь. Это Отец Лжи. Это Зло. И ты вдруг решил, что он просто явится к нам и выгащит нас из дерьма?

Не знаю, что ответить, поэтому очень красноречиво пожимаю плечами.

— Ты сошел с ума.

— Мы все равно умрем. Какая разница, кто именно свернет нам шею? Или ты реально веришь, что нам удастся прорваться сквозь десяток цыган, владеющих магией? Они уже в спину нам дышат, около двери толпятся.

— Это Дьявол, Мэтт.

Ого. Джейсон назвал меня по имени, значит, я действительно сбил его с толку. Но я не собираюсь брать своих слов обратно. Я уверен, что я прав.

— Говори, что делать.

Уже в течение следующих минут я рисую на деревянном полу перевернутый, кривой треугольник. Опыта у меня мало. Рука саднит от раны, щепки впиваются под кожу, пока я вывожу линии по шершавому покрытию, но я не жалуюсь. Глаза горят. Кожа горит. Да, на этом моя жизнь вполне может закончиться. А, может, и нет.

— Повторяй три раза: Vocavit vos, Lucifer... — Джейсон подрывается вперед из-за того, что кто-то со всей силы врзает по двери и стискивает зубы. — Давай, живее!

Я киваю и, пару раз сжав и разжав пальцы, хриплю:

— Vocavit vos, Lucifer. Vocavit vos, Lucifer.

— Сделай одолжение, притворись, будто мы скоро умрем, и скажи с выражением.

— Может, сам скажешь?

— Может, тогда дверь поддержишь?

Порывисто отворачиваюсь, зажмуриваюсь, и произношу:

— Vocavit vos, Lucifer! Vocavit vos...

Невидимая волна сбивает меня с ног. Я отлетаю на несколько метров и с такой силой врзаюсь в стену, что перед глазами вспыхивают краски, а между висков проносится звон, скрипящий и оглушающий. Предметы в помещении подрываются в воздухе и застывают в невесомости, в полете. А пыль превращается в густую думку, проникающую в ноздри и не дающую дышать. Я жутко пугаюсь. Желудок скручивается в тугий узел, а ноги становятся в разы тяжелее, неминуемо оттягивая тело все ниже и ниже... Я думаю, что свалюсь прямо сейчас на пол, но нечто удерживает меня. Нечто костлявое и ледяное, нечто еще незримое, правда, лишь в течение нескольких секунд. Вскоре призрачные силки приобретают форму тонких пальцев, потом и рук, и плеч, будто в замедленной съемке постепенно передо мной

появляется сам Дьявол в идеально выглаженном, черном костюме.

И Дьявол держится пальцами за мой подбородок, не позволяя мне сойти с места.

— Здравствуй, — шипит он, приблизившись к моему лицу, а я оторопело вжимаюсь в стену, пусть и не думаю, что можно вжаться еще сильнее, — Мэттью.

Его пальцы едва касаются моей кожи, но создается впечатление, будто к стене меня приковали звенящими цепями. Я лишь думаю: говори, давай, ты должен говорить! Но я не могу. Впервые в жизни мне кажется, что я подписал себе смертный приговор.

— Смертный вызывает самого Дьявола, — науськивает Люцифер и прожигает глазами во мне дыру размером с Коннектикут, — какая неслыханная наглость.

— Я хотел... — Запинаюсь, а Дьявол резко вперед подается, оскалив зубы.

— Что хотел?

— Предложить.

— Сделка? — Пальцы мужчины ослабляют хватку, и на его лице проскальзывает нечто такое, что нельзя описать человеческими словами. Бледная кожа кажется мертвой. Глаза, в которых горит огонь, кажутся ядовитыми. Я сглатываю, а он отступает назад и сплетает в замок длинные, костлявые пальцы. — Слушаю.

Оковы, прижимающие меня к стене, исчезают. Я порывисто горблюсь и хватаюсь за шею пальцами. Сегодня меня столько раз пытались придушить, что моя живучесть вполне достойна громких аплодисментов. Откашливаюсь, произвольно осматриваюсь, заметив, что Джейсон застыл в одной позе, как и парящие в воздухе предметы, а затем вновь гляжу на Люцифера, стиснув зубы до оглушающего скрипа.

— Я знаю, что Ловари воруют магию... — Дьявол скучающе сканирует меня красными глазами, а я продолжаю. — Вы пытаетесь отыскать их, но они научились прятаться. Однако я решил, что вам будет интересно найти их, здесь, в этой деревне.

— И почему ты так решил?

— Я не прав?

Люцифер внезапно усмехается, при этом взгляд у него остается абсолютно пустым и ужасающим, как будто я смотрю в глаза ядовитой Кобре, способной в любой момент меня убить. Дьявол наклоняет голову, отчего половина его лица тонет во мраке, и спрашивает:

— Ты хочешь что-то взамен.

— Я хочу выбраться из логова Ловари в живых, вместе со своим другом — Джейсоном.

— Тебе не страшно? — Внезапно Люцифер исчезает и возникает возле меня с дикими, блестящими глазами. — Не страшно, что я, допустим, перережу тебе горло.

— Дьявол любит сделки, — я не узнаю свой голос; сжимаю в кулаки пальцы, а ноги так и дрожат. Я трус. Впервые я чувствую себя трусом. Что еще сказать? Слов больше нет. Он пронзает меня презрительным взглядом, а я корчусь под ним, как загнанная в угол мышь.

— Ты рискуешь, Мэттью.

— Пожалуй, иного выбора у меня нет.

— Пришел просить помощи у того, кто отнял твою любимую, — лицо Люцифера вдруг искажает широкая, дьявольская улыбка, от которой леденеет кровь. Он порывисто ко мне придвигается, втягивает запах моего страха и облизывает серые губы, — отчаяние. Люблю нотки беспомощности, плавающие по вашему лицу вместе с потом. Правда, меня всегда удивляло, как можно быть трусливым и жестоким одновременно, ведь жестокость требует огромной смелости.

— Жестокость?

— О да... Ты собираешься обменять свою жизнь и жизнь своего друга на жизни сотни человек! — Дьявол сверкает алыми глазами и резко отстраняется. — Мы слишком похожи, я не лишу жизни своего последователя. Я ценю твою преданность и позволю вам уйти.

Застываю. Что он сказал? Он согласился?

Дьявол стремительно отходит от меня, потирает ладони и кривит губы:

— Можете остаться, послушать.

— Послушать что?

— Музыку. Музыку человеческих криков и стонов. Знаешь, как сладит уши аллегро из фонтанов крови, вырывающихся из разодранных людских глоток?

Я ничего не отвечаю, просто покачиваю головой, но не вижу и толики разочарования в кровавых глазах Отца Лжи. Он лишь пренебрежительно улыбается.

— Запомни, кто тебя спас, Мэттью.

Дьявол щелкает пальцами, мебель разом валится на пол, разносится громкий треск, а затем комнату наполняет безликая тишина. Джейсон растерянно смотрит на меня, смотрит на дверь, больше не рвушюся на части от жестких ударов, и шепчет:

— Не может быть.

— Идем.

Я срываюсь с места. Хромая, еле таща ноги, я плетусь вперед, стараясь не глядеть по сторонам, стараясь ни о чем не думать. Я иду вперед и не опускаю взгляд на горы трупов, не смотрю на разукрашенные кровью стены, не вдыхаю соленый запах смерти. Несусь все дальше и дальше, и не оглядываюсь. Ни на мгновение.

Я сделал то, что должен был. Это враги. Все они. Я должен был.

Однако мысли не избавляют от ядовитого и колючего чувства в груди, которое так и норовит разрезать на части легкие. Меня своим последователем назвал сам Дьявол, я даже глазом не моргнул, когда он согласился убить сотни людей по моей подсказке.

Джейсон решил умереть со мной.

А я предпочел жизнь, не взирая ни на что.

Ведь я хочу жить. Ведь мне так рано умирать. Правда, жизнь ли это? Боюсь, душа во мне с каждым днем становится все прозрачнее, и весной от нее не останется ни следа.

ГЛАВА 5. ПОБЛАЖКИ.

Мы въезжаем в Астерию.

За окном проскальзывают зеленые пласты, слипшихся воедино листьев, затем, минут через пять, показываются пики первой церкви, построенной задолго до моего рождения. Я придавливаю пальцами зудящие ссадины на шее и невольно замечаю, как Джейсон рукою держится за окровавленную рубашку.

— Он сильно задел тебя.

— Жить буду. А ты как? Видок у тебя не очень, — мужчина кривит губы, и я почему-то улыбаюсь ему в ответ, несмотря на то, что лицо тут же сводит судорогой. — Ничего, Мэтт.

— Знаю, скоро заживет.

— Скоро ты привыкнешь.

— Может, поговорим о чем-то другом?

— О чем, например.

— Джейдан Соннер..., — протягиваю я и морщусь от неприятной боли, прокатившейся

по подбородку. Черт! Щиплет невыносимо. — Кажется, именно так тебя назвал Ловари.

— Что ж, у меня ведь была жизнь до того, как я стал тем, кем стал, мальчик.

— Видимо, она была паршивой, раз ты сменил имя.

— Да нет, вполне обычной. Просто потом заболела моя сестра, и все изменилось.

Невольно застываю. Когда речь заходит о болезнях, забирающих жизнь тех, кто нам дорог, в голове у меня туманится рассудок. Я сразу вспоминаю мать. Я вспоминаю то, как она боролась с раком, и то, как она проиграла. Я ненавижу эти мысли, но они не уходят.

Они живут во мне, они питаются мной.

— Я пытался отыскать способ, способ ее спасти. И тогда впервые наткнулся на ведьм, на этот мир. — Джейсон достает окровавленными пальцами сигареты, а я сосредоточенно наблюдаю за ним, удивленный, что он вдруг решил открыть мне свою тайну. — Я не могу сказать, что этот мир пришелся мне по вкусу, я даже испугался, но у меня не было выбора. Я хотел помочь сестре и совсем не думал о неприятностях, что меня поджидают.

— И как? — Я неуклюже прочищаю горло. — Помог?

— Нет. Она умерла.

Терять близких трудно. Я знаю об этом не понаслышке, и мне внезапно кажется, что я буду полным кретином, если скажу что-то вроде: мне жаль или крепись. Все это лажа, не делают слова легче, только сильнее на куски раздирают.

— Паршиво, — лишь хриплю я, отвернувшись, и слышу, как Джейсон усмехается.

— Знаешь, а я ведь хотел спасти ее, но, в итоге наткнулся на ведьму, которая прокляла меня и сделала таким. — Напарник сбавляет на повороте скорость. — Отстойный был год.

— Тебя прокляли? Но я думал, что...

— Мир нечисти совсем не такой, каким его рисуют в книгах. Никто меня не кусал.

— Выходит, все дело в заклинании?

— В заклинании и очень злой ведьме. Я стараюсь не вспоминать о том времени, ведь я уже давно не Джейдан. И, Мэтт, я не хочу, чтобы кто-то узнал об этом, понял? — Джейсон глядит на меня и неожиданно кажется мне непривычно уязвленным.

Он отворачивается, сжимает в сбитых пальцах руль, а я задумчиво хмурюсь.

— Я никогда не умел болтать, Джейсон.

— Отлично.

Я смотрю в окно, голова кружится, и я предполагаю, что я хочу есть, а, может, спать. Или у меня, возможно, черепно-мозговая травма, и я умираю.

— Ты не спросил меня о том, что я увидел. — Бросаю я, сменив тему.

— Решил, будет лучше, если ты не станешь повторяться и поделишься впечатлениями сразу в доме Монфор. Хочешь обсудить это сейчас?

— Нет. Ты прав.

Джейсон кривит губы, а я подпираю подбородок и вновь впяливаю взгляд в окно. Не знаю, что буду делать дальше. Сегодняшний день изнурил меня, правда, морально я устал гораздо больше, чем физически.

Ариадна едва не убила меня.

Она хотела меня убить.

Я не до конца понимаю, что произошло и решаю не думать об этом, не принимать. Я могу притвориться глупым, попробую. Иногда закрыть глаза на очевидные вещи полезно.

— А ты спас нас сегодня, — неожиданно говорит Джейсон, когда мы проносимся мимо школьных ворот, и кидает в мою сторону косой взгляд. — Отлично поработал.

— Отлично..., — эхом повторяю я и продолжаю смотреть в окно, игнорируя мысли о том, что ради нашего спасения я пожертвовал десятком незнакомых человек. А ведь среди них вполне могли находиться дети, женщины. Да, так и было. Но мне было плевать.

Становится жарко, горло сдавливают силки, и шея жалостливо вспыхивает от боли.

Я натворил так много. Натворил, не соображая, не понимая до конца, что делаю.

Мне становится не по себе от страха, будто, когда я взгляну на себя в зеркало, я себя больше не узнаю.

Джейсон паркуется напротив дома Монфор, неуклюже заехав на тротуар, и сначала я думаю, что ему просто наплевать, где бросить машину. Но потом до меня доходит, что он едва тащит ноги. Видимо, Ловари серьезно его ранил. Ищейка потирает пальцами потный лоб и оставляет на бледной коже кровавые, кривые следы. Затем выкатывается из салона и так громко захлопывает дверь, что между висков у меня прокатывается колючая боль.

Я выбираюсь, морщась и сугулясь, будто кто-то хорошенько мне врезал по челюсти.

— Ты чего? — спрашивает Джейсон, прочистив горло.

— Порядок.

— Выглядишь...

— ...паршиво, да, я помню, ты тоже, — взмахиваю рукой и усмехаюсь, — тоже похож на восставшего из ада трупака. Не только мне досталось.

— Закуришь?

Джейсон протягивает испачканную в крови пачку, а я растерянно кривлю губы. Мне кажется, он не из тех, кто разбрасывается словами, и если он предложил мне закурить его, я подчеркну, «его» сигареты, я определенно поднялся в его хит-параде.

— Я не курю. Но спасибо.

Мужчина коротко кивает и стремительно сходит с места, будто и не держится левой ладонью за живот, чтобы кровь не так уж быстро скатывалась по рубашке. Он отталкивает калитку носком ботинок, делает всего несколько шагов, как вдруг дверь открывается, и из дома выбегает Норин Монфор.

Просканировав наши лица, она округляет глаза и на ходу восклицает:

— О, Боже, Джейсон. Что стряслось?

— Ничего, — бросает он, вытянув спину. — Мы в порядке.

— В порядке? Разумеется, вы не в порядке!

Женщина хватается за плечо Джейсона так крепко, что создается впечатление, будто это ей нужна помощь, а не ему. Она семенит с ним рядом, а я вялой походкой иду за ними, поглядывая на голубое небо. Какое же оно сегодня чистое.

— Мэтт.

— Да? — Опускаю взгляд. Норин обеспокоенно хмурит брови. — Не отставай.

Киваю и послушно прибавляю скорость, осознав, насколько сильно вымотался, и как жутко хочу свалиться намертво, прямо здесь, на тропинке, и уснуть.

Норин проводит нас на кухню.

Я падаю на стул, Джейсон облокачивается о разделочный столик, и мы принимаемся молчать, в то время как, Монфор принимается носиться с травами и тарыхтеть себе что-то под нос, будто одержимая. Правда, я слишком устал, чтобы отреагировать.

— Дамочка, не мельтеши, мы никуда не торопимся.

— Будь добр, Джейсон, закрой рот.

— Какие мы вежливые, — в ответ усмехается мужчина, но улыбка у него вялая. Все мы

в какой-то момент становимся поломанными, сбитыми с толку; не уверен, что существуют исключения. Наблюдаю за тем, как взгляд Норин вспыхивает недовольством, и закатываю глаза. Нашла, на что злиться.

— Мы в порядке, — выступаю я, прежде чем ведьма успеет вторично проклянуть моего чересчур самоуверенного напарника. — Целы и невредимы.

— Невредимы? — Поражается она.

— Почти.

— Почему так долго? Мы волновались.

— Кстати, где Мэри?

— Я уговорила ее прилечь, — Норин бросает на стол разноцветные миски и быстрыми движениями раздавливает в каждой по несколько веток неизвестной мне травы. — Впервые мы сидели и бездействовали, а это трудно. Я пыталась позвонить, но поняла, что я не знаю твой номер! Столько всего произошло, а мы даже телефонами не обменялись.

— Дамочка, я не ослышался? — Удивляется Джейсон, выгнув левую бровь, и, несмотря на рану, подается вперед. — Ты просишь мой номер?

Я не удерживаюсь и вновь закатываю глаза.

— Так, — поднимаюсь из-за стола и скидываю руки, — я наверх, а вы общайтесь.

— Нет, Мэтт, подожди, — просит Норин, растерянно взглянув на меня, — ты не можешь уйти, не обработав садины. Ты серьезно ранен.

— И ты ничего не рассказал, — вмешивается Джейсон.

— А у нас есть время на серьезный разговор? Мне показалось, вы другим заняты.

— Мальчик...

И вот опять я — мальчик. Сплетаю на груди руки и бросаю:

— Не начинай. Я все расскажу. Только давайте без... — Мотылюю пальцами в воздухе и ловлю себя на мысли, что слишком часто я пытаюсь выразить чувства подобным образом.

Джейсон вновь облокачивается о разделочный стол. Норин Монфор отводит взгляд. А я недовольно потираю пальцами глаза, так как совсем не собираюсь быть нянькой еще и для этих двоих. Мне и Хэрри с Ари хватало. Но потом я опускаю руки вниз и киваю. Если мне одному по силам сконцентрироваться на проблеме — отлично. Мне не привыкать.

— Когда я коснулся Ловари, я попал под землю, в огромный зал.

— Ловари согласились с вами сотрудничать? — Деловым тоном спрашивает Норин, а я в очередной раз вспоминаю о том, что на моих плечах теперь десятки смертей.

— Ноа Морт прислал Манэки, — отвечает за меня Джейсон.

— Удачу?

— Да. Она нашла Джофранку и подговорила его помочь.

— Весьма удобно. Так, на чем ты остановился?

— На том, что я попал в огромный зал, — потираю пальцами глаза и вновь усаживаюсь за стол. — В центре находился бассейн, наполненный кровью, позади меня — зеркало.

— Зеркало? — Норин Монфор поднимает подбородок и с интересом скидывает брови. Ее взгляд мгновенно становится серьезным. — Как оно выглядело?

— Огромное, с деревянной, толстой оправой. Старое, по всей видимости. На раме еще была написана повторяющаяся фраза, но я плохо знаю латынь. Что-то про огонь и воду.

— Сгорающий в Огне, в Воде возродится, — шепчет женщина, а я хмурюсь.

— Знаете, о чем идет речь?

— Верум.

— Кто?

— Верумское зеркало, — поясняет Джейсон на выдохе, — Зеркало Правды.

— Весьма интригующе. И почему оно так называется?

— Потому что отражение свое в нем видят только бездушные твари. Люди, у которых нет души, проще говоря. Обычный, хороший человек в зеркале не отразится.

— Вообще?

— Вообще.

Я сглатываю и чувствую, как леденеют пальцы. Внезапно мне становится не по себе. Да, я видел свое лицо неотчетливо, смазано. Но мой силуэт все же появился в зеркале.

Это навивает на плохие мысли, от которых перехватывает дыхание.

- Ты побледнел, — подмечает Норин Монфор, и неожиданно ее губы дрогают от едва заметной улыбки. — Неужели Мэттью Нортон отразился в Веруме?

— Нет.

— Нет? Тогда что именно тебя так напугало, мальчик?

— Там... — Я встряхиваю головой и откашливаюсь. — Там отразилась Ари.

Миска неуклюже выпадает из рук старшей Монфор, и женщина пронзает меня таким испепеляющим взглядом, что внутри все камнеет и покрывается трещинами.

— Ты ее видел? — Осипшим голосом спрашивает она, подаваясь вперед. — Видел Ари?

— Да.

— Что же ты молчал?

— Я рассказываю по порядку.

— Как она? — Норин прищуривает глаза и, поставив руки на стол, нависает надо мной, словно огромная неприятность. — Она цела? С ней все в порядке?

В порядке ли? Ариадна купалась в бассейне с кровью, а потом едва меня не убила.

Я не хочу делиться своими переживаниями, они сумбурны и пугают даже меня. Ари собиралась высосать из меня жизнь, а я вспоминаю об ее поцелуе с тупым трепетом, будто это один из тех хороших моментов, которые оставляют в памяти теплый след.

— Она жива, — аккуратно отвечаю я, прочистив горло, — и она немного другая.

— В каком смысле?

— Ну, она... Вы перестанете меня пытаться, если я скажу, что Ари остается все такой же невыносимой занозой в заднице?

— Она пыталась его убить, — вдруг хрипло отрезает Джейсон и кивает. — Верно?

Я недовольно хмурю лоб, ненавижу, когда мои слова переворачивают. Однако на сей раз, Джейсон оказывается прав, и моя ложь рассыпается на миллиарды частей.

— Что она сделала?

— Она... — Грудь сдавливают силки, я хочу соврать, но потом понимаю, что маленькая ложь может привести к большим неприятностям, и выдыхаю. — Ариадна поцеловала меня.

Норин отстраняется и обхватывает себя за талию бледными пальцами.

— Поцеловала?

— Да. — Я поднимаюсь и развожу руками в стороны, отчего по телу проносится пожар из неприятной боли. Сутулюсь, раздраженно стиснув зубы, и выдавливаю улыбку. — У нас с ней всегда были странные отношения.

— И часто вы пытались друг друга убить?

— Вас удивит мой ответ.

— Интересная ситуация.

— Неужели.

— Конечно, — женщина гордо расправляет плечи и покачивает головой, — вместо того, чтобы свернуть тебе шею, она решила тебя поцеловать. Тебе не кажется это странным?

— В ней борются два разных существа, — заключает Джейсон, нахмутив лоб, — я почти уверен, что она сама не ожидала от себя такой реакции. Что-то еще?

— Нет.

— Ари ничего не говорила, не спрашивала? Просто поцеловала тебя.

— Я же сказал, — недовольно вскидываю брови, — ничего больше. Кстати поцелуй был так себе. Чмокнула и бросила, как куль с мукой. Ничего особенного.

Я хватаю со стола миску с готовым лекарством и, хромя, плетусь вон из кухни, не в состоянии больше отвечать на новые вопросы. Как я могу нормально рассуждать, когда от воспоминаний у меня волосы поднимают дыбом, а руки покрываются потом. Идиотизм. Я не узнаю себя, и меня выворачивает наизнанку от этого тупого чувства, что горит внутри.

— Черт.

Заворачиваю в ванную комнату, захлопываю дверь и бросаю миску в раковину, так и не взглянув на себя в зеркало. Понятия не имею, кто на меня посмотрит в ответ, и не хочу рисковать. Возможно, там уже совсем другой человек.

Стягиваю порванную футболку, бросаю ее на ледяной кафель. Отравы Норин ужасно воняет, но я все равно намазываю ей зудящие раны. Жечь начинает еще сильнее, и я тихо взываю, прикрыв от усталости глаза.

Неожиданно в дверь стучат. Я нехотя оборачиваюсь и вижу Норин. Женщина глядит на меня холодно, прямо, а еще она протягивает мне чашку с чем-то горячим.

— Выпей. Станет легче.

— Что это?

— Обезболивающее.

Я нервно киваю, забираю напиток, но Монфор не уходит. Я тут же понимаю, что она собирается продолжить расспрос, и протяжно выдыхаю весь накопившийся воздух.

— Говорите.

— Извини?

— Давайте. Я знаю, что у вас есть вопросы. — Я вновь гляжу на женщину. — Валяйте. Я весь во внимании. Что именно вам интересно? Как она на меня смотрела? Что шептала?

— Мэттью, я не понимаю, почему ты злишься.

— Я не злюсь.

— Seriously? — Норин Монфор облокачивается спиной о дверной косяк и сплетает на груди худощавые руки. Волосы у нее растрепаны, кожа бледная, почти прозрачная, будто эта женщина уже несколько дней не ест, не спит. Но взгляд у Норин живой, острый. Меня колотит под этим взглядом. — Ты весь дрожишь.

— Это от вашего тупого лекарства. Оно жжется.

— Тогда пей то, что я принесла, и жечь перестанет.

— Не перестанет.

— О чем именно мы говорим? О ранах на шее? Или в груди.

Я поражен тонким подходом тети Ари, поражен ее способностью выдавать довольно красивые метафоры, когда на части разрывает от странной досады и усталости! Но я даже посмеяться не могу над этой ситуацией. Мне совсем не смешно и не спокойно, мне тошно.

— Вы пришли задавать вопросы, но я сам не знаю ответов, — горячо выпаливаю я, — да

я даже половины не понимаю из того, что происходит. Например, причем тут вода, огонь, что это значит? Почему Ноа Морт привел нас именно к Ловари?

— В крови цыган искать ведьм. Они настроены на нашу волну, так как питаются лишь нашими силами. Прибегнуть к их помощи — вполне логично, просто я не думала, что такое вообще возможно. — Ведьма пожимает плечами и дергает уголками губ. — Никто не думал.

— Но мы так и не поняли, где сейчас Ари.

— Она с Люцифером, Мэтт. Верум стоит в его чистилище, и да, мы понятия не имеем, где именно оно находится. Но, может, не это важно?

— Знаете, Ноа Морт сказал, что мы не должны искать Ариадну, что она сама придет.

— Вот видишь, выходит, дело совсем не в чистилище, а в том — что ты там увидел.

— Что я увидел. — Прокатываюсь ладонями по лицу и отшатываюсь назад, я закрываю глаза и вновь перемещаюсь в тот зал, вновь оказываюсь посреди мрака. — Я увидел люстру и бассейн, наполненный кровью. Я увидел зеркало, свое размытое отражение. Я увидел на раме надпись на латинском языке, которая повторялась десятки раз. А потом я увидел Ари в зеркале. Она вышла из бассейна, вся в крови и в тянущихся багровых линиях. — Я шумно сглатываю и продолжаю. — Она шла ко мне, оставляя красные следы. Ее пальцы искрились и вспыхивали яркими огоньками, как будто она воспламенялась. Как будто...

Я затихаю, а Норин шепчет:

— Как будто она сама была огнем.

Открываю глаза и сканирую задумчивое лицо женщины. Она касается пальцами губ, отворачивается, прокручивая в голове сказанные мной слова, а потом вновь смотрит мне в глаза и делает огромный шаг вперед:

— Сгорающий в Огне, в Воде возродится. Вот, что Ноа хотел, чтобы мы увидели.

— Не понимаю.

— Стихия Ариадны огонь, как я раньше не додумалась, — Норин прикладывает ладонь ко лбу и начинает ходить из стороны в сторону. — Ее пальцы краснели, когда она злилась, когда ты едва не умер, она стояла в подвале, и ее руки пылали!

— Но что нам это дает?

— Ответы, Мэттью.

— Объясните, пожалуйста. Я вас абсолютно не понимаю.

— Идем.

Норин вырывается из ванной комнаты и несется по коридору, словно торнадо. Когда она прибегает на кухню, Джейсон неуклюже откидывает в мойку зажженную сигарету и в воздухе проходится пальцами, пытаясь разогнать дым.

— Вы быстро.

— Ты и двух минут не можешь прожить без сигарет, — подмечает женщина.

— Кто бы говорил, дамочка.

— Оставим на потом ваши препирания, ладно? — Я закатываю глаза. — Что вы поняли?

— Что тебе нужно прикрыть торс, мальчик, — тянет Мэри-Линетт, вдруг объявившаяся за моей спиной, и кидает мне чью-то растянутую футболку.

Перехватываю ее в воздухе и тускло улыбаюсь.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста. И можете не тратить время на объяснения, я все подслушала.

— Мы и не сомневалась, Мэри, — шепчет Норин, поправив горло шерстяного свитера.

Я натягиваю футболку, корчусь от боли, пробежавшей по спине, и выпрямляюсь как раз в тот момент, когда женщина сплетает перед собой пальцы и отрезает:

— Мы знаем, что дар каждой ведьмы питается энергией природы, и знаем, что стихия Ариадны — огонь. Еще мы знаем, что уже давно никто не относил себя к стихии Воды.

— Почему? — Я недоверчиво хмурюсь.

— Есть определенная иерархия ведьм, Мэттью, в зависимости от того типа энергии, который их подпитывает. Вода — первоначальное воплощение самой Жизни. Поэтому все ведьмы водной стихии, гораздо сильнее и выносливее остальных.

— А к каким стихиям относитесь вы?

— Я — воздух, — отвечает Мэри-Линетт. — Норин — земля.

— Таких, как мы тысячи, например, стихия Меган фон Страттен — огонь, ты и сам уже в этом убедился, верно? А вот водная стихия — это редкость! Вымирающий вид. Я никогда таких не встречала, как и моя мать. Но Ноа указал нам на зеркало, на ту фразу...

— Вы про надпись на зеркале? Сгорающий в Огне, в Воде возродится?

— Именно. — Норин решительно приближается ко мне, и я замечаю, как у нее в глазах проносятся разные чувства, ни одно из которых я не могу описать словами. — Только Вода победит Огонь, что значит, что мы должны найти ведьму, которая принадлежит к водной стихии. Она поможет Ари, я уверена.

— Поможет? — Недоверчиво переспрашиваю я и делаю шаг назад. — Норин, но ведь вы сказали, вода победит огонь, а не поможет ему.

— Неважно.

— Думаете?

— Конечно, нет. — Женщин взмахивает рукой и отворачивается. — Мелочи.

— Я бы так не сказал.

— Мэттью..., — неуверенно шепчет Мэри-Линетт, но я лишь подаюсь вперед.

— Что, если человек, которого мы найдем, убьет Ари? Вы не подумали об этом?

— Ноа Морт не стал бы наводить нас на ложный след, — предполагает Джейсон.

— Но вдруг он сам не знает, что делать?

— Считаешь, ты умнее Смерти? — Норин резко переводит на меня взгляд и стискивает в кулаки пальцы. — Прекрати, ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

— А вы имеете? — Женщина собирается ответить, но я опережаю ее, вскинув ладони в сдающемся жесте. — Подождите, — шепчу я, — мне не зачем спорить. Я не хочу спорить. Но я думаю, прокручиваю в голове ваши слова и вижу, что все не так идеально, как кажется.

— А что вообще идеально в нашем мире, Мэтт? — Распахнув глаза, спрашивает Норин. Она нервно дергает плечами и отходит назад, словно бежит от меня и от моих вопросов. А потом она останавливается, оборачивается и вновь кажется мне уверенной в себе. — У тебя за плечами так мало прожитого. Ты еще не понял, что иногда, ошибаясь, люди приходят к большему, потому что проходят через самое трудное.

— Вы осознанно рискуете, Норин.

— А мы не в том положении, чтобы выбирать. Я согласна рискнуть, потому что знаю, что если Ари будет что-то угрожать, я закрою ее собой, и она останется в живых.

— Но почему кто-то вообще должен пострадать? — Не понимаю я.

— Потому что по-другому не бывает.

— Норин, Мэтт прав, — неожиданно заявляет Мэри-Линетт, и я перевожу удивленный взгляд на вторую тетю Ари. — Прошел всего день, у нас есть время подумать! Пророчества

всегда сбываются, ты ведь знаешь. А в нем говорится о смерти.

— У нас нет времени подумать. С каждой минутой добра в Ари становится меньше.

— Пожалуйста, давай...

— Нет, — обрывает сестру Норин и становится холодной, как айсберг, ее голубые глаза наливаются виной. Она слабо покачивается и порывисто взмахивает руками в воздухе, как будто отмахивается от правды и от реальности. — Мы и так допустили то, что с Ариадной случилось, Мэри. Мы подвели Ари, подвели Реджину.

— Не надо, не говори так.

— Но это правда. Я не собираюсь упускать возможность лишь потому, что какому-то мальчишке показалось, будто Смерть понятия не имеет, о чем просит.

Я недовольно стискиваю зубы, а Норин срывается с места и выходит из кухни, стуча толстыми каблуками об пол. Джейсон невесело улыбается, а затем выдыхает:

— Я схожу за ней.

Он уходит, а я устало придавливаю пальцами глаза и упираюсь спиной о шкафчики. Почему все так пренебрежительно относятся к моему возрасту? Глухо усмехаюсь и вдруг понимаю, что толика терпения удерживает меня от попытки проломить дыру в стене этого идиотского дома. Я пытаюсь помочь, а мои слова воспринимают в штыки. Но зачем мне с ними спорить? Зачем ставить палки в колеса? Я хочу вернуть Ари, возможно, больше всех их вместе взятых. Неужели до них никак не дойдет эта банальная истина?

— Каждый переживает по-своему, Мэтт, — говорит Мэри-Линетт и стаскивает с миски зеленое яблоко. — Кто-то злится, а кто-то кидается с головой в приключения.

— Приключениями вы называете попытки самоубийства, или попытки подвергнуть ту девушку, из-за которой мы вообще собрались здесь, опасности?

— Мы не идеальные тетушки, а ты не идеальный парень. Норин испугана.

— Все испуганы.

— А тебя сложно переубедить, верно?

Я пожимаю плечами и бросаю:

— Наверно. Я соглашаюсь с людьми, когда вижу, что они говорят правду, но пока что вы просто пытаетесь оправдать сестру, и решающий фактор тут эмоции, а не рассудок.

— Какой ты холодный и расчетливый, — ворчит Мэри, — а не ты кричал в ванной, что у тебя голова кругом, и что ты ничего не понимаешь?

— Я не...

— Что?

— Это другое.

— Да ладно. — Мэри откусывает огромный кусок от яблока и невнятно бурчит, — а мне так не показалось. По-моему, ты слишком много требуешь от людей, Мэттью. Научись не только себе делать поблажки, но и тем, кто тебя окружает.

— Я делаю людям поблажки, — оправдываюсь я. — Делаю.

— Ты, наверно, сейчас говоришь про Бетти, которая убежала вся в слезах. Или, может, ты говоришь про брата, которого оставил одного?

Я собираюсь ответить, но затем закрываю рот и отворачиваюсь. Горло вспыхивает, а лицо краснеет, словно на него вылили тонну краски. Неужели я не прав?

— Люди должны сами выбирать, должны уметь выбирать, — нерешительно шепчу я и замечаю, как Мэри-Линетт поджимает тонкие губы.

— А ты научился выбирать? Не говори чепухи, мальчик. Этому нельзя научиться.

Я ничего не отвечаю. Поправляю низ чужой футболки и вдруг понимаю, что обязан пойти к брату. Слова этой женщины заседают в голове, и мне становится стыдно.

— Я вернусь к вам, хорошо?

— Спрашиваешь разрешения? — Усмехается Монфор, но затем на выдохе кивает. — Да. Конечно. Ты можешь прийти в любое время, Мэтт.

Коротко киваю и быстро удаляюсь, намереваясь, как можно скорее увидеть брата.

ГЛАВА 6. НОВЫЕ РЕШЕНИЯ.

Я прихожу домой лишь к полудню. Пришлось потерять минут десять, когда я плелся по неровной дороге вдоль парка. Башка звенела от каждого проделанного шага, будто бы проклятая. Устало распахиваю дверь и едва не сталкиваюсь лбом с Долорес, стремительно уворачиваюсь, а она ставит на пояс руки, собираясь, наверняка, отчитать меня.

— Куда. Вы. Пропали.

Мы? Я морщусь и принимаюсь отходить в сторону, надеясь, таким образом избежать ее праведного гнева и пристального взгляда. Ничего не понимаю, собираюсь выдумать как всегда какую-нибудь небылицу, как вдруг Долорес меняется в лице. Руки ее падают, глаза на меня смотрят уже не раздраженно, а испуганно. Она прикрывает губы и бросает:

— Что это?

— Не понял.

— Твое лицо. Ты видел себя в отражении? Боже, Мэтт, что стряслось?

Я стремительно отворачиваюсь и смыкаю в кулаки пальцы. Черт! Я идиот. Как я мог забыть о том, что вместо лица у меня месиво из багровых синяков и ссадин? Теперь она от меня не отстанет, ни в коем случае. Собственно, у нее на это есть право.

— Послушай, — протягиваю я, обернувшись, — это не то, что ты думаешь.

— Опять? — Срывающимся голосом спрашивает она. — Ты опять это делаешь? Мэтт, я прошу тебя, мы же рядом, ты же... — Она проходится дрожащей ладонью по волосам. — Ты же так изменился, оставил все позади.

— Так и есть.

— Тогда что с тобой? И где Хэрри?

Я застываю. Что значит, где Хэрри? Внутри все лопается от напряжения, и грудь тут же опшаривает кипятком. Куда он ушел? Как додумался выйти из комнаты? Он ведь ноги едва переставляет, слов даже не произносит! Куда он, черт возьми, поплелся?

— Это все из-за слухов про Ари, да? — Вновь прерывает тишину Долорес. Она стоит в выглаженном костюме и, наверно, спешит на работу. Но семейные проблемы заставляют ее торчать на пороге и в очередной раз отчитывать неуравновешенного пасынка.

Как же жизнь любит издеваться над теми, кто не в состоянии дать сдачи.

Я жутко устал даже для того, чтобы врать. Но выхода не остается. Пожав плечами, я послушно киваю и сдавливаю пальцами переносицу:

— Ты права, все из-за слухов.

— Мэттью...

— Что?

— Это хорошо, что ты заступаешься за эту девочку, ведь ее оскорбляют неоправданно и несправедливо. Я знаю, она важна тебе, знаю, потому что ты слишком много говоришь о ней, но не переходи грань! — Восклицает Долорес. — Ты же едва на ногах стоишь.

— Я знаю.

— Знаешь и все равно дерешься?

— Да.

Долорес ждет продолжения, но мне хочется сбежать. Я должен найти Хэрри, должен лично убедиться, что его нет в комнате, что он не оставил записку, не написал сообщение.

— Это все, что ты можешь мне рассказать? — Наконец, выпаливает Дол, а я хмурюсь.

— Послушай, я невероятно устал.

— Что с тобой происходит?

— Я просто хочу пройти к себе, — сомкнув ладони, рявкаю я.

— И потому кричишь на меня? — Повышает она тон, а я уже готов взвыть изо всех сил о том, что меня дико раздражает этот дом, эти вопросы, этот день и эта жизнь.

— Нет, я не кричу. Я просто хочу отдохнуть. Извини.

— Мэттью...

— У Ари проблемы.

— Хэрри сейчас с ней?

Я вскидываю брови и неожиданно медленно киваю:

— Да, — киваю еще раз, — он с ней, и я думаю, что мы останемся у нее на пару дней.

— Что?

— Ты ведь не против?

Мой излюбленный прием: спрашиваю у Дол разрешения, ей кажется, что она за меня принимает решения. Выходит так, будто я снимаю с себя ответственность, а она чувствует себя старшей в доме, в итоге позволяя мне то, чего я и хотел добиться.

— Мэтт, — Долорес прокатывается ладонью по волосам, — я не думаю, что это хорошая идея. Зачем уходить из дома? Разве нельзя помогать Ари, ночуя в собственной спальне?

— Ей нужна поддержка.

— И когда это ты стал хорош в поддержке? — Я закатываю глаза, а Дол эмоционально взмахивает руками в стороны. — А что, ты со мной не согласен? Очевидно же, что ты не из тех, кто сидит в комнате и крепко держит за руку.

— А, может, из тех, — быстро нахожусь я.

— А, может, и нет. К тому же, в школе возобновляются занятия.

— Что? — Переспрашиваю я и замираю. Этого мне не хватало. — С чего вдруг?

— С того что вам всем нужно учиться, а северное крыло привели в порядок, — Долорес деловито вздергивает подбородок и глядит на меня строго, пусть совсем и не умеет строго глядеть. Однако для нее это останется страшной тайной. — И не выдумывай. Ари взрослая девочка. Она сама со всем разберется. К тому же у нее есть семья, она не сирота, чтобы ты с ней носился, ладно?

— Мы с Хэйданом все равно пойдем к ней, — ровным голосом говорю я и замечаю, как лицо женщины вытягивается от удивления, — мы можем решить этот вопрос по-хорошему. Ты позволяешь мне сделать то, что я считаю нужным, и спокойно уходишь на работу. Или по-плохому: мы ссоримся и не общаемся все те дни, что я проведу дома у Монфор, решать тебе. — Пожимаю плечами и слежу за тем, как уголки губ Долорес опускаются все ниже.

Я никогда не относился к Долорес, как к матери.

Я знал, что мой отец полюбил новую женщину, и долго не мог даже смотреть на нее, встречаться с ней взглядом. Потом я принял то, что жизнь идет дальше, что моей отец не ответственен за то, что случилось с мамой. Но мои чувства никогда не были теплыми, они

были нейтральными. Я ужинал с ними за столом, обсуждал свое будущее и ездил в кино.

Но я не видел в Долорес своего родителя, и слова ее редко для меня что-то значили.

Дол стаскивает с комода сумку, вешает на плечо и, направляясь к двери, отрезает:

— Вынеси мусор.

Она уходит, дверь хлопает за моей спиной. Становится невероятно тихо, тихо даже в моей груди, будто бы у меня нет сердца, которое бы издавало глухой звук и билось в такт, разгоняемой крови. Я поддаюсь эмоциям всего на несколько секунд, во время которых на мою голову сваливаются сомнения, воспоминания об отражении в Веруме, усталость, мои жалобы и нытье, что все слишком сложно, слишком трудно. Но потом я успокаиваюсь.

Я разжимаю кулаки, выпрямляю спину. Долорес считает, я груб и замкнут, но я веду себя так лишь потому, что это может спасти жизнь мне и моим близким. Это имеет смысл, пусть даже мои близкие этого смысла не видят.

Поднимаюсь на второй этаж и на ходу смахиваю с лица капли пота. Чужая футболка пахнет какими-то травами, в духе Монфор. Я порываюсь снять ее, а потом решаю, что мне сейчас нужно разобраться с Хэйданом, а потом уже приводить себя в порядок. Я надеюсь, брат сидит в комнате и ждет меня с распростертыми объятиями.

На самом деле, я удивлен тому, что так привязался к этому очкастому парню. У него ведь явно не все дома. Но я волнуюсь, и я переживаю, и веду себя, как его мамочка, когда у него появляются проблемы или неприятности.

Решительно отталкиваю дверь в комнату Хэрри и замираю на пороге, увидев пустую постель. В груди у меня холодеет, сосредоточенно осматриваюсь, изучаю разбросанные на столе вещи, раскрытый портфель под кроватью, брошенный на стуле телефон. Не похоже, что Хэйдан решил сбежать, ведь он не взял с собой ни одной нужной вещи.

Неожиданно я улавливаю в воздухе странный звук. Звук чьего-то тихого и неровного дыхания. Хмурясь, перевожу взгляд на высокий шкаф с деревянной, жалюзийной дверью, переношу вес с одной ноги на другую и настороженно прищуриваюсь. Если демоны вдруг решили, что выпрыгивать из шкафов великолепная идея, позаимствованная почти из всех фильмов ужасов, я умываю руки. Это даже не страшно. Это глупо. Тем не менее, здравый смысл советует мне подхватить с пола железную биту, которую мой отец вручил Хэйдану на случай, если тот вдруг поддастся в спорт, но, которую Хэрри упорно брал с собой в лес, когда выслеживал ведьм и прочую нечисть. Я сжимаю биту в пальцах и неспешно крадусь к шкафчику, а затем задерживаю дыхание и резко дергаю на себя дверцу.

- Хэрри? — Руки безвольно падают, я округляю глаза, когда вижу брата, забившегося в угол темного шкафа, и растерянно покачиваю головой. — Что ты... что ты делаешь?

Откидываю биту, приближаюсь к Хэйдану и кладу руки на его трясущиеся плечи. Я давно не чувствовал ничего подобного: стыд и страх одновременно. С одной стороны, мне неприятно видеть брата сломленным и потерянным, совершенно отстраненным, будто бы у него совсем нет сил бороться. Но, с другой стороны, мне становится страшно: а что если ужас так прочно засел в его мыслях, что он больше никогда не станет прежним?

— Хэрри, какого черта ты сидишь в шкафу? — Брат голову не поднимает, шатается от несуществующих порывов ветра и кусает губы. — Я серьезно, это странно, слышишь?

— Тут лучше, — едва слышно отвечает он, а я замираю.

Он ответил, он вымолвил два слова, не заикаясь, не шепча. Мне вдруг становится так паршиво и приятно одновременно, что я пугаюсь своих эмоций. Наверно, я схожу с ума.

Прочищаю горло и рядом с ним плюхаюсь, сцепив перед собой руки. Хэрри заметно

расслабляется, расправив плечи, а я не берусь смотреть на него, не хочу спугнуть.

— Я тут ездил с Джейсоном в логово цыган утром, пытался узнать что-нибудь об Ари. Не могу сказать, что поездка оказалась плодотворной. Но мы определенно сдвинулись на пару сантиметров. Например, ты знал, что Джейсон оборотень? — Дергаю уголками губ и с удивлением отмечаю, что Хэйдан морщит потный лоб, любая реакция сейчас важна. — И я тоже удивился, но уверен, ты бы еще и был счастлив. А я перепугался. Но... — Запинаюсь и неуклюже мну пальцы. — Там произошло много страшных вещей. Ари едва меня не убила. Она на себя совсем не была похожа, Хэйдан. А еще, оказывается, есть зеркало, в котором отражаются только всякие ублюдки и демоны. Так вот, я там тоже отразился.

Усмехаюсь и откидываю назад голову. Мне вновь становится тошно. Я собирался об этом не думать, но только и делаю, что раз за разом прокручиваю в голове эти мысли.

— Мне не хватает твоих шуток, — едва слышно шепчу я, рассматривая темные дверцы шкафа, и продолжаю мять пальцы, словно это соединяет меня с реальностью, не дает уйти в себя и остаться в глубинах фантазии навечно. Что делать? Какой дальше план?

Я неуверенно оборачиваюсь и вижу, что Хэйдан смотрит на меня. Очки он не надел, оттого глаза у него совсем другие, более яркие и живые. Он не произносит ни слова, а мне вдруг становится легче. Словно он все-таки отпустил очередной анекдот или сморозил для меня, специально, по заказу, полную глупость. Я криво улыбаюсь и киваю:

— Пойдем. Нам пора собираться. Мы переезжаем к Ари на время.

Брат ничего не отвечает, послушно выползает вместе со мной из шкафа. Правда, не так уверенно, как мне бы хотелось, но все же. Хэрри потирает пальцами плечи, смотрит по сторонам и поджимает губы, будто бы ожидая угрозы, нападения. Я волнуюсь за него.

— Перестань, все в порядке, — я хмурю лоб, — не думай ни о чем плохом, хорошо? Ты собери вещи, а я схожу в душ. На мне чужая футболка, да и лицо все в дряни какой-то.

Хэйдан, как мне кажется, кивает, и я быстрым шагом направляюсь к себе в комнату.

Принимаю душ, смываю с лица и с шеи кровь. Ссадины горят под напором воды, и я с силой стискиваю зубы, оперевшись лбом о запотевший кафель. Гляжу на розовые линии, плавающие под ногами, и громко сглатываю, невольно окунаясь в свое прошлое. Я помню запах крови очень хорошо. Было время, когда я каждый день приходил домой в подобном состоянии, и мне приходилось выползать из душевой почти без сознания... Однако тогда все было проще, если честно. Тупая боль не позволяла мне жить нормально. Мама умерла, и я думал, что предам ее, если начну есть, спать или даже дышать. Сейчас боль смешалась со многими чувствами, с виной, ответственностью и страхом перед неизвестным. Сейчас я понимаю, что от меня многое зависит, и это невероятно раздражает.

Выйдя из ванной, переодеваюсь в черные джинсы и черную рубашку. Так кровь едва ли будет видна, а я не сомневаюсь, что прольется ее достаточно. Запихиваю в спортивную сумку несколько футболок на смену, учебники, так как не собираюсь пропускать уроки и не хочу угодить впросак с зимней аттестацией. Подхватываю на ходу куртку и быстрыми шагами плетусь к Хэрри. На удивление брат ждет меня, подперев коленями подбородок. Я даже вскидываю брови, когда понимаю, что Хэйдан застелил постель и собрал вещи.

— Ты метеор, — отрезаю я, смяв в пальцах ремень сумки, — готов идти?

Он поднимается, а я серьезно киваю. Он отлично держится, надевает очки, волосы за уши заправляет, а я не сдерживаюсь от смеха. Ох уж эта любовь к странным прическам.

Я беру биты, вдруг пригодиться, и забираю из гостиной новый набор по стрельбе. Не помню, куда я спрятал запасной комплект стрел, но, возможно, я еще вернусь за ним.

Уже на улице я вспоминаю о том, что Долорес попросила меня вынести мусор, и еле слышно выругиваюсь. Стягиваю брезент с кузова и бросаю к прочим вещам битую бутылку и лук. Я уже и забыл, сколько здесь добра: острые наконечники, палки, изоленга.

— Где ты все это нашел? — Хэрри не отвечает, отводит взгляд, а я вздыхаю. — Ладно, я молчу, забыли. Слушай, — хлопаю рукой по ржавому корпусу, — я должен мусор вынести.

Брат коротко кивает, открывая дверцу, а я возвращаюсь в коттедж. Каким бы крутым и диким подростком я не был, мне становится стыдно за то, как я поговорил с Дол. Она не сделала ничего дурного, и она не виновата в тех неприятностях, что размахивают передо мной своими жирными задницами. Придется извиниться, но как же я ненавижу это делать.

Я выбрасываю мусор, едва не повалил на асфальт старые баки. Отряхиваю руки и на себя смотрю немного иначе, ведь я поступил хорошо, сделал доброе дело, плюс к карме. И я действительно думаю, что совершил нечто правильное, как вдруг вижу на левой стороне дороги Джил и тут же неуклюже притормаживаю. Проклятье.

— Мэтт! — Воскликает она, помахивая мне ладонью, а я ощущаю ядовитую желчь, как по команде прокатившуюся по пищеводу. Дерьмо, неужели я не заслужил хотя бы час без ссор и выяснения отношений? Я ведь не скажу ей ничего такого, что она хочет услышать.

Моя бывшая девушка бежит ко мне в тонком, шифоновом платье, которое медленно развивается от слабого ветра, а я прокатываюсь ладонью по лицу. Отворачиваюсь, а потом вновь на нее смотрю, пытаюсь выглядеть спокойно и нормально. Выходит паршиво.

— Мэтти, — выпаливает она, едва не врезавшись в меня лбом, — куда ты пропал, я тебя после больницы никак найти не могу, тебе лучше, как мама?

Все ее слова сливаются в один сплошной шум, я не улавливаю интонацию, не слышу даже завершения фразы. Просто стою и пялюсь на нее, словно превратился в статую.

— Эй, — Джил помахивает рукой, — ты здесь?

— Да, я... Я здесь. И я в норме.

— Как же хорошо, что все в порядке.

Джиллианна неожиданно обнимает меня, прижимается щекой к моей груди, а я тихо выдыхаю, понятия не имея, что я должен ей сказать, чтобы описать хаос, происходящий в моей жизни. Медленно отстраняюсь, а она прищуривает свои голубые глаза.

— Ты чего?

— Я просто... Нам с тобой надо поговорить. Наверно.

— Наверно? — Джил складывает на груди руки и морщится, будто бы впервые слышит мой голос. Она покачивает головой. — О чем ты хотел поговорить?

— Слушай, на самом деле, я не думаю, что...

— Невероятно, — ядовито шепчет она, — ты собираешься поговорить об Ари.

— Я хотел поговорить о нас.

— Из-за нее.

— Подожди...

— Чего подождать? Пока ты расскажешь мне о том, что дело не во мне, а в тебе?

— Собственно..., — сжимаю пальцами переносицу и киваю, — это я и хотел сказать.

— Ты сошел с ума? — Громко восклицает Джил и неожиданно усмехается, сощурив от злости глаза. Я виновато отворачиваюсь, а она подается вперед и прикладывает холодные ладони к моей груди, замораживая все, что и так находится в анабиозе. — Мэтти, ты ведь и сам понимаешь, что ведешь себя глупо. Ты ведь не собираешься... не собираешься...

— Что? — Гляжу на девушку, а она отшатывается назад, как будто я дал ей пощечину.

— Не притворяйся, словно не понимаешь, о чем я, — срывается шепот с ее губ, на что я лишь вновь отвожу взгляд, сжав до скрипа челюсти.

Я пытаюсь придумать, что мне сказать, как сказать, я не хочу ранить ее чувства, ведь Джил так много для меня сделала, ведь она была рядом, когда все отвернулись. А потом я вдруг понимаю, что я больше ничего к ней не ощущаю: ни тяги, ни страсти, ни желания. У меня внутри больше нет ничего, что когда-то заставляло держать эту девушку за руку. Эти чувства просто испарились, исчезли, а я даже и не понял, когда именно их не стало, мне не было больно, не было одиноко. Я просто встретил другую девушку, и все.

— Ты собираешься сказать хоть что-то? — Не своим голосом разрывает тишину Джил, а я перевожу на нее виноватый взгляд, потому что в отличие от любви, вина разливается у меня по венам и бурлит где-то в легких, словно ядовитая жидкость.

— Я не знаю, что сказать.

— Придумай.

— Ты этого хочешь?

— Да, черт возьми, да, я хочу, чтобы ты хотя бы попытался объяснить мне, чем я хуже и почему ничего для тебя не значу. Я плохо к тебе относилась? Сказала что-то не то?

— Не говори ерунды.

— Ерунды?

— Да, Джил. Ты не должна пытаться меня понять, не должна спрашивать. Я все равно не знаю, что тебе ответить. Понимаешь? — Нервно взъерошиваю волосы и отступаю назад. Девушка поджимает губы, а в глазах у нее проносится мутная пелена, которая разрывает в моей груди каждый нерв, каждый орган. Я не могу смотреть на нее, но и не имею права не смотреть. Я обязан из уважения сказать правильные слова, найти эти правильные слова.

Но что если происходящее сейчас уже неправильно, не может быть правильным.

— Просто моя жизнь изменилась, Джил, — наконец, говорю я, собрав в кулак волю, — я уже не тот Мэтти, не тот человек, который тебе понравился. Такое бывает. Со всеми.

Девушка обхватывает ладонями оголенные плечи и говорит:

— Ты прав. Когда я тебя встретила, ты был сломлен, одинок. Но ты не был жестоким.

Она прожигает меня обиженным, блестящим от слез взглядом, а затем уходит, робко сжав в пальцах замерзшие руки. Я наблюдаю за ней очень долго, даже когда она уходит, я стою возле мусорных баков и не шевелюсь, пытаюсь осознать то, что сделал. Я ведь любил эту девушку, я хотел уехать вместе с ней, хотел держать за руку, провожать до колледжа и встречать после занятий. Я хотел всего этого так сильно, но ничего не почувствовал, когда все мечты выпали из груди и превратились в ненужный хлам. Как так бывает? Кто знает, в какой именно момент ты сам окажешься тем ненужным хламом, который просто выкинут из своей жизни.

Я зажмуриваюсь всего на несколько секунд, а затем схожу с места. Хэрри ждет меня в машине на пассажирском сидении. Я не ожидал, что брат сядет за руль, но почему-то со свистом выдыхаю. Когда я вожу, я вспоминаю об аварии, и поэтому каждый день на место водителя запрыгивал Хэйдан. Перспектива окунуться в прошлое меня совсем не радует.

— Ты в порядке? — Заводя двигатель, спрашиваю я и замечаю, как брат кивает. — Дома ничего не оставил? Не хочу сегодня возвращаться.

— Нет.

— Отлично.

Ударяю ладонями по рулю и, наконец, выезжаю на дорогу.

Мы паркуемся у коттеджа Монфор минут через десять. Достаем вещи и плетемся по знакомой дорожке в полной тишине: не хотим разрушить атмосферу полной обреченности и серости, которая нависла над нашими головами и уже кажется вполне обычной, родной. Иссиня-черный ворон, притаившийся на одной из веток, внезапно расправляет громоздкие крылья и испускает мерзкий вопль, от которого дрожь прокатывается по спине, и я нервно шмыгаю носом, изо всех сил пытаюсь не искать символический смысл во всем, что сейчас меня окружает. Но все равно ищу.

Входная дверь распаивается до того, как я успеваю нажать на звонок. Я недоуменно скидываю брови, а на пороге оказывается Мэри-Линетт. Она широко улыбается и кивает, зазывая нас внутрь приветливым взглядом.

— Давайте свои сумки.

— Да мы не...

Не успеваю договорить. Монфор каким-то волшебным образом умудряется ухватить правой рукой и мой рюкзак, и вещи Хэрри, а затем захлопывает ногой за нами дверь.

— Что вы стоите? Поднимайтесь наверх. Я чувствовала, что вы вернетесь.

— Но вы ведь не обладаете способностью предвиденья.

— Зато я слышу все, что происходит вокруг на расстоянии нескольких километров.

Женщина подмигивает мне, а я ошеломленно застываю. Это. Просто. Немыслимо.

Я открываю рот, а потом захлопываю его и взмахиваю руками в стороны.

— Ну, разумеется. Конечно, вы все это умеете.

— Привет, Хэрри! — искренне пропевает Мэри-Линетт и касается свободной рукой его плеча, на что мой брат внезапно дергает уголками губ и отстраняется.

— Мы еще работаем над самообладанием, — сообщаю я и замечаю, как лицо женщины вытягивается. Она виновато морщится, будто чувствует свою принадлежность к тому, что с ним случилось, и неуклюже прижимает ладонь к своей груди.

— Я не хотела.

— Порядок. Так, куда нам подниматься?

— Да, извини. — Женщина встряхивает черными волосами и вновь улыбается. — Идем. Я проведу, а потом принесу кушетку из второй гостевой комнаты. Вам ведь лучше спать в одной комнате, верно? Чтобы не было проблем.

— Да. — Я серьезно киваю, прекрасно понимая, о чем она говорит. — Так будет лучше.

Бросив вещи в спальне, расположенной напротив комнаты Ари, я оставляю Хэрри и спускаюсь вниз, чтобы помыть руки и заглянуть на кухню. Ссадины до сих пор пылают, а у Норин, возможно, еще осталось лекарство.

Я медленно плетусь по коридору, изучая старые снимки давно умерших людей, и на какое-то мгновение мне становится жутко: неужели все женщины, изображенные на фото, были ведьмами? Пробирает до костей. Я встряхиваю головой, сворачиваю к кухне и резко замираю, внезапно заметив, как Норин сидит напротив Джейсона, аккуратно обрабатывая рану на его груди. Эта женщина при мне лечила Хэрри, помогала Ари, она и сейчас делает то, что делала всегда, однако что-то не позволяет мне пройти дальше. Возможно, ее глаза, которыми она смотрит на сидящего перед ней мужчину. Возможно, ее неровное дыхание, которое плавает по комнате. Я застываю за дверным косяком и внезапно думаю, что, если я войду, я прерву нечто личное. Эти двое не отрывают друг от друга взглядов. И что-то в этих взглядах воспламеняет воздух. Неожиданно Джейсон делает одно движение. Нежное, откровенное и решительное одновременно. Он заправляет локон волос за спину Норин.

Я отворачиваюсь порывисто и стыдливо. Стремительно ухожу, разрезая движениями воздух. Слышу, как на кухне захлопывается дверь, и взлетаю по лестнице, будто бы умею отрываться от земли. Несусь по коридору и забываю о боли в ногах и спине, я просто хочу как можно скорее убежать от того, что увидел. От двух людей, которые смотрели друг на друга так, что даже я ощутил пронесшееся между их лицами электричество. Я врываюсь в комнату и вижу, что Хэрри лежит на кровати с закрытыми глазами. Наверно, уснул.

— Отлично, — отрезаю я, прокатившись пальцами по волосам. Осматриваюсь, вижу ту самую кушетку, о которой говорила Мэри-Линетт, а затем вдруг порывисто опускаю руки.

Я гляжу себе за спину, гляжу на дверь в спальню Ариадны и сглатываю.

Что-то щелкает у меня в голове. Что-то определенно неправильное и дефективное. Я схожу с места, не отдавая себе отчет в том, что делаю. Я бреду в ее комнату, и я закрываю за собой дверь, задергиваю шторы. Я падаю на кровать, прислонившись лицом к холодной подушке. Я зажмуриваюсь, втягиваю сладкий запах, ее запах и, клянусь, слышу голос Ари в своих мыслях.

«Соскучился?»

***

Я резко приподнимаюсь, услышав, звук битого стекла. Осматриваюсь, очутившись в крошечной темноте, проглотившей комнату, и только потом понимаю, что нахожусь не у себя дома, а в спальне Ариадны. Черт. Сжимаю в пальцах переносицу и спускаю с кровати ноги, их тут же овивает холодный, колючий воздух, но я не обращаю внимания. Сражаясь с черными точками, прыгающими перед глазами, я несусь к выходу и выбегаю из спальни, предчувствуя нечто паршивое. Иначе ведь не бывает, верно?

Решительно спускаюсь на первый этаж, подхватываю на ходу битую Хэрри, которую я сам оставил в коридоре, на случай непредвиденных обстоятельств, и плетусь дальше, даже не чувствуя страха. И это настораживает. Я должен испугаться, ведь, возможно, я бегу так рьяно на встречу с огромными неприятностями. Но я устал, я выжат, как лимон, и мне уже кажется, что умереть — непозволительная роскошь. Мойра Парки не так добра, чтобы взять и раскошелиться на билет в один конец.

На кухне горит свет, хотя сейчас середина ночи. Ненавижу все, что связано с ночью. Ненавижу темноту, тишину и идиотское чувство внутри, будто в это время суток простые вещи приобретают иные значения. Чувшь. Наша фантазия — наш главный враг.

Я ловко перепрыгиваю через порог, стиснув в пальцах битую, но затем неуклюже битую опускаю, одновременно с тем, как воздух выкатывается из меня, словно снежный шар.

— Вы, должно быть, шутите, — шепчу я.

Норин Монфор и Джейсон сидят за столом, пьют чай. Хэйдан на корточках собирает в ладони уродливые стекла из-под сервизного набора, а Мэри-Линетт помогает ему кидать их в мусорный бак. Глаза закатываются сами собой, и я выдыхаю, понятия не имея, когда сирена в голове сигнализирует об опасности, и когда она взывает абсолютно не по делу.

— Серьезно? — спрашиваю я, расслабив плечи. — Чаепитие в три часа ночи?

— Никогда не поздно собраться вместе, — замечает Норин.

— Конечно. Странно, что я подумал совсем иное.

— И о чем ты подумал?

— Даже знаю, — я кидаю битую на пол и плетусь к столу, — например, о том, что в гости

вновь пожаловал Люцифер. Он ведь любит внезапно объявляться.

— И ты решил забить его этой штукой?

— Я решил хотя бы попытаться.

— Это в тебе и привлекает, мальчик, — улыбается Мэри-Линетт, искоса поглядывая на меня. — Ты настолько уверен в себе, что даже не понимаешь, как глупо выглядишь.

— Спасибо, — киваю женщине и сажусь рядом с Джейсоном, — вы как всегда все верно подметили. Хэрри, — смотрю на брата, — ты в порядке? Не поранился?

Он не отвечает, лишь неуклюже покачивает головой, а затем приподнимается с пола, поправляет квадратные очки и робко опускается на стул, притаившийся рядом со мной.

Откашливаюсь и сцепляю в замок замерзшие ладони. Такое ощущение, будто в этом доме не включают отопление. Из треснутых щелей деревянных рам на кухню врываются ледяные порывы то ли поздней осени, то ли отчаяния, и мы погружаемся в молчание, из-за которого звенит между висков. Норин протягивает мне тарелку с вафлями, Мэри ставит на край овальную, черную чашку, и я неожиданно и сам радуюсь, что мы собрались здесь так поздно, с целью попить чай и немного погреться в абсолютно промозглой ситуации.

— Я надеюсь, вы не против, что мы пришли, — говорю я скорее ради приличия, внутри нет никакой вины. Мне кажется, только здесь мы и должны быть.

— Конечно, нет, — отвечает Норин Монфор, обижено вздернув подбородок.

— Что будем делать? — Мэри-Линетт царапает деревянное покрытие, придвигая стул к краю стола, а я с интересом перевожу на нее взгляд.

— Будем искать, — заявляет Джейсон. — У нас не так уж и много вариантов.

— Целых три, — вмещивается Норин, — Аллен, Роттер и Этел.

— Кто это?

— Три разные семьи, точнее три разных клана, в их роду были ведьмы водной стихии.

— Так просто? — Хмурюсь я. — Этот дар... или энергия передается по наследству?

— Что-то вроде того, — соглашается Мэри-Линетт, подперев подбородок ладонью. — Я не помню, от кого ко мне перешла стихия воздуха, но Ари унаследовала огонь от Силест.

— Кажется, так звали вашу маму... ее бабушку, правильно?

— Да. То есть мы можем сделать вывод, что кто-то в роду Аллен, Роттер или же Этел обладает на данный момент нужными нам способностями. Осталось понять, кто именно.

— Я разужаю о них в Дилосе, — отпив чай, кивает Джейсон и смотрит на Норин. Та за его локоть держится почти неосяземо, и, возможно, абсолютно произвольно. Я почему-то поджимаю губы и отворачиваюсь. Любое проявление чувств врезает по моей голове так сильно, словно кувалдой, и мысли непослушно смешиваются, будто и не принадлежат мне вовсе. Паршивое ощущение.

— Отлично, — вздыхает Мэри-Линетт, — хорошая идея. Может, поехать с тобой?

— Я сам справлюсь.

— Уверен? — Лицо Норин непроницаемо, а вот голос кажется взволнованным.

— Уверен.

— А что если речь идет о ведьме, которая еще не успела проявить свои способности? — Почему-то спрашиваю я и задумчиво хмурюсь, перебирая в голове различные варианты. — Тогда ведь мы не сможем найти ее, даже Люцифер не сможет.

— Ты прав. Вероятно, все не так просто, как нам хочется.

— Но нужно ведь с чего-то начать, — настаивает Норин. — Если отпадут эти варианты, придумаем другие. Главное не терять время и не опускать руки.

Я киваю. В этом я с ней полностью согласен.

Мы долго сидим на кухне. До тех пор, пока утренние лучи не просачиваются сквозь пыльные окна и не озаряют остывшую еду тусклым светом.

Джейсон уезжает уже в шестом часу, а сестры Монфор остаются в зале, сев близко друг другу и укрывшись одним шерстяным пледом. Я поднимаюсь на второй этаж и гляжу на Хэйдана, который послушно плетется рядом. Почему-то уголки моих губ дрогают.

— Ты сам спустился на кухню к Монфор. Это здорово.

— Я хотел пить.

— Ну, это... — чешу затылок и неуверенно киваю, — это вполне нормальное явление.

— Я испугался.

— Того, что захотел пить?

— Того, что увидел.

— И что ты увидел?

— Ари.

Я торможу на последней ступени и растерянно вскидываю брови.

— Что? — Внутри все вспыхивает. — Ты видел Ари? Здесь?

— Она мне приснилась, — отстраненным голосом отвечает брат, — я видел ее во сне.

Не могу объяснить своих чувств, но по глотке вдруг скатывается горечь. Наверно, на секунду мне показалось, что Ариадна вернулась домой.

— Слушай, — протерев ладонью лицо, бросаю я, — это всего лишь кошмар. Ладно?

— Ладно.

— Я серьезно, Хэрри. Не бери в голову.

— Просто...

Брат замолкает, отворачивается, а я хмурю лоб. Мне кажется, Хэйдан напуган, но он сейчас постоянно такой ходит, верно? Постоянно растерянный, задумчивый, тихий.

— Хэрри. — Я делаю шаг к брату. — Что тебя так напугало?

— Ари извинилась.

— И все?

— Она извинилась, а потом схватилась ладонями за лицо и сожгла себя заживо.

Я проглатываю подкатившие к горлу слова, а Хэйдан уходит, оставив меня одного в темном, сужающемся коридоре, по которому внезапно проносятся потусторонние стуки и шорохи, похожие на хрустящий огонь, пожирающий тело Ариадны Монфор.

ГЛАВА 7. ВОЗВРАЩЕНИЕ В АСТЕРИЮ.

От Джейсона нет новостей почти шесть дней. В школе полный бардак. Джил меня не избегает, что невероятно раздражает, и тогда мне приходится избегать ее. Я не собираюсь пропускать учебу, но на уроках плаваю глубоко в мыслях, что не остается незамеченным. Я уже провалил тест по испанскому языку, уже забыл сдать доклад по истории, я ошибся в расчетах в лабораторной работе по биологии, чего со мной никогда раньше не случалось.

И я полностью сбит с толку.

Более того, школа похожа на шатающиеся руины. Нас не пускают в западное крыло, и мы все время проводим в центральном корпусе, однако запах здесь стоит паршивый. Без перерывов сложно, все постоянно рвется на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, так как в коридорах воняет или гарью, или краской. Что одно, что другое проедает мозг.

Мы с Хэйданом подходим к старому пикапу. Брат молчаливо открывает дверь, я уже привык быть за рулем, поэтому тоже спокойно плетусь к водительскому месту, однако как только мои пальцы касаются дверной ручки, в кармане джинс завывает телефон.

— Бетани, — показываю Хэрри, чтобы он подождал минутку, и облокачиваюсь спиной о поржавевший металл колымаги. — Тебя сегодня не было в школе.

— Послушай, Мэтт, ты срочно должен приехать.

Голос девушки взволнованный, и я тут же вытягиваюсь, будто струна.

— Что случилось?

— Просто приезжай. Угол восьмой, Трейкот-Стрит.

— Но какой...

Договорить не успеваю. Бет бросает трубку, а я недоуменно хмурю брови. Что же на этот раз произошло? Прыгаю за руль, вставляю ключи и решительно смотрю на Хэйдана, который недоуменно хлопает ресницами и мнет в ладонях колени, словно уже боится.

— Все в порядке, — бросаю я, заводя пикап, — не волнуйся, Хэрри.

Мы приезжаем на Трейкот-Стрит через пятнадцать минут. Я резко выжимаю тормоз, откидываюсь на сидении и шурю глаза, увидев огромное скопление полицейских машин и машин скорой помощи. Люди носятся вокруг небольшого коттеджа, тонущего в зелено-бардовых листьях винограда, а небо оглушают раскаты сирен и шум голосов.

Что здесь случилось?

Мы с братом одновременно выбираемся из машины. Собираюсь набрать Бетани, но с удивлением замечаю девушку на противоположной стороне улицы. Она стоит в зеленом пальто, перепрыгивает с ноги на ногу и морщит красный нос от холода. Вид у нее робкий.

— Эй, — я помахиваю Пэмроу рукой и тащу за собой Хэйдана, — Бет.

— Мэтт, — она подается вперед, прижав ладонь к губам, — вы приехали.

— Что тут творится?

— Это ужасно. Мой отец... ему позвонили с утра, а я позвонила тебе, как узнала.

— Что узнала? — Мы замираем перед девушкой, и Хэйдан неуклюже поджимает губы. На какое-то мгновение их взгляды встречаются, и ребята отключаются, наверно, невольно в голове прокрутив воспоминания о последней встрече, о последних словах. Бет ведь даже до полуночи у нас сидела, болтая с Хэйданом о новом мире, о сверхъестественных тварях, ведьмах и прочей чуши. Хэрри поддержал ее, когда ей нужен был друг. Но теперь это уже не кажется реальностью. Теперь это далеко. И они далеко друг от друга, пусть стоят всего лишь в нескольких сантиметрах.

— Привет, — шепчет девушка, смущенно улыбнувшись.

— Привет, — отвечает Хэйдан сильным голосом.

Я гляжу на ребят скептически. Да, возможно, я бы позволил им и дальше стоять, как истуканы, размышляя о вечном. Но по воздуху в очередной раз проносится визг сирены, и я непроизвольно вспоминаю о том, зачем мы сюда приехали.

— Бет, — делаю шаг к девушке, — что тут происходит? Почему нагрянула полиция?

— Директор Барнетт.

— Что с ним?

— Он мертв.

— Что?

— Его убили, Мэтт. — Сбивчиво, хрипит Пэмроу. — Перерезали горло, прижгли раны и подвесили к потолку распятым, словно Иисуса.

— Не может быть, — я растерянно округляю глаза, — ты серьезно?

— Да. Отец... он ничего не хотел мне говорить, но я подслушала разговор.

— Какой еще разговор?

— Какая разница? — Выплювывает Бетани, резко вздернув подбородок. — Черт, Мэтт, я не идиотка, ты не идиот. Мы прекрасно понимаем, кто это сделал!

— Что? — Весь воздух выкатывается из меня. Я чувствую, как Хэйдан неожиданно мне на плечо кладет руку, я удивлен тому, что он это сделал, но еще больше я удивлен словам, что слетают с языка Пэмроу. — Что ты имеешь в виду?

— Там, на стене, кровью, Мэтт, именно кровью написано: Смерть не приходит одна.

— И что это, черт возьми, значит?

— Это значит, что она вернулась.

— Кто?

— Ари. Она здесь. И она приехала мстить.

— Ари убила директора Барнетта? Ты рехнулась? — Я стремительно отступаю назад и покачиваю головой, будто бы ненормальный. — Чушь.

— Мэтт, пожалуйста, очнись! — Жалобно стонет Бетани, прижав пальцы к дрожащему подбородку. — Кто еще мог это сделать, кто еще мог подобное написать?

— В этом городе полно психов.

— Психов, но не убийц.

— Ты не можешь знать точно, — я цепляюсь за последнюю соломинку, я хочу верить, я хочу надеяться, — доказательств нет, это лишь догадки.

— Они пытали ее, помнишь? — Шепотом спрашивает Бетани и глядит на меня пустым, прозрачным взглядом. — Мой отец и Барнетт подловили ее у школы, схватили, похитили...

— Ари бы не стала.

— Ари — нет. Но Ариадна Монфор...

— Ты никогда не видела Ариадну Монфор и понятия не имеешь, на что она способна, и что ей нужно, поэтому прекрати обвинять ее просто так. Не надо.

— Просто так? — Вопросит девушка, округлив темные глаза. — Да там мужик весит к потолку подвешенный, обескровленный, изуродованный, будто над ним издевались сразу несколько маниакальных кретинов.

- Сначала этот мужик ослепил ее, кинул в машину и привез в подвал к фанатикам. И только потом его привязали к потолку и обескровили.

— Ого, защищаешь ее?

— Понимает, — неожиданно говорит Хэрри, на что Бетани округляет глаза еще шире.

— Понимает? Звучит не менее жутко. Однако, Мэтт, это лишь дает Ари мотив. Она не просто так выбрала Барнетта жертвой, и я знаю, чувствую, следующий — мой отец.

Я выдыхаю. Тяжело и протяжно. Прохожусь ладонями по лицу, осматриваю людей и мигающие лампы на машинах, а затем прижимаю пальцами глаза. Ариадна здесь. Я идиот, которому хочется верить, будто все это чушь, будто все это неправда.

Я поддаюсь эмоциям и потому проигрываю.

— Ладно, я должен позвонить.

Собираюсь отойти, как вдруг Бетани хватает меня за руку. Я оборачиваюсь, она мне в глаза смотрит довольно жалостливо, сочувствующе, а это злит и бьет еще сильнее.

— Что?

— Мне жаль.

— Да брось, Бетани. С чего вдруг тебе жаль? Ты ведь совсем не знала Ари.

— Не говори так.

— Но это правда. Вы были знакомы от силы пару недель, а общались пару дней.

— Это не значит, что мне наплевать на происходящее, ясно? — Девушка обиженно губы надувает, а я по привычке закатываю глаза. — Что? Почему ты мне не веришь? Неужели ты думаешь, что я не успела привязаться к Блэк?

— Да, я именно так и думаю.

— Но почему? Почему ты...

— Потому что у меня даже в мыслях не укладывается, что это совершила Ари. Я себе этого представить не могу, и я не верю, не верю до сих пор. А ты поверила. Вот и все.

Я покачиваю головой и ухожу, чтобы позвонить Монфор. Думаю, им нужно узнать о том, что случилось. И я почти уверен, что информация им по душе не придется, пусть она и означает, что Ариадна здесь, в Астерии, дома.

Мне отвечает Мэри-Линетт бодрым голосом:

— Монфор у телефона.

— Здравствуйте. Это я... Мэтт. — Сжимаю пальцами переносицу. — Говорить можете?

— Конечно. Что-то случилось?

— Ари вернулась.

Несколько секунд женщина хранит молчание, и я слышу только тяжелое дыхание и шуршащие помехи. Однако затем Монфор спрашивает:

— Ты уверен?

— Я уже давно ни в чем не уверен.

— Где она?

— Сейчас я нахожусь на Трейкот-Стрит. Возле дома директора Барнетта. Он мертв.

— Директор? — Не понимая, восклицает женщина. — Директор умер?

— Его убили, но, знаете, скорее всего... — Я запинаюсь и беглым взглядом осматриваю людей, мельтешащих перед глазами. Слова никак не срываются с языка. Это же дикость, у меня горло сдавливает от одной только мысли, что Ари подвесила Барнетта к потолку. — Я думаю, что, скорее всего... скорее всего, это сделала Ари. Ари его убила.

Жду, что сейчас Мэри-Линетт бросит трубку или же скажет, что я спятил, но она не принимается спорить. Она вздыхает, зовет Норин, а потом рабочим тоном интересуется:

— Нам стоит приехать?

Я удивлен подобной реакции и недоуменно вскидываю брови.

Неужели все вокруг, так или иначе, уже не верят в добрую сторону Ари?

— Знаете, нет. Я думаю, вам не стоит светиться. Но вы должны были узнать.

— Верно. Разузнай поподробнее, что к чему, а затем к нам возвращайся.

— Хорошо.

— Справишься?

— Без проблем.

Мэри-Линетт бросает трубку, а я застываю в нерешительности. Кажется, только мне до сих пор не верится, что Ариадна способна на убийство. Наверняка, и Барнетта убила не она, а Меган фон Страттен или ее приспешники. Сама Ари внутри невероятно добрая. Она не сумела бы перейти черту, я уверен. И меня она не собиралась убивать. Нечто сильное и дьявольское засело в ее голове и руководит ее поступками. Но Ариадна борется, она будет бороться. Я точно знаю.

Я возвращаюсь к Бет и Хэрри. Они до сих пор стоят напротив полицейских машин и молчат, проглатывая слова, которые непременно должны сойти с языка, но так и остаются лишь несказанными мыслями. Брат поднимает подбородок, когда я оказываюсь рядом.

— Ты... — Он сглатывает и пробует снова. — Ты сказал?

— Да. Я предупредил их, но они не приедут.

— Почему? — Щурится Бетани. — Они ведь так долго ее искали.

— Но Ари здесь нет, — взмахнув руками, напоминаю я. — И, приехав, они лишь многих людей заставят задуматься о том, что они здесь забыли. Это подозрительно.

— Ладно. Но что тогда дальше?

— Нужно пробраться в дом, посмотреть, какая там обстановка.

— Серьезно? — Бет нервно усмехается, сплетая на груди руки, и кивает. — Дерзай.

— Думаешь, это нереально?

— Думаю, это глупо. Тебе нужны снимки? Договорились, они будут. Нужны зацепки? Я расскажу обо всем, что узнаю, но пробираться на место преступления, смотреть на труп, не чересчур ли это, Мэтт?

— Мне просто кажется, что...

— ...что ты заигрался. Очнись, никто из нас способностями не обладает. — Девушка на меня смотрит почти осуждающе, ее карие глаза светятся недоверием и страхом.

— Я ни во что не играю.

— Да ладно. И часто ты пробираешься в чужие дома? Часто видишь мертвяков?

— Я должен все осмотреть, Бетани, — сквозь стиснутые зубы, чеканю я, — это поможет.

— Поможет нажать душевные травмы? Там кровяца повсюду! Еще раз повторяю, там мертвый человек, Мэтт! — Девушка импульсивно встряхивает головой и, срываясь с места, бросает, — утихомирь пыл. По-моему, ты сходишь с ума.

Я собираюсь пойти за ней, но неожиданно меня за руку перехватывает Хэйдан. В это невероятно трудно поверить, поэтому я намертво примерзаю к асфальту и оборачиваюсь.

Его пальцы так сильно стискивают мое запястье, что мне становится больно. Но я не жалуясь, даже не думаю жаловаться. Хэрри нерешительно размыкает кисть, облизывает и поджимает губы, а затем шепчет:

— Пусть идет. Не трогай ее. Она напугана.

— Ладно. — Не своим голосом обещаю я, откатываясь назад. — Как скажешь.

— Ей страшно... — еще раз повторяет он, неестественно резко разминая плечи, а потом поправляет оправу очков неуклюжим движением, и я оцепенело наблюдаю за братом, а он продолжает переминаться с ноги на ногу и повторять, — ей просто страшно, она испугана.

Теперь и мне не по себе. Я в очередной раз киваю, но Хэйдан не прекращает бурчать себе под нос нечто тихое и неразборчивое. У меня желудок скручивается в тугий узел.

В конце концов, я подхожу к Хэрри и неуверенно похлопываю его по плечу, на что в его глазах проносится искреннее недоумение и странная благодарность, будто я вызволил его из транса, из клетки. Брат сглатывает, кивая мне, а я спрашиваю:

— Ты как? Пойдем?

— Да-да, идем. Да.

Мыходим с места, но я непроизвольно гляжу себе за спину и изучаю красно-синие огни, мерцающие на крышах полицейских машин, я наивно надеюсь увидеть рыжее пятно, увидеть ее макушку. Но я ничего не вижу.

Ари здесь нет.

Когда мы приезжаем к Монфор, солнце лениво заползает за горизонт. Тети Ариадны ждут нас на кухне, Норин как всегда приготовила нечто вкусное, и я довольно улыбаюсь.

— Что? — Интересуется она, когда я придвигаю к себе мясной рулет. Женщина стоит в толстом свитере, что кажется полной чепухой, а еще на ней грязный фартук. Никогда бы я не сказал, что передо мной стоит ведьма, по праздникам борющаяся с Дьяволом.

— Я давно не ел нормальную еду. Долорес готовит паршиво.

— Ты не зовешь ее мамой, — подмечает Мэри-Линетт, нарезаая яблоки себе в миску. Не знаю, кажется ли мне, но, по-моему, на яблоках у нее какой-то пиктик. — Почему?

— Потому что она не моя мама.

— И ее это не обижает?

— Нет.

Хэрри хмыкает, что не ускользает ни от моего взгляда, ни от взгляда сестер Монфор, но никто больше к этой теме не возвращается, собственно и я ничего больше рассказывать не собираюсь. Не думаю, что вышла бы душевная беседа.

— Итак, Ариадна в Астерии, — прожевывая, отрезает Норин и выпрямляет спину. — Ты и подумать не мог, что вы встретитесь так скоро, верно?

— Никто об этом не знал.

— Неужели она выполнила все поручения Люцифера? — Недоумевает Мэри-Линетт.

— Какие поручения?

— А ты думал, Дьявол просто так переманил Ариадну на свою сторону? Она явно ему для чего-то была нужна. Возможно, загвоздка в ее даре.

— И все же, — встречается старшая Монфор, отпивая горячий напиток, — Мэтт, ты точно понимаешь, с чем тебе придется столкнуться? Может, стоит поговорить об этом.

— О чем?

— Об Ари.

Откладывая вилку и протяжно выдыхаю, так как уже ужасно устал от нравоучений.

— Мы уже все сто раз обсуждали.

— Да, но теперь Ариадна здесь, и, возможно, ты не до конца осознаешь, с чем имеешь дело. Я просто хочу, чтобы ты помнил — Ари больше нет. Пока что нет. Она убила вашего директора, и она продолжит убивать тех, кто причинил ей когда-то боль.

— Ари не могла сделать этого. Я имею в виду, она не могла убить Барнетта.

— Могла.

— Вы говорите так, будто вам абсолютно наплевать на нее.

— Я отдам жизнь за Ари! — Вспыхивает Норин Монфор. — И хочу вернуть ее не меньше твоего, мальчик, но ты наивен. То, с чем нам предстоит столкнуться не просто Ари, это ее темная сторона. И она способна на все. Запомни это и будь готов к тому, что эта сторона захочет тебя убить.

— Посмотрим. — Я вновь возвращаюсь к еде и дергаю уголками губ. Мне почему-то не терпится опровергнуть слова этой женщины. Я верю, что как только я увижу Ари вживую, я смогу поговорить с ней, смогу достучаться до нее. Она всегда была невероятно упрямой, но между нами была связь. Может быть, и сейчас эта связь спасет нам жизнь.

На следующее утро в школе творится что-то жуткое. Ученики бегают по коридорам, вопят с блестящими глазами о смерти Барнетта и наслаждаются новыми сплетнями, что на мой вкус — отвратно. Я терпеть не могу тех, кто постоянно болтает о вещах, их отнюдь не

касающихся, но жители Астерии вечно славятся слишком длинными языками. Уроки так и не начинаются, расписание снимают с информационной доски. Всех зазывают в зал, где учителя собираются сказать прощальную речь о прекрасном человеке — нашем директоре.

Признаться, меня раздражает, что нас насильно заставляют идти на собрание. Да, все это больше походит на дешевый спектакль; подростки, рвущиеся на первые ряды, хотят не помянуть человека, а узнать подробней о том, сколько крови размазалось по деревянному покрытию, и как глубоко ему воткнули нож в глотку. Дикость.

Мы с Хэрри садимся почти в самом конце. Он выглядит уставшим, постоянно робко очки поправляет и на руки свои пялится, словно пытается там увидеть что-то особенное. Я слышал, как он опять кричал среди ночи, правда, когда я подорвался, он уже успокоился и принялся спать дальше. О себе я не могу сказать того же. Уснуть мне больше не удалось, я застыл с открытыми глазами и думал о том, что ему приснилось.

Наверно, опять Ариадна горела заживо.

От мыслей о том, как огонь овивает ее кожу, ее рыжие волосы меня передергивает.

— Привет, — шепчет Бетани, садясь рядом.

— Привет, — взмахиваю рукой и вновь впяливаю взгляд вперед, на сцену, где толпятся учителя у микрофона. Пусть еще подерутся за то, кто скажет сопливую речь первым.

— Как вы?

— Порядок. А ты?

— Да. Все нормально. — Она поправляет черные волосы и вдруг усмехается.

— Что?

— Джил. Посмотри. — Девушка кивает в сторону Джиллианны, притаившейся где-то в углу актового зала, и растягивает губы в горькой улыбке. — Она от тебя глаз не отводит.

— Замечательно, — сухо выдыхаю я и тут же виновато встряхиваю головой. — То есть я хотел сказать, что это паршиво. Я с ней не разговаривал почти неделю.

— Может, стоит? Иначе она съест тебя взглядом. А вроде такая паинька.

— Паиньки не могут есть взглядом?

— Упаси Боже, — усмехается Бетани, — это же грех, Мэтт!

Я почему-то тоже улыбаюсь и шепчу:

— Это точно. Слушай, что насчет преступления? Есть фотографии, зацепки?

— Давай поговорим после собрания. Это, ну... — Бетани горбится и поджимает губы. Я недоуменно хмурюсь. — Лучше все наедине обсудить. Не здесь.

— Да, конечно.

Девушка кивает, а я слышу, как кто-то неуклюже тарабанит пальцами по микрофону, проверяя звук, и оборачиваюсь. Это заместитель директора — худощавая и фитильная дура, которая постоянно сидела в приемной и разговаривала с кем-то из родных по телефону.

— Здравствуйте! — Смущенно говорит она, сжав перед собой руки. — Я очень рада, что у нас есть возможность собраться вместе и почтить память замечательного человека.

Я закатываю глаза и сжимаю пальцами переносицу. Она сказала всего фразу, а я уже сгораю от желания убраться отсюда как можно дальше.

Я никогда не разделял весь этот бред про то, что нужно взяться за руки и поделиться эмоциями на публике. Для меня эмоции — это то, что внутри; то, чего не видно. Когда тебе больно, когда тебе действительно жаль, ты обычно не находишь слов, чтобы объяснить то, что творится в груди. А когда тебе хочется просто поговорить — произносятся речи или же проповеди, как в церкви; желание людей собраться вместе, чтобы прочитать молитву — для

меня всегда было высшей категорией глупости. Ну, потому что, во-первых, еще ни разу в моей жизни Бог не ответил на чьи-либо молитвы, не появился в церкви и не погладил отца Джил по голове за то, как он красиво, а главное, монотонно каждое воскресенье читает эту несусветную чушь про грех и покаяние. А, во-вторых, проявление эмоций обычно равно проявлению слабости. Мы поддаемся радости или злости. Мы проигрываем разуму, и мы должны выставлять на публику свои промахи? Просчеты? Зачем? Глупость.

Однако я хожу в церковь. Ради отца. Все нормальные люди разочаровываются в том, что есть Бог и что есть вера, когда умирает близкий человек. А мой отец подался в святую святых. Там он встретил Долорес. И она научила его паре идиотских молитв, что, по всей видимости, поразило его до глубины души и вынудило второй раз жениться.

Если в церковь я хожу из-за папы, то, что я забыл здесь — вопрос хороший.

Прикрываю глаза и слышу, как Хэйдан устало выдыхает, скорее всего, тоже безумно мечтающий очутиться где угодно, только не в актовом зале. Я собираюсь вытащить свои конспекты по испанскому языку, чтобы сделать несколько упражнений, как вдруг слышу знакомый голос.

— Я хотела бы сказать несколько слов.

Бетани мертвой хваткой впивается в мою руку. По залу пролетает волна шепотов и вздохов. Я приподнимаю подбородок и застываю.

Не может быть.

Портфель зависает в воздухе, тетрадь скользит по ткани, норовя грохнуться вниз, а я теряюсь. Не знаю, что сказать или сделать. Просто с широко распахнутыми глазами гляжу на первый ряд и понимаю, что в неудобном, потертom кресле сидит Ариадна Монфор. Без сомнений, это именно она. Ее огненно-рыжие волосы скатываются по спине бронзовыми кольцами, худощавые плечи, словно пики, торчат из-под пиджака. Я присматриваюсь все тщательней и вижу, как Ариадна поднимается со стула, как дергает уголками губ и бредет на сцену, стуча высокими каблуками о деревянные половицы.

Лицо обдаёт жаром. Я сосредоточенно прищуриваюсь, а Ари останавливается перед трибуной и сочувственно сводит брови, будто бы ей невероятно жаль погибшего.

В зале повисает ледяное безмолвие.

— Совсем недавно я была новенькой в этом городке, — начинает она, а у меня от звука ее голоса внутри что-то происходит, переворачивается. Я выпускаю из пальцев рюкзак и, стиснув подлокотники, подаюсь вперед, сам того не осознавая. — Директор Барнетт был ко мне добр, принял меня так, словно давно знал. Знал меня и мою семью.

Ари... Все слова застревают в горле. Я так долго ждал этого момента. Но сейчас я не понимаю, что происходит, я не верю тому, что вижу. Неужели она вернулась? Сглатываю, ощущая колющую желчь, моргаю, но Ариадна не исчезает, нет. Стоит так близко и далеко одновременно, что вены на моей шее вспыхивают и нагреваются от дикой температуры. Я вижу ее... Та самая Ари, которая пришла на первый урок в футболке с «Рамоунз», сейчас стоит на высоких каблуках в черном облегающем платье и кажется настоящей.

Я хмурю лоб и внезапно понимаю, что она смотрит на меня. Слова проходят мимо. Я не улавливаю ни единой буквы, я могу лишь смотреть в ее ярко-зеленые глаза и сжимать в пальцах подлокотники, которые предательски трещат по швам.

— Мне невыносима мысль, что этот мужчина больше не проснется утром, — Ариадна с грустью поджимает губы, — надеюсь, убийца поплатится за то, что сделал.

— Бог мой, — срывается с губ Пэмроу. Девушка прижимается к спинке кресла, почти

сливается с ним, а в глазах у нее мелькает ужас. — Она здесь, прямо здесь, ты слышишь ее?

Я не знаю, что ответить. Я не знаю, здесь ли она, ничего не знаю, я собираюсь встать и подойти ближе, чтобы присмотреться, но меня останавливает Хэйдан. Он кладет ладонь на мое плечо и покачивает головой. Удивительно, что в такой момент именно мой брат не поддается эмоциям, а держит все под контролем.

В конце речи Ариадна делает драматическую паузу, во время которой уголки ее губ, едва ли заметно, дрогают от ухмылки. Однако она быстро превращает усмешку в горечь, и уже в следующую секунду в глазах ее проносится искренняя печаль, которая только мне и Хэрри кажется ядовитой фальшью.

Она спускается со сцены под звенящую тишину, медленным шагом бредет к выходу. Совсем скоро ее силуэт исчезает за порогом, в отличие от паралича, который никак меня в покое не может оставить, и мне приходится изо всех сил стиснуть зубы, чтобы резкая боль прокатилась по челюсти и привела меня в чувство.

Я поднимаю с пола рюкзак и решительно закидываю его к себе на плечи.

— Ты куда? — Шепчет Бетани, сомкнув брови. — Не ходи, Мэтт. Не надо.

— Я должен.

— Ты не знаешь, что она сделает.

— Поэтому я пойду один.

— Очень умно, безумно, — злится девушка, повысив голос, однако внимания мы к себе не привлекаем. Все заняты перешептываниями и обсуждениями. Никто не ожидал увидеть девочку из семьи Монфор, которая считается виновницей недавнего пожара.

— Хэрри, — я перевожу взгляд на брата, — будь здесь, я хочу с ней наедине поговорить.

— Ты уверен, что она этого хочет? — Вдруг спрашивает меня брат, и я закатываю глаза в особой, раздраженной манере. Как будто раньше она любила, когда ей пытались помочь.

— Я быстро.

— Мэтт, — Хэйдан неуверенно оглядывается и поджимает губы, — а, может, не стоит.

Я не хочу, чтобы ты шел, не хочу, чтобы ты шел один.

— Все будет в порядке. Эй, — я похлопываю брата по плечу. — Это же Ари.

— Пожалуйста.

— Не паникуй. Я справлюсь.

Хэрри собирается сказать мне что-то еще, но я приподнимаюсь и аккуратно скольжу вдоль рядов, неотрывно следя за выходом. Внутри взрываются горячие шары, нервы вдруг натягиваются, словно струны. Я поверить не могу, что иду на встречу с Ариадной, что она здесь, рядом, в Астерии. Мне внезапно кажется, что все проблемы позади. Сейчас я увижу ее, мы поговорим, и она вернется домой, потому что в глубине души она все та же милая и храбрая девушка, которая отдала жизнь за друга. Она такая же упрямая, невыносимая. Она такая же, какой была, когда я впервые на нее посмотрел — настоящая.

Я вырываюсь из зала, оглядываюсь и замираю, увидев перед собой пустой коридор.

— Черт, — прокатываюсь ладонью по лицу и недовольно хмурюсь, не понимая, как она так быстро испарилась. Неужели я упустил ее?

— Здравствуй, Мэттью, — шепчет Ари, и армия мурашек прокатывается по моей спине снежным комом. Я нервно сглатываю, оборачиваюсь, а она улыбается.

Нет, держать себя в руках не удастся. Как только я вижу Ари перед собой, живую, не тонущую в крови, не окруженную иллюзорной дымкой, внутренности каменеют и трещат, ломаясь на тысячи осколков. Я должен рассуждать здраво, но я неожиданно понимаю, что

происходит с людьми, у которых сносит крышу.

— Ари, — говорю я, а голос не мой, чужой и хриплый. Она растягивает губы в лукавой ухмылке, а я впиваюсь пальцами в карманы брюк и в очередной раз сглатываю.

— Ты выглядишь растерянным. Не ожидал меня увидеть?

— Я знал, что ты вернешься.

— Ну, конечно..., — Ариадна закатывает глаза и обходит меня со спины, прокатываясь кончиками пальцев по моим плечам, — праведный Мэтт, ты всегда все знаешь. Так ведь?

— Ты вернулась домой, — я неотрывно слежу за Ари взглядом, я слежу за эмоциями на ее лице, но они не похожи на эмоции прежней Ари, той Ариады, что когда-то приехала в Астерию, однако я не обращаю внимания. Это она. Я чувствую, что это она.

— У меня нет дома. — Бросает Ари, на что я щурюсь и сплетаю на груди руки.

— Ты так не думаешь.

— А ты научился читать мысли, пока меня не было?

— Просто я тебя знаю.

— Вот как.

— Да, ты приехала в Астерию, потому что здесь Норин, Мэри-Линетт, Хэрри.

— Ты, — договаривает Ариадна, горячо выдохнув и приблизившись ко мне так близко, что я, наверняка, прекращаю дышать. Ее пальцы впиваются в ворот моей рубашки, губы с ярко-алой помадой оказываются напротив моих губ. Я молчу, а она шепчет так тихо, что у меня жар пробегает по телу. — Больше всех я хотела увидеть тебя. Я здесь ради тебя.

Я застываю, мои руки падают. Я смотрю в глаза Ари и неожиданно верю ей. Правда, уже в следующую секунду девушка прыскает со смеху и взмахивает руками в стороны.

— Прости. — Она стремительно отстраняется. — А ты поверил, да? Бедный Мэтти.

Я свожу брови. Ари всегда была резкой, но она никогда не играла на чувствах.

— Если ты здесь не ради семьи, то ради чего?

— Я приехала почтить прекрасного человека.

— Не думал, что ты так привязалась к Барнетту.

— Некоторые воспоминания не стираются из памяти, — пожимая плечами, говорит она и останавливается передо мной, излучая нечто неконтролируемое и опьяняющее.

Ее рука приподнимается и собирается коснуться моего лица, но я перехватываю ее в воздухе и застываю, не до конца понимая, что делаю. Мной руководят инстинкты, один из которых велит быть настороже и следить за каждым ее движением.

— Интересно, — протягивает девушка, сверкнув изумрудными глазами, — боишься?

— Не доверяю.

— Почему? Ты так ждал меня, Мэттью, так хотел увидеться.

— Ты спасла Хэйдана, Ари, — ровным голосом отрезаю я, — теперь я спасу тебя.

— Беспокойся о своей жизни. Она окажется весьма короткой, если ты прямо сейчас не выпустишь мое запястье.

— Да брось, Ари. Ты не сделаешь мне больно.

— Очнись, — шипит она, впившись в мои глаза безумным взглядом, а затем порывисто выдергивает руку из оков. — Я уже делаю тебе больно.

Ари разворачивается, чтобы уйти, на что я реагирую молниеносно.

— Эй! — Подаюсь вперед. — Никуда ты не пойдешь! — Я хватаю ее за запястье, дергаю на себя, правда, уже в следующую секунду Ариадна наступает на меня, словно цунами. Не понимаю, как яотшатываюсь, как врезаюсь со всей силы в стену и оказываюсь в плену ее

невероятных глаз, излучающих такой лютый холод, что у меня сводит легкие. Она держит в силках мое горло, а я застываю, сомкнув в кулаки пальцы. Какого черта?

— Не стоит прикасаться ко мне, — рычит девушка, оскалив зубы, — никогда.

— Что ты делаешь?

— Вот тебе урок, Мэтти, — Ариадна внезапно приподнимает меня над полом и легким, незатейливым движением откидывает к противоположной стене. Какого дьявола? Что она делает? Я ударяюсь о бетон, скатываюсь на пол и чувствую, как между висков вспыхивает ядовитая боль, тут же перед глазами всплывают черные точки. — Ариадны больше нет, нет той безмозглой идиотки, которая носилась за тобой по пятам и ловила твое каждое слово.

Девушка стучит каблуками о паркет, а у меня в голове взрываются мысли; она идет в мою сторону ленивой походкой, останавливается и присаживается на корточки. Я гляжу в ее глаза, приподнимаю подбородок, а она вдруг поглаживает меня по волосам, словно я ее провинившийся домашний питомец.

— Будь молодцом, Мэтти. Ты ведь не хочешь умереть, правда?

— Что ты несешь, — злюсь я, приподнимаясь, — ты не понимаешь...

— Тише. Я все прекрасно понимаю, милый.

— Тогда какого черта творишь?

— А на что ты рассчитывал, Мэтт? Думал я приду, и мы сбежим? Ты опоздал.

— Ты никуда не делась, Ариадна, — бросаю я, врезавшись спиной о стену, — вот же ты, я на тебя смотрю, ты прямо сейчас передо мной.

— Иногда мы видим то, что хотим видеть, Мэтт, — нежно шепчет она, прикоснувшись кончиками пальцев к моему подбородку. Я свожу брови, неровно дышу, а она все смотрит мне в глаза и неожиданно кривит губы. Я уже ненавижу эту презрительную ухмылку.

Внезапно дверь за спиной Ариадны распахивается. Из актового зала выносятся Бет и Хэрри, и Ари уже в следующее мгновение стремительно выпрямляется, будто бы обладает нечеловеческой способностью двигаться быстрее и увереннее обычных людей. Я пытаюсь подскочить на ноги, но Ари с такой силой запустила меня о стену, что в глазах мельтешат и кружатся черные пятна. Я встаю только с третьего раза, а Ариадна уже движется к брату и Бетани вальяжной, раскатистой походкой.

— А я все ждала, когда придет команда поддержки, — пропевает она. — Солдат Бетти и благородный Хэйдан. Вы соскучились?

— Постой, — бросаю я, встряхнув головой, — не трогай их.

— Никто не собирается их трогать, милый. Я просто хочу подойти поближе.

— Ари.

Девушка раздраженно взмахивает рукой, и я вновь отлетаю к стене и так ненавистно стискиваю зубы, что в ушах неприятно звенит. Еще чуть-чуть, и я взорвусь.

— И каково это? — Ариадна останавливается напротив Хэйдана, а он вяло вздергивает подбородок и отступает назад, на что девушка идет вперед. — Каково жить, осознавая, что лучший друг отдал за тебя свою душу? Нравится?

— Нет, — заторможено отвечает Хэрри, на что Ари взрывается хохотом.

— Нет. — Пародирует она. — Что с тобой случилось? Не пора ли взять себя в руки?

— Хватит! — Рывкаю я. — Не трогай его.

— Помолчи, Мэтт, — приказывает Ари, и я послушно затыкаюсь, — мы просто болтаем.

— Ты... ты другая, — лепечет мой брат хриплым голосом.

— Что прости?

— Я знаю, ты хорошая.

— А я знаю, что по твоей вине погибнет много людей. Да-да, ты будешь виноват, не я, и не Дьявол, Хэрри. Именно ты заставил меня пойти на сделку, ты сделал меня такой, и ты не будешь спать по ночам, слыша в голове крики моих жертв снова и снова, снова и снова.

— Ты пугаешь его! — Воскликает Бетани, и уже в следующую секунду Ариадна резко оборачивается, впечатав взгляд в Пэмроу. Брюнетка сглатывает так громко, что даже я это слышу, и сцепляет в замок трясущиеся руки. Сначала я думаю, что Ари вновь пустится в разговоры, расскажет о том, что грызет Бет и мучает. Но ничего подобного не происходит. В коридоре повисает мертвая тишина. Я свожу брови, Бетани застывает, словно статуя, и в это мгновение замирает все, даже мысли. Я осторожно ступаю вперед, надеясь подойти на более близкое расстояние к брату, но затем неожиданно замечаю красные искры, которые вспыхивают на тонких пальцах Монфор. Черт возьми. Внутри все переворачивается. Что у нее на уме? Что она собирается сделать? Я понятия не имею, что происходит, все выходит из-под контроля. Как я могу бороться против Ари? Она же мой друг.

Но я должен, должен что-то предпринять. В карих глазах Бетани проносится горячий ужас, бурлящий и свистящий, словно вскипевший шоколад. Она, может, и хочет отойти на шаг назад или в сторону, но она превращается в безвольную куклу, потерявшую смелость.

— Ари! — Восклицаю я, надвигаясь на девушку со спины. — Прошу, остановись!

Она взмахивает рукой, где уже не просто переливаются искры, а вспыхивает пламя! Трудно сказать, что бы случилось, если бы в следующее мгновение двери актового зала не распахнулись настежь, и толпа подростков не вылилась наружу, будто поток бурной реки. Я чувствую, как узел в животе развязывается, но все равно не могу прийти в себя. Все это похоже на сон, неясный и глупый сон, в котором я почему-то обязан Ариадну не спасти, а остановить. Так не должно было случиться. Это неправильно.

Коридор наполняется голосами. Тишина расщепляется на сотни кусков и полностью растворяется в назойливом шуме. Но я все равно слышу, как трудно дышит Хэрри, и вижу пелену ужаса, застывшую в глазах Бетани Пэмроу.

— Передай привет отцу, — говорит Ари, одарив Бет ледяной ухмылкой.

Она смотрит на меня через плечо. Правда, смотрит мимоходом, едва ощутимо. Потом она удаляется по коридору, сливается с толпой, ну а я не могу перестать наблюдать за ней, потому что в голове никак не укладывается все то, что на меня сегодня вывалилось.

Какого вообще черта случилось? Я касаюсь пальцами затылка, морщусь от боли и на Хэйдана перевожу взгляд вполне растерянный. Я, правда, понятия не имею, как объяснить поведение Ариадны, как попытаться найти нечто хорошее в произошедшем и уцепиться за надежду, будто все разрешится. Я знаю, что Ари отдала душу, но я не понимаю, как это.

— Повезло, — протирая потными ладонями лицо, говорит Бетани, а я поджимаю губы. Повезло ли? Сомневаюсь.

ГЛАВА 8. РОДИТЕЛИ И ДЕТИ.

Мы выходим из школы, храня гробовое молчание.

Каждое движение кажется заторможенным, каждый звук — искаженным помехами. Я не замечаю, как закидываю назад голову и впиваюсь взглядом в серое небо, распахнув рот от усталости, от желания плотннуть хотя бы немного кислорода. Небо сегодня чужое, меня

пробирает до дрожи чувство фальши и обмана, словно это и не то вовсе небо, на которое я пялюсь уже восемнадцатый год. Опускаю подбородок, поправляю ремень рюкзака и резко выдыхаю, будто бы пытаюсь избавиться от мерзкого ощущения в груди и выплюнуть изо рта эту отвратную горечь. Но все остается прежним: и тупое небо, и сдавленное горло.

Неожиданно вдалеке я замечаю Логана Чендлера. Он ржет так громко, что половина школьников следит за ним взглядом. В этом весь Логан — привлечь к себе внимание, и при этом сделать вид, будто он не прилагает ни малейших усилий. Логан вместе с ребятами из команды плетется в сторону старой забегаловки. Это одна из тех идиотских традиций, что чтится из поколения в поколение. Когда-то я тоже ходил с этими отморозками в «Грилз».

Сейчас мне кажется, что лучше продырявить череп о стену.

— Сегодня у Логана вечеринка, — неожиданно говорит Бетани, и я покачиваю головой.

— Отлично.

— Что-то вроде поминок, только с выпивкой и травкой.

— Не верится, что ты часть этого безумия, Бет.

— Кто бы говорил, — девушка сплетает на груди руки, будто защищаясь, и вздергивает подбородок. — Дурацкое клише, Мэтт, будто все спортсмены тупые, а все очкарики умные.

— Не клише, а логическое замечание.

— В этом безумии варится много хороших людей, и ты сам об этом знаешь.

— Я не помню хороших людей на подобных сборищах, Бетани.

— Может, потому что надирался до такой степени, что забывал даже адрес дома?

Я никогда не любил, когда люди пересекали начерченную мной линию, что-то вроде ограничителя: запретная территория, опасная тема... Я привык предотвращать разговоры о моем прошлом еще до возникновения импульса, но сегодня я забываю защититься. Бетани никогда не была моим другом, но мы часто встречались на подобных мероприятиях. И это дает ей право рассуждать и бросаться фактами, ведь события происходили у нее на глазах.

— Я не надирался, хорошо? — Надирался еще как, а потом приходил в себя уже дома с руками по локоть в крови. Кого и по какой причине я бил — всегда оставалось тайной.

Ровно до прихода в школу.

— В любом случае, меня это не касается. — На выдохе отрезает Пэмроу.

— Вот именно.

— Как и не касается то, что Блэк прямо сейчас держит за руку Чендлера.

— Ну, она... Что? — Приподнимаю подбородок, ищу Логана и действительно замечаю, как Ари обольстительно улыбается рядом с ним, поправляя бронзовые волосы, которые от порывов ветра непослушно вспыхивают огнем вокруг ее шеи. По внутренностям внезапно прокатывается ревностный кипяток, сносящий крышу, задевающий нервы, но я стискиваю зубы и лишь равнодушно повожу плечами. Я научился скрывать эмоции. Я умею казаться бесчувственным, пустым. Умею так хорошо, что иногда сам забываю как это, чувствовать.

— Что она делает?

— Ничего особенного. Они давно знают друг друга.

— Да брось, Мэтт. Это странно.

Не отвечаю. Продолжаю идти, проговаривая в своей голове: наплевать, наплевать.

— На Ари это совсем не похоже, — неожиданно шепчет мой брат, а я отмахиваюсь.

— Она и раньше прикрывалась Логаном, когда хотела меня позлить.

— Думаешь, поэтому она вокруг него вьется? — Округляет глаза Бет. — Из-за тебя?

— Она играет. Ей хочется увидеть реакцию. Не будем ей давать такой возможности.

Мы проходим мимо Чендлера и Ари, но я упрямо смотрю перед собой, не собираясь, не при каких обстоятельствах, поддаваться искушению. Ощущаю, как ее взгляд прожигает мне спину, слышу ее звонкий смех, и все иду и иду. Они говорят о вечеринке, а я невольно дергаю уголками губ, удивившись подобному поведению прислужника Люцифера.

Неожиданно в такой глупости, в таком детском ходе я узнаю Ари: она не убила нас в холе, не причинила никому вреда в актовом зале, Ари вернулась играть, наблюдать за тем, что мы сделаем и как поступим. Она всегда цеплялась за Логана, когда пыталась вывести меня из себя, и в этом поступке видна настоящая Ариадна — та самая, которую я знаю.

— Послушай, Мэтт. Давай попозже я тебе покажу документы, — вдруг говорит Бетани, и я растерянно выплываю из мыслей. Мы останавливаемся около пикапа Хэрри, и я очень туго соображаю, о чем вообще идет речь.

— Документы?

— Да, с места преступления.

— Точно, — сжимаю пальцами переносицу и раздраженно киваю; я идиот, забыл о том, что действительно имеет значение. — Из головы вылетело. Почему не сейчас?

— Я тороплюсь, — быстро находится Бет и сглатывает, — серьезно, попозже, хорошо?

— И когда наступит это попозже?

— Например, завтра.

— Слушай. Да, я немного выпал из реальности, — открывая дверцу, бросаю я, а затем в глаза Бетани смотрю серьезно и недовольно, как отец смотрит на меня, когда отчитывает, пытаюсь наставить на путь истинный. — Но это не значит, что я забыл.

— Ты забыл.

— Но вспомнил.

— Завтра. Обещаю.

— Куда ты бежишь? — Внезапно подает голос Хэрри и хмурится, разглядывая Пэмроу, как будто видит впервые. Девушка отводит взгляд в сторону и покрывается едва заметной испариной, а мой брат по-птичьему наклоняет голову. — Ничего не хочешь рассказать?

— Нет.

Новая способность Хэрри заставить врасплох неожиданными вопросами, мне вполне нравится. Только сейчас я замечаю, что Бетани нервничает. Что она робко кривит губы на одну сторону и стоит в вытянутом положении, от которого, наверняка сводит спину. Я так погряз в своих мыслях, что перестал обрабатывать информацию, анализировать поступки, я просто перестал видеть: ослеп, не теряя зрения.

— Все в порядке? — Спрашиваю я, нахмутив лоб. — Может, тебя до дома провести?

— Я доеду.

— Уверена?

— Да. Я хочу поскорее увидеться с родителями, — поясняет Бетани, сжимая в пальцах учебники по тригонометрии. — Встретимся завтра и все обсудим, договорились?

Я не хочу загадывать. В нашей ситуации надеяться крайне опрометчиво. Но я киваю.

— Договорились.

Когда мы едем в коттедж Монфор, у меня звонит телефон. Я киваю Хэрри, чтобы он поднял трубку, но брат, прочитав имя на дисплее, покачивает головой.

— Это папа. Сам с ним говори.

Что ж, я и не сомневался, что рано или поздно отец нагрянет с вопросами. Он не мог иначе, он ведь отец, он должен волноваться, читать мораль, сесть и стареть, пока сын ему

обещает стать лучше, но скатывается все ниже пропасть. Иногда мне стыдно. Я не имею права разочаровывать отца. Какими бы черствыми не были мои слова и поступки, внутри я всегда хотел стать к папе ближе, хотел заслужить его доверие и гордость. Но сейчас мне кажется, что я поступаю правильно, скрывая от него правду, помогая Ари.

Я выгляжу в его глазах полным ублюдком. Но, что самое интересное, я поступаю по совести. Именно так, как он меня учил.

— Привет, — говорю я, заранее предчувствуя приятную беседу; не тешу себя надеждой и не пытаюсь придать своему голосу виноватые ноты.

— Как ты думаешь, сколько можно терпеть? — Начинает отец с философской фразы, и это не просто плохо, это отвратительно. Я почти уверен, что он едва сдерживается от того, чтобы не поехать в коттедж Монфор и не потащить меня за шиворот домой.

— Послушай, я не хотел, чтобы так вышло.

— Не хотел грубить Дол или пропадать почти на неделю?

Я стискиваю зубы и выдыхаю:

— И то, и другое.

— Я жду тебя дома, прямо сейчас.

— Я не смогу, в смысле... — Замолкаю, бегло осматриваюсь и чувствую, как внутри на пару секунд все замораживается и холодеет. Я ненавижу обманывать отца. — Это важно.

— Что важно? — Папа теряет самообладание, повышая голос. — Ты меня слышишь?

— Да.

— И что я сказал?

— Вернуться домой.

— У тебя десять минут.

— Но у меня есть дела и обязанности, — порываюсь я, сжав левой рукой руль. — Ты же знаешь, мы не просто так ушли, мы должны помочь другу.

— Мэтт, я что — когда-то упрекал тебя в том, что ты помогаешь друзьям?

— Нет.

— Тогда что ты делаешь? О чем думаешь?

Мне никак не дает покоя, что он во всем винит только меня.

Наверняка, они с Дол решили, будто бы я и Хэйдана потащил с собой насильно, и он каждый день порывается домой, а я привязываю его цепями к батарее. Интересно, что еще творится в голове моего отца? Что еще он обо мне думает? Когда родители не уверены в своих детях — это вина самих родителей. К двадцати годам дети уже становятся теми, кого из них воспитали, и если вы и дальше продолжаете им не доверять или понятия не имеете, чего от них ждать — вините только себя. Никто не мешал вам воспитать законопослушного гражданина, и если вышло плохо — смиритесь с этим и больше не заводите детей.

— Пап, пап, — я прерываю поток его слов и недовольно стискиваю зубы, — прекрати. Я не делаю ничего такого, из-за чего мы с тобой должны поссориться.

— Дол сказала, ты опять подрался.

Это уже паршиво. Дол лучше бы научиться язык держать за зубами! Для отца данная тема, как для меня тема матери — сносит крышу и начисто отбивает здравый смысл.

— Так было нужно, — отвечаю я, слыша, как грузно он дышит, — я заступился за Ари.

— А кто заступится за тебя, когда ты окончательно потеряешь мое доверие?

— Пап, пожалуйста.

— Я не собираюсь повторять дважды, Мэтт. Или ты возвращаешься прямо сейчас или

можешь оставаться у Монфор, сколько тебе влезет.

— Ставишь мне условие? — Трудно поверить, но я усмехаюсь. Наверно, сошел с ума.

И я жду, что отец ответит, но он вдруг бросает трубку. Я даже не сразу понимаю, что на другом конце звучат протяжные, мертвые гудки. Рука безвольно падает на колени, где-то в груди взывает колючий шар из вины и злости, и я паркуюсь около коттеджа Монфор и, заглушив двигатель, упираюсь лбом о потертый руль. Черт. Кажется, с каждым днем на мои плечи наваливается все больше и больше отборного дерьма.

Что делать? Вернуться домой? Но тогда я буду вдалеке от Норин и Мэри-Линетт, это не вариант, я не могу себе этого позволить. Я должен быть рядом, чтобы быть в курсе. Так или иначе, находясь в особняке Монфор, я становлюсь причастным к событиям, нахожусь в их центре и могу хотя бы пытаться их менять и ими манипулировать. Переехав домой, я потеряю все нити, я потеряю Ариадну. Нет. Покачиваю головой. Ее я потерять не могу.

«Но, а что насчет папы?» — возникает вопрос в моей голове.

Он будет волноваться, ему может вновь стать плохо. И я опять буду виноват. Опять!

Я неожиданно вспыхиваю и ударяю ладонью по рулю, прекрасно понимая, что помочь мне этот жест никак не поможет, но хотя бы позволит выпустить пар.

— Мэтт, ему же больно! — Воскликает Хэйдан, а я обескуражено гляжу на него из-под опущенных ресниц и ни черта не понимаю. — Тише, мой мальчик, — внезапно шепчет брат, нежно поглаживая приборную панель ладонью. — Он не хотел тебя обидеть. Правда?

Хэрри смотрит на меня, кривя губы, а я застываю, как в немом кино, не понимая, что только что произошло. Хэйдан пошутил? Хэйдан попытался разрядить обстановку?

— Я... — Оторопело выпрямляюсь и сглатываю. — Я случайно.

— На первый раз мы тебя простим.

Брат кивает, пытаясь выдавить улыбку, выходит у него так себе. Но мне все равно. Я непроизвольно усмехаюсь, встряхнув головой, и перевожу на Хэйдана довольный взгляд, испытывая в груди нечто теплое. Мне тут же становится легче.

— Я больше не буду, — торжественно обещаю я, поджав губы. — Правда.

— Отлично. Тогда идем?

Киваю, выбираюсь из машины, но никак не могу избавиться от тупой улыбки. Меня одолевают разные чувства, и только сейчас до меня доходит, как много у моего брата сил, и как отчаянно он умеет бороться с самим собой.

В коттедже Монфор играет музыка. Я удивленно вскидываю брови, бросаю рюкзак в коридоре и, сделав пару шагов в сторону гостиной, замечаю старый патефон на кофейном столике. Игла потрескивает, царапая черную пластинку, а Норин Монфор смахивает пыль с верхних полок книжного шкафа и непроизвольно двигает головой в такт. Поразительно.

— Здравствуйте, — говорю я, и женщина оборачивается, едва не полетев вниз со стула.

Норин смущенно поглаживает ладонями бедра и кивает.

— Привет.

— Вы танцевали, — подмечает Хэрри, широко распахнув глаза, а Норин отмахивается.

— Нет.

— Да.

— Да нет же.

— Танцевала, — настаивает Мэри-Линетт и залетает в гостиную с огромной картонной коробкой, заваленной древним хламом. — Мы решили устроить уборку и откопали старый патефон папы. Представляете? Даже остались его любимые пластинки.

— Это замечательно, — киваю я, поджав губы, — ваш отец слушал Луи Армстронга?

— Не слушал, а заслушивался.

Я подчаливаю к коробке и с интересом изучаю виниловые пластинки, среди которых и «Битлз», и «Роллинг Стоун», и даже Билли Холидей. Внутри вспыхивают и вздрагивают давно увядшие чувства, просыпаются давно утомленные эмоции.

— Хочешь, поставь Билли! — По-детски улыбаясь, шепчет Мэри-Линетт и плюхается в соседнее кресло, прижав к груди ноги. — Мама любила ее слушать. Помню, она прикажет в постель идти, а мы с сестрами притаимся на лестнице и глядим, как они с папой танцуют.

— Да, — Норин садится рядом с сестрой на подлокотник и проходит тыльной стороной ладони по вспотевшему лицу. — Наша мать была удивительной женщиной. А наш отец...

— Он знал, что мама ведьма с самого начала. И не сбежал.

— Даже бровью не повел. Может, решил, что ему повезло?

— Или просто потерял голову. Мама буквально разрушила его мир.

— А папа не расстроился. — Перехватывает разговор Норин. Они с сестрой дополняют друг друга, общаются с нами, но словно витают далеко в воспоминаниях. — Папа сильно ее любил, я имею в виду, любил по-настоящему. Не из-за красоты, не из-за ума, а потому что он не мог иначе, не мог. Может, это и не любовь была вовсе? А другое чувство, о котором нам ничего неизвестно. Ведь если это любовь — терять голову, а потом терять человека, то зачем она нам. Верно?

— Да, ты права, Норин. Любовь приходит и уходит. Тут было что-то другое.

— Как называется ощущение, когда ты не представляешь жизни без человека?

— Одержимость, — сипло говорю я и замечаю, как Мэри-Линетт поджимает губы.

— Возможно, Мэтт. Одержимость — сила, которая тянет тебя к человеку, несмотря ни на что. Ведь папа понимал, что ступает на опасную территорию.

— И ему не было страшно? — Почему-то спрашиваю я, сглотнув горечь, застрявшую в горле, и женщины одновременно поводят плечами.

— Я думаю, всем нам страшно, когда приходится принимать важные решения.

— Он был простым смертным?

— Да. — Норин дергает уголками губ. — Очень практичным, терпеливым и мудрым. Он с трудом привыкал к новым порядкам, к новой реальности. Но привык.

— Знаешь, — тянет младшая Монфор, прикоснувшись пальцами к губам, и улыбается, смотря мне прямо в глаза, — иногда стоит разрушить старое, чтобы построить новое.

Эдакое напутствие, которое пронзает мою грудь и врезается в легкие, заставляя на пару секунд очутиться в своих мыслях, где вертится лишь одно рыжеволосое создание, из-за которого мне все чаще хочется сойти с ума.

— Вам очень повезло, — неожиданно говорит Хэйдан, обхватив себя за плечи.

— Почему?

— У вас была семья.

— У тебя тоже есть семья.

Хэрри как-то странно морщит лоб, а я гляжу на него и растерянно замираю. Разве он так не считает? Не думает, что у него есть семья? Бессмыслица.

— Есть... есть какие-то новости от Джейсона? — Спешит сменить тему он. Монфор так устроены, что не станут копаться в тебе, если ты настроен негативно, а я позволяю себе на пару мгновений остаться в этом моменте и подумать: почему Хэрри так сказал? Что его не устраивает в наших отношениях? Неужели он действительно думает, что у него нет семьи.

— Джейсон собирается приехать завтра утром, — отвечает Норин, — он раздобыл нечто интересное про семью Роттер. Пусть лучше сам расскажет.

— Да, кстати. — Я вырываюсь из ступора и только сейчас понимаю, что не рассказал о самом главном событии, разделившем мой день на «до» и «после». — Ари.

— Ари?

— Да. Она сегодня приходила в школу и читала некролог про Барнетта.

— Ариадна была на занятиях? — Растерянно переспрашивает Мэри-Линетт и встает на ноги так быстро, что я неуклюже покачиваюсь назад. — Мэтт, ты должен сразу о таком нам рассказывать. Тебе так не кажется?

— Мы разговаривали, вот у меня из головы и вылетело. Да и не было ее на занятиях.

— Она прогуливала?

Норин спрашивает об этом так недовольно и эмоционально, что я усмехаюсь. Это же нелепо. Ариадна вполне могла сегодня нас превратить в призрачные субстанции, а ее тетя беспокоится о том, что она пропускает уроки. Поистине странные женщины.

— Нет, не прогуливала, — закатив глаза, ворчу я, — занятий вообще не было.

— И почему?

— Потому что у нас директора убили.

— Ах, да, — она устало взмахивает ладонь, — точно.

— И что Ари делала? — Налетает на меня с другой стороны Мэри-Линетт, став вдруг и старше, и серьезнее. Вот такие метаморфозы за пару секунд. — Что она тебе говорила? Как выглядела? У нее все в порядке?

— Когда мы с Бет вышли из актового зала, Ари сидела над поваленным Мэттом. — Тут же сдает меня Хэрри, и я пускаю в него острый взгляд. — Она его о стену швырнула.

— Вот так.

— Да. А потом ее руки покрылись красными искрами.

— Она хотела вас убить? — Рабочим тоном интересуется Норин, и я ступаю вперед.

— Нет, не хотела.

— Не нас, — исправляет Хэрри, задумчиво наклонив голову, — а Бетани. Только ее.

— Это из-за ее отца, шерифа, — догадывается Мэри-Линетт, сведя перед собой руки.

— Что еще вы узнали? Что она тебе рассказывала, Мэтт? Вы говорили?

Я покачиваю головой и сжимаю в пальцах переносицу, пытаюсь вновь вспомнить то, как она петляла вокруг меня, будто акула, и ухмылялась, будто демон.

— Если честно, она не сказала ничего ценного, — наконец, отвечаю я.

— Вы молчали?

— Нет.

— Тогда рассказывай, — настаивает Норин, нахмутив черные брови, — я хочу знать все.

— В основном она пыталась вывести меня из себя, играла, бросалась словами. Она не собиралась убивать меня, пусть и прижала в какой-то момент к стенду, а потом и кинула в другой конец коридора. Она была другой. Да. Холодной и жестокой. Но поверьте, если бы она хотела меня убить, я был бы уже мертв. Вы и сами это прекрасно понимаете.

— То есть, мы можем сделать вывод, что ты ей для чего-то нужен.

— Что?

— Мэтт, все поступки Ариадны сейчас, так или иначе, связаны с ее конечной целью.

— И если вы с Хэйданом до сих пор живы, — подключается Мэри-Линетт, передернув плечами от усталости, — вы в скором времени ей пригодитесь.

— Отлично. — Бросаю я, тяжело выдохнув. — И для чего именно?

— Это мы и должны выяснить. Она больше ничего не говорила?

— Нет.

— Ты уверен?

— Она крутилась с Логаном Чендлером. — Отстраненным голосом тянет Хэрри и так и застывает, впялив взгляд в одну точку. — Это было очень странно.

— Что он имеет в виду? — Спрашивает у меня Норин, а я пожимаю плечами.

— Кто такой Логан? — Вмешивается Мэри-Линетт.

— Один кретин.

— Ари крутилась вокруг кретина?

— Да, но вы не волнуйтесь, — говорю я, а потом добавляю. — Она и раньше вокруг него крутилась. Так что все в порядке.

Норин хватает губами воздух от недовольства, а затем ставит на пояс руки.

— Что это еще за кретин, о котором я ничего не знаю?

— Это моя проблема, я сам с ним разберусь.

— О, — вдруг мечтательно протягивает Мэри-Линетт и улыбается. — Соперник.

— Кретин, — поправляю я, фальшиво улыбнувшись. — Я с ним никогда не соперничал.

— Только пару сотен раз, — едва слышно бросает Хэрри, и я взмахиваю руками.

Да, Чендлер невероятно раздражает меня, но он не соперник. Он препятствие.

— Логан сегодня устраивает вечеринку, — вдруг вспоминаю я и хмурю лоб. — Ариадна специально ошивалась с ним рядом, чтобы привлечь мое внимание. Наверно, это ловушка.

— Если Ариадна не опасна, как ты нам сказал, то, что нам мешает рискнуть? — Вдруг интересуется Мэри-Линетт, вскинув брови, а я недоуменно покачиваю головой.

— Нам?

— Да, нам.

— Простите, но... Вы же понимаете, что туда придут только подростки? Будет весьма странно, если на вечеринку заглянут... ну...

— Договаривай, Мэтт, если тебе надоела жизнь... — Шутит Мэри-Линетт и подходит к сестре, заговорчески прищурив глаза. Что она задумала? Не понимаю. Но, кажется, Норин улавливает поток ее мыслей. Сестры Монфор улыбаются друг другу, а я застываю.

— Мы пойдем на вечеринку, — сообщает Норин, посмотрев на меня из-под опущенных ресниц, и в эту самую минуту, в минуту, когда ее светло-голубые глаза мерцают в тусклом свете, я верю, что передо мной необычная женщина, и что помыслы ее необычны.

Я верю, что передо мной стоит ведьма.

***

Норин ставит перед сестрой стакан, наполненный черной, густой жижей и говорит:

— Пей.

Я скептически морщу лоб, а Мэри-Линетт по-детски кривит губы.

— Нет уж, — бросает она, — сначала ты.

— Трусиха.

— Твое зелье, ты и пей первая.

— Но твоя идея, — напоминает Норин, на что младшая сестра надувает губы.

— Слушайте, я знаю, что вам делать, — вдруг говорит Хэрри. Теперь все его фразы для

меня будут «вдруг». Я никак не могу привыкнуть, что он идет на поправку. — Вот.

Брат достает еще один стакан и переливает в него половину содержимого. Затем он с довольным видом ставит напитки перед сестрами Монфор и кивает.

— Пейте одновременно.

Женщины недовольно переглядываются, но потом все-таки соглашаются. Почему-то мне становится паршиво. Откуда мы знаем, как подействует отвар Норин?

Да и подействует ли?

Господи, я так скоро действительно поверю во всю эту чушь. Неужели ведьмы могут делать нечто подобное? Это нереально, невозможно. Я затаиваю дыхание и наблюдаю, как Монфор поднимают стаканы, чокаются и медлят, разглядывая черные пузыри, плавающие на поверхности этой дряни. Меня воротит уже от запаха, а им еще и выпить это надо.

— Что бы ни случилось, будьте осторожны, — наставляет Норин, — если что, набирайте Джейсону. Он постарается приехать быстрее и разрешит проблемы.

— Если все так паршиво, может, не стоит экспериментировать?

— Мы должны увидеться с Ари, — выдыхает Мэри-Линетт. — Это отличный шанс.

— Я почему-то уверен, что вы и так не один раз с ней увидите.

— Но сегодня у нас будет преимущество, и кто знает, может, Ари поделится планами?

Я лишь пожимаю плечами. Я не одобряю подобную затею, но это их дело. Рисковать нужно осознанно, а эти женщины вроде вполне понимают, на что подписываются.

Сестры Монфор, наконец, одновременно осушают стаканы. Норин сгибается, нелепо сморщившись, как от крепкого алкоголя, а Мэри-Линетт отворачивается и кидает стакан в мойку. Она взмахивает руками, выплюнув что-то грубое и злое, а затем поникает.

— Черт, — хрипит она, — какая мерзость, Норин. Не могла приготовить что-то вкусное?

— Это зелье, а не суп, Мэри.

— И все же... все же...

Женщины так и стоят сторбленные: Мэри возле мойки, Норин возле стола. Но что-то в их телах начинает меняться. Сначала я думаю, что дело в освещении. На кухне темно. За окном еще темнее. Я уверен, что мне чудится, как, впившись ногтями в столешницу, Мэри взывает от боли и откидывает назад голову. Чудится, как ее плечи с хрустом опускаются, становятся еще меньше, еще тоньше! Я уверен, мне кажется, что, когда Норин поднимает голову, на ее лице впадают щеки, а затем сужаются глаза, налитые стальным ужасом.

Я не понимаю, как отступаю назад, как Хэрри оказывается рядом. В оцепенении мы наблюдаем за тем, как ломаются тела сестер Монфор, как волосы меняют цвет, и как лица приобретают иные черты. Хрустящие звуки разрывают тишину, их стоны звучат у меня в голове, и смотрю я на женщин, не моргая, не осознавая, что происходит. Это невероятно.

В какой-то момент, Норин громко вскрикивает и ударяет ладонями по столу.

Ее иссиня-черные волосы на глазах покрываются золотистым цветом, и когда Норин Монфор поднимает подбородок, взглядом со мной встречается абсолютно другой человек: молодая девушка, лет семнадцати с пухлыми губами и шоколадным цветом глаз.

— Отлично, — отрезает она, чужим голосом, — кажется, сработало.

Моргаю пару раз, втягиваю воздух, выдыхаю воздух и моргаю вновь. Это шутка?

— Норин?

— А кто же еще? — Бросает она, надменно закатив глаза.

— Голова раскаляется, — заявляет Мэри-Линетт, выпрямляясь. Она разминает шею.

Поднимает, опускает руки, а затем улыбается, распахнув глаза цвета скошенной травы.

— Как я выгляжу?

— Соблазнительно.

— У тебя кожа смуглая, мне больше нравится.

— Светла кожа — признак аристократии.

— Светлая кожа — признак неизлечимой болезни. Терпеть не могла свою кожу.

— Не говори глупостей, сестра, — томно вздохнув, протягивает Мэри, — твое лицо, как и твоя кожа всегда были магнитом для горячих красавчиков.

Все эти идиотские разговоры о цвете кожи немного выбивают меня из колеи. Я даже не знаю, с чего именно начать: с того, что передо мной совсем другие лица, или с того, что эти женщины даже ведут себя иначе? Я помахиваю ладонью, а они не обращают внимания и продолжают разглядывать друг друга, как неугомонные девицы, болтающие о шмотках.

— Стоп-стоп, — не выдерживаю я, сделав шаг вперед, — о чем вы говорите?

— Что прости? — Агрессивно бросает Норин, скрестив на груди тощие руки.

— Вы выглядите иначе, потому что приняли обратное зелье. Что тут удивительного? Может, не будем акцентировать на этом внимание и продумаем план дальше?

Норин презрительно сужает глаза и закусывает губу, изучая меня совсем не добрым взглядом, от которого холод проносится по спине. Я прищуриваюсь, не понимая, что она в моих глазах пытается разглядеть, а у нее вдруг на лице промелькает странное выражение.

— Мэттью, — шепчет она низким голосом, а я хмурюсь. Что это еще за тон? — Подойди поближе, вот сюда, — она манит меня тонкой ладошкой, а я наоборот откатываюсь назад.

И какого черта происходит? Я искоса гляжу на Хэйдана, а он не двигается, следит за движениями блондинки заворожено, словно ничего больше не замечает вокруг. Странно.

Я вновь перевожу взгляд на Норин и отрезаю:

— Мне и отсюда хорошо вас слышно.

Девушка вскидывает брови и тягуче выпрямляется, в то время как на лице ее сестры проскальзывает хитрая ухмылка. Мэри в теле молодой незнакомки внезапно становится за спиной Норин, обнимает ее за плечи и шепчет:

— Он не поддается твоим чарам.

— Я заметила.

— Он просто влюблен.

Отлично. Я просто влюблен. Киваю пару раз, пытаюсь проанализировать в голове то, во что вылилось принятие обратного зелья, и неожиданно зажмуриваюсь. Черт. Неужели они не только стали выглядеть, как подростки, но еще и стали себя вести, как дети?

Только этого мне не хватало. Мало того, что похожи сейчас сестры Монфор на двух озабоченных идиотов, так они еще и являются ведьмами! Неконтролируемыми ведьмами, на которых на данный момент нет управы в виде матери или отца. Я злюсь.

— Он довольно симпатичный, — мечтательно пропевает Мэри, и я злюсь еще сильнее.

— Во-первых, я не симпатичный.

— Ты еще и слепой, — колко подмечает Норин и хихикает вместе с сестрой, будто они отпустили невероятно смешную шутку. Я закатываю глаза и потираю пальцами лицо.

Это катастрофа.

Просто катастрофа.

— Хэрри, — толкаю брата в бок и хмурюсь, — хотя бы ты очнись.

— Я... Я здесь. Да. Хорошо.

— Надо позвонить Джейсону.

— Джейсону? — Пробует на вкус Норин и кивает. — Да, я хочу позвонить Джейсону.

— Подожди, почему ты должна звонить? — Не понимает Мэри, нахмутив лоб. — Пусть он звонит первым, он же мужчина. Ты не должна навязываться.

— Что за..., — вмешиваюсь я, подняв ладони в сдающемся жесте. — Мы должны найти Джейсона не для того, чтобы вы выясняли отношения.

— А стоит, — настаивает Мэри-Линетт. — Вы знакомы довольно долго, Норин.

— Верно.

— Так почему он медлит?

Они говорят что-то еще, но я не слушаю. Отворачиваюсь и достаю телефон, понятия не имея, почему обратное зелье подействовало подобный образом. Более того, Монфор и не похожи на обычных подростков, они чересчур эмоциональны, агрессивны. Как Ари. Не думаю, что их поведение предельно схоже, но, возможно, причина в крови ведьм. Быть не только очаровательными, но и вспыльчивыми — в их природе.

Я успеваю разблокировать телефон, как вдруг ударяюсь торсом о разделочный стол.

— Какого...

Прыткие пальцы Мэри-Линетт вырывают телефон из моих рук, и я округляю глаза, в полной решимости вернуть его обратно, что за черт? Я дергаюсь вперед, а она отталкивает меня назад, причем с такой силой, которая ни одной девчонке не по зубам.

Мэри вертит в руке телефон и довольно лыбится.

— Прости, Мэтти, этот раунд ты проиграл.

— Что вы делаете?

— Идем на вечеринку, как и планировали.

— Мы не планировали пойти туда в таком состоянии.

— В каком еще состоянии? — Не понимает Норин и хмурит лоб. Она наклоняет голову и смотрит на меня пронизывающе. Девушки с такой внешностью не могут смотреть иначе.

— Вы не в себе, — поясняю я, отдышавшись, — вам нельзя к Логану.

— Разберемся без твоих нравоучений.

— Я же серьезно, Норин! — Женщина бредет к выходу, а я порываюсь за ней, но вновь сталкиваюсь с Мэри-Линетт.

Мэри похожа на сказочного эльфа с круглым лицом и яркими, зелеными глазами. На меня падает ее тяжелый взгляд, и я теряюсь, вопреки здравому смыслу. Я должен схватить ее за руку, должен вернуть обратно Норин. Но как это сделать, если они старше меня?

— Не крутись под ногами, — угрожает Мэри-Линетт и уходит вслед за сестрой. А я без сил падаю на стул и почему-то усмехаюсь. Глупая ситуация. Не думаю, что командовать и управлять этими девушками будет просто. Легче переждать этот сумасшедший дом здесь.

Неожиданно краем глаза я замечаю, как Хэйдан очарованно плетется к выходу, но на этот раз мое вмешательство вполне возможно. Я хватаю его за кофту и дергаю обратно.

— Очнись, Хэрри.

— Но я хочу с ним.

— С кем?

— С тем белокурым ангелом, — щебечет он, а я морщусь и усмехаюсь, как идиот. Хотя на данный момент большим идиотом выглядит мой брат с блестящим взглядом и прочими примочками влюбленных кретинов.

— Ради Бога, Хэрри. Это же тетя Ари, а не Каролина Сагтор, — которая, впрочем, была не только любовью всей его жизни, но и перевертышем. — Возьми себя в руки.

— Но они уйдут без нас.

— Да. А еще они забрали мой телефон. У тебя есть номер Джейсона?

Хэйдан покачивает головой, и я на выдохе поднимаюсь со стула. Не думаю, что меня ждет хороший вечер, но выбирать не приходится. Никто не знает, как поведут себя сестры Монфор. Никто не знает, как поведет себя Ари. Вечеринка Логана неожиданно приобрела совсем иной подтекст, и теперь там можно не только выпить, но и умереть.

Значит, нам вход бесплатный.

ГЛАВА 9. 99 ПРОБЛЕМ.

Логан Чендлер живет в коттедже с лодочным сараем и бассейном на заднем дворе. Я часто бывал у него в гостях, когда пытался запить горькие мысли. Обычно истории про то, как кто-то лишился девственности, или впервые попробовал групповуху, ведут к тусовкам в его доме. Здесь всегда много народу, а еще много алкоголя и наркотиков, которые Логан стаскивает благодаря маме. Она у него врач. Все медикаменты хранит в чулане на третьей полке, и про эту третью полку знает вся школа Астерии, кроме самой миссис Чендлер.

Несколько раз в месяц родители Логана ездят в Дилос, чтобы развеяться и навестить знакомых, и обычно несколько раз в месяц проводятся самые шумные вечеринки, которые устраивает капитан школьной команды, и по совместительству кусок дерьма — Логан. Ему никогда не нравилось, что я ошивался рядом, но он никогда не признавал во мне врага или недруга, он просто привык забирать то, что ему нужно, что ему нравится, а я просто очень часто владел тем, что, впоследствии, становилось его навязчивой идеей. В последний раз мы выясняли отношения в тот день, когда я со всей скорости налетел на стену в аэропорту и угодил в реанимацию. Потом почти полтора года мы с ним даже не разговаривали. Но в этом году, этой осенью, в Астерию нагрянула рыжая заноза в заднице, и все изменилось.

Я выхожу из машины, захлопываю дверь и облакачиваюсь спиной о боковое крыло.

— Ты чего? — спрашивает меня Хэрри, натянув очки на переносицу.

— Дай мне минуту.

— Не любишь это место?

— С ним слишком многое связано.

По большей части с ним связана пустота, смазанные мысли и черные пятна. Каждый раз, когда я пересекал порог этого шикарного дома, выходил наружу я другим человеком.

— Я всегда понимал, почему Логан тебя недолюбливает, — вдруг неуверенно отрезает Хэйдан и становится со мной рядом. Вижу, что ему до сих пор трудно говорить связно, но он старается. — Я не понимал тебя.

— В смысле?

— Логан ничего тебе не сделал. Он просто завидовал, и все.

— Он кретин, Хэрри.

— Кретины повсюду.

— Он главный кретин.

— И ты так думаешь, потому что ему нравится быть популярным? Нравится, когда все девчонки взвизгивают, когда он проходит рядом? Черт, Мэтт, все этого хотят.

— Знаешь, почему никто не танцевал с тобой на первом осеннем балу? — Я перевожу в

сторону Хэйдана взгляд, а он нерешительно поджимает губы. — Логан парней подговорил.

— Я и не должен был танцевать с парнями.

— А они подговорили девчонок, и это превратилось в игру, и все в нее играли, потому что Чендлеру так хотелось. Помнишь, я тогда с ним подрался в столовой?

— Да, но... Подожди. Тогда наши родители еще не знали друг друга, и даже мы еще не знали друг друга.

— Какая разница? — Отворачиваюсь и откидываю носком ботинка хрустящую гальку.

— Ты заступился за меня, не зная меня? — Удивляется Хэрри, округлив глаза.

— Логан свинья. Иногда мне казалось, что он специально пытается добиться того, что отлично у меня выходит. Удивительно, как он еще не взялся за спортивную стрельбу, или, нет, подожди. Взялся! — Я ухмыляюсь и протяжно выдыхаю. — Кажется, в прошлом году у него возникло желание научиться стрелять по мишени.

— Зачем он это делает?

— У него спроси.

— Наверно, он чувствует.

— Что именно?

— Что люди к тебе тянутся. И ему это не нравится.

— Да брось, Хэрри. Кто ко мне тянется? — Я отталкиваюсь от машины и взъерошиваю волосы. На улице прохладно, а над коттеджем Чендлера повисла густая дымка, оттуда так и рвутся горячие потоки воздуха.

— Ты все время отталкиваешь людей.

— Не начинай этот психологический бред, хорошо?

— Но это правда, ты и с Ариадной не хотел общаться, помнишь? — Хэрри ровняется со мной, а затем усмехается. — И мы знаем, что из этого вышло.

Брат направляется к коттеджу, из которого толпой выкатываются шатающиеся люди, а я грузно выдыхаю. Да уж, знаем мы, что из этого вышло. Большая неприятность.

Вечеринка в самом разгаре. Музыка орет так неистово, что эхом отдается по телу. Не собираюсь задерживаться на пороге и сразу тащу Хэйдана в гостиную. Он здесь впервые и поэтому рассматривает шикарные апартаменты Чендлеров с отвисшей челюстью... Народа так много, что не протолкнуться, и мне приходится работать локтями, чтобы двигаться.

— Хорошо быть парнем, — говорит Хэрри, и я недоуменно перевожу на него взгляд.

— Что?

— Говорю, хорошо быть парнем, — перебивая музыку, повторяет он, — нам не надо думать над тем, что надеть на вечеринку.

— Смотря, какой ты парень.

Хэрри искренне усмехается, а я закатываю глаза. Пусть он еще скажет, что ему здесь очень нравится. Запах стоит тяжелый, полуголые девушки овиваются вокруг. Я смотрю за спину и вижу, как брат с трудом проходит полосу препятствий: то замирает, заглядевшись на танцующих девушек, то уворачивается от опьяневших спортсменов.

Я в отличие от Хэрри церемониться не собираюсь, прорываюсь вперед и не обращаю внимания на толпу и их недовольные возгласы. Главное, отыскать ведьм, и на удивление уже в следующее мгновение я замечаю Мэри-Линетт Монфор, точнее смуглую девушку, в которую она превратилась. Прибавляю скорость, расталкиваю зевак и вдруг замечаю, как, пьяно покачнувшись, Мэри роняет на пол стакан с выпивкой.

— О, отлично, — недовольно бурчу я, прорываясь к ней. Когда она успела надраться?

Главный сюрприз ждет меня впереди. Стаканчик закатился под стол, но вместо того, чтобы наклониться и достать его, Мэри спокойно, кончиками пальцев поднимает сам стол и невинно нагибается за добычей. Глаза мои лезут на лоб, я резко подпрыгиваю к девушке и хватаю ее за худошавую руку.

— Какого черта вы творите? — Едва слышно рычу я.

— О, ты уже здесь. Пришел испортить веселье?

— Вас могли заметить.

— Тут все на ногах не стоят, Мэтт! — Пьяно покачнувшись, восклицает девушка. — Кто им поверит? Ну, раскинь мозгами, давай. Ты же умный мальчик.

Она хихикает, икает, а я оглядываюсь в поисках старшей Монфор.

— Где ваша сестра?

— Играет в прятки.

— Господи, ответьте серьезно, пожалуйста.

— А я и так отвечаю серьезно! — Мэри внезапно овивает руками меня за шею и шумно выдыхает, прикрыв глаза от алкоголя, вскружившего ей голову. — Она любит играть.

— Вот как, — скептически тяну я, искоса посматривая на Хэйдана, тот глядит на нас во все глаза и молчит, наверняка, понимая, как по-идиотски мы выглядим.

— Да. Она очень красивая, правда? Никто не мог устоять перед ней. Одно слово, один щелчок пальцев, и Норин достается каждый, кто приглянулся ее взгляду.

Я настороженно хмурюсь и отстраняюсь, а девушка обижено сужает глаза. Видимо, я не должен был отпускать ее после того, как она поделилась со мной своими проблемами. Однако я понятия не имею, как можно находиться так близко к тете Ариадны, но при этом делать вид, будто она семнадцатилетний подросток.

— Послушайте, — спешу опередить ее я и выставляю вперед руку, — нам нужно домой.

— Нет.

— Да.

— Он прав, — вмешивается Хэйдан, приблизившись к нам, — опасно оставаться.

— И кто причинит мне вред? — Не понимает Мэри-Линетт, сведя брови.

— Вы сами причините себе вред, — взрываюсь я, — вы, а не кто-то другой.

— Господи, меня тошнит от тебя и твоего важного тона.

— Боюсь, тошнит вас от алкоголя, — невзначай буркает Хэйдан, чем злит девушку еще сильнее, и она пихает его в грудь с такой силой, что он отлетает на метр назад. Я бросаюсь к брату, а когда поднимаю голову, Мэри-Линетт уже нет в гостиной.

— Черт, — помогаю Хэрри встать и прохожусь ладонью по лицу, — дела плохи.

— Это точно, — отряхивая джинсы, соглашается брат. Он хватается пальцами за грудь, и я вдруг думаю, что Монфор прилично врезала ему по легким. Удивительно, что он встал и очухался так просто. Все могло кончиться куда плачевней.

— И это мы еще не встретились с Ари.

— Может, она не придет?

— Хэрри, мы должны увезти Норин и Мэри-Линетт отсюда.

— Но как? — Хэйдан протирает оправу очков. — Они сильные и вспыльчивые. Мы даже пикнуть не успеем, а Мэри-Линетт уже снесет нам головы.

— Я не думаю, что они хотят нас убить.

— Они, может, и не хотят. Но, Мэтт, они совсем себя не контролируют. К тому же, тут столько выпивки, что даже здравомыслящий человек легко превратится в кретина! А что с

ними случится, когда они про наркотики узнают? Кто их раздает? Надеюсь, хотя бы тут на них не хватит, иначе придется еще и с последствиями мириться.

— Хэрри.

— А потом объясняй Ари, почему ее тетушки наркоманки. Или еще хуже...

— Хэрри, подожди. Остановись.

— Что?

— Наркотики. — Я прищуриваюсь и отхожу в угол комнаты. — В чулане есть аптечка, и там наверняка много медикаментов.

— И что? Не понимаю, к чему ты клонишь.

— Мы не справимся с Монфор, когда они в сознании. Значит, нам нужно их усыпить.

Хэрри открывает рот, а затем захлопывает его и жалостливо поджимает губы.

— Почему все вечеринки, в которых мы принимаем участие, грустно заканчиваются?

— Избитое клише, брат. — Я похлопываю Хэрри по плечу и схожу с места.

План в моей голове выглядит отлично, но в реальности появятся проблемы; я уверен, что найти снотворное будет несложно, но что дальше? Как заставить Монфор выпить его?

Мы с Хэйданом становимся в очередь, и, да, в чулан ведет именно очередь, будто мы пришли в супермаркет. Закатываю глаза и прохожусь ладонью по лицу, отлично понимая, что каждая минута на счету. Кто знает, чем сейчас занимается Норин Монфор?

Чулан находится под лестницей, и я внезапно думаю, что вся эта толпа пришла не за наркотиками, а в гости к Гарри Поттеру. Обхохочешься.

Неожиданно Хэйдан откашливается и взволнованно шепчет:

— Не думаю, что нам так просто разрешат взять снотворное.

— Это детская тусовка, а не городской госпиталь, Хэрри.

— И поэтому тут все можно?

Недолго думая, а я отрезаю:

— Да.

В какой-то момент музыка становится громче. Опьяневшие подростки вскрикивают, слышно, как глотки у них срываются на хрипотцу и мычание. Я пропускаю действительно веселую вечеринку, а жаль. Хмыкаю и, наконец, оказываюсь перед чуланом. Внутри сидит невзрачная девица, которой Чендлер, наверняка, пообещал вознаграждение. Она не только выдает увеселительные таблетки, но и хранит ключи от автомобилей.

— Что нужно? — рывкает брюнетка, настроение у нее подпорчено, она рассчитывала на лучший день в жизни, а оказалась заложницей собственного слабоумия. Я толком никогда с девушками не общался, но мне кажется, что ты общаешься с девушкой так, как она тебе позволяет с ней общаться. И если эта идиотка сидит здесь, значит, сама напросилась.

Но, скорее всего, сейчас не время проливать свет на истину. Поэтому я улыбаюсь и к ней приближаюсь достаточно близко, чтобы она удивилась и округлила напухшие глаза.

— Плохой день?

— Да нет, я... просто сижу.

— Мне нужна твоя помощь. — Вскидываю брови и жду, что она назовет мне свое имя, но понимаю, что девица мало того, что несчастная, еще и запуганная. — Ты...?

— Дафни.

— Дафни. Поможешь?

— Чем? — Смущается она.

— Мне нужно снотворное. У знакомой проблемы, она не может заснуть.

— Логан сказал выдавать только аддерол и викодин.

— Это обезболивающие. А мне нужно что-то вроде... хлороформа или клофелина.

— Мэтт, ты же знаешь, — щебечет девушка, сминая короткие пальцы, — я не могу.

Удивленно вскидываю брови: мы знакомы? Интересно. Сглатываю и непроизвольно осматриваюсь, просканировав собравшуюся очередь. Нужно действовать быстрее, иначе я привлеку к себе внимание. Что делать? Вновь перевожу взгляд на девушку и улыбаюсь.

— Дафни, тебе ведь нетрудно. Это будет нашим секретом.

— Мэттью...

— Пожалуйста. — Я приближаюсь к девушке и хмурю брови. Наблюдаю за тем, как на ее лице появляются пунцовые пятна, и медленно киваю. — Ты бы мне очень помогла.

Девушка ловит губами воздух, смотрит сначала в одну сторону, потом в другую, и, в конце концов, поднимается со стула и тянется к третьей полке. Я выпрямляюсь.

— Вот. Смотри, Мэттью. — Дафни подходит ко мне, заговорчески понизив голос. — Тут есть что-то, не знаю, что именно, я не разбираюсь. На пакетике написано: снотворное.

— Отлично.

— Слушай, вы ведь с Логаном общаетесь?

Я забираю таблетки и разочарованно гляжу на девушку: уж лучше бы она оставалась такой же молчаливой. Врать мне не хочется, но и правду говорить бессмысленно, поэтому я медленно киваю, отведя взгляд в сторону.

— Скажешь ему обо мне?

Что именно я могу ему сказать? Невероятная чушь, однако приходится улыбнуться и кивнуть еще раз. Если таким образом я смогу добиться своей цели — ладно, оно того стоит.

— Хорошо, Дафни. Я замолвлю словечко.

Девушка стеснительно кривит губы, словно гримасничает, а не улыбается, и я тут же откланиваюсь, выдохнув накопившийся кипяток в легких. Самое лучшее, что я для Дафни могу сделать, это никогда не упоминать ее имя при Логане Чендлере, и раз у нее мозгов не хватает, чтобы осознать все дерьмо, что с ним связано, я выступлю в роли крестной феи.

— Это что было? — Удивляется Хэрри, возникнув рядом, и я непроизвольно сжимаю в пальцах пакет с лекарствами.

— Черт, чего ты подкрадываешься?

— Это ты по сторонам не смотришь.

— Я задумался.

— О том, как соблазнял бедную Дафни?

— Знаешь ее?

— Мы с ней в одной школе учимся с начальных классов, гений.

— Я ее не помню, — приподняв ладони, признаюсь я, на что брат прыскает со смеху.

— Но это не мешало тебе вить из нее веревки. Я и не думал, что ты так умеешь.

— Я сам не думал, что умею. Вот, смотри, — протягиваю Хэрри пакет, — это все, что у Логана было в чулане. Надо выбрать нужные таблетки. Ищи клофелин или хлороформ.

— Откуда ты все это знаешь? — Удивляется брат. — В смысле, это странно.

— А не странно следить за людьми по ночам?

— Это мое хобби.

— А я просто люблю биологию.

Оглядываюсь, чтобы убедиться, что никто за нами не следит, и оттаскиваю Хэрри на кухню. Здесь не так много народу, и мы можем спокойно обсудить план. Кухня у Логана в

несколько раз больше наших спален, и здесь хорошо дышится свежим воздухом.

— Тут есть и то, и другое, — копаясь в пакете, сообщает Хэйдан. — Что будем делать?

— Предлагаю разделиться. Клофелин ты должен подсыпать Мэри-Линетт в выпивку.

— А что с Норин?

— Я поищу ее на втором этаже, и, если Норин надралась, как и ее сестра, сделаю с ней то же самое. Но если же нет... — Я достаю из пакета бутылек с хлороформом, нахожу сухое полотенце и смачиваю его в теплой воде. — Придется действовать радикально, к счастью, у Норин нет тех способностей, что есть у Мэри-Линетт, и она не выкинет меня в окно.

— Чтобы выкинуть человека в окно, сверхспособности не нужны, Мэтт.

Я хмыкаю и искоса гляжу на Хэрри. Как же я рад, что он приходит в форму. Без него мне бы было паршиво. Все чаще меня посещает мысль, что то, чего мы ждем, случается не тогда, когда мы хотим, а тогда, когда нам нужно. И это правильно.

Не все наши желания должны исполняться, а только те, которые имеют смысл.

Мы расходимся, и я сразу плетусь на второй этаж. Передо мной лестница, забитая не просто подростками, а целующимися подростками, и я обхожу их, закатив глаза. Вверху, у самого потолка, сталкиваются дымчатые кольца, воздух похож на плотную, серую дымку, застилающую глаза. Словно в тумане я плетусь по коридору и слышу, как музыка упрямо прорывается сквозь деревянное покрытие с первого этажа.

Я вдруг вспоминаю о том, что нужно вернуть пакет со снотворным на место, а потом решаю не делать этого. У Хэрри сейчас проблемы со сном. Лекарство нам пригодится.

Я бесцеремонно врываюсь в каждую из комнат, за что, наверняка, попаду в ад. Меня пробирает на смех, когда в одной из спален девушки взвизгивают и прикрываются белыми простынями, а разочарованный парень багровеет от злости. Не исключено, что сейчас он побежит за мной, чтобы поквитаться, я прерывал их на самом интересном месте. Однако и через пять минут никто за мной не гонится. Возможно, всем здесь собравшимся ублюдкам абсолютно наплевать на приличия, устои. Даже если бы я принялся снимать их на камеру, они бы построили недовольные рожи и продолжили заниматься тем, чем занимались.

Когда я открываю очередную дверь, я не надеюсь встретиться с Норин. Если честно, я даже забываю о цели своего путешествия. В какой-то момент мне начинает казаться, что я хожу по комнатам, чтобы выяснить, кто из этих оголтелых подростков особо выделился. Я удивляюсь, когда, распахнув дверцу, я замечаю Норин Монфор, прижимающую к стене молодого футболиста, по совместительству, лучшего друга Логана Чендлера.

Блондинка резко оборачивается и пронзает меня ядовитым, пустым взглядом. Я тут же закрываю за собой дверь, облакачиваюсь об нее спиной и скидываю руки:

— Тише, Норин, отпустите парня.

К моему изумлению, Дэвид Поковски — так зовут того кретина, что вечно садится с Логаном рядом и ржет, как обезьяна — совсем на себя не похож. Его лицо белое, потное, покрытое выпуклыми венами, которые почему-то темно-синего, почти черного цвета. Я не знаю, что здесь происходит, но мне это совсем не нравится.

— Ты. — Рывкает блондинка. — От тебя так просто не отделаешься.

— Кажется, Дэвиду плохо.

— Дэвиду? Оу, красивое имя. — Она вновь переводит взгляд на парня, приближается к нему и проходится языком по его вспотевшей шее. — Мы не успели с ним познакомиться.

Я морщусь, потому что это отвратительно, и невольно делаю шаг вперед.

— Завтра вы пожалеете о том, что сделали.

— Не пожалею.

— Норин, опомнитесь. Зачем вы это делаете? Что вами руководит?

— Что? — Переспрашивает девушка не своим голосом, и когда оборачивается, смотрит на меня уже совсем иначе. — Не «что», мальчик, а «кто».

Шоколадные глаза Норин неожиданно покрываются черной пеленой, они становятся демоническими, глаза без радужки, глаза без эмоций. Женщина хрустит шеей так громко, что звук испуганно проносится по комнате и врывается в мое лицо, и я лепечу:

— Какого...

— Оу, Мэтти испугался, — жалостливо пропевает Норин, грубо бросив тело Дэвида на пол, будто и не держала его в тисках несколько секунд назад. — Мэтти хочет домой.

— Что с вами, Норин?

— А что со мной не так? Тебе не нравится, как я выгляжу?

— Это не вы.

— А ты разве знаешь меня, Мэтти? — Она оказывается рядом в мгновение ока. Шипит приблизившись к моему лицу, и улыбается, утробно усмехаясь. Это совсем не тот человек, которого я знал. Неожиданно я вспоминаю, как Ари ворвалась ко мне домой вся в слезах. Она сказала, что тетя Норин пыталась ее убить, сказала, что Норин была одержима. Могла ли она и сейчас поддаться силе Дьявола? Да и что я в этом понимаю, чтобы рассуждать.

Меня отвлекает отвратительный звук. Норин впечатывает ладони по бокам от моего лица, а затем проходит ногтями по двери, царапая ее и оставляя кровавые следы. Я жду, что она скажет что-то, но она лишь обнажает белоснежные зубы.

— Вам срочно нужно домой, — ровным голосом протягиваю я.

— Я была заперта так долго, Мэтти. Я устала прятаться.

— От кого?

— От себя. Я была рождена для этого, Мэттью, — шепчет она, прикоснувшись носом к моей щеке. — Ничто так не сладит мужские уста, как мои губы. Ничто так не согревает, как мои объятия. Я здесь, чтобы сводить с ума, пленять и лишать рассудка, я здесь, чтобы тебе больше не приходилось страдать, ты ведь так одинок, Мэтт, разбит, сломлен. — Она нежно прокатывается ладонями по моему лицу и по моим плечам, а я не ощущаю ничего, кроме безумного желания, как можно скорей привести Норин в чувство; я резко подаюсь вперед, поворачиваю девушку к себе спиной и прижимаю к ее лицу полотенце с хлороформом.

Норин впивается содранными ногтями мне под кожу.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Тише, тише, — сбивчиво рычу я, не позволяя ей вырваться. — Скоро он подействует.

Женщина дергается, будто сумасшедшая, извиваясь и выкрикивая мое имя. Вскоре у меня не остается сил, а этот чертов хлороформ не помогает. Что за дьявол? Я раздраженно зажмуриваюсь, до скрипа сжимаю челюсть, но ничего не меняется. Ничего! Наконец, меня одолевает судорога, руки буквально валятся вниз. Я взываю от боли, а Норин Монфор уже в следующее мгновение оказывается на свободе.

— Черт, — потираю вспотевшими пальцами локти, — почему вы еще стоите, мать вашу!

— Ты, — сгорбившись, шипит девушка, растопыривает пальцы и нагибается, готовая в это же мгновение разодрать мне глотку. Я не видел ничего подобного! Ее лицо становится совсем иным, бледным, проступают черные, кривые вены, пульсирующие от напряжения.

Она гортанно усмехается, а у меня желудок скручивается от спазма. Что дальше?

Норин Монфор налетает на меня, словно гарпия. Я ловко уворачиваюсь, но она лихо проходится ногтями по моей спине, и я стискиваю зубы от колючей боли. Черт, как я могу драться с тетей Ари? Это же безумие. Раздраженно поджимаю губы и разворачиваюсь как раз в тот момент, когда девушка в очередной раз несется на меня с дикими глазами. Что ж, иного варианта нет. Подхватываю с тумбочки светильник, и, едва Норин протягивает руки к моему лицу,огреваю ее им по затылку. Блондинка неуклюже валится вниз, а я морщусь:

— Простите.

Дерьмо. Надеюсь, я не навредил ей. Ставлю светильник на место и присаживаюсь на корточки, чтобы проверить ее пульс. К счастью, Норин просто отключилась.

— Отлично, вот и поговорили.

Грузно выдыхаю и поднимаю Монфор с пола. Она превратилась в такую худощавую девушку, что почти ничего не весит. Прямо как Ари. Ари тоже мелкая.

Черт, почему мысли об Ари постоянно атакуют голову? О чем бы я ни думал, что бы ни пытался сделать, Ариадна появляется перед глазами и портит все, к чему прикасается.

Я спускаюсь по лестнице и слышу, как подростки посвистывают мне вслед. Не знаю, что именно они пытаются мне сказать своим мычанием, пусть и догадываюсь, что вряд ли это нечто хорошее. Но мне наплевать. Я криво улыбаюсь и киваю, когда Лорри Фельдман хлопывает меня по плечу, будто отец, возгордившийся сыном, и недовольно закатываю глаза, едва он остается позади. Сборище кретин.

— Мэтт?

Я торможу на очередном повороте и разворачиваюсь, едва не ударив голову Норин о дверной косяк. Лучше бы не разворачивался.

— Мэтт, кто это? — Джиллианна растерянно морщит нос, разглядывая девушку в моих руках. Она постоянно морщит нос, когда о чем-то думает. А я постоянно закатываю глаза, когда все выходит из-под контроля. Сейчас самое время это сделать.

— Джил? Что ты здесь делаешь?

— Я должна была с тобой поговорить, а ты не отвечаешь на звонки.

— Дела, — бросаю я, нахмутив брови, — времени совсем мало, и я должен...

— Кто это?

— Кто?

— Девушка.

— Какая девушка?

Ладно, строить из себя идиота и дальше попросту глупо.

Джиллианна сплетает на груди руки, а я невинно покачиваю головой.

— Кузина.

— Какая еще кузина?

— У всех есть кузины. Она из По... — Джил выжидающе вскидывает брови. — Из По...

— Польши, — неожиданно с ответом находится Хэйдан, появившийся рядом. И все бы ничего, если бы в его руках без сознания не находилась Мэри-Линетт. Или точнее смуглая молодая девушка с короткими, каштановыми волосами.

Джиллианна не дура. Она всегда была умной, потому обманывать ее было трудно. Я прекрасно понимал, что она в курсе всех моих выдумок, но лгать от этого меньше не стал.

— Из Польши, — повторяет она, наклонив в бок голову. — Серьезно?

— Да, вполне. Это Анна и Катарина, они кузины по линии моего отца, я сам отца даже не помню, но представляешь, тут оказалось, что есть у меня родственники. Вот только они

пить совсем не умеют. Просились на вечеринку, Мэтт отговаривал. Правда. Но они никого не послушали, своенравные. Потому что дед у нас еврей, знаешь, он еще иммигрировал из Германии во время... — Я недовольно откашливаюсь, и Хэрри сбавляет темп. — Во время...

— Второй Мировой войны? — Кивая, спрашивает Джил, и брат улыбается.

— Точно!

Джил тоже улыбается. Ровно несколько секунд. А затем переводит на меня свирепый взгляд и поджимает тонкие губы; я знаю, что она злится, но еще я знаю, что она больше не имеет на это права. И поэтому никак не реагирую на ее возмущение.

— И я должна в это поверить? — Воскликает она, взмахнув руками.

— Сомневаюсь.

— Так объяснишь, кто это?

— Нет, Джил. Не объясню.

Такой ответ ее явно не устраивает, она растерянно хлопает ресницами и спрашивает:

— Что?

— Нам нужно уходить. Давай потом поговорим, ладно?

— Нет, не ладно. — Ступив вперед, настаивает девушка. — Это срочно, слышишь?

— Джил, не сегодня

— Черт возьми, Мэттью! Я встречалась с тобой два года, а ты не можешь уделить мне пару минут? Это же дико. Если я говорю, что поговорить нужно сейчас, значит сейчас.

Светло-голубые глаза Джиллианны Хью пылают недовольством, что случается с ней крайне редко. Я уверен, это не просто так. Но хочу ли я узнать причину?

Черт. Хочу, не хочу. Какая разница? Я должен. Джил — не пустое место. Что бы я ни испытывал к Ариадне, Джиллианна из памяти не сотрется и не исчезнет из жизни.

— Хорошо, — отрезаю я, нахмутив лоб, — я вернусь через пять минут. Будь здесь.

Джил кивает, а я плетусь к выходу.

Хэрри семенит рядом, а я думаю: откуда у него в голове версия про Польшу взялась? Никогда бы не додумался. Сам-то я хотел сказать — Портленд.

Мы укладываем сестер Монфор на заднем сидении пикапа, но прежде чем я успеваю захлопнуть дверь, Хэйдан делает несколько снимков на телефон и кривит губы.

— Они утром не поверят. — Поясняет он, листая получившиеся фотографии, и затем на меня смотрит вполне невинным взглядом. — Что?

— Ничего. Садись за руль.

— За руль?

— Да. Отвези Монфор домой и запири в подвале. Мало ли что.

— А ты?

— А я поговорю с Джил. — Протираю ладонями лицо и выдыхаю. — Придется.

— Во-первых, мне не нравится, что я поеду один. — Испуганно бросает Хэйдан и вдруг впивается пальцами в крышу машины. — А, во-вторых... во-вторых...

— Чего ты?

— Одно дело ты рядом и совсем другое...

— Эй, Хэрри, ты справишься, — восклицаю я, положив ладонь на плечо брата. — У тебя все получится, потому что ты в порядке. Ты выздоровел, слышишь? Все позади.

— Нет, не позади. Повсюду. Везде. Эта темнота и голоса. — Хэйдан внезапно хватается ладонями за уши и сжимает их изо всех сил. — Я не могу, не могу.

— Тише, ты чего?

— Закрываю глаза — и я там. Ложусь спать — и я там.

— Где?

— За чертой, — подняв взгляд, шепчет брат сильным голосом. Он впивается пальцами в мою ладонь и неожиданно вновь становится тем забитым парнем, которого я нашел в углу шкафчика. — Я во тьме. Нет. Тьма внутри меня.

— Не говори глупостей, Хэйдан. Нет в тебе никакой темноты.

— Она во всех есть, Мэтт. Просто со мной она всегда.

Я настороженно поджимаю губы и понимаю, что поспешил с диагнозом. Хэрри явно еще не пришел в себя, а я уже пустился давать ему поручения. Идиот. Я никогда не видел, не чувствовал подходящего момента. Наверно, таких моментов и не бывает, поэтому тебе приходится при любых обстоятельствах брать себя в руки и делать то, что должно. Но это касается меня, касается моих жизненных принципов. Возможно, Хэйдану нужно время.

Еще больше времени.

— Давай так, я сейчас схожу к Джил и скажу, что мы встретимся с ней завтра.

— А я?

— А ты подожди меня здесь. Или, хочешь, пошли вместе.

— Нет, я... я посижу в машине. В машине можно?

— Конечно. Тогда ты сиди здесь, а я туда и обратно. Договорились?

Я сжимаю его плечи изо всех сил. Я придурок, почему я вновь испугал его? Как же я себя ненавижу за это тупое равнодушие, за черствость, он так никогда не поправится, если я периодически буду доводить его до срывов. Стискиваю зубы и отстраняюсь, понятия не имея, что со мной не так. Почему я не умею чувствовать людей? Не умею понимать их?

Встряхиваю головой и быстрым шагом возвращаюсь на шумную вечеринку. Только теперь меня тянет схватиться за выпивку, тянет осушить стакан с чем-то ядовитым.

Я думал, что я устал от мира. Но, возможно, я устал сам от себя.

Джил нигде нет. А я ведь попросил ее не уходить. У меня сейчас нет времени играть в прятки. Куда она пропала? Прохожу мимо чулана, осматриваю лестницу; музыка гремит также неистово, будто гремят не колонки, а полушария. Я чувствую разряды тока, в башке у меня все звенит и искрится, как перед взрывом, и мне кажется, я схожу с ума.

Останавливаюсь возле гостинной, вижу Логана, который разливает выпивку всем, кто ошивается рядом, и протираю пальцами глаза. Здесь танцует столько людей, что не видны просветы, подростки сплелись друг с другом, они стали одним механизмом,двигающимся в такт опьяняющей музыке. Их лица мокрые от пота, глаза закрыты от удовольствия. Дым от сигарет крутится над их плечами, и я вдруг думаю, что все они погрузились в транс или сон. Во что-то, что не касается данного времени и не имеет определения. Хотелось бы мне хотя бы на несколько секунд отпустить проблемы и присоединиться к ним, и я не узнаю свои мысли, но, возможно, все дело в тяжелом запахе, от которого кружится голова.

Неожиданно музыка меняется. По комнате прокатывается волна приятных звуков, не разрывающих на части, а уносящих далеко за пределы этого места. Я вижу, как подростки застывают, приподняв руки, пытаюсь дотянуться до плавающего потолка, я смотрю на них, я смотрю себе за спину, где также разгуливают стены, а пятна от света тонут в дымке. И я вдруг вижу, как расплывчатый силуэт девушки спускается по лестнице.

Девушка ступает едва слышно, а у меня почему-то закладывает уши, и руки почему-то немеют. Свет почему-то становится блеклым и приглушенным, но ее глаза становятся в разы ярче. Я не могу проконтролировать свою реакцию, непроизвольно подаюсь вперед и

понимаю, что незнакомка, идущая мне навстречу, Ариадна Блэк.

Она совсем на себя не похожа... Ее взгляд, холодный и надменный, проносится мимо меня и улетает стрелой в глубину зала. Ари проходит вперед, и толпа расступается перед ней, не в силах оторвать глаз от ее идеального лица. В эту секунду люди замолкают, люди останавливаются, люди смотрят на нее, а она переставляет ноги, не обращая внимания.

— Ари, — срывается с моих губ, и я плетусь к ней на ватных конечностях.

Она оборачивается, взмахнув огненными волосами, и вскидывает брови, скучающим взглядом изучает мое лицо. Не знаю, что сказать, хмурю брови, а она спрашивает:

— Ты что-то хотел?

Что я хотел? Я хотел найти Джил. Хотел пойти к Хэрри и хотел убраться отсюда как можно дальше. Но теперь я хочу просто взять ее за руку и рывком притянуть к себе. Хочу прокатиться ладонями по шелковистому платью, которое обтягивает ее худое тело. Я хочу Ариадну Монфор, и никогда раньше я не испытывал притяжения так дико, так явственно.

— Думаю, мы оба знаем, что ты делаешь, — накрывая Ариадну своей тенью, отрезаю я, просканировав бегающим взглядом ее блестящую от пота шею.

— И что я делаю? — Невзрачно интересуется она.

— Сводишь меня с ума.

— Я сводила тебя с ума и до того, как надела это платье, Мэттью.

— Ты хотела, чтобы я пришел, — едва не столкнувшись с ней носом, бросаю я, — и вот, я здесь. Что дальше? Что ты задумала?

— Почему все всегда сводится к тебе. Может, дело в другом. Может, ты не причем.

— Тогда ты бы меня убила.

— Это есть в планах, — изящно пожав плечами, шепчет она. — Просто не сегодня.

Его губы трогают легкая ухмылка, и уже в следующее мгновение она уходит, оставив меня одного в проходе. Ари поправляет тонкие лямки платья тягучими движениями. Мне нужно убраться отсюда как можно скорее. Но я застываю у двери, жадно разглядывая то, как она перебирает густые волосы пальцами. Ариадна знает, что каждый в комнате глядит только на нее, но глаз она не поднимает. Словно безвольная кукла к ней плетется Логан, и, к моему огромному удивлению, его она не отталкивает. Он касается ладонями ее плеч, и в моей груди взрывается неконтролируемый пожар, от которого судорогой сводит легкие. Я порываюсь вперед, я лечу на него, а, на самом деле, стою на месте и просто наблюдаю, как она прижимается к его торсу спиной и откидывает назад голову, покачивая бедрами в такт музыке. Ядовитая дрянь прокатывается по горлу, и я грубо стискиваю в кулаки пальцы; не стоит срываться, нельзя поддаваться эмоциям. Эмоции мешают, мешают, мешают... Логан овивает руками ее талию и касается губами ее оголенного плеча, и Ариадна жметя к нему все ближе и ближе, и это сводит меня с ума, разрывает на части. Я отворачиваюсь. Ари не просто так выбрала жертвой Чендлера, она продолжает играть, манипулировать. Я должен оставаться в своем уме и не поддаваться ее попыткам сломить меня.

Надо уходить. Меня ждет брат, в пикапе две ведьмы, которые в любой момент могут очнуться. Я обязан помнить о том, что важно для всех, а не только для меня.

Сглатываю и решаю, что в последний раз взгляну на Ариадну и сразу уйду. Я быстро нахожу ее. Они с Логаном, все так же в центре, продолжают тереться друг о друга, словно животные. Губы Ари приоткрываются. Она прижимает парня к себе, однако делает это так грубо, что в его глазах проносится недоумение. Я тоже свожу брови: что она задумала? Не уверен, что Ариадна пришла на вечеринку для того, чтобы потанцевать.

Я вновь сканирую ее серьезным взглядом и невольно вспоминаю о том, как Ариадна поцеловала меня, едва не лишив жизни. Для Логана ее иное поведение — хороший поворот событий, но он не понимает, во что ввязывается. Вдруг Ари перейдет черту?

Не помню, чтобы меня волновала жизнь Чендлера, но вряд ли я смогу уснуть ночью, если буду знать, что я мог спасти его, но развернулся и ушел. Более того, я должен помочь не только Логану, но и Ари. Когда она придет в себя — а она придет в себя, я уверен — ей и так придется столкнуться с неприятными последствиями. Не хватало, чтобы еще и дерьмо этого парня прилипло к ее прошлому.

— Черт, — сжимаю пальцами переносицу и на выдохе схожу с места. Не верится, что я это делаю. Останавливаюсь перед голубками и отрезаю, — ты, — смотрю на Логана, — убери от нее руки. А ты, — теперь перевожу взгляд на Ари, — идешь со мной.

— Что? — У Логана подпрыгивают светлые брови, он посмеивается и смотрит на меня с идиотским выражением, вроде: серьезно? Но я серьезно. Жаль, что он этого не понимает и продолжает беззаботно кривить губы. — Остынь, Мэтт. Лучше пойдешь выпей.

— Ари, — не собираюсь церемониться и хватаю девушку за руку. — Мы уходим.

— Кто это «мы»? — Интересуется она, врезавшись ногами в скользкое покрытие. Меня пробирает такое дикое раздражение, что приходится и дальше играть по ее правилам, что я крепче сжимаю ее тонкое запястье в пальцах, и поддаюсь вперед.

— Не вынуждай меня...

— Что? — Вспыхивает Ари. — Что ты мне сделаешь?

— Какого черта? — Логан недовольно хмурит лоб. — Ей больно, придурок.

— Не вмешивайся.

— Я не собираюсь повторять дважды, Мэтт.

Идиот. Нужно было оставить его на растерзание Ари, тем более что ей нравится все, что сейчас происходит. Она выдергивает руку и, схватившись за нее пальцами, шепчет:

— Как некрасиво с твоей стороны обижать милую девушку.

— Ари, хватит. Идем со мной, ты здесь, ты дома, — я горячо выдыхаю и подхожу к ней так близко, что вижу рыжеватые точки в ее изумрудных глазах. Мои руки оказываются на ее плечах невольно. Я не понимаю, что делаю, просто хочу вернуть ее. — Пожалуйста, ты...

— Помоги мне! — Внезапно восклицает Ариадна, вцепившись пальцами в ворот моей рубашки, и я ошарашено замираю, распахнув глаза. Какого черта?

Воздух застревает в глотке, словно кто-то запикивает его туда кулаками, я плююсь на девушку, понятия не имея, что сказать. Смотрю на нее и придвигаюсь ближе, ведь я почти уверен, что меня только что позвала настоящая Ариадна. Та, которую я хочу вернуть.

— Ари? — Хриплю я. — Ари, это ты?

Ее взгляд прожигает меня насквозь и пробирает до костей. Мы стоим так близко, что не замечаем ничего, кроме лиц друг друга. Темнота между нами становится ширмой, она скрывает от посторонних, как Ари судорожно выдыхает, как я перестаю двигаться, но уже в следующее мгновение малахитовые глаза Ари наливаются жгучей ненавистью. Оскалив зубы, она отпрыгивает от меня, будто я опасный вирус, и прилипает к груди Логана.

— Что ты стоишь? Чего ждешь? — Вопрошает она, наигранно испуганным голосом, а я до хруста сжимаю пальцы. — Он хочешь причинить мне вред, сделай же что-нибудь!

— Ари, я бы никогда...

Договорить не успеваю. Чендлер выступает вперед и, размахнувшись, вмазывает мне кулаком прямо по челюсти. Я отлетаю на несколько метров и вписываюсь в стену с такой

силой, что перед глазами все подпрыгивает и валится на бок. Хватаюсь пальцами за косяк двери и стискиваю зубы, тяжело задышав. По комнате прокатывается волна возгласов, все отпрыгивают назад, а я понимаю, что должен не драться, а развернуться и уйти. Но с меня хватит. Логан зря это сделал, я не могу оставить это без внимания или могу? Я вижу, как он вновь наступает на меня, и поднимаю ладони:

— Чендлер, остановись. Не слушай ее!

Но мои слова не имеют схожего эффекта. Они лишь пустой звук. Парень пытается на меня накинуться, но я уворачиваюсь и со всей силы ударяю его по спине сжатыми руками. Должно быть это больно, потому что Логан валится на пол с хриплым стоном; я разминаю плечи, искоса смотрю на Ариадну, которая, будто бы змея, наблюдает за мной из-за спины одного из спортсменов, и улыбается. Она проходит медленным шагом за толпой, а я гляжу на нее, словно замороженный, не могу оторвать от нее глаз, и вдруг чувствую грубый удар по солнечному сплетению. Воздух резко вырывается из легких, и я отпружиниваю назад.

— Черт, — перед глазами все кружится, я вижу смазанное лицо Чендлера, слышу, как в толпе кто-то выкрикивает сначала мое имя, а потом имя Логана. И, в конце концов, вокруг нас образуется круг, словно мы пришли не на вечеринку, а на бои без правил.

Логан не понимает, что делает. Принуждение туманит его рассудок. Он бросается на меня, будто свихнувшийся, я отвечаю на все его удары, но я не хочу ему навредить. Какой у меня выход? Что делать? Ариадна следит за поединком, я вижу ее светящиеся, травяные глаза в плавающей, темной комнате, и я чувствую, что все идет по ее плану. Она добилась того, чего желала. Чендлер не остановится, пока я не свалюсь отключенный, а я не сдамся.

Его кулак врежется в мой нос, кровь тут же заликает подбородок, заливается в рот, и я неожиданно понимаю, что должен сделать.

Я всегда умел драться, всегда знал, куда бить и с какой силой. В жизни от этого мало толку, но сейчас мои навыки оказываются полезными. Когда Логан вновь бежит на меня с затекшим глазом и окровавленными зубами, я решаю действовать радикально. Он несется, размахнув руками, намеревается вписать меня в стену и забить кулаками до смерти, и едва он оказывается в нескольких сантиметрах от моего лица, я отпрыгиваю вправо, поднимаю руку и со всей силы ударяю его пальцами по сонной артерии. Чендлер валится на пол в ту же секунду, будто куль с мукой. Его потное лицо впечатывается в деревянные половицы.

Толпа замирает, звуки втягиваются в невидимую черную дыру, и остается лишь звук моего тяжелого дыхания. Грудная клетка со свистом поднимается и опускается.

— Концерт окончен! — Раздраженно рявкаю, смахнув кровь с подбородка, и быстрыми шагами двигаюсь к выходу. Нужно поскорее уйти отсюда, поскорее уйти, поскорее.

Я вновь прохожусь ладонями по лицу, вновь втягиваю горячий воздух, но дышать не так просто, как хотелось бы. Логан прилично врезал мне по носу.

— Черт. — Злость пылает, словно огонь. Я на ходу сбрасываю со стола какую-то вазу и зажмуриваюсь. И где здесь благое дело? Я остался, чтобы помочь Чендлеру. А потом едва не вышиб из него мозги. Класс. Несусь к выходу, но чувствую, как кто-то хватается за мой локоть. Я хватаюсь за кисть незнакомца и выворачиваю ее не думая, не рассуждая. Кто бы это ни был, я не в настроении. Однако затем раздается жалкий всхлип, и Джил пищит:

— Что ты делаешь!

Джил. Размыкаю пальцы, а она растерянно прижимает к себе руки. Конечно, давайте теперь выставим меня неуравновешенным, чокнутым психом.

— Прости, — бросаю я, сжав зудящую переносицу.

— Что с тобой? У тебя кровь.

— Неужели.

— Я серьезно, Мэтт, что стряслось? Боже, — она округляет глаза, — да ты весь...

— Где тебя носило? — Раздраженно спрашиваю я, указав на нее рукой. — Я пришел, ты исчезла. Мы договорились встретиться, ты попросила встретиться.

— Я отошла в уборную и не думала, что...

— Надо думать.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но Джил вновь цепляется за мою руку. Наплевать. Не обращаю внимания, просто продолжаю плестись к выходу, а Хью продолжает семенить за мной, будто потерялась в лабиринте Чендлеров.

— Постой, Мэтт, пожалуйста, что случилось?

— Ничего.

— У тебя из носа кровь идет.

— Я знаю.

— Нужно обработать или...

— Я сам разберусь и сам справлюсь. Ладно? — Вырываюсь из коттеджа и втягиваю так глубоко свежий воздух, что голова кружится. — Иди домой.

— Но мы ведь с тобой не поговорили, ты не знаешь, что я хотела сказать.

— Честно, Джил, — я стремительно оборачиваюсь, и девушка едва не врежется в меня на всей скорости, — не думаю, что я хочу узнавать.

— Но ты должен, — настаивает она, повысив голос. — Ты должен понять, с чем имеешь дело, Мэтт, это очень важно.

— И с чем я имею дело?

— Ты не воспринимаешь мои слова всерьез. Тебе смешно.

— Да, Джил, мне так смешно, что обхохочешься! — Взъерошиваю волосы и смотрю на дорогу, где припаркована машина Хэйдана. К счастью, брат сидит за рулем, и это немного успокаивает меня, приводит в чувство. Протяжно выдыхаю и вытираю кровь с лица.

— Я не понимала, что с тобой творится. — Сиплым голосом начинает Джил. — Я хотела поговорить с тобой, но знала, что ты ничего мне не расскажешь, ты изменился, и сначала я думала, что дело действительно в нас, в наших отношениях, но потом... — Джиллианна не медлит ни секунды, подходит ко мне и берется холодными ладонями за мое лицо, — потом я узнала, в чем дело. Узнала, кто виноват. Ариадна Монфор.

Недовольно свожу брови и переспрашиваю:

— Что?

— Да, это она во все виновата.

— Черт возьми, Джил, что ты несешь? — Я убираю от лица ее руки и отстраняюсь. Не ожидал, что она вновь поднимет эту тему. Надеялся, что не поднимет.

— Что тебе о ней известно? — Вспыхивает она, взмахнув руками. — Что, Мэтт? Обычная милая девочка. Одинокая, несчастная. Знаю, слухам ты не веришь, но...

— Каким еще слухам?

— Ты знаешь каким. Весь городок знает! Мэтт, Ариадна — слуга Дьявола. Мой отец не мог больше скрывать правду, он уже имел с ней дело.

— Джил...

— Нет, не отворачивайся, дослушай. Она не человек, Мэтт. Ариадна — ведьма.

Время притормаживает, чтобы не слететь в кювет на таком крутом повороте.

Я перевожу взгляд на девушку, а она впивается пальцами в мои плечи и повторяет:

— Ведьма.

Желудок сводит судорогой. Что она говорит, откуда знает? Так нельзя, неправильно. Я застываю не в силах ответить, а Джил широко распахивает глаза, будто одержимая. Мне неожиданно кажется, что Джиллианна рада такой правде. Такая правда, по версии ее отца, карается самыми тяжкими наказаниями не только в аду, но и на земле; почему-то я думаю, что Джил хочет, чтобы Ари страдала, вопреки религии, в которую сама Джил верует.

— Она околдовала тебя, Мэттью. Она заставила тебя уйти, она умеет внушать то, чего нет на самом деле! И это только малая часть ее силы. Отец сказал, это она устроила пожар на танцах. Еще он сказал, что Ариадна заставила Бетани выпрыгнуть из окна, я помню эту историю, ты тогда вовремя рядом оказался. Но она желала смерти Пэмроу! А теперь еще и Барнетт мертв, и как думаешь почему? Мэттью, ты приютил на груди настоящую гадюку!

— Остановись.

— Ты не веришь, но это правда.

— Джил.

— Она затуманила твой рассудок! Она ведьма, Мэтт, ведьма!

— Ты говоришь ересь, Джиллианна, — защищаюсь я, не видя другого выхода. — Это не может быть правдой, ведьм не существует, и твой отец наплел тебе чепухи.

— Не говори так, ты же знаешь, что я не вру. Зачем мне врать?

— Пожалуйста, возьми себя в руки. Только послушай, что ты говоришь. Это же бред.

— Бред? — Взывает она, осипшим голосом и кивает. — Хорошо. Как скажешь. Тогда я поделюсь этим бредом с кем-нибудь еще, посмотрим, как отреагируют люди. Возможно, я найду единомышленников, и ты поймешь, что ошибаешься.

Джил срывается с места, а я тут же преграждаю ей путь и поджимаю губы.

— Стой. — Все катастрофически выходит из-под контроля. — Зачем тебе это?

— Как это зачем? Люди должны знать правду. Ты должен знать, что эта мразь с тобой не просто игралась, что она лишила тебя рассудка, угрожала твоей жизни.

— Не называй ее так.

— Она гнусная, как и вся ее семейка нечестивцев.

— Господи, прошу тебя, Джил, прекрати.

— Но почему ты продолжаешь защищать ее? — Изумляется она, округлив глаза. — Тебе мало доказательств, мало моего слова? Ариадна Блэк приехала в Астерию, и тут же жизни многих людей оборвались, а как много людей еще пострадает? Ты видел ее, видел ее здесь и на собрании? Она собирается совершить нечто ужасное.

— Она ничего не делает.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю.

— Но почему? Почему ты так упорно держишься за эту тварь?

Не знаю, что на меня находит. Я резко приближаюсь к Джил и хватаюсь пальцами за ее подбородок. Я вовсе не хочу сделать ей больно, но делаю.

— Не называй ее так. — Ледяным голосом чеканю я. — Не смей.

Девушка растерянно хлопает ресницами и хрипит:

— Что? Мэтти, что ты...

— Я знаю, кто такая Ари, — шепчу я не своим голосом прямо в лицо Джил. — Знаю, не что она способна, и знаю, что она сделала, потому что все это она сделала со мной. И я не

позволю тебе оскорблять ее. Хэйдан жив благодаря ней. Он жив, потому что эта гнусная тварь отдала за него самое дорогое, что у нее было.

Я порывисто опускаю руки и замечаю, как в глазах Джил накапливаются слезы. Она смотрит на меня, но словно не узнает. Прижимает пальцами дрожащие губы и шепчет:

— Ты знал, все это время, знал, кто она.

— Да.

— И ничего не сделал.

— Я и не должен был. Ари ни в чем не виновата.

— Как глубоко она вонзила свои когти, — отстраненно говорит девушка. — Ты больше не тот человек, которого я знала. Ты совсем потерял рассудок.

— Уходи, Джил. Тебе нельзя здесь оставаться. Если Ари тебя увидит...

— То что? Убьет?

Я отвожу взгляд, а девушка неожиданно нервно смеется, словно сошла с ума. Она не смотрит на меня, пошатывается и обхватывает себя за талию замерзшими руками. Я бы не смог согреть ее, даже если бы захотел. Между нами теперь слишком большая пропасть.

— Ты защищаешь ее, хотя она вполне способна навредить мне.

— Мы все можем друг другу навредить.

— Опять. — Джил смахивает слезы со щек и кивает. — Ты опять это делаешь.

— Что делаю?

— Глупо бороться за человека, который может сломить тебя.

— В этом вся суть отношений: быть с тем, кто способен ранить сильнее остальных.

Я пытался пошутить, но получилось совсем не смешно. Джиллианна выпрямляется.

— Ты еще придешь, Мэтт. В один прекрасный момент чары спадут, и ты увидишь, что собой представляет Ариадна, и в кого она превратила тебя.

— Не было никаких чар. Я помогаю Ари, потому что хочу ей помогать.

— Бог простит тебя, Бог милосерден. Но вот простишь ли себя ты? В отличие от него ты никогда не отличался пониманием.

Джил уходит. А я сжимаю пальцами переносицу. Почему мне так сложно общаться с Джиллианной? Слышу, как сигналил Хэрри. Наверно, ему осточертело ждать, и послушно схожу с места. Я совсем забыл, что оставил его одного. Идиот.

Черт. Теперь еще и секрет Ари раскрыт, и что будет дальше? Что сделает отец Джил, что предпримут религиозные фанатики?

Неожиданно я понимаю, что Ариадна не только вернулась в Астерию, но и угодила в ловушку, которая была сооружена фанатиками специально для нее.

Сможет ли она защититься? А смогут ли выжить ее враги.

ГЛАВА 10. ОНА НЕ ТО, ЧЕМ КАЖЕТСЯ.

Мне снится, что я стою посреди гостиной в доме Чендлера. Я дерусь с Логаном. Он в очередной раз ударяет мне кулаком по челюсти, кровь скатывается по подбородку, липнет к губам, я смахиваю ее пальцами и оглядываюсь, потерявшись в пространстве, однако я не вижу лиц одноклассников. Я не вижу спортсменов. Я не вижу Ари. Нас окружили Ловари, мертвые цыгане с серой, гниющей кожей, покрытой нарывами.

Они указывают на меня руками и шипят:

— Скоро ты присоединишься к нам, Мэттью. Мы ждем тебя.

Я вижу мальчика с перерезанным горлом, из которого вытекает черная слизь. Он мне улыбается и помахивает рукой. Мальчик говорит: ты следующий. И я резко подрываюсь в кровати, вцепившись пальцами в ледяную простыню. Хэйдан спит на кушетке, солнца еще не видно. Под подушкой вибрирует телефон, и я неуклюже достаю его, зажмурив глаза.

— Да? — Спускаю вниз ноги и сглатываю. В ноздрях до сих пор запах гнили. — Бетани?

— Прости, что так рано, — виновато шепчет девушка, — выйдешь?

— Что? Куда выйти?

— Я возле дома Монфор.

— Да, я... конечно.

— Жду тебя во дворе.

Пэмроу бросает трубку, а я прокатываюсь потяжелевшими ладонями по лицу.

В комнате довольно холодно, хотя окна закрыты. Брат спит под двумя одеялами: ему очень помогли лекарства. Наконец, он сможет выспаться. А я ощущаю, как грудина горит от неясного чувства, будто нечто разрывает меня изнутри.

Я встаю, натягиваю толстовку, спортивные штаны и тихо покидаю спальню. Не хочу смотреть на дверь в комнату Ари, но все равно смотрю, мне почему-то кажется, что если я присмотрюсь, подойду поближе, то увижу в щелку, как Ариадна спит в кровати. Я наивно полагаю, что она вернется домой и станет нормальной просто так. Полагаю, верю и знаю, что этого не случится.

Бет сидит на мокрой от росы лавке. Я закрываю за собой дверь, потягиваюсь, вдыхая запах раненого утра, запах свежей травы и мороза, а затем подхожу к Пэмроу, надеясь, что она пришла по делу, а не просто поболтать. На удивление девушка выглядит спокойной. Я привык видеть Бетани трясущейся и неуверенной в себе, но сейчас она выглядит тихой.

— Привет, — я смахиваю капли со скамьи и сажусь рядом с девушкой. — Ты рано.

— Прости. По-другому не получилось, — она поправляет темные волосы, а затем вдруг скидывает брови. — Что с тобой? У тебя подбородок фиолетовый.

— Ты пришла поговорить о моем подбородке?

— Ты как всегда очень приветлив.

Повожу плечами и протяжно выдыхаю. Если я и бываю милым, то точно не в такую рань и не при таких обстоятельствах.

— Что у тебя? Ты принесла фотографии с места преступления?

— Да. С нескольких мест, если быть точной.

— С нескольких? — Недоуменно переспрашиваю я и забираю из рук девушки папку.

Внутри находятся фотографии формата «А4». Я вытаскиваю снимки один за другим, не моргая, и старательно делаю вид, что изображенное на них меня отнюдь не трогает. Не трогает фото изувеченного директора, вид его перерезанного горла, пентаграмма, которую выжгли на его волосатой груди. Не трогает надпись, выведенная на стене окровавленными пальцами. Женской рукой. Рукой Ариадны. «Смерть не приходит одна».

Черт. Все-таки нечто колючее прокатывается по глотке, и я на мгновение замираю.

— В участке все на ушах, поговаривают о сатанизме, — поджав губы, шепчет Бет, — ну, и ты знаешь, о ком болтают. В нашем городке только один дом обходят стороной.

— Они думают, это Монфор?

— Да. Пока что информация скрыта от посторонних, но молчать долго они не станут.

— Понял. Надо будет предупредить Норин и Мэри-Линетт, что в любой момент могут

нагрязнуть из участка с вопросами. — Листаю фотографии дальше и вдруг замечаю мертвое лицо незнакомца, испещренное глубокими порезами. Мужчина находится посреди поля. Я оцепенело рассматриваю снимки, на которых он, в разных ракурсах, лежит посреди травы нагой, изуродованный ссадинами, трупными синими пятнами; его глаза открыты, однако я не вижу глаз. Я вижу проеденные червями глубокие дыры.

— Это Грегори Тимболд, — сиплым голосом комментирует Бетани. — Его нашли вчера.

— Кто он? Впервые его вижу.

— Он состоял в Доминиканском Ордене. В Ордене, которым руководит отец Джил.

Я отрываю взгляд от фотографий и серьезно смотрю на Пэмроу.

— Доминиканский Орден? Ты серьезно?

— Это они тогда похитили Ари. Грегори был одним из тех, кто подвязал ее к потолку.

— Почему я впервые слышу, что в Астерии есть орден, ведущий охоту на ведьм?

— Может, потому что это секретный орден. — Протягивает Бет, нелепо усмехнувшись.

— Доминиканцы существовали еще во время инквизиции. Ты в курсе?

— Да. Мэтт, я знаю, ведь... Мой отец. — Бетани неуклюже поправляет волосы и мнетя на месте, словно скамья подогревается снизу. — Мой отец состоит... состоял в этом ордене.

— Вот как. — Я кладу фотографии на колени и сплетаю на груди руки, прожигая Бетти серьезным взглядом. — Выходит, мы имеем дело не с кучкой необразованных фанатиков.

— Я не думала, что все так сложно, Мэтт. Я знала, что мои родители верующие, но я и не догадывалась, что происходит на самом деле. Они помешаны. Эти люди.

— И твой отец один из них.

— Он был одним из них. После того, что случилось, после того, как Ари поговорила с ним в подвале, что-то изменилось. Я понятия не имею, что она ему сказала, но папа стал...

— Другим?

— Да. Возможно, это опять ее магические штучки, — взмахнув рукой, усмехается Бет и с грустью горбится. — Не знаю. Он перестал бить мать. Перестал бить меня.

Я стискиваю зубы, ощутив, как внутри прокатывается неприятная желчь, а Бет вновь с улыбкой пожимает плечами.

— Ариадна придет за моей семьей, я знаю. Она практически сама сказала мне об этом.

— Ты не знаешь, что она сделает, — отвернувшись, отрезаю я.

— Я восхищаюсь тем, как ты защищаешь ее, Мэтт. Но я — не ты.

— Ари выкарабкается.

— Я верю. Правда, я верю, что так и будет. Но я не могу рисковать. Мы с родителями решили уехать, Мэтт. — Перевожу озадаченный взгляд на девушку, а она опускает глаза на замерзшие ладони. Мнет их и нервно дергает уголками губ. — Я попросила отца как можно скорей собрать вещи, и он согласился. Он теперь во всем со мной соглашается.

Молчу, я знаю, что девушка сбегает, знаю, что ей страшно, но еще я знаю, что она не обязана сидеть в Астерии и ждать развязки истории, которая к ней не имеет отношения.

Мы привыкли, что друзья с нами до конца. Что знакомые всегда помогут. Что они не знают страха, не боятся боли, не хотят освободиться или покинуть замкнутый круг. Но это иллюзия. Утопия. Люди всегда сбегали с тонущего корабля. Заставить их остаться может лишь нечто важное, и это важное говорит Бетани нестись вон из Астерии и спасти семью.

— Ты права. — Наконец, говорю я, коротко кивнув. — Ты должна уехать.

— Знаю, ты меня осуждаешь.

— Тебя не должно это волновать.

— Но меня волнует. Я очень боюсь, что с тобой или Хэрри что-то случится. — Бетани с горечью поджимает губы и неожиданно резко отворачивается. Ее плечи дрогают, но затем Пэмроу берет себя в руки, выпрямляется и вновь переводит на меня взгляд. — Вы помогли мне, когда я осталась одна, а сейчас я вас бросаю. Но мне страшно, Мэтт. Я не хочу, чтобы погиб мой отец. Он только ко мне вернулся! Я не могу надеяться, что, возможно, Ариадна ничего с ним не сделает. Она сделает. Он совершил ошибку, и она заставит его заплатить.

— Ты не должна оправдываться передо мной, Бетани. Наверно, самое важное в нашей жизни — это защищать тех, кто нам дорог. Я защищаю Ариадну. Ты защищаешь семью.

— Ты не против?

Я вдруг усмехаюсь и потираю пальцами глаза.

— Спрашиваешь у меня разрешения?

— Хочу услышать это от тебя. Хочу убедиться, что поступаю верно.

— Ты поступаешь верно. — Вижу, как у нее скатываются слезы, и морщусь. — Не надо.

— Прости, — она быстрым движением пальцев проходится по щекам, — я схожу с ума.

— Тебе страшно. Это нормально. И когда ты уезжаешь?

— Сейчас. Родители уже ждут меня дома.

Теперь ясно, почему она пришла так рано. Я киваю, а Пэмроу шмыгает носом.

Солнце лениво выкатывается из-за горизонта. Первые лучи падают на лицо девушки и заставляют мокрые полосы на ее щеках блестеть и переливаться. Бет протирает ладонью лицо и неожиданно достает из внутреннего кармана куртки смятую, картонную папку.

— Держи, — говорит она и отдает папку мне. Внутри лежит что-то тяжелое, плотное. Я с интересом достаю содержимое и вскидываю брови. Это оружие, пистолет. Стремительно поднимаю подбородок, а девушка кивает. — Он может пригодиться.

— Я не возьму.

— Мэтт.

— Это незаконно, Бетани. Зачем мне браунинг?

— А зачем тебе спортивный лук и стрелы?

— Это другое.

— Нет, — девушка кладет руку мне на плечо, а я вновь сосредоточенно изучаю оружие. Она спятила. Я спятил, если возьму его. Это уже не шутки. — Ты должен защищаться.

— Я не хочу. Только не так.

— Это пистолет моего отца. Пусть он будет у тебя. Я уверена, что ты воспользуешься им только в том случае, если он действительно будет необходим.

Груз ответственности взваливается мне на спину. И я киваю, потому что думаю, что я смогу его вынести. Холодный металл обжигает пальцы. Я уверенно прячу пистолет себе за спину, а затем вновь смотрю на Бетани, не выдавая дрожи, прокатившейся по горлу.

— Хорошо. — Свожу брови. — Спасибо.

— Мэтт, будьте осторожны. И попрощайся, пожалуйста, с Хэрри.

— Почему бы тебе самой этого не сделать?

— Я не умею прощаться.

— Но он заслуживает, Бет, чтобы ты сама сказала ему правду.

— Если я поговорю с ним, то буду чувствовать себя еще хуже, — девушка поднимается и прокатывается ладонями по бедрам, — а мне и так трудно бросать вас.

Я задумчиво хмыкаю и почему-то думаю, что трудно ей будет еще несколько минут.

Потом она окажется рядом с родителями, далеко от Астерии, и жизнь сразу же перестанет быть трудной. Возможно, жизнь даже станет нормальной.

Встаю со скамейки и киваю.

— Как хочешь.

— Я позвоню вам, как только приеду к...

— Не надо, — обрываю Пэмроу, подавшись вперед, — не говори, куда ты едешь. На тот случай, если... ну... — Я взмахиваю пальцами в воздухе и закатываю глаза. — Ты поняла.

— Да, конечно. — Она хлопает себя ладонью по лбу. — Прости. Тогда я просто напишу.

— Договорились.

— Пока, Мэтт. И будь осторожен.

— До меня уже дошло. Иди. Скоро рассветет.

Девушка кивает и решительно спускается по ступенькам. Бетти не оборачивается, а я не машу ей вслед. Она уходит, я захожу в дом, и неожиданно жизнь продолжается, только уже без упрямой девушки, которая неожиданно в нашей жизни появилась.

Я останавливаюсь в коридоре. В одной руке фотографии, в другой пистолет. Сердце неистово тарбанит по легким, а я могу лишь думать о том, что в коттедже холодно.

Хмыкаю и плетусь в гостиную, чтобы разжечь камин.

***

Я сижу в гостиной, когда дверь подвала распахивается, и в коридор выходит Норин.

Женщина неуклюже покачивается, схватившись руками за голову, опирается о стену и поднимает на меня взгляд полный недоумения. Она хмурит брови, и потом, вслед за ней, из подвала выползает Мэри-Линетт. Сестры выглядят ужасно растерянными.

— Доброе утро. — Я помахиваю рукой и невольно усмехаюсь. Черт возьми, не верится, что еще ночью эти женщины собирались с лихвой оторваться на вечеринке. — Очнулись?

— Мэттью, — протягивает Норин, прищурившись, — что... что происходит.

— Вы не помните?

— Все в тумане. — Отвечает младшая Монфор, ссутулившись. — Но почему?

— Это алкоголь. Так он действует на тех, кто напивается вдребезги.

Норин сплетает на груди руки и по-птичьи наклоняет голову, словно я спятил и несу чепуху. Но вот Мэри-Линетт тут же покрывается блекло-алой краской и поджимает губы.

— Значит, это был не сон?

— Нет, не сон.

— О, Боги.

— Быть не может, — противится Норин, вздернув подбородок, — я не могла...

— Могли, — на выдохе перебиваю я и поднимаюсь с дивана. — Могли что-то напутать с зельем, могли превратиться в мегеру и могли лишиться жизни Дэвида Проковски.

— Что?

— Но не волнуйтесь. Этот кретин жив. Я подросел вовремя.

— Но все ведь не так плохо? — С надеждой спрашивает Мэри-Линетт, на что я повожу плечами и специально молчу, растягивая интригу, нагнетая обстановку и наслаждаясь тем, как перекошены лица сестер Монфор. Наверняка, они не верят ни единому моему слову.

— С вами что-то случилось, — все-таки поясню я. — Вы стали другими. Сбежали, даже пытались прикончить меня. Это я о вас, Норин.

Женщина невинно вскидывает брови и отвечает:

— Полагаю, было за что.

— Неправильно вы полагаете.

— Но почему мы вели себя подобным образом? — Недоумевает Мэри-Линетт. — Мы же все сделали верно: отварили настой, подождали пару часов. Где просчет?

— Возможно, просчета нет. — Тихим голосом отвечает старшая Монфор и проходит ладонью по бледному лицу. Она выглядит уставшей и расстроенной. Я вдруг думаю, что у нее больше нет сил отрицать очевидное. — Какими мы были в молодости, Мэри?

— Раскрепощенными?

— Неуправляемыми и легкомысленными.

— Вы вовремя об этом вспомнили, — кивнув, бросаю я. — Очень вовремя.

— Я была уверена, что мысленно мы останемся в своем возрасте, — чеканит Норин и с недоверием смотрит на меня. — Никто не знал, что зелье подействует подобным образом, я бы никогда не подвергла людей риску, если бы сомневалась в своем отваре.

— Что конкретно произошло, Мэтт. Давай по порядку.

Мэри усаживается в кресло, а я подхожу к камину и неуклюже взмахиваю рукой.

— Вы ушли из дома, сразу на вечеринку к Логану. Не позволили позвонить Джейсону. Я нашел вас, Мэри-Линетт, еле стоящую на ногах. А вас, Норин, в комнате с Проковски. Я знаю, что он полный кретин, но вряд ли он заслуживал того, что вы с ним хотели сделать.

— Я соблазнила его? — Рабочим тоном интересуется старшая Монфор, а я хмурюсь.

— Соблазнили? Вы пытались его убить.

— Это следующий этап. Сначала жертву надо заманить в ловушку.

— Не понимаю, о чем вы. Но у Дэвида лицо было в черных венах, и он был белый, как стена. Я едва узнал его.

— Такова моя природа, — небрежно бросает Норин, отвернувшись, — обезоруживать.

— Для чего?

— Для удовольствия.

— Вам приносит удовольствие убивать людей?

— Не людей, а мужчин, — исправляет она, сверкнув голубыми глазами, а я удивляюсь.

— Вот как.

— И удовольствие получаю не я, мой дорогой мальчик. А Дьявол в моей голове.

Отлично. Мне в союзники достался оборотень и женщина, одержимая бесами. Что от нас скрывает младшая Монфор? Может, по ночам она высасывает кровь из прохожих?

— А как ты привез нас домой, Мэтт? — Продолжает расспрос Мэри-Линетт, сомкнув замок руки. — Если верить твоим словам, мы были немного не в себе.

— Мы с Хэрри нашли снотворное. Вам подсыпали в алкоголь. А с вами... — Я гляжу на Норин Монфор и виновато прищуриваюсь. — Получилось не очень красиво. Простите за...

— Что?

— За голову.

Женщина прикасается пальцами к макушке и растерянно морщит лоб.

— Болит, — шепчет она, подняв на меня взгляд. — Мэттью, ты ударил меня?

— Мне пришлось, — выпаливаю я, приподняв ладони. — Другого выхода не было.

— И ты ударил меня.

— Лампой.

— Лампой? — Смеется Мэри-Линетт, прикрыв пальцами губы, в то время как ее сестра

прищуривает острый, пронзительный взгляд и двигается в мою сторону. — А я не видела!

— Вы собирались убить Дэвида, а потом собирались убить меня.

— Ты смелый мальчик, — протягивает Норин, а я недовольно закатываю глаза.

— Я живой мальчик. Живой. Потому что вовремя одумался и схватил ночник.

Женщина останавливается в шести шагах от меня, сохраняя ледяное спокойствие, от которого холод прокатывается по коже. Я точно знаю, что шагов именно шесть. Невольно прикидываю, с какой скоростью она подается вперед, и с какой силой впивается под кожу ногтями. Я жду, что Норин разорвет меня на части, а она вдруг протяжно выдыхает.

— Впредь запомни это чувство, Мэттью. Ты знал, кто я. Но дал мне отпор. — Женщина прожигает во мне дыру размером с Мексику, а я стискиваю зубы. — Веди себя подобным образом с Ари. Она притворится другом и воспользуется твоей слабостью.

Скорее она притворится равнодушной стервой и воспользуется моей ревностью, но я не собираюсь говорить, что Ариадна давно знает о моих слабостях. Ей нет необходимости подбираться ближе, она и так уже ближе некуда. Она — моя слабость. Ариадна. Дать отпор Норин проще простого. Дать отпор Ари — невозможно, если не сломать себя на миллионы частей и не собрать заново, превратившись в другого человека.

— Ариадна была у Чендлера. — Нарушив молчание, сообщаю я и наблюдаю за тем, как лица Монфор вытягиваются. Мэри устало прикрывает глаза, а Норин поджимает губы. — Я толком не общался с ней. Она пыталась столкнуть меня с Логаном.

— Но зачем ей это?

— В том-то и дело, я не знаю. Я не понимаю, почему она вернулась в Астерию и лишь тем занимается, что пытается привлечь к себе внимание. Это никак не вяжется с планом, в котором первостепенно фигурирует Дьявол и его идея апокалипсиса.

— Но с чего ты решил, что Люцифер собирается устроить конец света? — Спрашивает Норин, скрестив на груди руки. — Поверь, это последнее, чего он желает. Избавившись от людей, он лишит себя любимых игрушек. Над кем же тогда издеваться? Кого мучить?

— Тогда почему он забрал Ари? Чтобы она читала речи в школе? Носила платье?

— Здесь нечто другое.

— Что? — Я недовольно стискиваю зубы и втягиваю воздух глубоко в легкие, я ужасно устал искать смысл там, где его нет, устал ошибаться, идти вслепую. Я теряю время. — Мы должны понять, что происходит, потому что почти уверен, что Ариадна водит нас за нос.

— Я всего день в Астерии, а ты уже строишь теории заговора? — Внезапно проносится знакомый голос по гостиной, и мы с Монфор ошеломленно застываем.

Я гляжу на языки пламени, хрустящие в камине, и сдавливаю в пальцах мраморную панель, такую же ледяную, как и холод, пробежавший по моей спине. Обернуться сложно, я никогда не думал, что оборачиваться так сложно. Но я должен, должен.

— Вы не рады меня видеть?

Ее голос пробирается внутрь меня, и я сразу же пытаюсь отыскать Ари взглядом, сам того не понимая. Оглядываюсь и вижу, как Ари облакачивается о дверной косяк, скривив алые губы. Она улыбается, а глаза ее сверкают ярче шипящих искр.

— Ариадна, — срывается шепот с губ Мэри-Линетт, и она робко порывается вперед, но Норин останавливает ее, вовремя вытянув руку. Старшая Монфор недоверчиво горбится и замирает, наверняка, понятия не имея, что делать, а я с маниакальной сосредоточенностью наблюдаю за языками пламени, которые отражаются и плавают в глазах нашей гостьи.

— Никто не хочет обниматься, — расстроено шепчет Ариадна на выдохе, — жаль.

— Мы рады видеть тебя дома, Ари, — ровным голосом протягивает Норин, на что Ари хмыкает и отталкивается от стены, размяв затекшую спину. — Я должна сказать, что...

— Должна сказать, рады видеть... Тебя от самой себя еще не тошнит?

— Я не...

— Твои пустые слова невероятно раздражают. Выворачивает наизнанку от того, какая ты правильная, черствая, или нет. — Ариадна неожиданно оказывается прямо перед Норин, наклоняет голову и шепчет. — Мертвая.

Старшая Монфор замирает, не позволив ни одной эмоции появиться на лице, а Мэри-Линетт поджимает губы, наверняка, не зная, что делать. Она бросает в мою сторону косой взгляд, а затем откашливается, вздернув тонкие брови.

— Ты ведь пришла не для того, чтобы пообщаться с нами, верно?

Ариадна стремительно оборачивается и щурит темные глаза.

— Да, милая, я здесь не за этим.

— Тогда зачем?

— Мэтт, может, ты ответишь? — Пропевает Ариадна, сменив гнев на хитрую ухмылку, а я скептически всматриваюсь в ее блестящие глаза. — Ты ведь у нас все знаешь.

— Сомневаюсь.

— Неужели? Не помню, чтобы ты когда-то не находился с ответом.

— Люди меняются.

Ариадна усмехается, прожигая меня малахитовым взглядом, а я опускаю руки, будто не хочу отбиваться, не собираюсь давать отпор. Я становлюсь на редкость жалким.

— Норин, — отрезает девушка, повернувшись лицом к Монфор, — ты пойдешь со мной.

Я недоуменно свожу брови, а Мэри-Линетт округляет бирюзовые глаза. Она смотрит на сестру, потом смотрит на Ариадну и невольно ступает вперед, не отдавая себе отчета в том, что двигается, в том, что начинает грузно дышать и сжимать изо всех сил пальцы.

— Куда вы собираетесь?

Ари молчит. Скучающим взглядом осматривает комнату, вздыхает и кивает Норин в сторону выхода, не чувствуя, как страх сковывает людей, находящихся в гостиной. Норин вздергивает подбородок, в свойственной ей аристократичной манере, а я не могу оторвать настороженного взгляда от лица Ариадны. Что она задумала?

— Я ненавидела этот дом, — неожиданно шепчет Ари, прокатившись бледной ладонью по деревянной стене. — Столько ведьм прогнило в его стенах. Это не дом. Это кладбище.

Мы молчим, не шевелимся. Мы ждем. Никто не решается нарушить тишину, потому что не знает, к чему приведут слова, и на что они спровоцируют гостью. Когда Ариадна не глядит на меня ядовитым и омертвелым взглядом, она кажется прежней. Но как только ее черные зрачки встречаются с моими, по коже прокатывается пожар из дрожи.

— От этого дома давно пора избавиться. — Ее ладонь скатывается вниз.

В эту же секунду пламя в камине вспыхивает яркими искрами, откашливается, будто живой, умирающий человек! Но пламя не утихает, силы его не угасают. Уже в следующее мгновение огонь разрастается и выплевывает наружу оранжевые языки, которые проворно цепляются за мраморную плиту, оставляя черную копоть, и за ковер, оставляя пылающие искры. Жар ударяет в лицо, и я собираюсь отпрыгнуть в сторону, но внезапно натыкаюсь на пустой взгляд девушки, в котором плавают огненные, сверкающие линии.

— Ты не сдвинешься с места, — ее голос спокойный и ровный. Я прищуриваюсь, а она отворачивается и протяжно выдыхает. — Тебя это тоже касается, Мэри.

— Что? — Вопрошает Норин, наконец, поддавшись эмоциям. — Ари, что ты делаешь?

Девушка равнодушно пожимает плечами.

— Ухожу. И ты уходишь со мной.

Принуждение работает, как часы. Старшая Монфор делает первый шаг и округляет и без того огромные глаза. Она смотрит на Мэри-Линетт, смотрит на огонь, который упрямо вырывается из кряхтящего камина и перекидывается на ворсистый ковер, и шепчет:

— Нет.

— Не трать мое время.

— Ари, пожалуйста! — Воскликает Мэри, впившись пальцами в колени. Она глядит на свои ноги, сжимает их, но они ей не подчиняются. Они приросли к полу, как и мои.

— Ты ведь хотела узнать, как это — гореть, — напоминает Ариадна, двигаясь к выходу.

— Я пойду с тобой, — шепчет Норин, — но только если ты позволишь им выбраться.

Ари внезапно останавливается. Смотрит через плечо на тетю и отрезает:

— Ты пойдешь со мной в любом случае.

Что-то меняется во мне. Я не узнаю Ари. Не узнаю ее голоса, ее глаз. Она уходит, не посмотрев на меня или Мэри-Линетт, она просто поворачивается к нам спиной и покидает гостиную, словно не оставила нас здесь гореть заживо. Она оставляет нас умирать.

Норин испуганно приоткрывает рот и идет за девушкой, но смотрит на сестру. Когда она проходит мимо Мэри, их руки стремительно сплетаются, взгляды сталкиваются. Губы младшей Монфор дрогают от улыбки, а лицо старшей искажает гримаса боли.

— Нет, — шепчет она, качая головой, — нет, нет!

— Ничего страшного. Все хорошо.

— Нет, Мэри!

Принуждение тянет ее дальше. Расстояние между сестрами становится все больше и, в конечном счете, их пальцы размыкаются, позволив реальности выстроить глухую стену.

— Мэри! — В последний раз восклицает Норин Монфор и скрывается из виду.

Все это время Мэри-Линетт мужественно держалась, не позволяя панике затуманить рассудок, но как только сестра уходит, лицо у нее бледнеет, а в глазах застывает ужас.

Она поворачивается ко мне и шепчет:

— Дело дрянь.

Полностью согласен. Огонь приближается к моим ногам, и я чувствую, как тепло от камина нагревает воздух. Языки пламени почти достигают подошвы моих кроссовок, и, не хотелось бы нагнетать обстановку, но мне становится паршиво. Желудок сводит.

— Черт. — Порывисто дергаюсь в сторону, но так и не схожу с места, осматриваю ноги и осматриваю комнату, заполняющуюся едким дымом, а затем гляжу на Монфор. — Идеи?

Женщина сглатывает. Нервно хватается пальцами за лицо и прокатывается ладонью по вспотевшим щекам. Что у нее происходит в голове? Вокруг чего вертятся мысли? Я бы не отказался сейчас от какой-нибудь способности: контролировать воду или воздух. Меня устроило бы что угодно, лишь бы суметь выбраться отсюда, но как? Ариадна приказала не сходить с места. И до каких пор? Пока не поджаримся заживо? Неожиданно Мэри-Линетт встряхивает головой и наклоняется вперед.

— Что вы делаете?

— Я не собираюсь сгорать заживо. — Рывкает она, пытаясь дотянуться до кресла.

— Да, сгорать заживо больно.

— Не сегодня, — шипит Мэри, стиснув зубы, — и не в этом веке.

Наконец, ей удается ухватиться за край потертого, массивного кресла, которое стоит ближе к выходу из гостиной. Я недоуменно хмурюсь, а потом чувствую, как язык пламени набрасывается на мою руку, и стремительно отшатываюсь назад. Пальцы вспыхивают так горячо, что судорога прокатывается вдоль всего локтя, и я рассержено стискиваю зубы.

— Черт возьми.

— Пригнись.

— Что?

Недоуменно оборачиваюсь и замираю, увидев, как женщина легким движением руки подхватывает кресло, поднимает над полом и кидает в сторону камина. Что за...

— Осторожно!

Твою мать. Я порывисто наклоняюсь вперед, закрываю ладонями лицо и слышу, как кресло врезается в камин, заполонив проход огненным языком. Я валюсь на пол под хруст разваливающейся мебели, прокатываюсь подбородком по половицам и шурю.

— Черт, — в ушах неприятно звенит, в ноздрях какая-то дрянь, — вы спятили!

— Огня стало меньше.

— Меньше? — Оборачиваюсь через плечо, гляжу на камин и нервно сглатываю. Пламя начинает медленно обгладывать кресло, будто изголодавшийся пес обгладывающий кость. И внутри у меня все от омерзения скомкивается в колючий шар из злости. — Дерьмо.

— Что? — Мэри-Линетт раздраженно сводит брови. — Теперь у нас есть пара минут.

— Вы в своем уме? Сейчас огонь перекинется на кресло и разрастется еще сильнее, он и деревянными половицами отлично подпитывался, а вы дали ему целое кресло!

— Я действую спонтанно.

— Вы действуете глупо.

Поднимаюсь на ноги, хватаюсь руками за виски и горблюсь, будто на меня свалился потолок. Черт подери, о чем она вообще думала?

— Есть другие идеи? Давай, я не против.

— Только не вздумайте разбивать окна.

— Продолжишь умничать, и я тебя вместо второго кресла в камин запущу.

Я взмахиваю руками, отворачиваюсь и думаю, что мы с ней вдвоем убьем друг друга раньше, чем за нас примется пламя. Или же...

— Вдвоем, — шепчу я, расширив глаза, — черт, Мэри. Наверху спит Хэрри.

— Я совсем... О, Боже. — Она растерянно поджимает губы и осматривает черный дым, собравшийся под потолком, поднимающийся вверх по тонким стыкам, щелям.

Почему я забыл про брата? Как эта информация вообще могла вылететь из головы?

— Он поможет нам, — неуверенно отрезает Мэри и поднимает подбородок, — Хэрри!

— Нет, стойте. Он спит, как убитый.

— Издеваешься? Он не слышал, как я киданула в камин кресло?

— У него плохо в последнее время со сном, я стащил ему таблетки с вечеринки. — Мне становится тошно от такого идиотского стечения обстоятельств. Или дело в гари, которая прожигает горло? Я кашляю, выплевывая желчь, и встряхиваю головой. — Надо подумать.

— Как его разбудить?

— Оглушить. Нужно что-то очень громкое.

— Что? — Пот толстыми струями скатывается по лицу женщины. Она смахивает его со лба, а он вновь появляется, вновь капает вниз. — Мэтт, думай скорее. Чем дольше он спит, тем больше вдыхает углекислый газ. Он может больше вообще никогда не проснуться.

— Я хорошо знаю биологию.

— Может, попытаться еще раз? Дотянутся до дивана?

Нет. Такими попытками мы лишь подкидываем бревна в костер.

Надо найти другой выход. Логичный. Правильный. Единственный.

Я расширяю глаза и быстрым движением касаюсь металла за своей спиной.

- Точно, — в моих глазах проскальзывает нечто безумное, — браунинг.

— Браунинг? Откуда у тебя...

Я выхватываю пистолет, поднимаю его над головой и делаю несколько выстрелов.

Оглушительный звон прокатывается по комнате, от которого закладывает уши. Черт. Я моргаю, словно человек, потерявшийся в реальности, а потом стреляю еще раз. И еще.

Мэри зажимает ладонями уши, нагибается, распахнув глаза от ужаса, а я одержимо плясую на потолок, наивно полагая, что он развалится на части. Давай же, давай.

Я стреляю, пальцы сводит. Никогда прежде я не делал ничего подобного! Отдача от выстрелов все норовит повалить меня на спину, но я держусь ровно, пусть от жары уже не вижу комнаты, не различаю цветов. Все плавает, кренится и горит, но не только снаружи, но и внутри. Мои легкие бурлят от напряжения. А я продолжаю стрелять, не отдавая себе отчета в том, что патроны давно закончились, и пуляю я в воздух холостыми выстрелами.

— Мэтт, черт возьми, Мэтт!

Кто-то хватается за мои плечи холодными руками.

— Мэтт, посмотри на меня!

Растерянно опускаю подбородок. Моргаю. Моргаю еще раз и внезапно понимаю, что передо мной Хэрри в своих идиотских очках и смятой пижаме.

— Хэйдан, — хриплю я.

— Что тут творится? Святые угодники, ты горишь! — Брат хватается подушку с дивана и начинает молотить ею по моей ноге, а я не чувствую боли. Ничего не чувствую. — Почему вы не убегаете? Почему стоите истуканами? Надо уносить ноги!

— Но мы не можем, — отвечает Мэри-Линетт и раздражается сухим, едким кашлем. Она покачивается в сторону и хватается вспотевшими ладонями за лицо. — Ничего не можем.

— Что за фигня, черт, черт.

Хэрри прикрывает нос рукой и безумным взглядом осматривает пылающие шторы.

— Выбейся из дома. Живо.

— Я вас не оставлю.

— Хэрри...

— Замолчи, Мэтт. Просто замолчи.

Он пронзает меня свирепым взглядом, а затем вдруг срывается с места. Я собираюсь кинуться за ним, но вновь не могу сдвинуться с места. Лишь ослаблено горблюсь и нелепо хватаюсь пальцами за горло, царапая его, натирая до красноты. Черт. Опираюсь ладонями о колени и смотрю на плавающий ковер, сипло вдыхая и выдыхая горячий воздух.

Нельзя падать. Нельзя падать.

— Я вытащу Ари и останусь в живых, — шепчу я, от злости стиснув зубы, — я не умру.

Никогда прежде я не цеплялся так за свою жизнь.

Неожиданно сквозь черную, дымчатую завесу я замечаю Хэйдана. Он прорывается в гостиную, держа в пальцах шланг, подпрыгивает к камину и заливает его ледяной водой.

Какое-то мгновение мне кажется, что у меня галлюцинации. Откуда у Хэрри шланг? Где он его отыскал? Но потом я слышу, как шипит от капель воды раскаленная мраморная

панель, ощущаю, как прохладный пар ползет по ногам, забираясь под одежду. Я измотано мотыляю головой, пытаюсь разглядеть в серых, плотных облаках лицо брата или младшей Монфор. Но не вижу ничего, кроме собственных рук, покрытых каплями холодной воды.

— Черт, — шепчу я, прокатившись мокрыми пальцами по лицу. Кожа остывает, и мне в разы становится спокойнее и легче. Уже в следующее мгновение пожар утихает, и тогда я в изумлении понимаю, что могу шевелить ногами, могу сойти с места.

Принуждение больше не работает.

— Идем, — говорит брат, неожиданно оказавшийся рядом, — быстрее.

Я покачиваюсь на носках. Плетусь за Хэйданом и на ходу стаскиваю с дивана папку с фотографиями, которую мне отдала Бетани, я не понимаю, как я вообще вспомнил о ней, не понимаю, как мы выбираемся из дома. Я не понимаю, как мы оказываемся во дворе, на газоне, как втягиваем свежий воздух. Не понимаю, что вновь избежал смерти.

— Черт возьми, — порывисто расправляю плечи и выдыхаю, — ненавижу этот дом.

Я беглым взглядом осматриваю голубое небо и хватаюсь руками за затылок. Папка в пальцах влажная, пропитанная паром и гарью. Хорошо, что она осталась цела, иначе фото канули бы в Лету, что сейчас отнюдь не к месту. Я должен показать снимки Монфор.

«Норин», — вспоминаю я и перевожу взгляд на Мэри-Линетт. Женщина кашляет, не в силах ровно держать спину. Ее бледная кожа покрыта красными пятнами и сажой. Я почти уверен, что Мэри сейчас мечтает свалиться замертво и закрыть пылающие от рези глаза.

— Надо найти Норин, — сиплым голосом отрезает она и выпрямляется, — сейчас же.

— Они давно уехали, — я не хочу расстраивать женщину, я просто констатирую факт.

— Я справлюсь, я услышу.

Что ж, если Мэри и, правда, сможет найти их — я согласен. Когда опасность нависает над Хэйданом, у меня буквально сносит крышу, поэтому я прекрасно понимаю, что сейчас переносит Мэри-Линетт. Останавливать ее или же спорить с ней — глупо и неуважительно.

— Как скажете.

— Эй, там копы, — неожиданно шепчет брат, схватившись пальцами за оправу очков.

— Что?

Мы с Мэри-Линетт одновременно резко оборачиваемся и столбенеем от недоумения. Черт подери, неужели именно сейчас правоохранительные органы решили взяться за ум и прибыли на помощь своим дорогим жителям Астерии? Невероятно.

Полицейская машина лихо сворачивает перед коттеджем Монфор, я осматриваю дом и дым, выплывающий из открытой двери, и прокатываюсь пальцами по лицу.

— Нужно выпроводить их, — едва слышно бросаю я.

— Каким же образом? — Также тихо шифруется Мэри-Линетт. — Никто из нас не умеет управлять разумом и не варит зелья, отбивающие память.

- Значит, нужно придумать что-то другое. Мы должны ехать, иначе упустим Норин.

С этим женщина не спорит. Да и со мной вообще спорить бессмысленно.

— Уходите, — внезапно говорит Хэрри, врезавшись в меня пылающим взглядом. — Что стоите? Живее. Я справлюсь. Забалтывать кретинов у меня всегда хорошо получалось.

— Хэйдан...

— Мне не придется сражаться с ведьмами, не придется плясать перед Люцифером.

— Я не хочу оставлять тебя одного.

— Эй, ты можешь пойти с Мэри-Линетт. Ты можешь, правда. — Брат моргает пару раз, проходится тыльной стороны ладони по лицу и кивает. — Идите уже, быстрее.

— Но что ты им скажешь? — Взволнованно спрашиваю я, искоса взглянув на копов. На их лицах отражается сухое недовольство, а еще страх, что придется парковаться рядом с домом неуравновешенных сатанистов.

— Я придумаю, что сказать, боже, Мэтт, я всегда соображаю в этом плане лучше тебя.

— Да что ты...

— Идем, — вмешивается Мэри-Линетт, схватив меня за локоть, — живее, умник.

— Возьмите пикап, — советует Хэрри, двигаясь к полицейским машинам. — Он...

— Я знаю, где он.

Мне совсем не хочется оставлять Хэйдана одного, но у меня нет выхода. Я сжимаю в кулаки пальцы и, закатив глаза, срываюсь с места; надеюсь, ничего не случится, пока меня не будет рядом. В противном случае найду этих кретинов в форме и познакомлю их с Ари.

Счастливы они будут ровно несколько минут, потом их жизнь покатится к черту, как и жизнь всех, кто имел радость встретиться с этой рыжей бестией.

Мы вылетаем на трассу с заднего двора. Объезжаем коттедж с другой стороны, дабы не столкнуться с ищейками нос к носу, и несемся вперед, перегоняя даже взбушевавшийся ветер. Мэри-Линетт сидит на пассажирском сидении, а я переключаю передачи. Женщина распахивает окно и прислушивается к городу, заправив за уши волосы.

— Сейчас направо. — Послушно выворачиваю руль и сглатываю. Интересно, как долго Монфор может игнорировать посторонние звуки и концентрироваться на тех, что ведут ее к желаемой цели? Наверно, это сложно и больно. Мэри морщится, а я свожу брови.

— Все в порядке?

— Да, не обращай внимание.

— Вы выглядите измотанной.

— Пару минут назад мы жарились в адской печке, забыл? — Она усмехается, а потом с силой стискивает тонкие пальцы и прижимается лбом к наполовину опущенному стеклу.

— Что вы слышите?

Мэри нервно поводит плечами, сутулится и шепчет:

— Я слышу всех. Это не приносит удовольствия, Мэтт. Шум в голове давит на мозги.

— И как вы среди этого шума находите Норин?

— Ее я всегда найду.

— Ну да, голос сестры. Разумеется.

— Не только голос. Стук ее сердца, движение крови по ее венам... — Мэри-Линетт едва слышно выдыхает и прикрывает дрожащей рукой губы. — Я росла с Норин, она моя личная музыка. Если я перестану ее слышать...

— Не перестанете.

— Конечно.

Выжимаю сильнее газ и слежу за тем, как Астерийская школа остается позади.

— Вы понимаете, где Норин с Ари?

— Не очень отчетливо. Я слышу скрип качелей и... и шелест деревьев... — Мэри нервно моргает, а затем неестественно быстро передергивает плечами. — Сложно. Звук воды. Но я не уверена, что это озеро или водоем. Нечто другое. Отрывистый звук. Тихий. Громкий.

— В смысле?

— Я не могу... Не могу понять. Тихий, громкий, тихий, громкий...

Она одержимо хватается ладонями за лицо, горбится, а я спрашиваю:

— Фонтан?

Мэри-Линетт Монфор порывисто оборачивается и впивается в мое лицо блестящими от напряжения глазами. Она больше не прислушивается к звукам, прорывающимся сквозь открытое окно, и силы вновь возвращаются к ней в полном объеме.

— Верно. Фонтан. Наверно, они в...

— ...парке.

Женщина кивает, а я выдыхаю. Что ж, класс! Устроим прогулку по красивым местам Астерии, которые, вполне возможно, после нашего визита перестанут таковыми быть.

Мы останавливаемся перед воротами в городской парк через несколько минут. Мэри сразу же порывается к входу, а я оббегаю пикап сзади и достаю из-под брезента комплект стрел и спортивный лук. Не хочу вновь стоять и чувствовать себя уязвимым кретином.

— Это вместо браунинга, — поясняю я, подходя к женщине, а она хмыкает.

— Откуда у тебя вообще пистолет, гений?

— Мне его отдала Бетани перед тем, как уехала вместе с семьей из Астерии.

— Бетани уехала? — Удивляется Мэри-Линетт, вскинув брови. — Но когда?

— Сегодня рано утром. Я бы рассказал, нам с вами есть что обсудить. Но не успел.

— Обсудим, когда вернемся домой.

Я коротко киваю, завидуя бессмертному оптимизму женщины, неуклюже поправляю качающиеся из стороны в сторону стрелы и ступаю вслед за Монфор.

Фонтан находится в центре парка. Это скульптура огромного орла с распростертыми крыльями, к которому ежедневно приходят слабоверующие мамы и романтики, стойко убежденные в том, что, если кинуть в фонтан монету и загадать желание, оно непременно сбудется. Идиоты, другими словами. Уверен, что сегодня там будет пусто.

Если Мэри-Линетт не ошиблась, мы выйдем на Монфор через пару минут: парк этот небольшой. Наверняка, поэтому мне и не нравилось сюда приходить. Я не мог потеряться. Не мог просто брести куда-либо, рассуждая о том, что меня волновало. Едва я погружался в собственные мысли, как тут же ноги приводили меня к одному из выходов.

Неожиданно Мэри-Линетт впивается пальцами в мое плечо и резко дергает на себя.

— Что вы...

— Тише, — бросает она, приложив палец к губам, и сводит брови, — не двигайся.

— Вы их слышали?

— Нет, увидела.

Мэри кивает вперед, а я оборачиваюсь и замечаю за скульптурой орла Ариадну. Она стоит, скрестив на груди руки. Мне плохо видно ее лицо, половина тела скрыта фонтаном, но зато я вижу нечто другое. Нечто, что меня действительно удивляет.

На скамье в полусознательном состоянии сидит Меган фон Страттен, ведьма утопает в собственной крови, которая стремительно скатывается по ее испещренному ранами телу толстыми струями. Я растерянно округляю глаза.

— Что тут происходит?

— Понятия не имею.

— Она умирает, — озадачено шепчу я и придвигаюсь немного ближе, чтобы разглядеть корчащееся от боли лицо главной ведьмы, правой руки Люцифера.

Ариадна подталкивает вперед Норин Монфор и отрезает:

— Лечи.

Конечно. Вот зачем она приходила домой. Мэри-Линетт шумно выдыхает, впивается в

мое плечо пальцами и шепчет:

— Слава богу, она цела.

— Слава богу, что мы целы.

Скептицизм в моем голосе ничуть не задевает женщину. Она продолжает глядеть на сестру, а я прищуриваюсь. Кто мог ранить фон Страттен? Союзники бы нам не помешали.

— Я не собираюсь помогать ей, — ровным голосом шепчет Норин Монфор и, конечно, вздергивает подбородок. Убеждения этой женщины еще сыграют с ней злую шутку, даже не сомневаюсь. Но я не осуждаю Норин. Я понимаю ее.

Иногда умереть лучше, чем потерять себя.

— Лечи ее, — повторяет Ариадна, приблизившись к тете, и скалит зубы, — живо.

К сожалению, сил сопротивляться у Норин не находится. Она безвольно порывается вперед, усаживается перед прибывающей в агонии фон Страттен и прикладывает ладони к ее глубоким, уродливым ранам. Я представляю, как сильно Норин ненавидит Меган. И как же сильно она ненавидит теперь себя за то, что спасает ей жизнь.

Собрав в руку горсть коричневой, мокрой земли, Монфор прижимает грязь к груди Меган и крепко зажмуривается, ссутулив от напряжения спину. Я почему-то думаю, что у нас сложилась крайне паршивая ситуация, ведь как только Норин вылечит фон Страттен, в ее присутствии больше не будет надобности. Как и в ее жизни.

— У нас пара минут, — чеканю я, взглянув на Мэри-Линетт.

— Если раскроем себя сейчас, рискуем навредить Норин.

— Мы в любом случае рискуем. Ари считает, мы мертвы. Это наше преимущество.

— Эффект неожиданности.

— Именно. Но этот эффект укорачивается в несколько раз, так как дело мы имеем не с обычными людьми, а с ведьмами. Нужно действовать очень быстро.

— Как можно действовать быстро, если наш противник — Дьявол в юбке?

— Ариадна... она... — мне хочется сказать, что Ари борется, хочется сказать, что она не причинит нам вред. Но потом я вспоминаю, как она повернулась к нам спиной и ушла, как она оставила нас умирать, не поведя бровью. — Она еще не потеряна.

— Я и не говорила, что с ней покончено, Мэтт. Но рассчитывать на ее милость глупо.

Мэри-Линетт права. Нельзя доверять Ари, нельзя верить, что она позволит нам уйти.

Я сжимаю пальцами переносицу и полностью скрываюсь за деревом. Удивительно, в голове только сейчас проскальзывает мысль, что Ариадна Монфор хочет меня убить.

— Нам нужен план, — порывисто опустив руки, говорю я. — Мы должны отвлечь Ари и не дать Норин до конца вылечить Меган фон Страттен.

— Но Норин находится под принуждением, Мэтт, и она не прекратит лечить Меган до тех пор, пока кто-то силой не оттащит ее в сторону.

— Вот и отлично.

— Что именно? — Не понимает женщина.

— Я отвлеку Ариадну, а вы поможете сестре.

— Что? Но как ты...

— Обойдите фонтан с другой стороны. Когда я выстрелю, кидайтесь к Норин.

— Мэтт, — Мэри-Линетт взволнованно хмурит брови, — она может навредить тебе. Ари уже совсем другая, ты же это понимаешь. Ты рискуешь не просто пострадать.

— Я знаю, чем рискую.

— И все равно хочешь стать приманкой?

Поджимаю губы и отворачиваюсь. Наверно, со стороны кажется, что я спятил; никто не поймет моих мотивов, не сочтет меня умным. Но, возможно, нет ничего умного в том, чтобы умереть ради кого-то, страдать ради кого-то. Умный человек держится в стороне от всего, что связано с чувствами, потому что чувства делают из нас глупцов. Но чувства, это не только любовь и не только дружба. Это еще смелость, самоотверженность, милосердие. Ни одно из этих чувств не делает человека умнее. Но они делают человека человеком.

— Понятия не имею, что творится в голове у девушки, которой стала Ари. Но я знаю, чего бы хотела прежняя Ари. И она бы хотела защитить вас. — Перевожу взгляд на Мэри и решительно киваю. — У нас нет времени. Идите за сестрой, а все остальное оставьте мне.

Я еще не придумал, как я буду бороться с Ариадной. Но, как мне кажется, валяться в грязи и давиться сухими листьями, пока она издевается и болтает о жизни — тоже неплохой способ отвлечь ее от действительно важных вещей.

Мэри-Линетт в последний раз прожигает меня взглядом и срывается с места.

Я достаю из-за спины металлическую стрелу, нервно сжимаю в пальцах лук и делаю несколько шагов вперед, надеясь, что ни Ари, ни Меган меня не заметят. К счастью, они в мою сторону даже не смотрят. Ариадна неотрывно наблюдает за тетушкой, которая до сих пор сидит на коленях перед фон Страттен и покачивается от завывающего ветра; с каждой секундой кожа Меган становится ярче и румянее, дыхание выравнивается, судороги вдруг перестают сковывать ее тело. Меган внезапно улыбается, обнажая окровавленные губы, на что я настороженно хмурюсь.

— Жалкая, — сиплым голосом, протягивает фон Страттен, сморщившись от боли.

Норин приподнимает голову, а ведьма скалится еще шире.

— Твой пес был бы весьма расстроен, узнай он, что именно ты спасла меня.

— Что?

Меган смеется, давясь кровью, а я стискиваю зубы. О чем она говорит?

— Джейсон? — Не своим голосом спрашивает Норин, сгорбив плечи.

— Джейсон, — передразнивает Меган фон Страттен, откинув назад голову, — жаль, что жить ему осталось совсем недолго.

Старшая Монфор замирает, а я слышу, как в голове у меня что-то щелкает.

Почему она так сказала? Что она имела в виду? Я понимаю, что сейчас глупо рваться вперед, привлекать к себе внимание, ведь нужно услышать больше, узнать больше, но уже в следующее мгновение фон Страттен выпрямляется, что обозначает лишь ее исцеление, и выбора у меня не остается. Я ловко поднимаю лук и натягиваю тетиву, я делал это столько раз, что выпускаю стрелу произвольно, на автомате. Все происходит слишком быстро.

Я никогда не промахиваюсь, я всегда бью точно в цель, словно вижу мишень гораздо ближе, чем она находится на самом деле, и стрела несется ровно в лоб фон Страттен, и она бы пронзила ее череп, расколола бы на две части, будто грецкий орех. Да, стрела бы убила Меган, если бы прыткие пальцы Ариадны не перехватили ее в воздухе.

— Черт.

Ари стремительно оборачивается, встречается со мной взглядом и отрезает:

— Как же ты мне надоел.

Она взмахивает рукой, и я подлетаю в воздух, маня за собой груды желтых листьев.

Стрелы валятся вниз, кислород застревает где-то в глотке! Я округляю глаза и уже в следующее мгновение несусь навстречу земле. Я не успеваю сгруппироваться, не успеваю прикрыть руками лицо, я лечу вниз и со всей силы падаю на спину, услышав, как согнутая

под неестественным углом рука, трескается от удара. Мои глаза распахиваются еще шире, губы приоткрываются, колючая судорога прокатывается по легким, заставив их сжаться и сморщиться, как сушеный виноград! И я выпускаю гортанный стон, ощутив такую дикую боль в ключице, какую давно уже не испытывал.

Вот же черт! В глазах мельтешат черные точки. Я ворочаюсь, стиснув зубы, скрипя ими, как малоразвитый кретин, не способный вымолвить и слова, и прижимаюсь щекой к влажным листьям, вдыхая землю, вдыхая пыль. Чьи-то ледяные пальцы внезапно хватают меня за подбородок, дергают на себя, и я прищуриваюсь, часто дыша, увидев Ариадну.

— Не стой на моем пути, Мэттью, — отрезает она металлическим тоном и неожиданно впивается пальцами в мое плечо. Боль по телу проносится такая адская, что я издаю вопль и раскрываю глаза до рези, до иступления. — Ты сломаешься, поверь мне.

Ударяюсь головой о землю и выплевываю:

— Посмотрим.

— Не бросай мне вызов. — Она оказывается напротив моего лица, и ее безумные глаза, эти знакомые, любимые глаза, прожигают дыру в моей башке, в моей груди. Она пытается принудить меня, я знаю, и потому резко отворачиваюсь. — Не смей.

— Я не боюсь тебя.

— Тогда посмотри на меня. Взгляни мне в глаза, Мэтт. Взгляни.

— Нет. — Я стискиваю зубы и громко сглатываю. — Не взгляну.

— Ты будешь смотреть на меня, — восклицает Ари, грубо потянув мой подбородок на себя, и приближается к моему лицу так близко, что наши носы едва не сталкиваются. — Ты будешь смотреть на меня, когда я убью всех твоих друзей и всех твоих знакомых. Будешь смотреть на меня, когда я сравню Астерию с землей. Ты будешь смотреть на меня, когда я уничтожу тебя, Мэттью Нортон. И ты будешь любить меня.

Она улыбается, а у меня внутри все переворачивается. Становится паршиво, голова с новой силой вспыхивает от боли, но я не подаю вида. Я все-таки гляжу ей в глаза.

— Я не допущу этого, Ари. — Я через силу подаюсь вперед и замечаю растерянность в малахитовом взгляде девушки. — Я спасу тебя.

— Попробуй. Попробуй спасти чудовище.

— Ты не чудовище.

— Правда? — Ее пальцы вновь врезаются в мою ключицу. Звучит новый хруст. Звезды перед глазами взрываются ярчайшими искрами, красками, и я грохаюсь обратно на спину, загребая пальцами влажную землю, и сипло дышу, испытывая пульсирующую боль, а Ари еще сильнее стискивает ладонь, еще усерднее надавливает на рану.

— Черт возьми, Ари!

— Что теперь ты скажешь? Что?

Я рычу, она нависает надо мной, словно пантера, а затем происходит нечто странное и обескураживающее. Ариадна подлетает в воздух и падает на землю в нескольких метрах от меня, будто бы незримая сила отпихнула ее ладонью вглубь парка.

Я растерянно морщусь, неуклюже перекатываюсь на бок и замечаю, как изумрудные глаза Ариадны темнеют, наливаются яростью, раздражением. Она недоуменно встает. Она выпрямляет спину. И она издевательски кривит губы.

— Малышка, ты не заблудилась?

Малышка? Что она несет? Кто умудрился оттолкнуть Ари с такой силой? Очередная ведьма, которая способна управлять воздухом? Или телекинезом?

Я оборачиваюсь через плечо, валяясь на холодной земле, и столбенею.

Ариадну подняла в воздух девочка, лет одиннадцати. Волосы у нее светлые, а тельце худощавое, словно она болеет. Глаза широкие, голубые. А еще невероятно умные. Ари не колеблется. Ни минуты. Она дергается в сторону девочки, и я сразу же резко вскакиваю на ноги, намереваясь закрыть девочку собой, намереваясь продлить ей жизнь.

Однако моя помощь оказывается бессмысленной: незнакомка поднимает руку, и Ари вновь отрывается от земли, вновь пролетает несколько метров и ударяется спиной о ствол дерева. Ариадна валится вниз, ломая на ходу ветки, а я перевожу ошеломленный взгляд на гостью и хмурю брови: кто она? Замираю в изумлении, а незнакомка прикасается руками к вискам, надавливает на них, и в ту же секунду скульптура орла взрывается на миллионы кусков, которые разлетаются на десятки метров и сваливают с ног Меган фон Страттен.

— Идемте, — говорит девочка, протягивая мне ладонь, — скорее.

Я оглядываюсь в поисках сестер Монфор, но понимаю, что рядом их нет.

— Все в порядке, они в безопасности.

— В безопасности?

— Пожалуйста, Мэттью, нам надо торопиться. — Незнакомка сама берет за мою руку и округляет голубые глаза. — Мы должны уходить.

— Да, но... — Ничего не понимаю. Что происходит? Кто это? Я прокатываюсь ладонью по больному плечу и шумно выдыхаю: не думаю, что у меня есть выбор. — Конечно. Идем.

Я крепче сжимаю теплые пальцы девочки и схожу с места. Понятия не имею, кто она и почему оказалась здесь, но она спасла меня. Спасла Монфор! Я смотрю на коротышку и неожиданно усмехаюсь. А я думал, что я уже разучился удивляться.

ГЛАВА 11. СЕМЬЯ РОТТЕР.

Я держусь за руль одной рукой. Вторую прижимаю к груди: она безумно болит. Мне почему-то кажется, что я не просто вывихнул плечо, а раздробил кость на сотни частей. И, признаться, я бы не удивился. Стоит вспомнить бешеные глаза Ариадны, и такой расклад, на самом-то деле, покажется хорошим. Она собиралась сломать не только мою руку.

Девочка молчит всю дорогу, сидит рядом пристегнутая и задумчивая, водит тонкими пальцами по запотевшему стеклу, рисуя волнистые узоры. У нее невероятно доброе лицо, лицо эльфа с острым подбородком и неестественно большими глазами. Руки тощие, плечи такие костлявые, что выпирают из-под теплой жилетки. Я уверен, коснись я ее пальцем, и она рассыплется на молекулы. Но потом я вспоминаю, что, несмотря на болезненный цвет кожи, торчащие кости и миловидное личико, этот человек спас мне жизнь.

— И как тебя зовут? — Наконец, спрашиваю я, искоса взглянув на незнакомку.

— Эби! То есть Эбигейл. — Она усмехается и полностью оборачивается, чтобы глядеть на меня, изучая и сканируя мое лицо огромными глазами, цвета озер Индианы.

Эбигейл довольно улыбается, будто она устала молчать и хочет уже пообщаться, а я хмурюсь. Часто улыбающиеся люди вызывают у меня изжогу и недоверие.

— Ты — ведьма. — Осторожно начинаю я, сжав в пальцах руль.

— Ага.

— И давно ты об этом знаешь?

— С детства.

Хмыкаю и дергаю уголками губ. Как будто сейчас она вышла из этого периода.

— Тебе ведь лет девять... да? Восемь?

— Мне почти одиннадцать, — деловито сообщает Эбигейл, сведя брови.

— Это все меняет.

— Конечно. Я уже взрослая.

Разумеется. Я закатываю глаза и шумно выдыхаю, почему-то предвкушая очередную проблему на своем пути. Однако эта проблема спасла мне жизнь. Одиннадцатилетняя Эби спасла мне жизнь. Спасла меня. Вот же, сколько бы раз не прокручивал эту информацию в голове, никак не могу поверить, что ребенок справился с двумя ведьмами, которых боится добрая половина моих знакомых! А то и все мои знакомые.

Я никогда не умел общаться с детьми, и я понятия не имею, как вести себя.

Откашливаюсь и в очередной раз спрашиваю:

— Монфор точно в порядке?

— Я же говорила: папа отвез их домой. Не волнуйтесь, Мэтт. Вы всегда волнуетесь.

— Всегда? — Я удивленно вскидываю брови. — Ты знаешь меня?

Девочка кивает и отворачивается. Интересно. Когда же мы с ней виделись? Странно, я бы запомнил внешность этой незнакомки. Когда она подрастет, она станет красивой.

Если, конечно, начнет есть.

— Ого, что это? — Она тянет руки к открытому бардачку, намереваясь достать барахло Хэрри, а я недовольно покачиваю головой.

— Не трогай. Эй. — Бросаю взгляд на девочку. — Прекрати.

— Это же нунчаки.

Закатываю глаза и мысленно проклиная брата за его любовь ко всякой дряни. И что, интересно, нунчаки делают у него в бардачке? Господи, Хэйдан неисправим.

— Круто! — Восклицает Эби, конечно же, послушавшись меня и вертя в пальцах палки.

Она резко растягивает их, выкрикнув что-то вроде боевого клича, а я цежу:

— Лучше не надо.

— Почему? Вы так умеете?

— Нет.

— А хотите научиться?

— Нет.

— Почему?

— Потому что.

— А я хочу. — Девочка вертит нунчаки, поджав губы. — Кстати правильно говорить не нунчаки, а нунчаку. Или даже «шуан-цзе-гун». Вы знали об этом? А я знала. Я прочитала в одной из книжек. Вы любите читать?

— Я люблю тишину.

— Читать в тишине?

— Нет. Просто тишину.

— Знаете, я тоже.

— Неужели.

— Ага. Иногда голова раскалывается от шума... — Эбигейл кивает, и уже в следующую секунду одна из палок с размаха врезается в оконную раму, и стекло предательски визжит, рискуя развалиться на части. Я прищуриваюсь, а Эби виновато приподнимает плечи.

— Простите. — Она прячет палки на место и откидывается назад, потонув в кресле. — Я не хотела вас злить. У меня случайно получается действовать всем на нервы.

— Что ты, — отрезаю я, стискивая в пальцах кожаный руль, — я не злюсь.

— Честно?

— Конечно.

Девочка смущенно кривит губы и смыкает в замок бледные пальцы. А я почему-то и правда, чувствую, как недовольство выкатывается из меня вместе с усталостью. Мне не по силам злиться на эту худошавую девочку, какой бы болтливой и настырной она не была.

Я паркуюсь напротив коттеджа Монфор и глушу двигатель. Рука жутко болит, горит и скрипит от повреждений, и выползаю я из машины, как кретин, едва способный держать равновесие. Эбигейл выходит следом. Поправляет толстую жилетку и шумно выдыхает:

— Папа думал, мы не доберемся до Астерии.

— Почему?

— Потому что умрем.

Я растерянно вскидываю брови и медленно подхожу к девочке.

— Зачем ты так говоришь?

— Та женщина... — Эби смотрит на меня мужественно и спокойно. — Ее еще называют «правая рука Дьявола». Она нашла нас в Дилосе, когда ваш друг пришел за помощью.

— Наш друг?

— Оборотень.

Я в очередной раз изумленно гляжу на девочку. Откуда она так много знает? Почему Джейсон привез ее в Астерию, как вышел на ее след? От вопросов гудит голова. Хмурюсь, искоса взглянув на гостью, и схожу с места.

— Пойдем. Наверняка, нас ждут.

— Да, ваш брат сильно волнуется.

— Ты уже с ним виделась?

— Нет. — Эбигейл вприпрыжку выходит вперед, а я сосредоточенно прищуриваюсь. Я не должен удивляться, но это скачущее, костлявое существо сбивает с толку.

Что еще скрывается за ангельским личиком? Не уверен, что хочу узнавать.

По коттеджу плавает стойкий запах гари. Пепел путешествует по полу, подгоняемый сквозняком, и я решаю не снимать куртку. Теперь внутри так же холодно, как и на улице. Скептически осматриваю деревянные стены, покрытые черной сажой, будто коркой, и мне становится паршиво, ведь я мог выглядеть идентично, если бы не брат и его сумасшедшие идеи. Эбигейл идет впереди. Создается такое впечатление, что это она проводит меня, а не я ее. Она решительно плетется на кухню, по пути схватившись за мою руку, и переступает через порог, растянув губы в довольной улыбке.

— Мы вернулись.

На кухне много людей: Монфор, Джейсон, Хэрри и незнакомый мужчина, который, по всей видимости, приходится Эби отцом. Все они одновременно поднимают головы, и я чувствую себя загнанной в вольер обезьяной. Можно еще скривиться и помахать рукой.

— Где тебя носило? — Сетует незнакомец. — Слишком долго.

— Прости.

— В следующий раз действуй четко, Эбигейл. Услышала меня?

— Да, отец.

Девочка опускает взгляд, а мужчина сводит темные брови. Лицо у него осунувшееся, смуглое, покрытое тонкими морщинами. На плечах широкая куртка с порванным воротом, а

носки ботинок и вовсе стертые. Волосы короткие, грязно-русого цвета. Осанка горбатая.

Я почти уверен, что между Эби и этим человеком нет ничего общего. И я ошибаюсь.

— Этот человек — Дюк Роттер, — отрезает Джейсон и достает сигареты, а я неожиданно подаюсь вперед, чтобы пожать Джейсону руку, что абсолютно на меня не похоже. Я даже не думал, что обрадуюсь встрече с ним. И, тем не менее, дышать мне становится проще. Я не умею привязываться к людям. Для меня это один из самых затейливых и неопознанных процессов, свойственных человеку. Но я привязался к Хэйдану, я привязался к Ариадне. А теперь я еще привязался и к Джейдану Соннеру. Лишь сейчас до меня доходит, что рядом со мной, наконец, появился человек, который способен принимать решения и нести за них ответственность. Кроме меня самого, разумеется.

— Рад тебя видеть, — признаюсь я, поджав губы, и Джейсон криво улыбается, наверно, подумав, что я спятил, и устало похлопывает меня ладонью по здоровому плечу.

— Аналогично, мальчик.

Он стискивает в зубах сигарету, глубоко затягивается, а я перевожу взгляд на Норин. Выглядит она немного уставшей, но как всегда стоит прямо и чванно, будто бы палку к ее спине не просто привязали, а прибили гвоздями. Норин Монфор кивает мне, что, наверно, обозначает «спасибо» или «я рада тебя видеть». По венам у меня прокатывается горячая смесь, похожая на радость или гордость. Я уверен, что заслужить уважение этой женщины очень сложно. И внутри сжимается желудок, пусть я и не хочу себе в этом признаваться.

— Оказывается, Джейсон не просто добыл информацию о нужных нам семьях, — Мэри сидит за столом и, как ни в чем не бывало, жует яблоко, — он нашел сами семьи.

— Не все, — поправляет ее Джейсон, опустив руку с искрящейся сигаретой. — У семьи Аллен нет представителей. Последний умер лет двадцать назад. А Этел кочевали с одного места на другое, не оставляя за собой следов. Но мне посчастливилось найти Роттеров.

— Удача тебя любит, забыл? — Встречаю я и аккуратно присаживаюсь, смахнув со лба испарину. Плечо горит. Нужно обработать его, но сам я просить помощи не собираюсь.

— Да, Манэки сыграла в мою сторону.

— Удача здесь не причем, мы знали, что вы обратитесь к нам, и поэтому наплевали на дерьмо, которое вы в нашу жизнь непременно принесете. — Дюк Роттер пренебрежительно изучает меня пустыми глазами. — Что вы знаете о враге, с которым имеете дело?

— А что вы знаете? — Отвечаю я, недовольно стиснув пальцы.

— Вопросы задаю я, голубок.

— Голубок?

Меня передергивает. Судорога прокатывается по лицу, и я почти уверен, что уже не сижу на месте, а несусь вперед, чтобы врезать этому кретину как следует по челюсти. Мне ничего не стоит размазать его по стене даже с двумя поврежденными руками, пусть в этом он не сомневается. Однако в эту же секунду ко мне со спины подходит Хэйдан. Он кладет ладонь поверх моего здорового плеча и шепчет:

— Не надо.

— Послушай брата и сиди молча.

— Папа, пожалуйста...

— Не влезай. Катись отсюда, давай, поживее.

Эби расстроено поджимает губы и выбегает из кухни, а я вновь перевожу взгляд на нашего гостя, на этот раз не просто изучая его физиономию, а прожигая в ней дыру.

— Что? — Бросает он, смотря мне в глаза, а я недовольно стискиваю зубы. Урод.

— Мы здесь, чтобы обговорить план, — вмешивается Норин, облокотившись спиной о разделочный столик, — не время препираться.

— Да. Пора обсудить детали, — соглашается Мэри-Линетт, кивнув сестре. — Дюк, ваша дочь питается стихией воды, она идеально подходит по описанию.

— Я и не сомневался.

— И мы ценим, что вы согласились помочь.

— Еще бы. Вся эта херня с предсказаниями постоянно сбывается. Сопротивляться нет смысла, не так ли? — Дюк чешет ногтями, под которыми скопилась грязь, подбородок, и на Джейсона смотрит, криво ухмыляясь. — Ты ведь согласен со мной, песик?

Это он зря. Джейсон покачивает головой, выдыхая серые, узорчатые клубья дыма, и медленным, ровным голосом отрезает:

— Не стоит так меня называть.

— Почему же?

— Потому что ты хочешь жить.

Я усмехаюсь и вижу, как усмехается Хэрри. Только идиот будет злить Джейсона; мы все прекрасно знаем об этом, поэтому одновременно переглядываемся, испугавшись, что в какое-то мгновение Дюк Роттер добьется своего, и Эбигейл станет сиротой.

— Вернемся к проблеме, — отрезает Джейсон, выбросив окурок в мойку. — Не против?

— Да ради бога, — отмахивается Роттер, вальяжно расположившись около стены, но от меня не ускользает вид его расширенных, бегающих зрачков, едва Джейсон оказывается с ним рядом. Значит, Дюк не такой уж и идиот. Не все контакты еще отошли. — Валяйте.

Я прошу Хэрри принести из пикапа папку со снимками, а сам поднимаюсь на ноги; у меня перед глазами все кружится от стреляющей боли в ключице. Но вряд ли это важно. Я опираюсь ладонями о край стола и выдыхаю:

— Сегодня утром уехала Бетани Пэмроу.

— Дочь шерифа? — Уточняет Джейсон, потеряв глаза, и я киваю.

— Она понимала, что отцу здесь находиться небезопасно, и поэтому уговорила семью, как можно скорее съехать. Она оставила фотографии, сделанные экспертами в участке, все снимки с мест преступлений, в которых подозревают... вас.

— Нас? — Не понимает Мэри-Линетт, взглянув на меня из-под густых ресниц.

— Да, вас.

— Неудивительно, — вмешивается Норин и подходит к Джейсону; он кладет ладонь на ее плечо, а она чувственно накрывает пальцами его пальцы. — Этот городок всегда во всем винил нас. Не стоило ожидать другой реакции.

— Мда, ваша племянница хочет перерезать всем глотки, — шмыгая носом, напоминает Дюк Роттер и усмехается. — Кого ж им еще винить?

— Она не понимает, что делает.

— Она все прекрасно понимает. Она бездушная тварь, чего вы ожидали?

— Вы здесь, чтобы помочь нам, — напоминает Мэри, сверкнув глазами. — Верно?

— Конечно, сладкая.

— Тогда сделайте себе одолжение — заткнитесь. Иначе я лично выставлю вас за дверь.

— И кому ты сделаешь лучше, куколка?

Джейсон делает шаг вперед, но Норин останавливает его, схватив за руку. Он шумно выдыхает, а я недовольно отворачиваюсь, паршиво осознавать, что единственный человек, который может нам помочь — кусок дерьма. Дюк Роттер даже воняет, как кусок дерьма. Не

представляю, как он сумел вырастить такую дочь. Эбигейл светлая, умная, чистая. Она его полная противоположность. Мне хватило нескольких секунд, чтобы увидеть ум девочки, и хватило пары мгновений, чтобы увидеть гниль ее папаша.

Наконец, возвращается Хэйдан. Он вытаскивает из папки снимки и раскладывает их на столе, старательно соблюдая ровные линии, будто клеит макет. Перфекционист. Я был уверен, что только у меня мозги повернуты. Но, оказывается, в каждом из нас живет псих.

— Бет сказала, что директора нашли подвешенным к потолку. А вот этого мужчину, — я указываю пальцем на лицо с выеденными глазами, — нашли в поле. Вчера вечером.

— Кто это?

— Грегори Тимболд. Член Доминиканского Ордена.

— Доминиканского Ордена? — Не верит Норин и поднимает на меня взгляд. — Мэттью, это невозможно. Доминиканцы жили во времена...

— Я знаю историю, поверьте. И я был удивлен не меньше вас.

— То есть выходит, в Астерии нашли пристанище фанатики, сжигающие ведьм еще в средневековье? — Удивляется Мэри-Линетт и неожиданно прыскает со смеху. — Классно.

— Не понимаю, почему ты смеешься, Мэри.

— Надо же внести разнообразие в будни.

— Вряд ли мы имеем дело с Доминиканским Орденом, — задумчиво отрезает Джейсон и прокатывается ладонями по вспотевшему лицу. — Это культ, пародия. Последователи.

— Неизвестно, кто хуже: доминиканцы или фанатики, стремящиеся ими стать.

— Проблема в том, что этот орден знает правду, — говорю я, сжав пальцами пылающее плечо, и морщусь. — Они знают правду об Ари. И они попытаются ее убить.

— Это не так-то просто, — дергая уголками губ, шепчет Норин. — Ариадна сильна, ты и сам сегодня видел, на что она способна.

Да уж, видел, слышал, чувствовал. Сегодня я познакомился с новой стороной Ари. И мы друг другу не понравились. Я встряхиваю головой, пытаюсь отогнать образ Ариадны с черными от ненависти глазами, и поджигаю губы. Не стоит сейчас думать об этом.

— Посмотрите, — я указываю пальцем на красные буквы. — Смерть не приходит одна. Я уверен, это послание. Предупреждение. Ари хотела сказать, что будут еще жертвы.

— Или она просто ждет, пока вы намочитесь в штаны, — предполагает Дюк.

— Она хочет, чтобы мы думали. — Настаиваю я. — Чтобы мы думали и остановили ее.

— Похоже на месть, Мэтт. Эти люди пытали ее, вот она и вернулась, чтобы...

— Это глупо. Поверьте. Возвращаться, чтобы просто отомстить? Люцифер заполучил ее душу, но с какой целью? Ари не девушка, в которую Дьявол случайно ткнул пальцем.

— Разумеется, у него был план, — соглашается Норин.

— Вот именно. Все поступки Ари сумбурны, привлекают слишком много внимания. Я не силен в составлении стратегий, но разве плохие парни заявляют о себе? Только идиоты выставляют преступления напоказ. В жизни убийцы молчат и просто делают свое дело.

— Ариадна отвлекает наше внимание, — неожиданно протягивает Джейсон, нахмутив брови, и наклоняется вперед, изучая фотографии. — Она хочет, чтобы мы думали о ней.

— В то время как происходит нечто более важное, — протягивает Хэйдан, встревожено посмотрев на меня, и я громко сглатываю. Становится тихо. Из окна прорываются порывы холодного ветра, шум, проезжающих машин, а мы просто стоим по кругу и не шевелимся.

Что задумал Люцифер? Для чего ему на самом деле понадобилась Ариадна?

— Подождите, — едва слышно шепчет Мэри-Линетт и берет в руки один из снимков.

— В чем дело?

— На его груди, взгляни-ка Норин, я видела нечто подобное. Как же называется...

— Пентаграмма? — Не понимаю я, склонившись над фотографиями.

— Нет, не пентаграмма.

— Разве? Круг и пересеченные линии, треугольники. — Я растерянно взмахиваю рукой и с силой стискиваю зубы, когда боль лавиной прокатывается по спине. Черт.

— Это не треугольники, Мэтт. Это звезда.

— Какая еще звезда? — Недоуменно переспрашивает Хэйдан, отняв у Мэри фото, а я с изумлением отмечаю, как вытягиваются лица сестер Монфор. Опять они знают о чем-то, о чем я не имею ни малейшего понятия.

— Это звезда Хаоса, — объясняет Норин, выпрямив спину, и отворачивается; она вдруг сжимает в кулаки пальцы, отходит назад, морщит лоб, а я терпеливо жду продолжения. Не хочу торопить Монфор. Ее лицо бледнеет так сильно, что становится не по себе, и я жадно наслаждаюсь мнимыми секундами спокойствия.

— Ящик Пандоры! — Внезапно кричит Дюк Роттер и прыскает со смеху. — Вот же вас угораздило вляпаться в такое дерьмо, ребята. Поздравляю.

— Ящик Пандоры? Это же сказки. — Я устало закатываю глаза. — Миф для малолеток.

— Подожди...

Норин отмахивается от меня, как от надоедливой мошки, а я раздраженно щурюсь.

— Чего подождать? Пока вы придумаете, как усугубить ситуацию?

— Я пытаюсь сопоставить факты.

— Нет, вы пытаетесь приплести их к своей безумной теории.

— Моя теория не безумна.

— Если она строится на легенде, написанной каким-то психиатром-фантастом...

— Она строится на истории моего вида, — рявкает Норин, стремительно повернувшись ко мне лицом, и сводит черные брови. — Мы опять возвращаемся к тому, с чего начали. Ты опять пытаешься отрицать то, о чем не имеешь ни малейшего понятия.

— Но...

— Хватит думать головой, — командует женщина, тыкая в меня пальцем, — ты уже не в своем мирке, где любое отхождение от нормы — вымысел. Здесь легенды — реальны, мифы — реальны. Оглянись, ты находишься в компании черной вдовы, оборотня, ведьмы и брата, который вернулся с того света. Ты сам живешь в одной из тех легенд, которые отрицаешь.

Я стискиваю зубы и горячо выдыхаю, накопившийся воздух. Она права. Права. Но я не могу согласиться так просто, не могу поверить так легко. Я семнадцать лет жил в мире, где даже удача казалась проявлением мистики. На восемнадцатом году все изменилось.

— Мы читали об этом, — задумчиво протягивает Мэри, — или мама рассказывала.

— Что именно? — С интересом спрашивает Хэйдан.

— Люцифер уже открывал ящик Пандоры, много столетий назад.

— Так что ему мешает сделать это снова самостоятельно?

— Один и тот же человек не может открыть ящик дважды.

— Ну, разумеется, — шепчу я, сдавив пальцами переносицу. — И почему Ари?

— Чтобы выпустить наружу пороки и болезни, надо обладать силой. Простой человек не сможет открыть ящик, он умрет, а с его смертью в сосуд вернуться и все грехи.

— Но Дьявол не может умереть. — Как бы невзначай напоминаю я, поджав губы. — Так почему нас до сих пор не атакуют грехи, выпущенные давным-давно наружу?

— Уверен, что не атакуют? — Тихо усмехается Норин и отводит взгляд. — Со временем последствия перестают быть катастрофическими. Но даже сейчас мы чувствуем отголоски того, что случилось много веков назад. Если Ари откроет ящик...

— Пострадает много людей, — поясняет Мэри, — прежде чем все наладится.

— Значит, мы не должны ей этого позволить.

— Но она уже преступила к обряду. К жертвоприношению. Мы были уверены, что она здесь ради мести. А она следовала инструкциям, которые науськивал ей Люцифер.

— О чем вы?

— Четыре состояния, четыре жертвы. Огонь, вода, земля, воздух.

— Барнетта нашли подвешенным к потолку, — нахмурившись, тянет Мэри-Линетт.

— Грегори Тимболда — в поле. — Добавляет Хэрри.

— Остается вода и огонь, — Джейсон измотано усмехается, — кто бы сомневался.

— Но что, если Ариадна сама не догадывается, что делает. — Сведя брови, шепчу я и с изумлением осматриваю присутствующих. — Люцифер — отец лжи, он вряд ли раскрыл все карты, когда переманил Ари на свою сторону. Возможно, она думает, что мстит. Тогда как на деле является марионеткой в его руках.

— Может, ты прав, — соглашается Норин. — Дьявол умеет убеждать.

— Но вдруг она уже завершила ритуал? — Неуверенно спрашивает Хэрри и поправляет оправу очков. Он переминается с ноги на ногу и вздергивает подбородок. — И что, если мы уже опоздали? Она ведь не пришлет письмо, в котором уведомляет нас о том, что утопила очередного последователя ордена, а потом сожгла их церковь.

— Мы бы узнали об этом, поверь. — Ухмыльнувшись, отвечает Мэри. — Когда Ариадна откроет ящик, случится нечто страшное: болезни, природные катаклизмы.

— Если она откроет, — поправляю я, прочистив горло.

— Да. Конечно. — Мэри-Линетт коротко кивает. — Если.

— Меган фон Страттен нашла меня в Дилосе, — отрезает Джейсон, размяв плечи.

— Едва не прикончила нас, — сетует Роттер. — Мерзкая тварь. Которую вы вылечили.

— Не рыпайся, Дюк.

— Я констатирую факт.

— Видимо, она следила за нами, пока Ариадна выполняла грязную работу. — Я морщю лоб и киваю. Пытаюсь проанализировать новую информацию, но ее так много, что у меня стучит в висках. Нужно отдохнуть хотя бы пару часов. — Вам повезло. Вы выжили. Меня в прошлый раз эта женщина едва не отправила на тот свет.

— Я уже говорил, что связываться со мной не стоит, когда я... когда я не в себе.

Джейсон неуверенно поводит плечами и проходится ладонью по заросшему лицу.

— Завтра решим, что будем делать. — Шепчет он. — На сегодня достаточно разговоров.

— Но каждая минута...

— Мы не спасем Ари, если будем измотаны.

— Не самое лучшее время для отдыха. — Настаивает Норин.

— Не тешь себя надеждами, дамочка. Лучшего времени еще долго не будет.

Он прокатывается пальцами по ее бледной щеке и переводит взгляд на меня.

— У тебя есть пара минут? Нужно кое-что обсудить.

— Да. Конечно. — Я киваю и прижимаю больную руку к ребрам.

Хэйдан хмурится. Ему явно не по душе, что мы собираемся обсуждать что-то без его присутствия. Но проблема в том, что я собираюсь защищать брата, а не доверять ему. Я не

сомневаюсь, что Хэрри способен принимать правильные решения. Он не раз спасал нас, и я помню об этом. Никогда не забуду. Но с него хватит. Он сделал и так слишком много.

Похлопываю Хэйдана по спине и отрезаю:

— Встретимся через пару минут, хорошо?

Он не отвечает. Неуклюже кивает, опустив взгляд на сомкнутые в замок пальцы. А я медленным шагом следую за Джейсоном. Не для того Ари пожертвовала душой, чтобы я в очередной раз подвергал Хэрри риску. Лучше бы он подальше держался от этой суматохи.

Уже на улице Джейсон в очередной раз закуривает и ведет меня к своей машине. Не знаю, о чем он хочет поговорить, но мне приятно уже просто выбраться из этого коттеджа. Такое ощущение, что я постоянно возвращаюсь сюда после кровавой бойни. То лицо едва двигается, то ноги. Теперь раздроблено плечо. Однажды я приползу сюда без башки.

— Кто тебя так? — Джейсон кивает на мою руку, облакачивается спиной о крыло авто, и я следую его примеру. Становлюсь рядом, откинув назад голову.

— Ари.

— Интересная девушка.

— Она и раньше мечтала свернуть мне шею. Теперь ее ничего не останавливает.

Мужчина усмехается, а затем неожиданно взрывается сухим кашлем. Он прикрывает рукой рот, отворачивается, но я все равно отмечаю, как паршиво он выглядит.

— Что с тобой? — Свожу брови. — Умудрился заболеть?

— Просто чувствую себя неважно.

Джейсон выпрямляется, потирает пальцами губы и как-то странно улыбается, отчего у меня молниеносно в голове включается мыслительный процесс. Не умею не думать. Как только происходит нечто странное, разум сам начинает искать варианты ответов.

— А такое бывает у оборотней? — Взмахиваю здоровой рукой и морщусь. — Ну, грипп. Или я не знаю... Ангина? Вы тоже болеете?

— Нет.

Я прокручиваю в голове наш разговор: все его усталые усмешки, пот на лице, синяки под глазами, и отталкиваюсь руками от крыла автомобиля.

— Тебя ранили.

— Я не об этом собирался с тобой разговаривать, мальчик.

— Если ранили, нужно обратиться к Норин. — Настаиваю я, пропустив мимо ушей его замечание, и недовольно стискиваю зубы. — Чего ты ждешь?

— Меня никто не ранил.

— Но чувствуешь ты себя неважно.

— Нянькой решил заделаться?

Ему смешно, а я понимаю, что в этом доме только он способен навести порядок; мне не справиться без его помощи. Точнее, справиться будет в разы сложнее.

— Это мое дело. Я разберусь. — Джейсон поправляет ворот пальто и достает сигареты.

Я растеряно наблюдаю за тем, как его пальцы неуклюже трясутся, когда он пытается прокрутить кольцо зажигания. У него получается с третьего раза... Мужчина стискивает в зубах сигарету, затягивается, а я продолжаю молчать, упорно глядя ему в глаза.

— Фон Страттен сказала, что жить тебе осталось недолго, — шепчу я, нахмутив брови.

Джейсон переводит на меня уставший взгляд и поводит плечами.

— Она много говорит.

— Видимо, знает, что с тобой что-то не так.

— Я устал. Отдохну, и все будет в порядке. Сейчас речь не об этом.

— Тогда о чем?

— Эбигейл впитывает способности ведьм, когда находится с ними рядом.

— Впитывает способности? — Удивляюсь я, вскинув брови. — А я подумал, она владеет телекинезом или чем-то в этом роде.

— Нет. Она очень талантливая девочка, и она может помочь нам.

— Это хорошая новость.

— Наверно... — Джейсон выдыхает белый дым и устремляет взгляд куда-то вдаль. — Я пытался понять, как именно она вытащит Ари. Как она ее спасет.

— Что тебя настораживает?

— Она впитает силу Ариадны, и что дальше? Какова развязка? — Мужчина смотрит на меня, и я сосредоточенно хмурю лоб, пытаюсь осмыслить его слова. — Силы Ариадны не в исцелении, значит, и Эбигейл не сможет ее исцелить.

— Сила Ари в разрушении. — Медленно проговариваю я, отвернувшись. — Я понял. Ты хочешь сказать, что Эби не вылечит Ари. А убьет ее. Как в пророчестве.

Джейсон указывает на меня дымящейся сигаретой и кивает; он вновь отводит взгляд, а я вновь облакачиваюсь спиной о крыло Фольксвагена. Внутри все замирает. Я тянусь к карману мужчины, достаю оттуда пачку сигарет и спрашиваю:

— Не против?

— Конечно, против. — Джейсон отнимает у меня сигареты и закатывает глаза. — Тебе я не разрешаю курить. Это вредно для здоровья.

— Папашей решил заделаться?

Он оценивает мою шутку и покачивает головой.

— Нужно было тогда еще соглашаться, когда я истекал кровью и не понимал, что тебе предлагаю. А теперь поезд уехал, мальчик. Поводов умереть у тебя много будет.

— Рак — это банально.

— Верно. Пусть лучше тебя прикончит любимая девушка.

— С чего ты взял, что она любимая девушка? — Я откидываю носком землю и сжимаю в кулак пальцы. Нет уж. Делиться переживаниями я не стану. — И вообще это не твое дело.

— Разумеется. Не волнуйся, никто не заметил.

— Что не заметил?

— Что ты немного... того.

— Вот значит как. — Я непроизвольно скрещиваю руки на груди и горблюсь, ощутив, как от боли стреляет в спине. Дерьмо. Как же жжет! — Черт. Рука сейчас отвалится.

— Попроси Эби помочь. Норин слишком вымоталась.

— Не волнуйся, никто не заметил, — отдышавшись, шепчу я и усмехаюсь.

— Не нарывайся, мальчик.

— Давай просто больше не возвращаться к этой теме.

Он приподнимает ладони в сдающемся жесте, а я отворачиваюсь. Не умею говорить о том, что чувствую. Не умею выражать эмоции. И не горю желанием научиться.

— Возможно, Эби поможет нам поймать Ариадну, — неожиданно предлагает Джейсон и задумчиво покачивает головой. — В конце концов, я не просто так привез сюда Роттеров.

— Придумаем ловушку, — соглашаюсь я, — как Ловари. И заманим Ари.

— По силе Эби ей не проиграет.

— Даже выиграет, если рядом будут Норин и Мэри-Линетт.

— Верно. Но что потом? Мы запрем Ариадну в подвале? — Мужчина бросает окурок и тушит его носком ботинок, при этом растягивая губы в кривой ухмылке. — Так себе идея.

— Во всяком случае, взаперти Ари не сможет никому не навредить.

— И не завершит жертвоприношение.

— Я придумаю, что делать дальше. Ты можешь на меня рассчитывать, Джейсон.

— Я и не сомневаюсь, мальчик. — Он вновь откашливается, потирает ладонью рот и со сгорбленными плечами отстраняется от машины. — Обсудим план завтра.

— Договорились.

— Отдохни. И вылечи уже эту руку.

Я закатываю глаза, а он удаляется, измотано улыбаясь. Однако на крыльце Джейсон останавливается и пристально смотрит на меня через плечо.

— Там в машине есть патроны.

— Что?

— Мэри-Линетт сказала, у тебя есть ружье.

— Да, я... — Придавливаю пальцами глаза и киваю. — Бетани отдала мне браунинг отца.

— Отлично. А то с этим луком ты выглядел по-идиотски.

Класс. Джейсон в очередной раз усмехается, а я шумно выдыхаю.

Некоторые вещи никогда не меняются.

ГЛАВА 12. КЛУБ НЕУДАЧНИКОВ.

Когда я возвращаюсь в коттедж, я замечаю на пороге и на дверном косяке неровные, кривые иероглифы, выведенные белым мелом. Прохожусь по надписи пальцами. Что это?

— Это моя детка постаралась. — Протягивает с хрипотцой Роттер и оказывается рядом.

Я перевожу на него взгляд и не знаю, что сказать. Мне не нравится его интонация, не нравится вид, с которым он пускается в разговоры об Эбигейл. Но я молчу. Он отец. Меня никто не спрашивает, как он должен и как не должен общаться с дочерью.

— Что обозначают эти символы? — Наконец, говорю я, взяв себя в руки.

— Эби вычитала их в книжке своей мамы. Они защищают, не дают злу переступить порог и прочая дребедень. Благодаря этим каракулям мы скрывались многие годы.

— Полезные каракули.

— Да не то слово! Я много чего полезного нашел в вашем мирке, — Дюк выковыривает мизинцем остатки еды и по-идиотски улыбается, — золотое дно эти ваши ведмочки.

— В каком смысле?

— Моя дочурка многое умеет.

— Вам с этого что?

— Ну, вы ведь не думаете, что она помогает бесплатно, верно?

Я недоуменно свожу брови и вглядываюсь в серые глаза гостя. О чем он говорит? Не понимаю. Он торгуется? Продает свою дочь? Желчь подскакивает к горлу ярим пожаром.

— Что? — Я нахожу на него, словно цунами. — Что вы сказали?

— Ты слышал, голубок.

— Вы здесь ради денег?

— Моя детка подвергается невыносимой опасности! — Раскатисто вякает он и разводит в стороны руки. — Конечно, это будет дорого стоить. А ты как хотел? Думал, мы приехали в

эту дыру, чтобы подержать вас за руку, пока вы давитесь соплями?

— Но она не вещь, которую вы можете...

— Я сам разберусь, что мне делать с моей дочерью.

Невероятно; я отхожу назад и смотрю на мужчину, разрываясь между тем, чтобы как следует врезать ему по лицу или вытащить из-за спины браунинг и прострелить грудины.

Не все монстры обитают в аду. Некоторые из них живут рядом с нами, наши соседи, наши друзья; они только внешне похожи на обычных людей, внутри они гниют и смердят, как протухшее мясо. Я морщусь от отвращения и схожу с места.

— Что тебя так испугало, голубок? — Кричит мне в спину Дюк. — Кишка тонка? Да?

Не оборачивайся. Не оборачивайся.

Я поднимаюсь по лестнице, прижимая к коленям руки. Я даже забываю про боль. Не знаю, как Эбигейл терпит этого ублюдка. Но, клянусь, если он хотя бы пальцем ее тронет, я с него кожу живьем сдеру. К жестокости в сверхъестественном мире я привык. Смотреть на жестокость в настоящем мире у меня попросту нет ни сил, ни желания.

Я собираюсь пройти в гостевую комнату, но невольно замечаю, что дверь в спальню Ариадны приоткрыта. Останавливаюсь, ощутив, как судорога прокатывается по телу, ведь я, наивный идиот, вдруг думаю, что именно Ари вернулась домой. Но затем я вижу Хэрри, сидящего на кровати, и Эбигейл, сосредоточенно вырисовывающую что-то за столом.

- Придурок, — шепчу я, прокатившись ладонью по лицу, — какая же чушь.

Сколько можно прокалываться на одном и том же? Ариадны здесь нет, нет, я должен усвоить это, смириться с этим, принять это, пропустить это через себя.

— Чего вы там стоите? — Неожиданно спрашивает высокий голос, и, подняв голову, я замечаю, как Эбигейл смотрит на меня, обернувшись в пол-оборота. — Пройдете?

— Да, — потираю потные ладони о бедра, — пройду.

У Ари в комнате ничего не изменилось, шторы задернуты, кровать смята. Я пытаюсь не показывать, как чертовски сложно мне тут находиться, и выдавливаю пресную улыбку.

— Чем занимаетесь?

— Я рисую.

Эби вновь поворачивается лицом к столу. А я подхожу ближе, чтобы посмотреть на ее произведение искусства. На удивление девочка и, правда, очень хорошо рисует. Сейчас ее эскиз напоминает мне нашу церковь, которая находится на въезде в Астерию.

— Неплохо.

— Спасибо. Я знала, что вам понравится.

— О чем вы секретничали с Джейсоном? — Отстраненно спрашивает Хэйдан и нервн стягивает с лица очки. — Может, поделишься?

— Да нечем делиться, — как можно безразличней отрезаю я, — ничего интересного.

— Ты издеваешься?

— Хэрри.

— Мэтт. Что за фигня? — Брат поднимает на меня взгляд и усмехается, а сам трясется, как будто в комнате тридцатиградусный мороз. — Будешь врать мне?

— Нет.

— Тогда о чем вы говорили?

— Ему просто захотелось... — Взмахиваю в воздухе рукой и начинаю в очередной раз выражаться на языке жестов, который обычно выдает мою ложь с потрохами. — Покурить.

— Ты считаешь, я слабак, — кивает Хэйдан и неуклюже надевает очки, — думаешь, я

ни на что не способен. Думаешь, я лишний груз, который тормозит тебя.

— Что за чушь.

— Я знал. Ты никогда в меня не верил.

— Хэрри, — брат поднимается с кровати, идет к двери, а я недовольно преграждаю ему путь и наклоняюсь вперед, — остановись, ладно? И не говори чепухи. Сейчас не время...

— Для чего не время? — Он глядит на меня так обиженно и зло, что я застываю. Какого черта мы вообще с ним спорим, если я пытаюсь его шкуру спасти? — Ари в меня верила.

— При чем тут Ари?

— Она знала, что я могу помочь. Она доверяла мне, а ты вечно действуешь один.

— Я не действую один. Ты ведь ездил со мной к Логану, забыл уже?

— Да, как личный водитель, я вполне могу пригодиться. И как фантазер. И как лжец.

— Я не хочу выяснять отношения, — раздраженно бросаю я. — Все мои действия имеют смысл. Если ты еще этого не понял, мне очень жаль.

— Мы с тобой пообещали, что не будем друг другу врать.

— И к чему это привело? Ты умер.

— Сейчас я жив.

— Только потому, что Ари самоотверженная идиотка.

— Я хочу быть в курсе того, что происходит, — отрезает Хэйдан, нахмутив брови, — ты не должен оберегать меня от всего. Иногда я срываюсь, иногда мне страшно...

— Еще вчера ты не мог самостоятельно вести машину, а сегодня уже рвешься в бой?

— Я сам разберусь.

— Нет, не разберешься.

— Почему ты никогда в меня не веришь, Мэтт? — Растерянно спрашивает он, округлив ореховые глаза, а я отворачиваюсь, стиснув зубы. — Дай мне шанс. Я хочу помочь.

— Ты сделал так много. Ты умер. — Я все-таки вновь смотрю на брата. — Лучше ты дай мне шанс позаботиться о тебе. Я стоял на кухне и смотрел, как Ариадна держится за твою руку. Ты нашел в себе силы подорваться, ты схватился за ее пальцы, а я просто сидел.

Хэйдан недоуменно отступает назад, а я сжимаю в пальцах переносицу.

— Ты думаешь, что не помогаешь. Но ты помогаешь мне постоянно, когда я вижу, что с тобой все в порядке. Когда я понимаю, что ты рядом.

— Я никуда не денусь, если мы начнем решать проблемы вместе.

— Я и так постоянно вываливаю на тебя все неприятности.

— Поделиться переживаниями — это не вываливать неприятности.

— Для меня это важно.

— А для меня важно быть в курсе того, что происходит. Поставь себя на мое место! Я, будто пятилетний ребенок, стою и смотрю, как вы уходите. Думаешь, это нормально?

— Нет, — покачиваю головой, — но ты сам дал мне понять, что тебе нужно еще время.

— Значит, с этого дня хватит делать мне поблажки. Я боюсь, и я боялся раньше, Мэтт. Сейчас труднее, но это не значит, что я не способен вам помочь.

— Да просто...

— О боги, — неожиданно взывает Эбигейл и откидывает карандаш. Она стремительно поворачивается к нам лицом и округляет огромные глаза. — Вы повторяете одно и то же. Я серьезно, сколько вам лет? Может, прекратите вести себя, как дети?

Оторопело вскидываю брови и переспрашиваю:

— Что?

— Хэрри, Мэттью просто заботится о вас, поэтому и ведет себя, как ваш отец, а не как ваш брат. Мэттью, Хэрри не маленький мальчик, за которым нужно носиться по пятам.

— Ты вроде рисовала, — бросаю я, поджав губы.

— Что толку быть взрослыми, если вы все равно продолжаете ныть, как в яслях. — Эби тихо вздыхает и спрыгивает со стула. Она скрещивает худощавые руки и неодобрительно покачивает головой, словно оценивает нас с Хэйданом по десятибалльной шкале.

— Братья постоянно ссорятся, — оправдывается Хэрри, на что Эби закатывает глаза.

— Разве вы ссоритесь? Вы высасываете проблему из пальца, и знаете, почему? Просто вы устали. Вам нужно отдохнуть. Человеческий мозг не способен адекватно обрабатывать информацию, когда он перегружен. Поэтому возникает агрессия, сбои в нервной системе. Отоспитесь и поговорите завтра. Я уверена, разговор пойдет иначе.

Эби вновь осматривает нас лазурными глазами, а затем уходит, не закрывая дверь.

— Ну, — Хэйдан чешет в затылке, смотря ей вслед, — это было странно.

— Весьма странно, — соглашаюсь я, впервые почувствовав себя отчитанным.

Собираюсь сказать Хэрри, что мы действительно перегнули палку, как вдруг дверь в очередной раз открывается и Эбигейл возвращается в комнату. Она подпрыгивает ко мне, довольно прищутив глаза, и аккуратно касается ладошкой зудящей ключицы. Я слишком высокий, ей приходится встать на носочки, чтобы дотянуться.

— Вам станет легче, — обещает она, смотря мне прямо в глаза, — я умею лечить.

— Прямо как Норин.

— Верно. Как она.

Присаживаюсь на корточки и смущенно кривлю губы. На девочке голубой свитер и короткие джинсы. Выглядит она так невинно и хрупко, что становится страшно. Невольно я придерживаю ее за локоть. Мне, правда, не по себе.

— Мне рассказали о твоих способностях, — признаюсь я, заговорчески приблизившись к девочке, на что Эбигейл тут же стеснительно кривит губы. — Как ты поняла, что умеешь контролировать силы других ведьм? Было трудно?

— Нет. Это получается само собой. Я просто вижу, что они могут, и копирую это.

— Звучит легко. — Улыбается Хэрри и присаживается на корточки рядом.

Ключица горит под ее пальцами, но я не обращаю внимания. Я заморожено слежу за детскими глазами, которые пытливо изучают мои волосы, мой шрам. Эби шепчет:

— Когда-то давно я познакомилась с Евой. Она рисует будущее.

— Будущее?

Девочка кивает и продолжает тихим голосом:

— Она и меня научила рисовать.

— Наверно, это очень интересно. — Отвечает Хэйдан, так как я до сих пор не знаю, что нужно говорить, когда с тобой разговаривает десятилетний ребенок. Пусть она ведет себя, как будто ей уже давно за пятнадцать, я вижу перед глазами коротышку со светлым каре.

— Я тоже видела будущее. Поэтому я вас узнала. Я видела вас, Мэттью. Вас и вашего брата. Видела этот дом. Мы с папой неслучайно наткнулись на Джейсона. Я просто знала, когда он будет нас искать, и куда нам нужно прийти.

Сосредоточенно хмурю лоб и поджимаю губы.

— Так ты знала, что приедешь в Астерию?

Эби кивает и опускает руку, а я неожиданно понимаю, что боль исчезла.

Собираюсь поблагодарить Эбигейл, но она неожиданно подается вперед.

— Я увидела, как вы плачете, — шепчет она мне на ухо, и внутри у меня все замерзает. Она отстраняется, виновато хлопает густыми ресницами и отворачивается, словно боится, что я разозлюсь. Но я не зол. Я растерян. Почему я плакал? Да и вообще, это невозможно.

— Эби, наш Мэтт не умеет плакать! — Звонким голосом протягивает Хэйдан, который стоял достаточно близко, чтобы уловить ее шепот. — У него нет этих, как их там называют.

— Слезных желез? — В надежде спрашивает она, и брат кивает.

— Именно.

— Но так не бывает. Я читала, что они у всех есть.

— А у меня нет. — Вмешиваюсь я и криво улыбаюсь.

— Вы, правда, никогда не плачете?

— Правда. — Выпрямляюсь и прохожусь ладонью по макушке Эбигейл. — Спасибо, что вылечила мою руку. Теперь можно отдохнуть.

Она кивает, а я медленным шагом покидаю комнату. По лицу непроизвольно плавают улыбка, а внутри все застыло и окаменело. Слова Эби заставили меня задуматься. Я давно не плакал. Только на похоронах матери, и я пообещал себе больше никогда не унижаться, не выставлять чувства, не обнажать эмоции.

Что же заставит меня пойти против своих убеждений? Что меня сломает?

***

Проходит несколько дней. Я все-таки рассказываю Хэрри о том, что мы задумали с Джейсоном. Ему идея не очень нравится, но он соглашается помочь, потому что теперь он со мной постоянно соглашается. Даже когда я собираюсь выносить мусор, он вскакивает и отнимает у меня пакеты. Наверно, пытается доказать, что он все еще в своем уме. Но, если честно, выглядит это странно, и лишь заставляет меня усомниться в его здравомыслии.

Эбигейл и Дюк Роттер — абсолютно разные люди. Папаша пытается нажиться на том, что вытворяет дочка. А дочке все равно, потому что она обожает отца. Не думал, что такое действительно бывает, но Эби держится за папу, как за сгусток света. Она, будто не видит, как он к ней относится, и не понимает, что именно его держит рядом с ней. За то недолгое время, что я провел с Эбигейл, я понял, что она добрая, трудолюбивая. И сообразительная. Так что вариант, мол, она слепая и не замечает за папашей гнилого запаха, отпадает. Тогда зачем она это делает? Почему продолжает смотреть на него так, словно он хороший? Я не понимаю Эбигейл, я совсем другой человек.

Утром мне звонят из школы. Я пропустил много занятий, и я ненавижу себя за это. Я всегда думал, что посещение уроков — гарантия моего будущего. У меня должно быть это, мать его, чертово будущее. Если я завалю экзамены, заброшу учебу, что со мной станется?

Идиотские мысли. Невероятно идиотские. Но я ничего не могу с собой поделать.

На кухню спускаюсь в паршивом настроении. Мы не придумали, как поймать Ари, и не решили, что делать со способностями Эбигейл. Мы не узнали ничего нового про «ящик Пандоры», жертвоприношения, и у меня создается такое впечатление, будто бы я впустую хожу по коридорам коттеджа Монфор-л'Амори, бессмысленно тратя собственное время.

— Доброе утро! — Воскликает Эби, едва я переступаю порог кухни.

Она помахивает мне рукой из-за барной стойки, а я небрежно бросаю.

— Привет.

— Кто-то не выспался? — Интересуется Норин, выгнув бровь, и замирает рядом с Эби.

— Нет, все в порядке.

— Тетя Норин учит меня готовить яичницу.

«А еще тетя Норин собирается заплатить за то, что ты подвергнешь свою жизнь опасности», — думаю я, но как всегда оставляю свои мысли при себе и отвечаю:

— Классно.

Усаживаюсь за стол и подпираю ладонями подбородок. В этом доме мне не удастся нормально выспаться, во сколько бы я не ложился. Постоянно мучает тревога, паника, мне все время кажется, что за мной наблюдает тысяча глаз давно умерших ведьм. Я протяжно выдыхаю и неожиданно вижу, как Эбигейл подсовывает мне под нос тарелку.

— Это вам, — она расправляет плечи и взмахивает руками, — счастливая яичница.

На круглой тарелке расположились два желтка, словно глаза, а кетчупом нарисована толстая дуга, что-то вроде улыбающегося рта, или я не знаю, какая там фантазия у детей.

Я недоуменно вскидываю брови, потому что мне никогда еще не делали счастливую яичницу, и киваю.

— Спасибо, Эби. Я уверен, это очень вкусно.

— Вы выглядите грустным.

— Утром все люди грустные.

— Не обращай внимания, Эбигейл, — пропевает Норин, вытирая стол, — Мэттык всегда хмурый. Это его визитная карточка.

Закатываю глаза и шумно выдыхаю. С чего все взяли, что я постоянно хмурый? Да у меня просто проблем много, и столько всего навалилось. Естественно, от радости прыгать не приходится. Как будто мне приносит удовольствие вечно витать в мрачных мыслях.

— У вас морщины будут, — подмечает Эбигейл, скривив нос. — Серьезно.

— Они у всех будут, Эби.

Девочка вздыхает, отходит от меня и неожиданно подпрыгивает к магнитофону. Не думаю, что такое древнее устройство вообще работает. Это же прошлый век.

Накальваю на вилку яичницу, но не успеваю проглотить и кусочек, как вдруг Эби ко мне вновь прилипает и распахивает небесно-голубые глаза.

- Вставайте, — решительно приказывает она, схватившись за мою руку, — ну же.

Уже в следующую секунду из колонок доносится неизвестная мне быстрая музыка, и я недовольно поджимаю губы, не понимая, что происходит.

— Я не собираюсь танцевать.

— Пожалуйста.

— Нет. — Покачиваю головой. — Разумеется, нет.

Норин прыскает со смеху, а я искоса гляжу на нее, прищутив глаза.

— Ну, давайте же, переставляйте ноги! — Просит Эбигейл, раскачивая мои руки туда и обратно, словно я умственно-отсталый кретин. — Это просто. Шаг вперед, шаг в сторону.

— Я не хочу танцевать, Эби.

— Я вас не спрашивала.

— Это глупо.

— Вы постоянно хмурый, потому что все, что приносит обычным людям радость, вам кажется глупым и стыдливым. Но нет ничего позорного в том, чтобы улыбнуться.

— Вот, смотри. Я улыбаюсь.

— Вы притворяетесь.

Эбигейл недовольно сводит брови, а я протяжно выдыхаю, покачиваясь из стороны в

сторону, как идиот. Девочка теревит мои руки, тянет их вниз, вверх, скачет рядом, ну а я с убийственной долей скептицизма наблюдаю за ней, жалея, что нельзя слиться с пылью.

Я приподнимаю руку, чтобы Эбигейл смогла прокрутиться под ней. Она делает один круг, останавливается и улыбается так широко, словно я разрешил ей прогулять школу.

— Что? — Бросаю я, недоуменно нахмутив лоб.

— Вы все-таки умеете танцевать.

— Я все умею, девочка.

Эби прыскает со смеху и под новую композицию ставит на пояс руки.

— И даже так можете? — Она пародирует игру гитариста, трясая головой так рьяно, что я боюсь, как бы все ее мозги не вылетели наружу, и выпрямляется. — Ну, так как?

— Запросто.

— Покажете?

— Эм... дай подумать. Пожалуй, нет. — Улыбаюсь пару миллисекунд и вновь опускаю уголки губ. — Не в этой жизни, Эбигейл.

— Ну, пожалуйста.

— Нет. Однозначно. Нелогично и иррационально тратить время на подобную чепуху.

— Какой вы зануда.

— А еще старик, — добавляет Норин, размешивая травы в прозрачной миске. Замечает мой недовольный взгляд и усмехается. — Ну, умный и полезный старик, разумеется.

Я закатываю глаза как раз в тот момент, когда на кухню проходит Джейсон.

Он болезненно прокатывается тыльной стороной ладони по лбу, а потом встречается взглядом с Норин и криво улыбается, как ни в чем не бывало. Возможно, у меня развилась паранойя, но я думаю, что только идиот не заметит, как паршиво он выглядит.

— Что здесь происходит?

— Вы любите танцевать, Джейсон? — Сразу же находится с вопросом Эби и искренне вглядывается в глаза оборотня. Тот останавливается рядом с Монфор и приобнимает ее за талию. Чертовски непривычно следить за тем, как развиваются отношения этих двоих.

— Важно, чтобы достался хороший партнер, — с умным видом отвечает Джейсон, и я в очередной раз не удерживаюсь от закатывания глаз. Меня сейчас стошнит радугой.

— Я ем, — напоминаю я, вновь усевшись за стол, — не портите мне аппетит.

— Почему вы такой? — Удивляется Эбигейл, нахмутив лоб.

— Какой?

— Колючий. Словно никогда ничего не испытывали. Вам никто не нравится?

В том то и дело, что нравится. Потому любые отношения выводят меня из себя. Я не могу смотреть на то, как Джейсон обнимает Норин, как она кладет голову ему на плечо.

Все это ужасно раздражает.

— Ты не слишком маленькая для таких разговоров? — Выпаливаю я, вскинув брови.

— Я же говорила, что мне уже...

— Почти одиннадцать. Я помню. И все же, подрасти сначала, Эби. Ладно? А потом об отношениях будем разговаривать. Это не тема для таких маленьких девочек.

Эбигейл недовольно цокает, а я усмехаюсь, обвожу взглядом комнату и замечаю, как Норин прикасается губами к щеке Джейсона. Я уже собираюсь протянуть: «только не при детях», как вдруг происходит нечто странное. Джейсон порывисто горбится, вцепившись пальцами в край разделочного стола, и на глазах покрывается испариной.

— Что ты... — Испуганно шепчет Норин, подавшись вперед. — Что с тобой? Джейсон?

Но он не отвечает. Его лицо бледнеет, покрывается черными, толстыми венами, и я с ужасом понимаю, что уже видел нечто подобное. Черт возьми. Я подрываюсь из-за стола.

— Норин, отойдите.

— Что?

— Отойдите от него.

Джейсон взрывается кашлем, начинает задыхаться, будто в приступе астмы, и во мне что-то переворачивается, разрывается. Я подбегаю к ищейке, подхватываю его под руку и с жалостью гляжу на Норин. Лицо у нее бледнее снега. Такое чувство, что ей никогда еще не приходилось видеть ничего подобного.

— Я уведу его в другую комнату.

— Но зачем? — Не понимает Монфор. — Я ведь могу помочь, я могу лечить.

— Вы не вылечите его, Норин.

— Но почему?

— Вы в курсе, почему.

Женщина застывает, и вместе с ней застывает время, воздух, слова и вселенные. Она приоткрывает губы и смотрит на меня абсолютно незащитно. От этого взгляда земля под моими ногами проваливается, и я готов упасть, но упрямо держу равновесие.

Не простуда послужила причиной болезни Джейсона и не переутомление, и дело тут куда прозаичнее. Ему просто достался плохой партнер. Ему досталась черная вдова.

***

Я усаживаю Джейсона во второй гостевой комнате. Он падает в кресло, хватается за лицо руками и продолжает откашливаться, будто какая-то дрянь застряла у него в глотке.

Не думал, что такое возможно. Я знал, что Норин Монфор проклята, но Ари когда-то говорила мне, что наказание Дьявола распространяется только на людей. Джейсон, как мы знаем, не человек. Тогда почему его лицо покрыто толстыми, пульсирующими венами? Не понимаю. Почему он мучается, если не нарушил правил?

Мужчина стискивает подлокотники кресла, и я замечаю, как его руки превращаются в уродливые лапы с острыми когтями вместо пальцев. Они вонзаются в кожаную обивку и оставляют неровные дырки, из которых выбивается желтовато-серый поролон.

Твою мать. Джейсон рычит, откинув голову, а я затыкаю страху глотку.

— Что с тобой? — Подхожу ближе. — Посмотри на меня.

— Выйди.

— Я должен помочь. Что мне делать?

— Я сказал, уйди! — Его вопль превращается в животный рык. Карие глаза наливаются золотисто-медовым цветом. Цветом топленого ириса. И я знаю, на что это похоже.

На глаза волка.

— Ты, черт возьми, не превратишься сейчас в псину и не перегрызешь мне глотку.

— Я не могу это контролировать.

— Смоги. Потому что я не собираюсь уходить. — Хватаюсь пальцами за спинку кресла и гляжу на Джейсона в полной решимости спасти всем нам жизнь. — Как тебе помочь?

Джейсон откашливается и сипло дышит, стискивая зубы.

— Как тебе помочь? — Вновь повторяю я металлическим голосом.

— Это реакция, — рывкает мужчина.

— Что за реакция?

— Реакция на боль. Организм защищается. Мне нужно... нужно успокоиться.

Откуда я знаю, как успокоить оборотня? Включить ему классическую музыку, найти в холодильнике шницель? Необходимо нечто личное, нечто такое, что всегда успокаивает именно Джейдана Соннера. Но что именно? Что? Я должен сохранять ледяной рассудок, и наплевать, что Джейсон сейчас разломает на части кресло. Наплевать, что у него из-под верхней губы вытягиваются толстые клыки.

Что заставляет Джейсона чувствовать, будто все под контролем? Усмиряет нервы? И не дает панике овладеть мыслями? Ответ оказывается таким простым, что я усмехаюсь: не радостно, конечно; скорее нервно и сипло. Я кидаюсь к верхней одежде мужчины, которая висит в коридоре, и возвращаюсь с пачкой сигарет.

— Держи, — зажигаю кончик сигареты, — это поможет.

Джейсон смотрит на меня так, словно я свихнулся. Он задыхается, а я предлагаю ему покурить. Логика в этом столько же, сколько в предложении прогуляться возле выгребной ямы, чтобы подышать свежим воздухом. Но яснее идей ко мне в голову не приходит.

— Давай. Черт возьми, попробуй.

Мужчина соглашается не сразу, но все же вырывает из моих пальцев сигарету. Когда он делает первую затяжку, его плечи опускаются, а зрачки закатываются, словно все силы разом покидают его тело. Я в напряжении пялюсь, как пот скатывается по его вискам, и не окрепшим умом обдумываю происходящее. Отличное утро. Я пропустил биологию, но все равно научился оказывать первую медицинскую помощь.

— Ты ненормальный, — хрипит Джейсон, обмякнув в полуискореженном кресле.

А я отстраненно покачиваю головой и отрезаю:

— Сейчас принесу тебе воды.

Он не отвечает, но я все равно киваю, будто мы мысленно обменялись парой фраз.

По пути на кухню я встречаю Хэрри. Он чешет в затылке и глядит на меня сонными, косыми глазами, которые до сих пор не привыкли к свету.

— Что происходит? — Брат зевает, прикрывая рот пальцами. — Я слышал крики.

— Сходи к Джейсону, он во второй гостевой комнате.

— Что с ним?

— Небольшое недоразумение. Кажется, проклятье подействовало.

— Какое проклятье? — Я поджимаю губы в особой даже для себя жалостливой манере, и Хэйдан изумленно вскидывает брови. — Проклятье «черной вдовы»?

— Проследи за ним, я принесу воды. Хорошо?

Брат кивает, спрыгивая с последних ступеней лестницы. А я плетусь на кухню, часто моргая, словно пытаюсь смахнуть с глаз усталость. Ситуация паршивая... Если Джейсон и, правда, что-то чувствовал к Норин — у него огромные неприятности.

— Мэтт.

Останавливаюсь, схватившись пальцами за стену.

— Норин ушла. — Мэри-Линетт набрасывает на плечи теплое пальто. — Я пойду за ней.

— Конечно.

— Если не вернусь в течение часа...

— Вернетесь. Или мы вас найдем.

Мэри вытаскивает волосы из-под ворота пальто, убирает их с подбородка и покидает

коттедж, вооружившись лишь природными инстинктами и страхом, будто сестра потеряла от вины голову и способна сделать с собой все, что угодно. Я знаю, как это, когда напрочь отбивает рассудок. Это страшное состояние. В состоянии аффекта, нестерпимого отчаяния ты совершаешь много ошибок, за которые потом расплачиваешься всю жизнь.

Когда я возвращаюсь в комнату, Джейсон выглядит гораздо лучше. Он уже спокоен, уверен в себе и в своих силах, однако бледен. Испарина блестит в тусклом свете.

— Выпей. — Я протягиваю ему стакан и сажусь напротив.

Хэрри молчит. Джейсон молчит. Я решаю не нарушать идиллию и тоже молчу. Меня волнует проклятье Норин, но не так сильно, как хотелось бы.

Сердца разбиваются каждую секунду. Пары расходятся. Люди уходят. Если Джейсон должен уйти, чтобы выжить — это нормально и разумно. Он должен выбрать жизнь; так бы поступил любой здравомыслящий человек. Правда, он — не человек. И все мы здесь — давно уже не адекватные люди. Я протираю ладонью лицо и все-таки спрашиваю:

— Что будешь делать?

Джейсон выдыхает серый дым и пожимает плечами. Я уже думаю, он не собирается отвечать, однако, чуть погодя, он хрипит:

— Ничего.

— Ты умрешь.

— Откуда ты знаешь.

Прищуриваюсь и не отвечаю, потому что это идиотский вопрос и вообще не вопрос.

Самонадеянность романтиков потрясает и обескураживает. Романтики верят, что их чувства спасут мир, изменят смысл существования, повернут время вспять и бросят вызов судьбе. Но люди, как умирали, так и умирают. А Земля как крутилась, так и продолжает крутиться. Ей до нашей романтики нет никакого дела.

— А вы уверены, что дело именно в проклятье? — Интересуется Хэйдан. — У нас много врагов, они могли это подстроить.

— Зачем?

— Чтобы сломить тебя или Норин.

— Я так не думаю. — Снова затычка. Снова взгляд в пустоту. Джейсон сверлит стену, а я отворачиваюсь, потому что не привык глазеть, как человек изо всех сил пытается скрыть внутри себя чувства, отчего выглядит еще более жалким и еще более поверженным.

— Мойра шутница. Сначала подарила надежду, а потом послала к черту.

— Передумала, — усмехается мужчина.

— Но, может, просто не судьба?

— Это как понимать?

Я верчу в воздухе рукой, выражаясь на понятном только мне языке, а потом ворчу:

— Так и понимать.

— Ты видел Судьбу, мальчик? Так вот, я тебе раскрою секрет, она реальное существо, которому можно и нужно бросать вызов. Она может написать все, что угодно! — Джейсон вдруг усмехается и покачивает головой. — Неужели мы обязаны со всем соглашаться.

— Разве мы что-то решаем? — Глухим голосом спрашивает Хэрри. Он стягивает с лица очки и кладет их на колени. Прокатывается ладонями по лицу и снова тянется к очкам, но не надевает их, а начинает нервно крутить в пальцах. — Что бы мы ни делали, все впустую.

— Я все равно буду настаивать на своем. Я так хочу. Это моя жизнь и мой выбор.

— Но, может, Норин не создана для тебя. Может, за углом тебя ждет другая женщина, и,

встречаясь с ней, ты не рискуешь умереть от сердечного приступа.

— Хэйдан, так не бывает, чтобы человек был создан для тебя. Ты только подумай, как глупо это звучит. — Джейсон откидывается в кресле. — С какой вообще стати кто-то чужой должен с тобой мириться и принимать тебя? Очень часто, как в нашей жизни и случается, людям хочется сдаться, опустить руки, потому что они не привыкли бороться вечно... Но вот в чем загвоздка — они ведь хотят любить вечно. Верно? Но как это возможно, если сил сражаться у них хватает едва ли на пару недель? Они все говорят: он мне должен, она мне должна. И они забывают, что, прежде всего, они должны сами себе. Ты ищешь того, кто тебе подходит. А ты не задумывался: подойдешь ли кому-либо ты? Не человек был создан для тебя. А ты создаешь себя для человека. Запомни это.

Никогда не видел, чтобы Джейсон говорил так долго, так много и так горячо. Губы у меня вдруг растягиваются в улыбке, и я хмыкаю, потирая нос неуклюжими движениями.

Чувства меняют нас. Это идиотский факт, который мешает нам жить. Иногда они из нас делают слабаков, а иногда открывают в нас поэтов и романтиков. Ну, тоже слабаков.

— Может, это я не был создан для Норин, — смяв в ладони окурок, хрипит Джейсон. Я вновь перевожу на него взгляд, а он задумчиво покачивает головой. — Вот только меня это не устраивает. Я остаюсь здесь, пока могу ходить, дышать и так далее.

— Она будет против.

— А кто ее спрашивает.

Тоже правильно. Я сдавливаю в пальцах переносицу и оглядываюсь, услышав, как за спиной скрипят половицы. В гостиную входит Эбигейл. Она сначала плетется неуверенно, а потом прибавляет скорость и напрямик несется к Джейсону. Никто не понимает, что она задумала, но уже в следующую секунду сомнений не остается. Эби обнимает Джейсона. Я растерянно скидываю брови и уголком глаза замечаю, как усмехается Хэрри.

— Мне очень жаль. — Взрослым, ровным голосом отрезает девочка и отстраняется.

Я не могу отделаться от чувства, будто Эбигейл вновь знает о чем-то, о чем мы здесь не имеем ни малейшего понятия. Она делает шаг назад и сводит светлые брови.

— Простите. Это ужасно.

— Ничего страшного, — низким голосом отвечает Джейсон, — не бери в голову.

Эби кивает. Нехотя кивает. Она отворачивается и усаживается рядом с Хэйданом. Не понимаю, что ее так тревожит; чужие проблемы ни в коем случае не должны влиять на нас и наше поведение. Даже наши проблемы не должны отражаться на политике действий, это категорически неверно. Не ей отдуваться за наши ошибки, и не ей об этом думать. Эби так молода, и так мало проблем лежит на ее худощавых плечах; она просто обязана как можно дальше находиться от похожих трагедий и неприятностей.

— Тут у вас просто «клуб неудачников», — неожиданно шутит Эби. — Девушка, которая нравилась Хэйдану, уехала. Ваша девушка — черная вдова. Ну, а ваша, Мэттью, собирается устроить апокалипсис. Хорошая компания.

— Впору задуматься над новым проклятьем.

— Которое нависло только над мужчинами.

— Может, вернемся к обсуждению реально существующих проблем? — Я поднимаюсь на ноги и свожу брови. — Мы сделали паузу. Обсудили отношения. Пошутили. Теперь нам пора обдумать план действий и сделать уже хоть что-то, что изменит ситуацию.

Брат перестает улыбаться, поджав потрескавшиеся губы, а я отхожу в сторону.

— Нас отвлекают. Мы обсуждаем не то, что нужно.

— А что, по-твоему, нужно обсуждать?

— Во-первых, мы должны понять, как работает проклятье Норин. — Я перевожу взгляд на Джейсона и сглатываю, всерьез задумавшись над паршивой перспективой, похоронить чуть ли не единственное преимущество с нашей стороны. Мне не справиться с Дьяволом в одиночку. А помощь сестер Монфор заключается лишь в нагнетании обстановки и слепом повиновении чувствам. — Ты хочешь остаться, потому что ты что-то чувствуешь к Норин.

— К чему ты клонишь?

— Мертвый ты Ари не поможешь.

— Я не собираюсь умирать, — отрезает Джейсон, поднявшись с кресла.

— Если проклятие работает — разрешения Ноа у тебя не спросит.

— Но ведь Джейсон как-то живет здесь уже почти месяц, — вмешивается Хэйдан. — Ты не подумал о том, что проклятье должно было, в таком случае, сработать раньше?

— Значит, что-то изменилось, — настаиваю я. — Ваши отношения. Ваши действия.

— Ты действительно считаешь, что я буду обсуждать с тобой мои отношения?

— Да. Потому что ты должен помочь Ари. А калека не сумеет даже из дома выйти.

Джейсон прищуривается, наверняка, собираясь сказать мне пару ласковых слов. Как в старые добрые времена. Но нас отвлекает Эбигейл. Она покачивает головой и говорит:

— Вы ничего не измените. Механизм запущен. Вам будет только хуже. И хуже. — Эби поджимает губы и нервно сминает на коленях бледные ладони. — Но есть один вариант.

— Какой?

— Быть быстрее.

— Быстрее чего? — Я серьезно смотрю на девочку, а она серьезно смотрит на меня.

— Быстрее смерти. — Эбигейл встает, она расправляет худощавые плечи и неожиданно становится старше, решительней. Ее взгляд наливается искрами, которые пылают и горят, переливаясь в тусклом свете. И мы заморожено следим за ней. Потому что еще никогда не видели столько силы в столь хрупком существе. — Ариадна видела меня. Она знает, на что я способна. И она захочет от меня избавиться. Поэтому я — приманка. Я заставляю ее здесь появиться, а вы захлопнете ловушку. Как и хотели.

Я морщю лоб и вдруг чувствую, как недоумение скатывается по пищеводу. Откуда она знает, о чем мы разговаривали с Джейсоном? Как догадалась? Но затем на меня снисходит озарение. Конечно. Эби впитывает способности ведьм, и она впитала способности Мэри-Линетт, а, значит, смогла услышать все, о чем мы разговаривали с Джейсоном на улице.

— Ты слышала наш разговор, — отрезаю я, переведя дыхание.

— Да. И я не хочу убивать дорогого вам человека. Я здесь для того, чтобы помочь.

— Это не вариант, — горячо восклицает Хэйдан и подскакивает на ноги. — Безумие, мы не станем использовать тебя в качестве приманки. Слышишь?

— Станете.

— Нет.

— Да. — Эби нервно сглатывает и выпрямляет спину, словно пытается быть смелой, но внутри сгорает от страха. — Я видела это. Я знаю, что вы примете мой план.

— Это сработает? — Бесстрастно спрашиваю я, чем заслуживаю колючий взгляд брата.

— Не знаю. — Честно отвечает она. — Я не видела исход. Видела только завязку.

— Тогда это плохая идея. — Заключаю я, и Хэйдан сразу же выдыхает.

Он отворачивается и прокатывается ладонями по лицу, наверно, испугавшийся, что я спятил, и у меня поехала крыша. Что самое страшное, он оказался бы прав. Потому что я в

эту самую секунду рассматриваю план Эби, как вариант. Хотя не имею права.

— Что нужно делать? — Ровным голосом интересуется Джейсон, на что Хэйдан мычит что-то невразумительное и отскакивает в сторону. Он нервно качает головой. И я подхожу к нему, хочу положить ладонь на плечо, но он резко отшатывается в бок.

— Это неправильно, — причитает он, встретившись со мной зеленым взглядом, — о чем вы вообще говорите? Это же ребенок, это же маленькая девочка.

— Я не маленькая девочка.

— Боже, Эби, пожалуйста, не вмешивайся.

— А как вы думали, я смогу вам помочь? — Сведя брови, вопрошает Эбигейл. Девочка подходит к моему брату и взмахивает худощавыми руками от безнадеги и отчаяния. — Вам придется взять себя в руки. Вы сами позвали меня.

— Но ты сильно рискуешь.

— Вы все здесь рискуете.

— Мэтт, — Хэйдан вновь глядит на меня обезумевшим взглядом. — Останови это. — Он вдруг с силой вцепляется в мой локоть и резко дергает меня на себя. — Давай же. Скажи.

— Что сказать?

— Что это вздор.

— Я еще не обдумал план. И ни с чем не соглашался.

— Она ребенок, — едва слышно хрипит Хэрри и морщится, будто от боли. — Как мы об этом вообще можем ее просить. Как можем подвергать ее жизнь опасности. Ари в беде, но она никогда бы не одобрила подобный план. Это слишком.

— Плана еще нет. — Чеканю я. — Мне надо подумать.

— Подумай. И сделай так, чтобы последствия не отразились на нашей жизни.

— Я прекрасно понимаю, почему ты испуган. Почему ты зол. Я понимаю.

— Нет. Видимо, не понимаешь. Тебе наплевать на нас, на Эби. А что насчет Ариадны?

Закатываю глаза, но брат лишь наступает на меня, шипя, словно животное:

— Причини она боль этой девочке, как она сможет жить дальше?

— Какая разница, кому причинять боль? — Спрашиваю я, повернув голову на Хэрри. У него глаза прожигают меня насквозь, а я делаю вид, будто не замечаю этого. — Она корить себя будет во всех смертях. Независимо от возраста, пола и цвета кожи.

— Вы можете еще очень долго разговаривать, но исход один. — Говорит Эби. Мне, как и Хэйдану, совсем не нравится, что нас загоняют в рамки. Должны быть другие варианты! Но я их не вижу, как ни пытаюсь. — В книге моей матери есть заклинание — клетка. Думаю, я видела нечто подобное в своем видении.

— Что за клетка? — Потерев лицо ладонью, спрашивает Джейсон.

— Что-то вроде энергетического поля или вакуума. Жертва попадает в клетку и теряет сознание от недостатка кислорода.

— И ты видела Ари в этой клетке?

— Я видела, как она задыхалась в созданном нами кругу.

Катастрофа. Что же делать? Брат пошатнул мою уверенность. Его вера в то, что есть иной путь, при котором мы не рискуем жизнью милой Эбигейл, сжигает меня изнутри. Без сомнения я должен поступить так, как того требуют обстоятельства. Я должен отыскать то решение, которое действительно существует, а не то, которое тлеет в воспаленном мозгу.

— Где твой отец? — Безучастно интересуюсь я, пройдясь пальцами по подбородку.

— Не знаю. Я не видела его.

— Он должен сейчас быть здесь. Принимать решения вместе с нами.

— Мой папа согласится, — кивая, сообщает Эби и кривит губы, — я уверена.

Еще бы. Мы ведь хорошо ему заплатим за нависшую угрозу над дочерью.

— Как создать круг? — Тихо спрашиваю я, отвернувшись от присутствующих. Не хочу видеть лицо брата, перекошенное от испуга и разочарования. Он уже все сказал. Сделал из меня монстра, не заботящегося о жизнях других; монстра, идущего по головам. Но он едва ли понимает правду, горькую правду. Иногда людям приходится принимать неправильные решения, которые приводят к правильным результатам. Такова жизнь.

— Нужны пять человек, пять сторон круга. Каждый олицетворяет один элемент.

— Все те же природные стихии? — С хрипотцой усмехается Джейсон и закуривает.

— Да. Сверхъестественный мир строится на силах природы, от стереотипов никуда не денешься, к сожалению. Но есть пятый элемент.

— Брюс Уиллис? — Грустно усмехается Хэйдан, протирая стекла очков, на что я вдруг невольно усмехаюсь. Нервы сдают.

— Кровь заговаривающего. Моя кровь.

— Надеюсь, капля крови?

— Естественно. Ничего опасного и смертельного.

— И каким образом мы заманим Ариадну в круг? — Продолжаю тихо спрашивать я. Не думаю, что Ари так просто купится на наш спектакль. Она не только невыносимая, но еще и умная. Пусть души у нее больше нет, мозги остались на месте.

— Как я уже сказала, ваша подруга придет за мной.

— То есть ты предлагаешь просто оставить тебя в лесу.

— Я предлагаю сделать вид, что вы просто оставляете меня в лесу.

— И она, конечно, не догадается, ведь у нее нет бессмертной подруги — фон Страттен, читающей мысли. — Фыркает Хэйдан, качнув головой. — Отличный план.

— Значит, нам нужно обезоружить Меган фон Страттен. Сделать так, чтобы ее мысли сплелись и не показывали четкой картинки. Есть идеи?

— Есть. — Неожиданно отрезает ровный, спокойный голос, и в комнату заходит Норин Монфор. Рядом с ней сестра. Мэри-Линетт выглядит жутко расстроенной. Глаза напухшие и узкие, словно она проплакала несколько часов подряд. Но вот Норин непоколебима, как, впрочем, и всегда. Она стягивает пальто, кидает его на кресло и вздергивает подбородок.

— Я могу приготовить зелье, которое на время вызовет головную боль.

Джейсон отворачивается, чтобы заглушить очередной приступ кашля. А я стискиваю в кулаки пальцы. Если мы не планируем похороны, нужно поторопиться, иначе этот идиот умрет ради женщины, которая высасывает из него жизнь.

Тем не менее, я не могу понять: уравнение не сходится. Даже если мы поймаем Ари, как это поможет разрушить проклятье, притаившееся на плечах темноволосой женщины?

— Мы вернем Ариадну домой. И ты покинешь наш дом. — Ледяным голосом сообщает Норин, глядя на Джейсона. Она ничего не боится. Не боится боли, не боится громких слов и принятия непосильных решений. Она прогоняет человека, который волшебным образом нашел место в ее жизни, и она смотрит ему ровно в глаза.

Теперь смысл есть. Но Джейсону этот смысл не приходится по вкусу.

— Что еще я должен сделать, дамочка? — Сиплым голосом переспрашивает он.

— Не начинай.

— С какой стати я должен слушать тебя?

— Это не обсуждается. — Отмахивается она и ударяет Джейсона еще сильнее. Терпеть не могу, когда слова женщины сбивают с толку. Обезоруживают. Мужчина всегда должен знать, что делать, как себя вести. Сама женщина ждет от него этого. — Я приготовлю зелье, но мне нужна кровь Меган фон Страттен.

— И где вы ее найдете?

— На скамье, — тихо протягивает Мэри-Линетт, смахнув с глаз пелену, — в парке. Тебе хватит пары засохших капель?

— Вполне.

— Отлично. Я этим займусь.

— Я пойду с вами, — вызывается Хэйдан, встряхнув головой, — хочу подышать.

Мэри кивает, и они вместе уходят, оставляя меня наедине с двумя льдинами. Нет уж, я не собираюсь принимать участие в очередной семейной драме. И Эби не советую.

— Пойдем. — Шепчу я, подталкиваю Эбигейл к выходу. — Нужно еще раз обсудить все детали. Ты можешь показать мне книгу своей матери?

— Да, конечно.

— Отлично.

Плетусь к выходу и наблюдаю, как Джейсон недовольно кривит губы. Что он сейчас испытывает? Надеюсь, что мне никогда не придется стоять перед выбором: моя жизнь или жизнь любимой девушки. Что лучше? Что важнее? Что рациональнее.

Я знаю, что выберу. Но не знаю, как смогу жить с принятым решением.

ГЛАВА 13. ТО, ЧТО НАС ЛОМАЕТ.

— Ты совершаешь ошибку. — Звучит знакомый голос, и я неуклюже приподнимаюсь в постели. Тусклый свет обволакивает комнату, валится на мои плечи, и я мотыляю головой и внезапно цепенею. Напротив кровати, возле высокого книжного шкафа, стоит женщина.

Моя мать.

Воздух закатывается обратно в глотку, а ребра обдаёт огнем. Этот огонь подогревает кровь, заставляет вены вопить от боли, пульсировать от кипятка. Не верю, что вижу маму и смахиваю со лба испарину, убеждая себя, что сплю, что сошел с ума.

— Прощу тебя, Мэтт. Остановись.

Мои глаза вновь находят ее угловатое лицо, ее тонкие, кривые губы, впалые щеки, и меня вдруг прошибает электрический ток. Я смотрю на маму и становлюсь тем маленьким мальчиком, который забивался в угол после ее смерти, который жил с мыслями о том, что жить он больше не хочет. Который сожалел, что вообще родился.

— Мама...

Я поднимаюсь с кровати, тяну к ней руки, а она отступает в тень и горбится.

— Посмотри на себя.

— Что?

— Посмотри на себя, — повторяет она, поджав от обиды губы, — это не ты.

— Мам, конечно, это я. О чем ты? — Мой голос срывается, и я растерянно сглатываю.

Гляжу в темно-шоколадные глаза матери и вдруг вижу в них разочарование. Почему она так на меня смотрит? Что я сделал? Я должен понять. Я должен исправиться. Беглым взглядом изучаю комнату и брошенное на постели смятое одеяло, а потом смотрю на свои руки. На свои окровавленные руки.

— Ты про это? — Спрашиваю я, вытянув вперед красные ладони. — Мам, так это можно вытереть. Вот смотри.

Я начинаю судорожно тереть пальцы друг о дружку, но кровь не стирается. Тогда я с силой вожу ладонями по штанам, и все равно ничего не выходит, кровь не исчезает. Что за черт. Она должна испариться, я же тру изо всех сил. Почему не получается?

— Этого мало, — разбивает тишину ее низкий голос, и я вновь выпрямляюсь.

— Почему мало? Что еще нужно сделать? Может... может, это выбросить? — Я резким движением вытаскиваю из-за спины браунинг и виновато округляю глаза. — Хочешь? Ведь я смогу. Я выброшу, мам. Только не смотри на меня так. Хорошо?

Я побегаю к окну. Открываю створку и выкидываю пистолет в темноту ночи. Теперь мама на меня не будет смотреть осуждающе. Ведь я исправился. Я ее послушал, выбросил оружие. Поднимаю подбородок и открываю рот, чтобы сказать, что я — все тот же Мэтт, что я хороший человек. Но затем я ощущаю холод металла, обжигающий кожу поясницы. Озадачено морщусь, тянусь пальцами к ремню джинс и достаю из-за спины выброшенный секунду назад браунинг. Что за...

Гляжу на маму.

— Нет, — нервно мотыляю головой, — это не то, что ты думаешь, мам, я хороший.

— Ты совершаешь ошибку, — повторяет она с дрожащими от слез губами.

— Я хороший!

— Ты уже не тот человек, которого я знала.

— Нет, неправда, ты ошибаешься. Ошибаешься!

Я несусь к маме, я тяну к ней руки, а затем вдруг подрываюсь в постели и неуклюже втягиваю ледяной воздух, сковывающий горло.

— Черт. — Голова вертится из стороны в сторону, но я ничего не вижу.

Стены падают, вытягиваются, переворачиваются, и мне становится так паршиво, что даже дышать трудно. Придавливаю пальцами переносицу и, откинув одеяло, свешиваю на пол ноги, пытаюсь привести себя в чувство. Всего лишь сон. Сон. Матери нет. Она умерла.

— Эй, ты чего? — Неожиданно меня спрашивает знакомый голос, и я медленно убираю от лица руку. Хэйдан взволнованно смотрит на меня, из-под очков у него торчат густые, уж слишком, брови. Он садится рядом, а я как можно безразличней бросаю.

— Все в порядке.

— Кошмар?

Хочу сказать «нет», но больно по-идиотски выгляжу. Поэтому лишь киваю и плююсь на книжный шкаф, рядом с которым пару минут назад стояла моя мама.

— Мне каждый день что-то снится, — признается Хэрри, — это наше подсознание.

— Общение с Эбигейл на тебя плохо влияет.

— Наоборот, очень даже хорошо.

Он усмехается, а у меня до сих пор дрожь бежит по спине. Идиотский сон.

— Слушай, ты можешь со мной говорить, ладно? — Брат толкает меня в плечо, а я ему в глаза гляжу благодарно: я знаю, что Хэрри всегда рядом, но я не привык трепаться.

— Ладно.

— Что ж, поднимайся, соня. Впереди сложный день! — Хэйдан на выдохе вскакивает с постели и ударяет ладонями по коленям. — Надеюсь, у нас все получится.

— Да уж. — Хриплю я, прикрыв глаза. — Я тоже надеюсь.

Потому что в случае неудачи именно мне придется корить себя всю жизнь: по какой-то

странной причине, именно я даю добро на все наши немислимые выдумки. И именно я несу за них ответственность.

— Слушай, я хотел извиниться за то... за то, что сорвался, — я вновь смотрю на брата, а он стягивает с лица очки и грустно покачивает головой. — Если тебе интересно, я всегда на твоей стороне. Серьезно. Я сказанул глупость, мол, тебе все равно...

— Забудь.

— Я идиот.

— Есть немного.

— Просто мне стало не по себе. Вы так просто с Джейсоном согласились на план Эби!

— Не говори чепухи, Хэрри. — На выдохе поднимаюсь с постели и скрещиваю руки. У Хэйдана на губах проскальзывает виноватая улыбка, а я даже не могу притвориться, что у меня все под контролем, что во мне не бушует страх и не пылает колючая неуверенность.

Или же могу?

— Никому не нравится то, что мы собираемся сделать, — твердым голосом отрезаю я, с нажимом выделяя каждое слово. — Но у нас нет выхода. Ты ведь это понимаешь?

— Ты как всегда берешь на себя всю ответственность.

Я хмыкаю, прохожусь пальцами по волосам и вдруг решаю пошутить:

— Могу поделиться.

Лживые улыбки, лживое спокойствие. Я все-таки хорош в притворстве.

— Лучше бы ты со мной переживаниями поделился, гений.

— С чего ты вообще взял, что я переживаю? У меня все нормально.

— Ага, конечно.

— Сходи, проверь Эби. И ее папашу. Я надеюсь, он не убежит в самый неподходящий момент. — Натягиваю теплый свитер и свожу брови. Да уж, будет крайне весело, если что-то пойдет не по плану, как обычно с нами и случается. Но, на сей раз, у меня есть план Б.

Прохожусь ладонью по холодному металлу браунинга, что спрятан за спиной, и тихо сглатываю. Меня не пугает груз, давящий на плечи, не пугает предстоящая встреча с Ари и ее приспешниками. Меня ничего не пугает, кроме неизвестности.

После томительных рассуждений я пришел к выводу, что Эбигейл Роттер, в качестве приманки — ужасная, но стоящая идея. Ариадна определенно попытается поймать Эби, а я попытаюсь поймать Ариадну. План рациональный. Я не вижу в нем просчетов.

В полдень мы должны прибыть на восточную пристань Астерии. Нахождение рядом с водоемом, как ни странно, напитает Эбигейл силой, ведь вода — ее стихия. Сомневаюсь, что мне до конца понятен механизм подобного симбиоза. Ведь огонь никогда не придавал Ари мощи. Или она никогда со мной этим не делилась. Но я не берусь спорить. Безумие и неадекватность этого мира больше не удивляют меня. Если Эби так проще — я согласен.

Изначально планировалось, что круг будет состоять из Мэри-Линетт, меня, Хэйдана, Джейсона и, собственно, самой Эбигейл. Но затем объявился вечно набитый дерьмом отец Эби, Дюк Роттер, и заявил, что не отпустит дочь в одиночестве. Мне показалось, я увидел в его глазах, словах и прочей важной чепухе, проявление родительского духа. Или как это называется? Поэтому я согласился. Но пришлось сменить фигуры. Естественно, я захотел, чтобы из круга вышел Хэйдан, но я и двинуться в его сторону не успел, как он бросил, что врежет мне, если я пикну. На удивление я ему поверил. Тогда Джейсон предложил убрать Мэри-Линетт, ведь у Норин нет активной силы, и она оставалась без присмотра.

Предложил — это, конечно, мягко сказано.

Хэрри целый вечер уговаривал Мэри-Линетт остаться дома. Я никогда еще не видел, чтобы эта женщина злилась, словно фурия, загнанная в угол. Обычно Мэри бросает шутки и ест яблоки. Но вчера она сама на себя была не похожа. Собственно, Джейсон не промах, он знает, что нужно сказать, чтобы вразумить Монфор, и надавил на самое важное: охрану сестры. Мол, никто не сможет присмотреть за Норин лучше, чем сама Мэри-Линетт, и это переубедило младшую Монфор в одночасье. Злиться она не перестала. Но хотя бы больше не сдавливала в пальцах вещи до такой степени, что они превращались в искореженные и обезображенные куски мусора.

Джейсон отвечает за воздух, Хэрри — за воду. Дюк Роттер — за землю. А я — за огонь.

Я сам вызвался. Просто сказал, что разберусь со спичками. А внутри, будто кретин, с большими фантазиями, вообразил, что это как-то свяжет меня с рыжей бестией. Я идиот.

Мы приезжаем без четверти двенадцать, выбираемся из машины и смотрим на сосны и плавающую в тумане пристань. Сегодня морозное утро, но мне не холодно. Я ощущаю в груди неистовый пожар, и только хороший результат сможет его потушить.

— Слушай, Мэтт, можно вопрос, — шепчет Хэйдан, выросший рядом и кривит губы.

— Если я скажу «нет», ты все равно спросишь. Так что валяй.

— Я ни в коем случае не собираюсь нагнетать обстановку, но мы ехали, и я думал...

— Ближе к делу, Хэрри.

— Я думал, почему никто не попытался напасть на Монфор, когда они пропали почти на полчаса? День назад. Это весьма странно, не находишь? Очень, очень странно.

— Что странного? — Повожу плечами и захлопываю дверь. — Зло тоже спит, братец.

— О, нет, зло не дремлет, гений. Уж на это я насмотрелся.

— И что ты хочешь сказать?

— Что затея наша выглядит довольно подозрительно. Почему никто не мешает нам?

— Еще не вечер.

— Мэтт, я серьезно.

— Я тоже. — Оборачиваюсь и пристально смотрю на брата. — Тебе не кажется, что для паники, ты выбрал немного неудачный момент? Уже слегка поздновато поднимать шум.

— Лучше высказать свои предположения, чем потом мучиться, что молчал, — отрезает Хэрри и нервно проходит тыльной стороной ладони по губам. — Поджилки трясутся.

— Так успокой их. Вот, взгляни. — Киваю в сторону Эби, которая храбро глядит перед собой и примерно ждет отца, вылезавшего из салона. — Ты должен быть смелым ради нее.

Хэйдан кивает, а я отворачиваюсь. Не время сейчас сомневаться и терять голову. Все наши действия зависят от нашего настроения, от силы воли; страх уйдет, если ты помотришь ему в глаза. Так говорила Ари. И она взглянула в лицо собственным ужасам. Пора и нам с лихвой отхватить кусок кислого пирога.

Я разминаю плечи. Сжимаю, разжимаю пальцы и с удивлением замечаю небольшой порез на ладони, тянущийся от большого пальца к запястью. Порез тонкий и свежий. Мне впору записывать, откуда появляются те или иные раны, потому что я начинаю забывать, где и когда я напросился на неприятности.

— О, что за дрянь, — сетует Дюк Роттер, разглядывая грязь, налипшую на подошву его старых ботинок. — Какого хрена мы приперлись в эту выгребную яму?

— Рядом озеро, — отвечает Эби.

— Похоже на протухшее болото.

— Это протухшее болото — одно из достопримечательностей Астерии, — парирует

брат и неуверенно улыбается, будто наивно ждет, что его слова произведут впечатление на этот мешок с костями. Но, нет. Конечно, не производят. — Вам все равно.

— Да, мне наплевать.

Хэрри взмахивает рукой, вроде, он и не сомневался, а затем вздыхает. Очки у него на переносице неуклюже скошены, и он поправляет их замерзшими пальцами, пытаясь никак не выдавать своего испуга. Естественно, получается у него так себе.

Мыходим с места, плетемся к пристани, над которой плавает туман, и слушаем, как Дюк Роттер жалуется на вонь, на мороз, на треклятую язву в желудке. И я уже собираюсь притормозить, чтобы развернуться и со всей силы вмазать ему по болтливой морде, но, на долю секунды, меня опережает Джейсон. Он врывается ногами в землю, подается назад и с раздражением хватается за выцветший воротник куртки Роттера.

— Еще один звук, и я перегрызу тебе горло. — Дюк сердито раскрывает рот, собираясь ответить, но Джейсон грубо встряхивает его за плечи и придвигается ближе. — Я не шучу.

— Он не шутит, — для пущего эффекта добавляет Хэрри, покачав головой.

— Да понял я, — рывкает Дюк, отшвырнув руки Джейсон от себя. — Понял.

Эбигейл грустно морщится, опустив взгляд себе под ноги, а я почему-то спешу стать к ней поближе, чтобы увести подальше от отца и его гниющей туши. Эби одета в жилетку, розовый свитер толстой вязки и смешные резиновые сапоги. Эби — девочка противоречие. Девочка с глазами эльфа и волей тигрицы. Мне кажется, что она станет сильной ведьмой.

— Ты как? — спрашиваю я, прочистив горло. Общаться я не привык, но нужно что-то сказать, чтобы Эби перестала сверлить опечаленным взглядом сухую листву под ногами.

— Все нормально, — поднимая голову, шепчет она, — правда, все отлично.

— Боишься?

— Немного.

— Ты не бойся.

— Потому что вы рядом? — Она моргает ангельскими глазами, а я чувствую, как грудь у меня наполняется пожаром. Пожалуй, в этот момент я осознаю, что сделаю все от меня зависящее, чтобы вернуть это маленькое существо домой.

— Да. — Серьезно киваю. — Потому что я рядом.

Эбигейл смущенно улыбается, а потом кивает, заправляя за уши светлые волосы.

Что ж, мы на месте. Хэрри выходит на пристань, Дюк Роттер прячется за сосной. Я и Джейсон стоим возле Эбигейл, осматривая завывающий лес, шатающиеся кроны деревьев, и молчим, прорабатывая в голове план снова и снова. Снова и снова.

— Если что-то пойдет не так, беги. Ясно? — Наставляю я, пока Джейсон разговаривает по телефону с Норин. Он отходит на пару шагов в сторону, а я присаживаюсь на корточки и непроизвольно прохожусь ладонями по дрожащим плечам Эбигейл. — Ты поняла?

— Да, Мэттью, я вас услышала. Но все будет в порядке. Я же видела.

— Конечно. Будет. Но...

— Идите, — смеется она, толкнув меня в плечо, — вы должны спрятаться за той рощей.

— Верно, — на выдохе поднимаюсь с колен и сглатываю горькую желчь, обжигающую глотку. — Я буду совсем близко. В случае чего, ринусь к тебе.

Эбигейл благоразумно кивает, поджав губы, и смело расправляет плечи.

— Норин приготовила зелье, — сообщает Джейсон, спрятав телефон, — пора начинать.

Отлично. Все идет по плану, все идет так, как мы задумали. Я смотрю на часы: почти двенадцать, и серьезно свожу брови. За спиной у меня притаились стрелы, поясницу жжет

ледяной металл браунинга шерифа Пэмроу. Я справлюсь, я верну Ари домой.

— Удачи. — Небрежно улыбнувшись, отрезает Джейсон и прокатывается широченной ладонью по макушке Эбигейл. Девочка шмыгает носом, отходит в центр поляны. И теперь спокойный взгляд оборотня падает на меня. — Тебе тоже.

Мы расходимся, делая вид, что все в порядке, что все под контролем, что я не боюсь, а Джейсон не переживает. Мы живем во лжи, которая позволяет нам дышать. Это именно та ложь во благо, которую не любят и оскорбляют. Но ложь бывает полезной. И дело даже не во лжи окружающим. Тут дело во лжи самому себе. Быть храбрым трудно, когда у тебя трясутся поджилки, ты осознаешь риск, понимаешь, что шансов мало, а врагов так много. Тогда ты и начинаешь врать сам себе, чтобы не тряслись руки, когда пальцы хватаются за лук, чтобы перед глазами не стояла пелена, когда ты целишься в сердце противника. Это и есть ложь во благо. Ложь, которую я готов принять, и с которой я готов жить.

Я становлюсь за густыми, высокими кустами и достаю из кармана спички.

План довольно опасный. Эбигейл впитывает способности ведьм только тогда, когда они находятся рядом. Очень жаль, что она не может накапливать их в себе, как копилка. У нас было бы на миллион проблем меньше, а сейчас я должен притаиться за кустами, будто трус, и ждать, когда Ариадна подойдет достаточно близко, чтобы Эби смогла сравняться с ней по силе. Надеюсь, отвар Норин Монфор сработает, и мы хотя бы избавимся от Меган.

Более того, внутри меня таится надежда. Вера в то, что Ариадна никогда ребенку не причинит зла. Она ведь хорошая. Всегда была хорошей. В ней должны сработать чувства, в голове у нее должно что-то щелкнуть. Самоотверженная, отчаянная, смелая — вот та Ари, которую я знаю, которую я так хочу вернуть. Она поможет мне избавиться от пустоты в ее груди, ведь, ничто так не характеризует Ариадну, как безумное желание жить и защищать своих близких. Такое не исчезает бесследно, не испаряется просто так.

Мы ждем минут пять. Хэйдан поглядывает на меня, ссутулившись возле деревянных балок пристани, а я поглядываю на него, ожидая, когда же враги клюнут на наживку, но, в то же время, надеясь, что этот момент вообще никогда не наступит.

Пять минут — звучит мало, но для меня эти пять минут показались целой вечностью.

Неожиданно поднимается сильный ветер. Эбигейл сжимает в кулаки пальцы, и я тут же подаюсь вперед, устремив взгляд в глубину леса. Куда она смотрит? Что она увидела?

Бронзовые волосы Ариадны сверкают в утреннем свете и переливаются медью. Она не спешит, проходя мимо шершавых стволов сосен, не торопится, переступая через листья и изогнутые корни. Она медленно приближается, и вместе с ней к нам приближается мрак. Он тянется за Ариадной, будто фата невесты. Тащится по земле, заставляя растения гнить, а деревья хрустеть и трещать от боли. Ари должна внушать страх. Должна внушать ужас.

А я лишь вижу проблему, которую надо разрешить.

— Малышка, — шипящим голосом протягивает Ариадна и наклоняет голову в бок. Она не просто смотрит на Эбигейл. Она пожирает ее пустым, безразличным взглядом, который впивается в жертву ядовитой хваткой, впивается и не выпускает на свободу. — Здравствуй.

Я нервно сглатываю, приготовив спички.

— Иди сюда, — шепчет Ари, протянув вперед бледную руку, — я не причиню тебе боль.

Ее худые пальцы играют с воздухом, и ветер поднимается еще более свирепый. Небо темнеет, окунувшись в темно-бардовые тучи, а озеро оживает, резво качаясь из стороны в сторону, словно капризное дитя. Природа оживает в руках опытного мастера, и Ариадна с невероятным удовольствием подчиняет себе то, что по праву принадлежит ей.

Власть над людьми, власть над стихиями. Власть над Смертью.

Эби молчит, и она молодец: нет смысла разглагольствовать с тем, кто пришел, чтобы лишить тебя жизни. Только в кино перед сражением впихивают прелюдию, после которой обычно и страдают те, кто больше всего болтает. И я киваю сам себе, как идиот. Все у нас получится, Эбигейл умная, она сумеет перехитрить Ариадну. Но лишь одно мне неясно. Я параноик, без сомнения. Но почему Ари пытается заманить Эби? Почему не действует?

Взмах ее руки убьет всех нас, один взмах, и конец. Почему она позволяет нам играть по нашим правилам? Мы не кретины, мы понимали, что идем почти на самоубийство, но с таким сопротивлением, нам нечего бояться. Неужели Ариадна специально медлит?

— Ну же, — шепчет она, подстегивая Эби, подначивая ее, — ну же!

— *Centuplum in caveam!* — Воскликает Эбигейл, вытянув вперед руку, и прокатывается по ладони острым лезвием. Кровь вспыхивает багровым букетом, заливает пальцы. Ари на Эби глядит с нескрываемым интересом, покачивается назад, а затем прищуривается.

Не знаю, дошло до нее, наконец, что это ловушка или нет, но отступать некуда; мы с Хэйданом выбегаем из засады и падаем на колени позади Эбигейл. То же делают и Дюк с Джейсоном, только они усаживаются за спиной Ариадны, таким образом, создавая вокруг двух ведьм неровный круг. Сначала засохшие листья с пальцев сдувает Джейсон. Затем на землю громоздкими каплями падает вода с пальцев Хэрри. Я резко прохожусь спичкой по маленькому коробку, огонь вспыхивает перед моими глазами, и я бросаю его к ногам Ари, не решаясь поднять взгляд, не решаясь посмотреть ей в лицо. И, наступает очередь Дюка. Что-то во мне скручивается от плохого предчувствия. Однако Роттер послушно сгребает в ладонях землю и сжимает ее изо всех сил, едва слышно прошептав: *centuplum in caveam*.

Слышится хлопок. Эбигейл стремительно покидает круг, падает в руки отца, а мы не можем пошевелиться, наблюдая за тем, как из-под земли выкатывается блестящая волна, в конечном итоге, превратившаяся в прозрачный купол. Он замыкается над головой Ари, и уже в следующее мгновение рыжеволосая бестия сгибается от сильной судороги.

— Получилось, — хриплю я, наблюдая за тем, как Ариадна впивается ногтями в горло.

Получилось. Мы сделали это, мы поймали ее.

Она задыхается, а ребра почему-то дерет у меня. Встаю и порывисто отворачиваюсь. Не могу смотреть на то, как Ари мучается. Сквозь стеклянное поле прорывается ее крик, и у меня сводит легкие. Я стискиваю зубы, я сжимаю пальцы и упрямо гляжу на деревья, не в силах наблюдать за ее покрасневшим от судорог лицом.

— Я видела это, — шепчет Эбигейл, оказавшись рядом, — видела именно этот момент.

— Значит, все идет по плану, — холодно бросаю я. Мы победили, Ари в ловушке, но не ощущаю я облегчения и не выдыхаю со спокойной душой. Я все-таки кидаю косой взгляд на Ариадну и замечаю, как она порывается к границе круга, раздирая пальцами кожу шеи.

— Помоги, — хрипит она, заглядывая мне в глаза, и я тут же отворачиваюсь. Я не могу позволить ей контролировать мои поступки. Принуждение не работает. — Мэтт, Мэтт.

Мое имя выстреливает с ее губ и вонзается в меня острыми стрелами. Я плетусь вон от клетки, прохожусь ладонями по вспотевшему лицу и шумно выдыхаю.

Сейчас ей станет хуже. Но затем Ариадна просто уснет. Просто потеряет сознание, и мы отнесем ее домой, где она сможет прийти в себя, а Эби запретит ей использовать дар.

Хороший план, хороший, вот только мне все равно не по себе от голоса Ари. Он, как будто, звенит в моей голове, и виски вспыхивают от боли.

— Ты как? — спрашивает Хэйдан, сжав в пальцах мое плечо. — Не волнуйся. Так надо.

— Да. Надо.

— Она поправится.

— Знаю.

Хэрри собирается сказать что-то еще в своем духе: доброе и успокаивающее. Он еще ближе подходит ко мне, приоткрывает рот, а затем затихает. Все мы затихаем, потому что, звучащее в воздухе тяжелое, срывающееся дыхание Ариадны, неожиданно преобразуется в гортанный, звонкий смех, от которого кровь леденеет в жилах.

Я медленно оборачиваюсь и растерянно прищуриваюсь, увидев, как Ари растягивает губы в кривой ухмылке. Она смеется, дергаясь всем телом. А взгляд у нее испепеляющий, ядовитый, и я вдруг чувствую дикое головокружение, которое заставляет ноги размякнуть под неизвестной тяжестью. Меня качает, деревья видятся мне странной формы, кривые и с растопыренными, костлявыми пальцами вместо веток. Ничего не понимаю. Черт подери, я едва не валюсь без сил. Делаю несколько пьяных шагов в сторону и понимаю, что в таком же состоянии сейчас прибывают все, кто находится возле пристани. Все, кроме Ариадны.

— Идиоты, — слышится мне ее голос; смазанное лицо Ари Монфор оказывается прямо передо мной, и я отшатываюсь, едва не рухнув на землю. — На что вы рассчитывали?

Как она вырвалась из круга, как переступила преграду? Я вытягиваю руку и рычу:

— Стой, не подходи.

— Мой милый Мэтт, тебе страшно?

Она кружит вокруг меня, будто акула, а я вижу лишь ее улыбку и малахитовые глаза, которые испепеляют кожу, раздирают на части. Я раскачиваюсь на ногах, стараясь глядеть на объект, способный причинить мне вред. Но этот объект — Ари. Этот объект — человек, к которому я испытываю нечто такое, что разливается кипятком в груди.

— Что ты делаешь.

— Ничего. Я ничего не делаю.

— Тогда что происходит? Что... — Запинаюсь и хватаюсь пальцами за воздух, наивно и глупо полагая, что воздух действительно протянет мне руку и поможет устоять на ногах.

— Столько поблажек, Мэтт, зачем?

— Не понимаю.

— Глупо искать выход, когда враг читает мысли, — едва не врезавшись в меня, рывкает Ариадна и скалит зубы. — Глупо сопротивляться, когда враг контролирует поступки. Вы и подумать не могли, что действуете по плану, который придумала я. Вы верили. Боже, вы, правда, верили, что придумали нечто гениальное? Невероятно. Ну, посмотри на меня! — Ее прыткие пальцы впиваются в мой подбородок. — Считаешь, идиотка Норин могла ходить по Астерии полчаса без последствий? Считаешь, ваш слюнтяй Хэрри и святая Мэри могли спокойно пойти в парк и взять образец крови фон Страттен? Не бывает таких совпадений.

— Что ты сделала?

Перед глазами мельтешат черные точки, но я отчетливо вижу лицо Ариадны. Я вижу морщинки у ее губ, вижу золотистые крапинки в ее изумрудных глазах.

— Моя дорогая тетушка добавила в зелье не кровь Меган фон Страттен, — взяв меня за руку, шепчет Ари и неожиданно прикасается губами к тонкому порезу на ладони, — Норин добавила вашу кровь, каждого, а вы забыли, потому что я умею заставлять людей думать о том, о чем я хочу, чтобы они думали. Я умею стирать память о том, как она прокатывалась ножом по руке каждого из вас. Я умею стирать память о том, как вы сидели напротив и, словно на исповеди, рассказывали обо всех своих планах.

Внутри у меня холодеет от злости, но не успеваю я сказать и слова, как вдруг Ари со всей силы сдавливает в пальцах мою ладонь и одним легким движением отталкивает меня от себя на почтительное расстояние. Я врезаюсь спиной в ствол сосны и валюсь в ковер из иссушенных иголок, зажмурившись от колючей боли.

— Я умею добиваться того, чего хочу, Мэтт, — взрывается в воздухе ее звонкий голос, и я приоткрываю глаза в полной уверенности, что все пропало. Что это конец.

Наконец, перед глазами встает четкая картинка, и я вижу Джейсона, которого жестко за горло удерживает Меган фон Страттен. Я вижу Хэрри, который прикрывает телом Эби.

Я вижу все, и во мне вспыхивает такая дикая ярость, что я мгновенно встаю на ноги.

— Как тебе удалось? — Рычу я не своим голосом. — Ты задыхалась, ты была в круге!

— Ты думал, что я задыхаюсь, дорогой... — Мелодично пропевает Ариадна. — Ты видел то, что показала тебе моя подруга — Меган. На самом деле, ничего этого не было.

— Как... но...

Я примерзаю к месту и оторопело застываю. Нас провели, как идиотов. Ловушка для Ариадны оказалась ловушкой для нас. Почему я сразу не понял, что невозможно так легко справиться с тем, что внушает ужас целым поколениям? Почему я повелся?

Я смотрю на Хэйдана, а он закрывает телом Эбигейл, пусть и понимает, что толку от его защиты никакого не будет. Но в этом весь Хэрри. Борьба тогда, когда нет смысла.

Я встречаюсь с Ари взглядом, мы стоим без движения несколько долгих безмолвных секунд. А затем я слышу, как внутри у меня что-то взрывается. Я больше не вижу Ари... Я не вижу ее. Покачиваю головой, а девушка сходит с места в сторону Эбигейл.

— Нет, — срывается шепот с моих губ, и я подаюсь вперед, — нет, остановись, не надо.

Взмах руки, и я вновь взмываю над желтым ковром из листьев и валюсь вниз.

— Одумайся, — восклицает Хэйдан, пряча Эби за спиной. Девочка собирается выйти к Ариадне, выйти вперед, сражаться, но он не позволяет ей. Он знает, что она проиграет.

— Прочь с дороги.

Ледяной, пустой голос срывается с губ незнакомки, и Хэйдан стремительно отлетает в сторону, испустив громкий вопль. Он валится на землю около пристани, я, пошатываясь, вновь поднимаюсь на ноги и хватаюсь ладонями за виски. Что делать. Что делать.

— Тише, малышка, не вздумай сопротивляться, — приказывает Ари, оказавшись прямо перед Эбигейл, и растягивает губы в ядовитой ухмылке, — хорошая девочка, умница.

— Не прикасайся к ней! — Неожиданно взрывается Дюк Роттер и несется на Ариадну со спины. Невероятно глупое решение. Она поднимает руку, он резко замирает, словно на его пути появилась преграда, и распахивает от ужаса серые глаза.

Ари взмахивает рыжими волосами и вновь смотрит на Эбигейл.

— Ты знаешь, милая, кто виноват в том, что ты сейчас здесь? — Ари прокатывается по мокрой щеке Эби бледными пальцами и снисходительно улыбается, наблюдая за тем, как слезы сверкают в тусклом свете. — Твой отец. Именно он избавился от надписей на пороге и впустил меня в дом. Мне не пришлось долго его уговаривать. Он редкая сволочь.

— Неправда, — всхлипывая, бросает Эби, на что Ариадна покачивает головой.

— Правда, дорогая. Но не волнуйся, он и сам понимает, что был плохим папочкой. Он хотел набрать побольше воздуха в легкие, спуститься к озеру и погрузиться на дно, считая до трехсот семидесяти пяти. Кажется, столько денег ему пообещали за твою работу.

Невероятно, но Дюк Роттер неожиданно сходит с места и послушно плетется к тихой глади озера. Ветер давно не свирепствует, тучи рассеялись. И этот мужчина, провожаемый

солнечными лучами, бредет к воде, заходит по пояс, а потом и вовсе исчезает из вида.

Я проглатываю все слова, все мысли, все доводы. Как это возможно? Что он... Нет. Я не верю. Что произошло? Ариадна заставила его покончить с собой! При этом она даже на него не посмотрела! Не было зрительного контакта, не было слов с нажимом. Это больше не та девочка, которая заставляла меня вернуться в кинотеатр без моего согласия! Это тот человек, та ведьма, которая способна заставить вас не только хотеть смерти, но и умереть.

— Нет, папа! — Срывается крик с губ Эби, и она дергается, крепко зажмурившись.

По ее лицу градом катятся слезы, а Ари заботливо их вытирает кончиками пальцев.

— Ничего страшного, он послужит важной цели, милая. В отличие от тебя. Ты просто оказалась там, где не должна была оказаться. Мне очень жаль.

Нет. Нет. Джейсон рвется вперед, а Меган прикасается губами к его щеке и рычит:

— Тише, песик.

Глаза Хэйдана становятся огромными от испуга, и он плетется к нам, и вопит что-то, а я... Я делаю единственное, на что способен. Я резко стягиваю со спины лук и натягиваю, не колеблясь, не сомневаясь, тетиву, наставив стрелу на поражение.

— Остановись! — Бесстрастно бросаю я, часто дыша, и наблюдаю за тем, как Ариадна, обернувшись, удивленно вскидывает брови. — Отпусти Эбигейл.

Ари встает, выпрямляет спину и хмурит лоб, изучая меня черными глазами.

— Что?

— Я сказал, отпусти Эбигейл.

— Или что ты сделаешь?

— Или я...

— Выстрелишь?

— Да. — Сглатываю и стискиваю зубы. — Клянусь богом, Ари, я сделаю это.

Я должен стрелять прямо сейчас, пока она думает, пока она удивлена, потому что ей хватит миллисекунды, чтобы вырвать оружие из моих пальцев. И я понимаю это, и я знаю, что я должен сделать. Но я не могу. Не могу.

Она медленно подходит ближе, а я прожигаю ее решительным взглядом, в котором от смелости и бесстрашия остались только скудные отголоски; я обязан это сделать, иначе погибнет Эбигейл, иначе погибнут невинные люди. Но что-то не позволяет мне выпустить из пальцев тетиву, не позволяет навредить этой рыжеволосой девушке.

Один миг. Я втягиваю воздух, стискиваю зубы, и Ариадна взмахивает рукой. Стрела возносится в небо, спортивный лук ломается на части. Я пораженно отшатываюсь назад, а Ари не перестает идти ко мне, крадась, словно хищник.

— Хватит играть с ним, — неожиданно протягивает фон Страттен, — прикончи его!

— Закрой свой рот, — рывкает Ариадна, испепелив ведьму ядовитым взглядом. Меган с недовольством поджимает губы, а Монфор вновь смотрит на меня, криво ухмыляясь. — Ты так изменился, дорогой. До неузнаваемости.

Выхватываю из-за спины браунинг и наставляю его на Ариадну.

— Остановись.

— Попытка номер два. Уже неинтересно.

— Я выстрелю.

— Да нет же.

Я нажимаю на курок, и пуля проносится рядом с волосами девушки. Ари примерзает к месту и недовольно вскидывает брови. Пот скатывается по виску. Я чувствую, как капли

бегут вниз, слышу, как сердце барабанит по ребрам, вижу, как бледнеют пальцы.

— Неожиданно, — хрипит она, по-птичьи наклонив голову. — Но ты промахнулся.

— Я верну тебя домой. Я пообещал тебе!

— Чего ты так кричишь? Праведный Мэтт всегда умел держать себя в руках.

Я часто и неровно дышу. Я не понимаю, что в руках у меня пистолет. Я не понимаю, что я могу нажать на курок и убить ее, убить Ари. Мою Ари. Это невыносимо. Это жжет.

— Пожалуйста, — вдруг шепчу я не своим голосом, — прошу тебя, остановись. Дай нам уйти, Ари. Дай нам уйти отсюда.

— Нет.

Из меня резко выкатывается воздух. А плечи поникают, будто на них взвалили груды камней. Встряхиваю головой, пытаюсь взять себя в руки, пытаюсь привести себя в чувство, и не могу. Не получается. Я не равнодушный, не смелый, не сильный.

— Тогда я должен сделать это.

— Должен. Но не сделаешь. — Ариадна останавливается напротив браунинга и, будто в этом нет ничего опасного, страшного, дикого упирается грудью в дуло пистолета. — Мне всегда казалось, что ты способен совершать отчаянные поступки. Но ты слабак... Как и все люди. Увы. Прости меня, Мэтт. Но сегодня я сломаю тебе жизнь.

Что? О чем она? Рассержено сжмуриваю брови, пытаюсь понять, что обозначают ее слова.

Как вдруг происходит нечто странное: мои руки двигаются в сторону, мне отнюдь не подчиняясь, и они двигаются в сторону Эбигейл, вместе со сжатым в пальцах заряженным пистолетом. Я ошеломленно распахиваю глаза и сглатываю.

— Нет, нет, что ты делаешь, нет, Ари.

Но Ари просто стоит молча и наблюдает за тем, как я поворачиваюсь к Эби. В груди у меня разрываются на части органы, в голове вскипает кровь, но я ничего не могу с собой сделать. Я не контролирую свои действия! Не отвечаю за свое тело!

О Боже. Распахнутые от ужаса глаза покрываются пеленой, я судорожно соображаю, как мне быть, что делать, у кого просить помощи, и понимаю, что помощь не придет. Мне никто не поможет, кроме меня самого, поэтому я обязан бороться. Я не поддамся, нет!

— Черт возьми, — рычу сквозь стиснутые зубы я, чувствую, как пот толстыми струями катится по подбородку, и испускаю стон. В голову приходит безумная идея, и я начинаю с неистовым рвением стрелять в воздух, надеясь, что, когда я наставлю дуло пистолета на Эбигейл, в магазине не останется патронов. Выстрелы разрывают тишину на части, и меня ударяет раз за разом лихая отдача, но я упрямо продолжаю опустошать обойму. Я борюсь, я кричу что-то, а потом едва не нажимаю на курок, когда перед глазами оказывается лицо плачущей Эбигейл, плачущего эльфа. Она прикрывает ладошками дрожащие губы, а я уже перестаю дышать, уже ничего не ощущаю. Я просто шепчу:

— Беги. — Руки трясутся, сжимая обжигающий металл. — Беги, пожалуйста.

Но она не может, она не в состоянии сорваться с места так же, как и я не в состоянии опустить оружие. Эби пошатывается от легкого ветра, а я до скрипа стискиваю зубы.

— Не делай этого с ним! — Неожиданно кричит Хэйдан. — Не поступай так с Мэттом я прошу тебя, Ари, пожалуйста, не надо!

Брат валится на колени, закрыв рот, а я чувствую, как судорога прокатывается вдоль тела и взрывается где-то в башке яркими красками.

— Я не сдамся, — сиплым голосом бормочу я, — я не сдамся, не сдамся.

Ариадна подходит ко мне и нежно проходится пальцами по моим волосам. Она тихо,

едва слышно посвистывает, проглатывая воздух. А я смотрю на нее и вижу, как уголки губ у нее дрогают. Она невольно подается вперед. И мне неожиданно кажется, что в глазах ее больше нет жизни, нет света. Они наполняются черной пеленой, будто краской; это пугает меня и поражает. Черные точки, вместо знакомого взгляда. Как это возможно?

Меня колотит и трясет. Я пытаюсь выговорить хотя бы слово, чтобы образумить Ари и привести в чувство, но все тщетно, тщетно. Она касается теплыми губами моей щеки так чувственно и проникновенно, что огненная лавина скатывается по мокрой коже, и шепчет:

— Стреляй.

Я нажимаю на курок.

Звучит оглушающий выстрел, самый громкий звук в моей жизни, и я пячусь назад.

Что я сделал. Не понимаю. Что я сделал. Ничего не вижу, не слышу.

Ариадна уходит, оставив горячий след своими пальцами на моей спине, а я внезапно вижу Эбигейл, на земле. Я вижу ее с дыркой в голове, из которой тянется алая лужа. Крик.

Хэрри вскакивает с земли, Джейсон подрывается на ноги. Наши враги уходят, а я не схожу с места, прибывая в транс и видя происходящее в замедленной съемке, на повторе. Снова и снова. Снова и снова. Выстрел, падение. Выстрел, падение. Мои глаза так широко раскрыты, что резь прошибает веки, скулы, виски. Я просто стою, просто наблюдая за тем, как мой брат качает в руках мертвое тело одиннадцатилетней девочки, и я просто молчу.

Я убил ее. Убил Эбигейл Роттер. Сказал, что спасу. И убил.

— Мэтт... — Джейсон оборачивается, а я пячусь назад, закинув за голову руки. В груди растет нечто колючее, горячее, неистовое, оно пульсирует, орет, вопит, оно заставляет все во мне гореть от адской боли. Оно не дает дышать, я задыхаюсь. Хватаюсь рукой за горло, чувствую, как под пальцами сводит мышцы, и пошатываюсь назад, все дальше и дальше.

— Мэттью, постой.

Я не стою. Я срываюсь с места, словно обезумевший, словно не соображаю и ничего не вижу перед глазами. Я несусь сквозь лес, сквозь время и пространство, и единственное, что слышу — это выстрел, после которого я стал убийцей, а Эби — моим прошлым.

Я неистово работаю руками, грубо разрывая воздух перед собой, я бегу изо всех сил, не испустив звука, не проронив слов. И я не чувствую своих ног, врезаюсь ими так резко в землю, что удары отдаются по всему телу и прошибают голову.

Я не понимаю, сколько проходит времени, даже не понимаю, куда бегу. Лишь достав из кармана ключи, распахнув входную дверь, я осознаю, что пришел домой. В свой дом. Я взлетаю по лестнице, бегу в свою комнату и пересекаю порог, отрывисто вдыхая, выдыхая воздух. Останавливаюсь в центре. Впиваюсь пальцами в волосы и порывисто наклоняюсь.

Я не мог этого сделать. Нет. Все это очередная иллюзия Меган фон Страттен. Да, все это обман. Я уверен. Я знаю, знаю, знаю.

— Нет! — Ору я, запустив пистолет в стену. Звучит грохот, по комнате проносится эхо, и я горблюсь под его натиском, вцепившись пальцами в пульсирующее от злости лицо. Не верю, не могу поверить, это невозможно, так не должно было случиться. — Нет, нет! Нет!

Упираюсь лбом в стену и грубо ударяю по ней кулаком. Пальцы сводит. А я все бью и бью, и бью, и ору, что есть мощи, до срывающегося голоса, до рези в глотке! Эбигейл.

— Я не хотел, — взываю я не своим голосом, зажмурившись, — не хотел.

— Я же сказал тебе не возвращаться, пока ты... — Это отец. Он оказывается в спальне неожиданно, и я испуганно поднимаю голову. Папа затихает, смотрит на мое лицо, на мои руки и рассеянно поводит плечами. — Что с тобой? Что ты делаешь?

— Ничего.

Отстраняюсь от стены и смахиваю мокрые полосы с глаз. Лишь потом понимаю, что оставляю кровавые разводы от разбитых костяшек пальцев. Глаза отца округляются, он ко мне идет медленным шагом, будто я свирепое животное, готовое в любой момент рвануть на него и вспороть ему глотку. Но я не сорвусь. Я держу все под контролем. У меня всегда все под контролем. Всегда. Всегда!

Импульсивно отворачиваюсь и стискиваю виски в ладонях до такой степени, что моя голова вот-вот взорвется, словно воздушный шар, словно грецкий орех.

— Я не помог ей, не помог, — мямлю я, осматривая комнату невидящим взглядом.

— Кому, Мэтт? Что стряслось? — Отец шумно выдыхает. — Какого черта ты творишь?

— Все в порядке.

— Мэттью, что случилось?

— Все в порядке.

— Если ты сейчас не...

— Я же сказал! Все хорошо, отлично, нормально! У меня все в порядке! — Я кидаюсь к книжному шкафу и со всей силы ударяю по нему ногой. — В порядке! — И ударяю вновь. И вновь, и вновь. И я ору, и бью, и папа вдруг оказывается рядом и сжимает меня в стальных тисках, которые душат, которые не дают разбить себе череп, сорвать с себя кожу. — Нет, я должен, должен был остановить это, я должен был!

— Все хорошо, сынок.

— Нет, нет.

Папа внезапно проходится ладонью по моей шее и крепко прижимает к себе. Я давно не был к нему так близко, давно не чувствовал его защиту или поддержку. Он сдавливает своей гигантской ладонью мой затылок и шепчет:

— Я с тобой, Мэтт, все хорошо.

— Ты не понимаешь, — я пытаюсь вырваться, — ты ничего не понимаешь!

— Тише, успокойся. Успокойся. Ладно? Я с тобой. С тобой.

Его слова заставляют меня превратиться в маленького мальчишку, который неистово и дико нуждается в таких словах, нуждается в родителях. Я вцепляюсь в плечи отца, как в нечто святое, крепкое, важное, и порывисто опускаю голову.

— Что я натворил, — плачу я, даваясь идиотскими слезами, — что я сделал, что я...

Голос срывается, пальцы болят, и тогда отец обнимает меня еще крепче.

— Я здесь, Мэтт. Я рядом. Ты дома. Все будет хорошо.

Не будет. Но я верю, потому что я верю в ложь во благо. Верю в то, чего нет. Верю в людей, которые умерли сегодня вместе с Эбигейл Роттер.

Мэттью Нортон и Ариадну Блэк.

ГЛАВА 14. ЧУДОВИЩЕ.

Мое лицо отражается в стекле; я наблюдаю за тем, как сумерки опускаются на город. Чего я жду? Я не знаю, мне не пошевелиться. Поперек горла стоит колючий ком, в мыслях путается яд, в голове пустота. Отключить эмоции — единственный выход; перестать сидеть перед окном, перестать думать, дышать, ждать, надеяться. Я должен так поступить. Но это трудно. Я никогда не боялся трудностей, а теперь я боюсь даже собственного отражения.

Каждый раз, когда я опускаю взгляд, я вижу свои ладони, и я вижу кровь на них. Как в

моем сне. Я не пытаюсь избавиться от кровавых разводов, потому что я знаю, что они не исчезнут и никуда не денутся. И еще я знаю, что на самом деле руки у меня чистые. Но не всегда то, что мы видим — и есть реальность. Глаза часто врут. И действительно важные и страшные вещи скрыты глубоко внутри. Так глубоко, что никто их не способен увидеть.

Иногда даже сам человек.

Я порывисто сталкиваюсь лбом с холодным стеклом и зажмуриваюсь. Но едва глаза закрываются, как я вижу Эби. Я вижу, как она танцует со мной на кухне и как показывает мне рисунки, как смущенно поджимает губы. Как плачет, когда я направляю в ее сторону дуло пистолета.

Резко распахиваю глаза, отшатываюсь от окна, как он колючей проволоки. И берусь расхаживать по комнате, меряя широченными шагами проблемы, прерывистое дыхание. Я схожу с ума. Грубо ударяю ладонью по затылку и продолжаю ходить. Сжимаю, разжимаю пальцы и не останавливаюсь, пусть комната кружится и качается из стороны в сторону.

Наплевать. Наплевать. Я не убивал Эбигейл. Меня заставили. Я не хотел этого.

Еще один удар по виску, и вновь боль вспыхивает где-то внутри, где-то в груди, хотя вспыхнуть, черт возьми, должна голова, лицо, затылок, что угодно, но только не ребра.

— Нет, — рявкаю я, встряхнув волосами, — у меня не было выбора, не было.

Конечно, был. Я должен был прострелить себе голову, прежде чем перевел браунинг в сторону Эбигейл Роттер. Я должен был стрелять не в воздух, надеясь, что патроны вдруг закончатся, а себе в голову. Должен был. Должен был.

Хлопаю ладонями по ушам, будто бы обезумивший, а затем выпрямляюсь и шмыгаю носом. Почему я вообще уверен, что Эбигейл умерла? Вдруг это трюк. Ловушка. Обман. Я ведь не видел ее тела.

— Не видел.

Я ведь даже не подошел к ней.

— Не подошел.

Киваю сам себе и сплываю ядовитую желчь, обжигающую горло. Конечно! Я здесь сижу и зря трачу время, а ребята, наверняка, отвезли Эби домой, где ей помогла Норин; не знаю, что со мной. Я потерял окончательно способность трезво мыслить, анализировать. Я отчетливо помню, как Джейсон позвал меня. Просил остаться. Если бы я убил Эбигейл, он бы разодрал меня в клочья, а не велел не сходить с места. Он хотел сказать, что я должен в руки себя взять, перестать оглядывать поляну пустым взглядом. Он хотел сказать, что мне нужно помочь перетащить Эбигейл в машину и отвезти ее к Монфор. Да, конечно. Хэйдан тоже мне ничего не сказал. Морщусь и вспоминаю, как он придавливал руки к голове Эби. Он пытался остановить кровь! Поэтому даже не обернулся. Он был занят, а я, вместо того, чтобы им помочь, сорвался с места и кинулся в глубину леса. Я идиот. Я полный идиот, и я в очередной раз ударяю себя по голове ладонями и стискиваю зубы. Если бы я убил Эби, мой телефон бы уже разрывался, Хэрри бы меня нашел, отец не стал бы меня обнимать.

— Да. Конечно.

Не бывает так, чтобы ты совершил преступление, и все продолжили тебя защищать.

— Естественно.

Они бы меня возненавидели.

— Они бы меня бросили.

Я прохожусь ладонями по пылающим щекам, кидаюсь к кровати и беру скомканный свитер. Натягиваю его. Ухожу. Бреду по коридору и слышу, как в гостиной работает ящик на

всю мощность. Мой отец сидит перед телевизором, но смотрит в другую сторону. Что с ним? Идет бейсбол, а он плавает в мыслях. Странно. Дол держится за его плечи, молчит. Я не помню, чтобы Долорес умела молчать. Ладно. Это их проблемы. Я тут не причем.

Проношусь по коридору, надеваю черное, теплое пальто, воротник которого хорошо прикрывает взмокшую шею, и открываю дверь. Мне кажется, кто-то зовет меня по имени.

Я иду по вечерней Астерии, держа руки в карманах, оглядываясь по сторонам. Меня не покидает ощущение, что за мной кто-то идет, что за мной следят. Люди смотрят, а я тру пальцами лоб, уверенный, что на нем выжжено: убийца. Нервно повожу плечами. Бред, на лбу у меня нет ничего, да, ничего. Взлохмачиваю волосы и колючим взглядом осматриваю полупустую улицу, прохожих, кроны деревьев, похожие на растопыренные пальцы.

Мне навстречу бредут женщины, прищурив глаза, и я отворачиваюсь. Иду дальше, и натываюсь на мужчин, притаившихся в тени одной из церквей. Они перестают говорить и поворачивают на меня головы, застыв в молчании, застыв в ожидании. Проношусь мимо.

Что они на меня пялятся? Что им нужно? Я стискиваю зубы и вздрагиваю от скрипов и шорохов, что слышатся за спиной. Я постоянно оборачиваюсь, но я ничего не вижу. Мне нечего скрывать. Я не убивал Эбигейл, потому что она еще жива; пусть тарашатся сколько им влезет, пусть сплетничают и обгладывают новости. Городок кретинов, городок психов, фанатиков, церквей, святош, лжи, двуличия. Городок падали. Я ненавижу это место, я так мечтал сбежать отсюда. Но теперь я заперт. Заперт вместе с этим смрадом болтающих, как помело, домохозяек и, страдающих от рака мозга, мужчин.

— Черт, — что я несусь, это не я, это не мои слова, — черт возьми.

Прокатываюсь ладонью по губам и прибавляю скорость. Нужно скорее добраться до коттеджа Монфор, иначе я сойду с ума. Окончательно потеряю над собой контроль.

Неожиданно вдалеке я замечаю плотный, смоляной столб дыма, который тянется над лесом и над озером. Над тем местом, откуда я уносил ноги. Странно. Пожар? Зачем Хэрри и Джейсон подожгли поляну? Бессмыслица. Не понимаю.

Я морщусь лоб и, наконец, добегаю до дома Монфор-л'Амори. Холод стоит неистовый и грубый, он пробирается не под одежду, а под кожу, заставляя все тело дрожать, будто от лихорадки. Или только со мной так играют нервы? Только меня бросает из жара в озноб?

Я отталкиваю дверь и захожу в коттедж. Стремительно иду на кухню. Оттуда слышу голоса, шум, и киваю: я правильно поступил, что вышел из дома. Делаю еще один шаг, и в следующее мгновение из кухни выскакивает Хэйдан. Глаза у него огромные. Брат несется ко мне, вытянув руки, будто собирается обнять, а я покачиваю головой.

— Потом.

— Стой.

— Эби там?

— Подожди, да остановись же ты! — Хэрри упирается ладонями в мои плечи и тяжело выдыхает. — Давай поговорим сначала. Я хочу с тобой поговорить.

— Я пришел, чтобы увидеть Эбигейл.

— Мэтт. Слушай, я понятия не имею, что ты чувствуешь, но...

— Отойди. — Резко отталкиваю брата в сторону, но он тут же вновь возникает впереди и преграждает мне проход на кухню, оперевшись руками по обе стороны стены.

— Тебе не нужно туда идти.

— Пропусти меня.

— Нет. Не пропущу.

Что? Недоуменно свожу брови и по-птичьи наклоняю голову. Он серьезно?

— Не нарывайся, Хэйдан. Я не хочу делать тебе больно. — Сжимаю в кулаки пальцы, и хруст проносится по коридору, будто я раздробил кости.

Брат продолжает стоять на пороге, а я начинаю злиться, гляжу в одну сторону, потом в другую и изо всех сил стараюсь совладать с пожаром, который подскакивает к горлу. Но я не могу... Этот пожар поглощает меня... Поглощает, как много лет назад, когда я творил невообразимые вещи, после смерти матери. Перевожу взгляд на брата и цежу:

— Дай мне пройти.

— Ты не хочешь этого видеть, ты не должен это видеть.

— Что там? Там Эби?

— Да.

— Тогда я хочу...

— Послушай, ты этого не делал. — Металлическим голосом рывкает Хэйдан и внезапно подается вперед. Его пальцы впиваются в мои плечи пиявками. Я пытаюсь их сбросить, но не получается. Впервые Хэрри дает мне отпор, одновременно со мной дергается в бок и на мгновение становится сильным, старшим братом. — Тебя заставили нажать на курок, и Эби это знала, она понимала, что ты не желал ее смерти.

Смерти. Я резко усмехаюсь и покачиваю головой. Нет. О чем он? Она ведь жива, они должны были спасти ее, я видел, я помню. Шмыгаю носом и отрезаю:

— Отойди.

— Мэтт, ты не...

Надоело: хватаюсь за воротник его футболки и резким движением откидываю вглубь коридора. Брат валится вниз, скатываясь по стене. А я решительно прохожу на кухню. Но, едва моя нога переступает порог, я останавливаюсь. Примерзаю к месту, будто невидимая стена появляется на моем пути, и я сталкиваюсь с ней всем телом. Не понимаю.

— То, что случилось — чудовищно, — сообщает Норин Монфор, сокращая между нами дистанцию. Она замирает рядом, возможно, смотрит на меня с жалостью, а я взгляд на нее не поднимаю. Смотрю перед собой. — Но ты не виноват. В этом доме тебя поймут.

Поймут. В этом доме. В этом доме понимают убийц? Преступников? Монстров?

Подхожу к столу, на котором лежит Эбигейл Роттер. И сипло втягиваю воздух. Нет. Встряхиваю головой. Нет. Этого не может быть. Нет. Я видел. Я думал, что они спасли ее. Затыкаю глотку эмоциям и застегиваю пуговицы на окровавленной жилетке Эбигейл. Мои пальцы, дрожа и леденя, поправляют ворот ее свитера, стирают красные разводы со щек.

Эбигейл умерла. Я ее убил.

Что-то заставляет меня согнуться, но я стою прямо. Смотрю на белое лицо девочки и на ало-черную дыру в ее голове, из которой, будто бы ошметки, торчат куски обожженной кожи. Эту дыру я сделал. Когда выстрелил, не сумев побороть принуждение. Я виноват.

Они могут говорить, что угодно, и искать во мне хорошее. Объяснять произошедшее с логической стороны и с не логической. Но я все равно буду виноват.

— Очень жаль, что так вышло, — говорит незнакомый женский голос, — мне жаль.

Пелена застилает глаза. Я упрямо смахиваю ее пальцами. Резко поворачиваю голову в сторону человека, оказавшегося рядом, и шурюсь. Я не знаю, кто это. Отворачиваюсь.

— Я — Мойра. Мойра Парки.

До меня не сразу доходит смысл ее слов. Сначала я думаю: родственник, знакомая, а потом внутри меня что-то пробуждается, вскипает! Со скрипом поворачиваю голову и уже

ничего не вижу перед собой. Ничего, темнота. Я лишь слышу свое рычание, чувствую, как у меня подлетают руки, как разгорается лютая ненависть в груди. Впиваюсь в худощавые плечи женщины пальцами и со всей дури припечатываю ее спиной к стеклянному шкафу.

— Мойра? — Переспрашиваю ядовитым голосом. — Судьба? Вы?

— Мэттью, стой! — Командует Джейсон, оттаскивая меня в сторону, но я не поддаюсь.

— Это вы сделали, это вы ее убили!

— Так было нужно, — поясняет Мойра, поджав губы, — мне очень жаль.

— Жаль? Вам жаль? Вы могли все изменить, могли исправить, это ведь вы... вы...

— Черт возьми, Мэтт, отпусти ее.

— Нет, ничего страшного. — Судьба поднимает ладонь и вновь смотрит на меня. Глаза у нее голубые, чистые. Лицо милостивое. Но внутри кроется тварь, которая мучает людей, которая разрушает их жизни, убивает их родных, заставляет их убивать друг друга. Я даже не могу опустить руки, просто не могу! Я держу в своих пальцах сосредоточение зла. Все мы приходим к тем или иным мыслям тогда, когда она внушит их нам, когда она напишет нашу историю. Так почему я должен отступить? Почему должен позволить ей жить?

— Потому что ты не убийца, Мэттью Нортон, — отвечает Мойра Парки, вглядываясь в мою душу, от которой ничего не осталось. Я топчусь на месте, а она кивает. — Я знаю.

— Ничего вы не знаете.

— Тебе больно. Но так было нужно.

— Кому было нужно? Черт возьми, кому была нужна смерть этой девочки?

— Смерть этой девочки — важный поворот, который просто обязан был случиться. Так вышло, что я должна жертвовать многими, чтобы другие поняли свое предназначение.

Господи. Что за ересь, что за чушь? Я порывисто отпускаю Мойру и закидываю руки за голову. Что она несет, о чем она вообще говорит. Зажмуриваюсь и слышу:

— Вы исцеляетесь тогда, когда болеете. Мне приходится делать больно.

— Вы сумасшедшая.

— Тебе трудно понять.

— О да. Мне трудно понять, когда умирает мать от рака! — Вспыляю я, ткнув в Судьбу пальцем, и шурю. — Мне трудно понять, когда брат отдает жизнь за подругу, когда люди встречаются, чтобы уничтожить друг друга. Мне трудно понять, когда умирает ребенок, и, когда его не старость уносит и не болезнь. А убивает человек, которому она доверяла! Да, Мойра, — восклицаю я, — мне трудно, мне невероятно трудно это понять.

— Ты злишься.

— Я злюсь.

— Но ты знал, на что идешь. Ариадна — не простая девушка.

— Не произносите ее имени. Ариадна умерла.

— Мэтт, — растерянно шепчет Хэйдан, подойдя ко мне, — что ты...

— Ари нет. Мы пытались спасти чудовище, которое не хочет, чтобы его спасали.

— Не говори так.

— Я буду так говорить. И вы все знаете, что я прав.

— Ты с самого начала верил, что Ариадна изменится. — Говорит Мойра.

— Я ошибался.

— Ты думал, что она сама справится. Но ей нужны близкие. Всегда были нужны.

— Ей никто не нужен. В ней не осталось больше ничего человеческого. Я видел утром ее взгляд, видел, как черная дрянь скапливалась в ее глазах. Ариадна мертва.

— Хватит, — недовольным голосом восклицает Мэри-Линетт, — прекрати так говорить.

— Вы со мной не согласны?

— Нет.

— Нет? — Я подаюсь вперед и хватаю Мэри за запястье, она пытается вырваться, но во мне вспыхивает такая дикая злость, что я становлюсь сильнее, злее, яростнее. Думаю, тетя Ариадны просто не ожидала от меня такого натиска, поэтому не успевает дать отпор. — Вы мне не верите? Вот. — Я толкаю женщину к столу, к мертвому телу Эбигейл. — Вот, что она сделала, милая Ари, хорошая Ари. Ари, которую мы все любим и хотим спасти.

— Ты сходишь с ума. — Отвечает за сестру Норин. — Прекрати. Мы видим девочку. Но она умерла потому, что Дьявол руководит Ариадной, он говорит ей, что делать.

— Эта девочка умерла потому, что я выстрелил! Все проще, Норин, соображаете! Кто вам вообще сказал, что Люцифер руководит вашей племянницей? Вы это видели? Знаете?

— Черт возьми, Мэтт, — Хэйдан взволнованно сводит брови, — пожалуйста! Ари стала такой из-за меня. Она ведь мне жизнь спасла. Помнишь?

— Помню. Я и не отрицаю, что раньше она была хорошей. Просто теперь ее нет.

На кухне становится тихо. Все на меня пялятся, а мне наплевать. Пусть смотрят. Они до сих пор верят, что мы можем что-то изменить? Что-то исправить? Все кончено! Мойра, наверняка, знает об этом. Вот и пришла, потому что совесть заиграла.

— У меня нет совести, — парирует Судьба, на что я зло усмехаюсь.

— Тем для вас лучше.

— Ариадна должна была умереть еще тогда, в школе. Но вмешался ее отец. И история изменилась. Все пошло совсем не так, как я ожидала.

— Значит, вы удивлены не меньше нас.

— Я поражена, что ты продержался так долго. — Неожиданно сообщает она, а я гляжу на нее, ничего не понимая. — Иногда люди выходят из-под контроля, сами строят путь. Ты слишком долго боролся с тем, что было очевидным. Все знали, что Ариадна Блэк перешла на темную сторону, а ты верил, что она добрая. Ты больше не веришь.

— Вы весьма проницательны для Судьбы.

— Мне очень жаль. Это самое грустное.

— Что именно?

— Когда человек ломается.

Отворачиваюсь. Идиотка. Кто ломается? Почему ломается? Ни она ли выбирает себе жертву, ни она ли взваливает на нее проблемы? Лицемерка... Я вдруг хочу вновь кинуться вперед и ударить ее со всей силы, хочу уничтожить ее, хочу сделать ей так же больно.

— Мне больно, Мэттью, — горячо отвечает она на мои мысли, а я стискиваю зубы.

— Мне здесь больше нечего делать.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, как вдруг Мойра хватается приткими пальцами за мое плечо. Хочу скинуть ее руку, но она сильная, очень сильная. Смотрю на ее лицо, покрытое веснушками, и медленно, едва слышно чеканю:

— Отпустите.

— Иногда, чтобы найти себя, нужно потеряться.

— Что?

— Ты потерян. Но ты найдешь выход.

— Аминь. — Рывкаю я и, наконец, сбрасываю ее ладонь. Она отшатывается назад.

— Послушайте, я никогда не хотела, чтобы люди страдали. Но это необходимо. Таков этот мир. Люди не начинают жить, пока не окажутся на краю смерти. Мне приходится. Вы понимаете? Я обязана. И мне, правда, жаль, ребята. Потому я пришла.

— Что вы имеете в виду? — Интересуется Норин, обхватив себя руками за талию.

— Считайте, это «подарок судьбы». — Кривит она губы. — Я постучалась к вам в дверь, потому что вы бросили мне вызов. Немногие бросают мне вызов.

— В чем заключается вызов? — Хриплю я, стиснув от ярости зубы. — В том, что мы как идиоты верили в то, чего никогда не будет?

— В том, что вы верили.

Все замолкают, а я застываю около выхода. Взгляд тянется к бледному лицу Эби. Но я не смотрю. Больше не хочу смотреть. Не могу. Это жжет, адски жжет.

— Дельфия Этел, — неожиданно произносит Мойра Парки, и я оборачиваюсь.

— Что?

— Она поможет исправить случившееся. Она умеет исправлять.

— Этел? — Переспрашивает Мэри-Линетт, не отрывая глаз от Парки. — Дельфия — один из потомков Этел, который обладает водной стихией?

Мойра улыбается, отчего веснушки на ее лице становятся шире, а затем исчезают.

Молчание. Мы стоим на кухне и не двигаемся, потому что никто не знает, что делать и как себя вести. Мы думали, конец близко. И мы были правы. Только конец иного рода.

Я ухожу. Наплевать мне на это место. Я столько сделал, столько пожертвовал. Я не могу тут больше находиться. Плетусь вдоль коридора, чувствуя, как лица на фотографиях, не шевелясь, прожигают мне спину, кожу. Эти мертвые лица в позолоченных рамках. Все, кто здесь жил, прикасался к темноте. Может, поэтому все они давно погибли.

Я вырываюсь из коттеджа и вдыхаю ледяной воздух. Нужно забыть все. Но как?

— Эй, подожди, стой, — вдогонку кричит Хэйдан и выпрыгивает из коридора, — Мэтт!

— Я ухожу.

— Но куда?

— Домой.

— Черт, прошу тебя, не надо.

Я не отвечаю. Успеваю сделать два шага, как вдруг брат возникает передо мной, весь такой правильный, взволнованный. Весь такой добрый. Доброта убивает похлеще злости.

— Мы должны поговорить, — отрезает он, а я раздраженно закатываю глаза.

— О чем.

— О том, что случилось.

— Я не хочу.

— Но тебе придется. Слышишь? Хочешь ты этого или нет, ты должен.

— Что я должен? — Я резко перевожу взгляд на Хэйдана. — Что? Чего я не сделал? Где срезал путь? Когда поставил свои намерения выше ваших? Я все. Делал. Правильно.

— Я знаю, — эмоционально кивает брат, — я понимаю, Мэтт.

— Нет, не понимаешь. Это не ты выстрелил.

— Но и не ты.

Усмехаюсь. Зло и нервно. Отшатываюсь назад и, прокатившись пальцами по лицу, в глаза брату смотрю раздраженно. Что он пытается сделать? Внушить мне, что я ничего не сделал? Что я не виноват? Что все не было напрасно, а Ариадна не умерла месяц назад?

— Оставим этот разговор. — Мой голос ледяной, как зимняя стужа. — Я ухожу.

— Нет, черт возьми! — Остановившая меня ладонями, рывкает Хэйдан и морщит нос, на котором поблескивают квадратные очки. — Никуда ты не пойдешь, Мэтт! Ясно? И знаешь, почему? Потому что я тебе не позволю.

— Вот как.

— Да. Я тебя не отпущу. Ты не имеешь права уходить.

— Имею.

— Нет. Мы столько всего сделали, а ты...

Я схожу с места и пытаюсь его обойти, но он упрямо перехватывает меня за локоть.

— Какого черта? — Возмущается он, округлив ореховые глаза. — Просто поговори.

— Просто поговори, — передразниваю я, скривив губы. — Просто останься. Просто Ари помоги. Просто убей ради нее человека. Просто превратись в мешок с дерьмом. Ничего не бывает просто, Хэрри, ничего. Хватит читать мне проповеди. За ними я схожу в церковь.

— Тебе страшно.

— Нет.

— Да, я понимаю, что ты напуган до усрачки, что ты не узнаешь себя, что ты смысла в наших поступках больше не видишь и в спасении Ари его больше не видишь. Я понимаю!

— Нет, нет! — Вновь повторяю я громким голосом и наступаю на брата. — Мне никогда не было страшно, мне и сейчас не страшно. Мне больно!

Брат застывает, а я уязвлено зажмуриваюсь и хватаюсь ладонями за лицо.

— Все горит, — признаюсь я, — повсюду. Мне невыносимо даже дышать, даже думать.

— Я хочу помочь тебе.

— Это адски жжет, Хэрри. Невыносимо. Я убил ребенка.

— Мэтт, это случайность.

— Я убил Эби. — Поднимаю взгляд на брата и сглатываю горечь, застрявшую в горле.

Убил. Убийца. Воспоминания накатывают на меня, словно цунами, и я с ненасытной злостью надавливаю пальцами на виски, надеясь самоуничтожиться. Почему не выходит? Почему я все еще жив, если я этого не заслуживаю? Я должен был подохнуть прямо там, с Эби рядом, на поляне. Свалиться без сил и накормить червей. Но никто нас не наказывает за плохие поступки. Бог не пронзил меня молнией, никто от меня не отвернулся. Все меня все еще любят, не отпускают, успокаивают. Идиоты. Что они делают. Куда смотрят.

— Я знаю. Тебе нужно время. — Голос Хэрри вырывает меня из мыслей. Помнится, и я когда-то говорил ему нечто подобное. — И я буду рядом.

— Это не сеанс психотерапии, Хэйдан.

— Мне твои слова помогли.

— Не сравнивай.

— Я буду сравнивать, понятно? Буду, потому что, как бы ситуации не отличались, они похожи последствиями. Мне было плохо. Теперь тебе плохо.

— Господи, мне не плохо. И я вообще не хочу ничего обсуждать. Это идиотизм. Тебе, как всегда, весело. Ты, как всегда, ничего не понимаешь. Ты думаешь, это очередная игра, в которой мы спасаем друг друга и бла-бла-бла. Человек умер! Я убил человека! Неужели до тебя не доходит, что все катастрофически вышло из-под контроля?

— До меня все прекрасно доходит, Мэтт.

— Тогда почему ты еще здесь? В этом доме? Почему ты еще говоришь со мной?

— Потому что ты — мой брат.

— И что?

— Ты обо мне всегда заботился. Теперь я о тебе позабочусь.

— Обо мне не надо заботиться, — нервно мотыляю головой, — я сам справлюсь.

— Каким образом? Убежишь? — Хэрри отворачивается и беззащитно обхватывает себя за туловище руками, будто ему холодно. — Без тебя мы не поможем Ари.

— Что?

— Без тебя мы не...

— Я услышал тебя. Но ты, кажется, не понял, гений. — Подхожу к брату и стискиваю в кулаки пальцы. — Я не собираюсь помогать Ариадне. Она — больше не главный герой. Она умерла в прошлой серии, Хэйдан. Теперь мы имеем дело с настоящим злодеем. А знаешь, что случается со злодеями во всех историях? — Брат молчит, выжидающе глядя мне в глаза растерянным взглядом, а я шепчу. — Их убивают.

Его челюсть отвисает, я и сам не верю, что сказал это вслух. Но это правда. Это, черт возьми, полная правда. Ари умерла. Ее больше нет, есть чудовище, которое находится в ее теле, и мы просто обязаны остановить его. Вот, в чем заключается моя дальнейшая цель.

Из мыслей меня вырывает оплеуха, которую Хэйдан отвешивает мне по затылку.

Я изумленно расширяю глаза, а он восклицает:

— Ты выжил из ума?

— Какого...

— Еще раз скажешь нечто подобное, и я все дерьмо из тебя выбью!

— Ты ударил меня.

— Да, ударил! — Горячо отвечает брат и пятится вперед. — И еще раз ударю, если ты об Ари нечто подобное скажешь, уяснил? Она нам жизнь спасала сколько раз.

— Это была не та Ари. — Разъяренно чеканю я. — Это был совсем другой человек.

— Это она же! Ей нужно помочь, мы должны ей помочь, а ты несешь полную чушь!

— Она убивает людей, она нас едва не поджарила в доме. Теперь Ари еще и заставила меня убить Эбигейл. Неужели ты не понимаешь, что мы потеряли Ариадну? И уже давно.

— Не верю, что это твои мысли.

— Мы должны дать отпор этой твари даже ради самой Ариадны. Она бы никогда вред людям не причинила. А эта марионетка распоряжается жизнями направо и налево.

— Знаешь, что?

— Что?

— Ты был прав.

— Я всегда прав.

— Уходи. — Хэрри нервно передергивает плечами и грозно выдыхает. — Давай, вали. Я не собираюсь с тобой разговаривать, пока у тебя мозги на место не станут.

— У меня все в порядке с мозгами, Хэйдан. Не нарывайся.

— Раньше бы ты за такие слова голову снес. А теперь ты сам их говоришь.

— Я многого не понимал.

— Отлично, знаешь? Замечательно, что сейчас ты все понял. Давай. — Хэйдан ладонью недовольно взмахивает и поворачивается ко мне спиной. — Катись.

— Хорошо.

— Придурок.

Это последнее, что я слышу от брата, прежде чем он переступает порог коттеджа и в бешенстве захлопывает дверь. Хэрри больше нет, нет больше его болтовни, и я киваю.

— Отлично.

Так даже лучше.

Срываюсь с места и поправляю ворот пальто. Если никто со мной не согласен, это не значит, что я не прав. Я прав. Я всегда прав. Ариадна опасна, и я должен остановить ее. Ко мне в голову приходит безумная идея, и я повинуюсь. Бреду вдоль темных улиц и думаю о том, как пусто в груди. Уверен, опустив я сейчас глаза на свое туловище, я замечу дыру. Из этой дыры торчат обнаженные нервы, которые вибрируют и заставляют меня сердиться до безумия, кричать до иступления и ненавидеть себя до отчаяния. Я сам себе мерзок. Все, о чем я могу сейчас думать, это о том, как тяжелы руки, перепачканные в крови. Как слепы глаза, закрытые мутной пеленой. Я повинуюсь инстинктам, которые раньше меня никогда не подводили. А теперь, такое ощущение, что инстинктов больше нет. Нет интуиции.

Нет воли.

Будто очередная марионетка, сломанная и бракованная, я плетусь вперед, решаясь на нечто опасное и отвратительное. Мое сердце против. А голова согласна.

Я всегда слушал голову.

Взлетаю по ступенькам на уютное крыльцо и звоню в дверь. Мне открывают тут же.

— Привет. — Говорю я и стискиваю зубы до скрипа. Я уверен, что поступаю верно. Да, я уверен. Уверен. — Ты была права. Я могу пройти?

— Конечно. — Джиллианна кивает и вымучивает фальшивую улыбку. Однако затем на ее лице появляется новое выражение, с которым я еще не сталкивался. — Проходи. — Глаза у нее вспыхивают яркими, обжигающими искрами. — Мы ждали тебя.

ГЛАВА 15. НОВЫЕ СОЮЗНИКИ.

Отец Джиллианны — пастор Хью — наливает мне чай и садится напротив. Я давно тут не был. Забыл, как выглядит идеальный дом Хью, идеальный порядок, идеальная чистота. Даже воздух здесь легкий, совсем не такой, как на улице, стерильный.

Я не хочу пить. Я не хочу обманывать и притворяться. Я устал.

— Что вы можете мне предложить? — Мой голос тверд. Я намерен избавиться от зверя, который поработил тело Ариадны Монфор. И ничто меня не остановит.

— Я знал, что рано или поздно ты найдешь к нам путь, сын мой.

Пастор Хью — высокий, седовласый мужчина с серыми глазами, в которых плавают и застаиваются пустота. Я ненавидел его проповеди. Я не считался с его мнением. Мне было спокойно рядом с его дочерью, и это единственное, что нас связывало. Любовь к Библии — одержимость, о которой мне ничего неизвестно. Я уверен, что с помощью религии многих людей просто заставляли делать то, что было выгодно высшим сословиям. И потому меня, да простит Господь, всегда удивляло желание примкнуть к стаду необразованных психов.

Необразованными психами я всех фанатиков называю за глаза.

На данный момент, пастор Хью — союзник, который знает, как избавиться от зверя, и потому я готов терпеть его общество, терпеть звук четок, которые скользят в его пальцах.

— Ты не пьешь чай.

— Я не голоден.

— Мне больно глядеть, каким мучениям ты подвергся. — Мужчина сочувственно мне в глаза смотрит. Я не покупаюсь на эту жалкую попытку войти в доверие. — Мне жаль.

— Я пришел не за жалостью.

— Тогда зачем ты пришел?

— Отец, — вмешивается Джил и робко поводит плечами, — Мэтту нужна помощь.

— Мне нужна информация, — бесстрастно бросаю я. — Что вы знаете о Монфор, каким образом я могу помочь, что от меня требуется.

— Столько вопросов, мальчик мой. Ты настроен решительно.

Молчу. Просто смотрю на него и не двигаюсь. Я пришел не болтать, и мне наплевать на весь этот фарс, на теплый чай и церковные проповеди про понимание и сочувствие. Так уж случилось, что я больше не обладаю этой маниакальной верой в лучшее. Я изменился, я рад, что я вспомнил, как думать головой, а не непредназначенными для этого органами.

— Как долго ты дружишь с Ариадной Монфор?

— Со дня ее приезда.

Пастор Хью тяжело приподнимается, испустив жалкое кряхтение. На нем сутана, я не видел людей в сутанах. Она идиотская и широкая, будто пижама. Пастор бредет к стене.

— Скажи мне, Мэттью, ты легко сходишься с людьми?

— Не понимаю, к чему этот вопрос.

— Ответь.

— Нет. — С вызовом поднимаю голову. — Нелегко.

— Но что заставило тебя пойти на контакт с Ариадной Монфор?

«Пойти на контакт», вот как это называлось. Я наклоняю в бок голову, не понимая, о чем он говорит, и переплетаю на коленях замерзшие пальцы. Вздор. К чему он клонит?

— Ты никогда не задумывался, что истинный мотив ваших отношений кроется где-то за пределами человеческого понимания? — Пастор переводит на меня блеклый взгляд, а я с недоумением морщусь. — Это одна из ее дьявольских способностей — подчинять.

— Хотите сказать, что она заставила меня быть рядом?

— Увы.

— Я бы знал.

— Сомневаюсь, мой мальчик. Очень сильно сомневаюсь.

— Даже если и так, какое это имеет отношение к нашей проблеме?

— Я хочу убедиться.

— В чем именно?

— В том, что ты осознал, что случилось! — Глаза пастора становятся широкими, и он с удивлением осматривает меня, будто видит впервые. — Ты — редкий экземпляр.

— Что? — Горло сдавливают, и я свожу брови. — Что простите?

— С ведьмами никто из смертных не сходил. Они живут отдельно, обособленно. Ты проник так глубоко, как никому из нас не удавалось, ты очутился в сердце Монфор.

Сглатываю. На долю секунды мой разум посещает токсическая мысль, что я предаю Норин, Мэри-Линетт, Джейсона. Что я оказался там, где не должен быть. Но я встряхиваю головой и вновь возвращаюсь к реальности. В отличие от них я понимаю, что есть вещи, в которых необходимо соблюдать ледяной расчет, хладнокровность.

Я готов быть плохим, если это спасет многих людей.

— Мы десятками лет отслеживаем кованы, Мэттью. И уничтожаем их.

— Но сейчас вам нужен я.

— Сейчас мы столкнулись с первоначальным злом. Господь явился мне во сне, он был милостив, показав выход, пролив свет на те вопросы, что смертным постичь не дано.

— И что же это за вопросы?

— Как найти путь к сердцу его. — Задумчиво протягивает мужчина. — Как отчистить

от векового бесстыдства наше поколение, мой мальчик.

Я киваю. Вот это чушь. Но мне наплевать. Пусть несет свою ересь, мне важно только получить ответы на интересующие меня вопросы. Я как всегда справлюсь со всем один.

— Много недель назад директор Барнетт вызвал Ариадну к себе в кабинет. — Говорю я и серьезно хмурю лоб. — Он сказал, что знает ее секрет, а она стерла ему память. Заставила его обо всем позабыть. Вы знали об этом?

— Разумеется.

— Но в тот же день, — продолжаю я, кивнув головой, — директор Барнетт и отец Бетти, шериф Пэмроу, поймали ее на парковке и похитили. Барнетт ничего не забыл. Как?

— Пожалуй, этот секрет я тебе раскрою только в том случае, если буду уверен, что ты на моей стороне. — Пастор перестает издеваться над четками и смотрит на меня спокойно, почти благоговейно. У него мягкие черты лица. У него добрые глаза. А еще у него любовь к пыткам и желание истребить всех ведьм, что попадают на пути. И что самое страшное, я уже не знаю, что должно настораживать больше: пастор Хью или его жертвы.

— Что я должен сделать? — Мой голос твердый и безразличный. Смотрю ровно в глаза мужчины, а он кивает, словно и не думал, что я поступлю иначе.

— Добудь личную вещь Ариадны Монфор и добудь образец ее крови.

Вещь и кровь. Звучит по-идиотски. Я не могу промолчать и поэтому спрашиваю:

— Зачем?

— Узнаешь, когда завершишь миссию, сынок.

Стискиваю зубы и вдруг усмехаюсь.

— Это совсем не просто. Добыть кровь Монфор.

— Поэтому мы и ждали именно тебя, Мэттью.

— Ты подобрался ближе всех. — Вновь напоминает о себе Джиллианна. Но я даже в ее сторону голову не поворачиваю. Раньше я чувствовал вину. Теперь я не чувствую ничего.

— Ничего не выйдет. Она убьет меня прежде, чем я подберусь к ней хотя бы на метр.

— Придумай что-нибудь.

— Нет смысла придумывать. Она всегда на шаг впереди меня.

— Вот, — Джил неожиданно снимает с шеи цепочку. Я думаю, она собирается вручить мне крестик, и заранее прищуриваюсь, будто бы девушка протягивает мне радиоактивную дрянь. Но на удивление Джил отдает мне маленький пузырек с какой-то жидкостью. — Это все, что у нас осталось, Мэтти. Последний шанс.

Что за черт? Рассматриваю микроскопическую капсулу с черной водой и щурюсь. Я ни черта не понимаю. Я ненавижу ни черта не понимать; перевожу недовольный взгляд на пастора и вскидываю брови.

— Может, объясните, что это?

— Это возможность сохранить разум чистым, мой мальчик.

— А выражаясь человеческим языком?

— Это эликсир, который не позволит Ариадне Монфор управлять тобой.

Что? Я растерянно цепенею. Противоядие? Они действительно нашли способ, как не попасть в сети ее способностей? Не может быть. Я крепко сжимаю пузырек и спрашиваю:

— Какой состав? Как вы это сделали?

— Все мое время, Мэттью Нортон.

— Я должен знать.

— Ты должен отчистить душу. — Пастор Хью приближается ко мне и сводит брови. Не

знаю, какую праведную чушь он собирается втирать мне, но внутри все переворачивается. Я сжимаю до скрипа зубы, а он кладет тяжеленную ладонь на мое плечо. — Бог простит то, что ты сотворил, мальчик мой. Но ты обязан выполнить миссию. Он выбрал именно тебя.

— Для чего?

— Для того чтобы избавить мир от чумы. Ариадна — чума, ее кровь отравлена.

— Вы хотите, чтобы я ее убил.

— Да, — не колеблясь, отвечает мужчина, а затем присаживается рядом со мной и едва слышно шепчет, — но ты ведь тоже этого хочешь, не так ли?

***

Я прихожу в коттедж Монфор.

Дверь открыта, будто жители этого дома никого не боятся: не боятся воров и психов, не боятся преступников, совершивших самые страшные злодеяния. Жители этого дома все видели. Им уже не страшно.

Я знаю, что сестры Монфор как всегда сидят на кухне или в гостиной. Но я не хочу с ними пересекаться. Сначала мне нужно пробраться в комнату Ариадны, только потом мне дозволено отвлечься на решение других проблем. Я поднимаюсь по лестнице, спокойным, ровным шагом следую к спальне Ариадны Монфор.

Признаться, приятно ничего не чувствовать. Приятно ощущать пустоту. Люди бегут от пустоты. Она им кажется ужасной, а я нахожу себя в стагнации. Нахожу себя в тишине.

Касаюсь пальцами дверной ручки, отталкиваю дверь, прохожу в спальню, замираю у комода с вещами и грубым движением распахиваю тумбочки. Беспорядок. Вся жизнь Ари состояла в сплошном беспорядке. Ее действия были стихийны, ее поступки — взбалмошны. Она несла за собой хаос, и ей вполне нравилось оставлять за спиной руины, ведь близкие с поразительной чуткостью закрывали глаза на все ее ошибки и прихоти.

Я недовольно вытаскиваю пару маек и собираюсь закрыть шкаф, но останавливаюсь, заметив черную футболку. Едва не разрываю ее, выдирая из невидимых когтей комода. Та самая мятая футболка, в которой Ари заявила на биологию в первый день. «Рамоунз». Я уже ненавижу эту группу. Невольно зажмуриваюсь и стискиваю в пальцах тонкую ткань.

— Наплевать, — говорю себя я и бросаю на пол майки, оставив в руках лишь футболку.

Я уверен, эта вещь хранит в себе больше воспоминаний, чем вся комната Ари вместе взятая. Хотя, теперь я вообще сомневаюсь, что добрая Ари когда-то существовала, я уже в нее не верю, уже ее не помню. Она была, да, была когда-то. Но сейчас перед глазами стоит лишь тварь с черными глазами, которая, не задумываясь, отнимает жизнь.

Закрываю комод и медленным взглядом осматриваю комнату. Неожиданно на глаза мне попадают исписанные листы, разбросанные на деревянном, широком столе. Нехотя, скорее интуитивно, я приближаюсь к столу и замираю, увидев рисунки Эбигейл.

Ни один мускул на моем лице не дрогает. Ни одно слово не срывается с языка.

Я, наверно, умер, потому что ничто во мне не екает и не сжимается.

Я изучаю работы Эби: наброски церквей, портрет Хэрри, выведенный карандашом, а потом я замечаю саму Эбигейл. Она стоит на рисунке рядом с высоким парнем, он держит ее за руку, а за спиной у него висит колчан со стрелами. Этот высокий парень — я.

Что-то в груди все-таки стягивает в силки заледеневшие легкие. Я гляжу на рисунок, и я понятия не имею, как то, что случилось, вообще могло произойти. Люди умирают. Да, знаю.

Знаю об этом, как никто другой! Но неужели бывает и такое? Неужели мы обречены ломаться снова и снова, снова и снова.

Отворачиваюсь. Эби больше нет. И хватит думать об этом.

Собираюсь выйти из комнаты, но, когда оборачиваюсь, примерзаю к месту. Что за...

— Неожиданная встреча, верно?

Меган фон Страттен лениво дергает уголком губ; судорога, прокатившаяся по спине, заставляет все мое тело вытянуться, словно струну! И я с невероятной скоростью подаюсь вперед, намереваясь расправиться с ведьмой голыми руками. Наплевать, что у меня нет ни оружия, ни сил. Я разорву ее на части. Если потребуется, вопьюсь зубами в глотку.

— Ого, — издеваясь, протягивает женщина, — прямо-таки зубами?

Не отвечаю, срываюсь с места и несусь на фон Страттен, но она вскидывает руку, и в ту же секунду я отлетаю назад, врезавшись со всей дури в стену. Черт возьми!

— Тебя услышат, — рывкаю я, — услышат и...

— Я так не думаю. — Женщина проходится пальцами по угольным волосам и пронзает меня острым взглядом. Взглядом змеи, гадюки, таким же ядовитым и смертоносным. — Не сопротивляйся. Все равно проиграешь.

— Посмотрим.

Меган в один миг оказывается рядом. Сводит домиком брови и поджимает губы:

— Какая трагедия, и какая несправедливость. — Ведьма прикасается пальцами к моему подбородку. — Приятнее ваших стонов, только звук вашего разбивающегося сердца.

Я резко подаюсь вперед, оскалив зубы, будто собака, на что Меган смеется. У меня в эту же секунду внутри все не просто переворачивается, а разрывается, вспыхивает. Тихо и спокойно я гляжу в глаза ведьме. Но в голове уже продумываю, как мои руки впиваются в ее голову мертвой хваткой, и как они эту голову отрывают с плеч.

— Кровавые мысли, — шепчет фон Страттен, ухмыляясь. — Мне нравится. Но я пришла не за тем, чтобы убивать тебя, мой дорогой.

— Какой сюрприз.

— Верно. Я пришла поговорить.

Что? Хмурю брови, а женщина порывисто отступает назад. Оковы исчезают, я падаю на пол, но вовремя сгибаю ноги и удерживаю равновесие. Какого черта происходит? Разве я не должен перерезать ведьме горло, а она не должна разорвать меня на части? Почему на лице Меган игривая улыбка, и почему я продолжаю наблюдать за этой улыбкой, ничего не предпринимая? Громко сглатываю.

— Что вам нужно?

— То же, что и тебе, Мэттью, — фон Страттен оборачивается и едва не сбивает меня с ног черным взглядом. — Я хочу избавиться от Ариадны Монфор, и наши с тобой мысли, на долю секунды, показались мне схожи.

— Что? — Мои брови подскакивают вверх. — Что вы сказали?

— Не притворяйся идиотом. Ты меня услышал.

— Вы должно быть шутите.

Вместо ответа женщина сводит брови, и тут же мое горло вспыхивает от боли. Резко я хватаюсь ладонями за шею, пытаюсь содрать с кожи несуществующий пожар, искры. Но ничего не выходит. Мне вдруг становится нечем дышать, и я шумно откашливаюсь.

— Я не умею шутить, — ледяным голосом отрезает ведьма, и боль пропадает.

Сипло вздохнув, я отшатываюсь назад и сталкиваюсь спиной с комодом.

Какого черта? Растерянным взглядом изучаю женщину и ничего не понимаю. Меган фон Страттен пришла сюда, чтобы заключить со мной сделку? Чтобы просить о помощи?

— Это не мне нужна помощь, — пренебрежительно бросает она, — а тебе, мой дорогой.

— Проваливайте.

— Осторожнее, Мэттью. Женщинам не нравится, когда им грубят.

— Я не стану сотрудничать с вами.

— Почему?

— Почему? — Я едва не выплевываю этот вопрос.

Эта жизнь сводит меня с ума. С какой стати мой злейший враг пытается помочь мне? С какой стати я должен доверять ему? Это чистой воды сумасшествие.

— Без меня ты не справишься.

— Справлюсь.

— Ариадну Монфор сложно убить.

— Ариадна Монфор умерла.

Меган хмыкает и наклоняет в бок голову. Ее длинные пальцы сжимаются в замок, и, на долю секунды, женщина замолкает, изучая меня угольным взглядом. Она делает шаг ко мне навстречу, а я вскидываю подбородок. Пусть эта тварь не думает, что я ее боюсь.

— Ты такой глупец.

— Убирайтесь.

— Я нужна тебе.

— Нет.

Женщина медленно растягивает губы в улыбке, и я уже знаю, что она права. Да. Мне не под силу справиться с Ариадной Монфор в одиночку. Но сотрудничать с фон Страттен я не намерен. Это слишком. Это неправильно.

— А что правильно, Мэтт? — Поддавшись вперед, шепчет ведьма. — Правильно жить с мыслями о том, что ты убил малышку Эбигейл, и ничего не предпринимать?

Молчу. Стискиваю в кулаки пальцы и отвожу взгляд.

— Или правильно, — продолжает Меган, — закрыть глаза на все, что случилось? Забыть о том, как ты страдал? О том, как Ариадна предала тебя, заставив совершить жесточайшее преступление, после которого в тебе что-то умерло. Верно? Я знаю.

— Прекратите.

— Я вижу тебя насквозь. Ты поможешь мне, потому что цели у нас схожие, дорогой.

— Почему бы вам самой не расправиться с Ариадной?

Женщина на выдохе отстраняется и поводит плечами:

— Она ждет.

— Чего ждет?

— Ждет, когда я попытаюсь от нее избавиться.

— Но вы не сможете ее одолеть, — жестоко улыбаясь, бросаю я, — вы проиграете.

— Увы. Я контролирую только два дара.

— Она сильнее вас всех.

— Нас всех, — поправляет меня Меган фон Страттен. А я невольно вспоминаю, как на поляне Ариадна огрызалась, как прожигала фон Страттен ядовитым взглядом. Ариадна не видит больше в лице Меган соперника, в отличие от самой Меган.

Ариадне стоит шелкнуть пальцами, и все соратники Люцифера сложат головы.

— Выходит, вы боитесь ее.

Фон Страттен молчит. Она отводит взгляд, а я нервно усмехаюсь.

— У меня уже есть Хозяин, и имя ему Люцифер. — Наконец, низким голосом отвечает женщина. — Ариадна Монфор-л'Амори не должна превосходить его по силе.

Я обездвижен. Настороженно изучаю невероятной красоты женщину и молчу. Я и не знаю, что сказать. Пребывание в этом доме фон Страттен — поразительно. Ее предложение о сотрудничестве — и вовсе нереально. Неужели даже сверхъестественный мир напуган? У меня в голове никак не может прижиться эта информация.

— Восточное Кладбище. Завтра в полночь. Склеп Мефистофеля.

— Не понимаю.

— Не опаздывай. — Меган фон Страттен движется к двери, однако застывает на пороге и оборачивается, сверкнув темными глазами. — Советую обратиться за помощью. Один ты никогда не попадешь в чистилище. И не пытайся. Иначе умрешь.

Женщина кивает и скрывается за поворотом. А я застываю в недоумении. Неужели у меня только что появился новый союзник? Сначала пастор Хью, теперь фон Страттен. Кто бы мог подумать, что я объединюсь с теми людьми, которых хотел сжить со свету?

— Бред, — шепчу я, прокатившись ладонями по лицу.

Я опираюсь спиной о книжный шкаф и сжимаю пальцами переносицу, никак не могу свыкнуться с мыслью, что здесь была Меган фон Страттен. Безумие... Она и сотрудничать пыталась, дала совет или, о чем она вообще говорила? Дала подсказку?

Встряхиваю головой и рычу, будто ненормальный. Отталкиваюсь от шкафа и ухожу из комнаты, на ходу пряча футболку Ариадны в старый рюкзак.

Восточное Кладбище. Завтра в полночь. Склеп Мефистофеля.

Почему завтра? Какой склеп? Что за Мефистофель?

Возможно, фон Страттен пытается загнать меня в ловушку. Играет в свои идиотские игры, после которых, определенно, кто-то пострадает. Но, с другой стороны, она пришла в дом Монфор, она могла меня прикончить, но не прикончила. Я — обычный человек, ничего не решаю, никому палок в колеса не ставлю. Ору и деру глотку, но остаюсь бесполезным.

Так что ей мешало просто избавиться от меня?

— Ничего, — отвечаю сам себе, спускаюсь по лестнице.

Меган фон Страттен оставила меня в живых только потому, что я ей нужен. Понятия не имею, почему все вдруг решили, что именно я способен убить Ариадну Монфор, но тут не поспоришь — люди верят, будто я сумею остановить ее.

Борясь с монстрами, ты сам становишься монстром.

Если это последний шанс остановить Ариадну, я согласен. Я переверну чистилище, я сожгу дотла всех прислужников Дьявола, но я спасу близких и избавлюсь от зверя.

Я останавливаюсь, спустившись на первый этаж, и перевожу взгляд в сторону кухни. Я должен пройти на кухню и поговорить с Монфор. Безусловно, они не согласятся убить в Ариадне чудовище и не согласятся убить Ариадну. Значит, я сделаю так, чтобы они были уверены, будто помогают ей. А, на самом деле, они будут помогать мне. Идеально.

Осталось только подумать о том, что случится с моими внутренностями, когда я всех обману и сделаю то, что должен. Меня не простят Монфор. Я сам себя не прошу.

Но так правильно.

Решительно стискиваю зубы и направляюсь на кухню. На удивление там никого нет. Разворачиваюсь на носках и плетусь в гостиную, сжимая в пальцах ремни рюкзака. Хэрри, будь проклят этот парень, хорошо меня знает. Придется врать убедительно.

Я захожу в комнату как раз в тот момент, когда Джейсон раздражается кашлем: что ж, и неудивительно. Здесь до сих пор жутко воняет гарью. А в нормальном состоянии только одна кушетка и старинное, бархатное кресло. По-моему, его притащили со второго этажа.

Мэри-Линетт изумленно вскидывает брови, когда я замираю на пороге. А ее сестра с умным видом кивает, словно и не сомневалась, что я, рано или поздно, объявлюсь.

— Ты вернулся, — поднимаясь, говорит Норин и дергает уголками губ, — ты молодец.

Да уж. Я просто самый классный парень. Изучаю лицо Джейсона, который стоит над обугленным камином и потирает пальцами заросший подбородок, а затем вижу Хэйдана.

И да, мой брат тут же отворачивается.

— У меня есть новости.

— Кто бы сомневался, — отшучивается Мэри-Линетт.

— Иногда мне кажется, что только я и приношу в этот дом новости.

— Тебе везет больше.

Мне. Везет. Больше. Именно так звучали слова, слетевшие с языка Джейсона, и я на него пялюсь несколько долгих секунд, потому что чертовски злюсь, ведь слова эти нелепы и абсурдны. Не хочу сказать, что я страдал больше всех, все это полная чушь. Но меня, уж точно, сложно назвать главным счастливымчиком Астерии.

- Ко мне приходила Меган фон Страттен.

Сестры Монфор застывают с одинаковым выражением на лице, а Джейсон внезапно громко усмехается. Он отворачивается, медленно покачивая головой, словно не верит, что я говорю правду, а я закатываю глаза. Впрочем, как и всегда.

— Ты серьезно? — Брат, наконец, одаряет меня взглядом. Он поднимается с кушетки и с удивлением округляет ореховые глаза. Стекла его очков нелепо поблескивают в тусклом свете. Одежда кажется грязной. Хэйдан выглядит очень уставшим. И мне становится не по себе. Я вдруг вспоминаю, что я его старший брат, и я обязан переживать.

— Меган хочет, чтобы мы поймали Ариадну.

— Абсурд, — шипит Норин, сощурив глаза. — Ты себя слышишь?

— Я слышал ее. И она пришла за помощью.

— Меган фон Страттен? — Воскликает Мэри, недовольно всплеснув руками. — Меган фон Страттен пришла за помощью? Та самая, что поджигает людей силой мысли?

— Она боится, что Ариадна превзойдет по силе Люцифера.

— Вот тогда и начнется веселье, — буркает Мэри-Линетт. — Посмотрела бы я на то, как Ари поджигает эту стерву. Она заслужила смерти. Она вас едва не убила, помнишь?

— Помню.

— И все равно веришь ей?

— Я никому не верю, — бесстрастно отвечаю я, стиснув зубы и опустив глаза в пол, — я просто делаю то, что должен. Я должен использовать шанс.

— Какой шанс? — Не понимает Норин.

— Восточное Кладбище. Завтра в полночь. Склеп Мефистофеля.

Поднимаю голову и вижу, как Джейсон удивленно отходит от камина. Он смотрит на меня, и я замечаю, как в его карих глазах загораются искры.

— Ты знаешь, о чем идет речь? — Недоумевает Мэри.

— Догадываюсь.

— Ну, так просветите, — взмахнув ладонью, пропевает Хэрри. — Некоторые тут вообще не втыкают, что происходит.

— Это адрес.

— Что еще за адрес? В Астерии?

— Нет. В Дилосе.

— Я все равно ничего не понимаю, — ворчит Хэйдан, взъерошив прилизанные волосы.

— Ты и не можешь понимать, — хриплым голосом отвечает Джейсон, — ты ведь ничего о сверхъестественном мире не знаешь. Даже мы многого об этом мире не знаем.

— Ближе к делу, Джейсон, — настаиваю я, сжав в кулаки пальцы. — Не томи.

— Ты когда-нибудь слышал о чистилище?

— Ты про ад?

— Я про то место, где обитает Дьявол.

— Про ад, — вновь повторяю я.

— Он новичок, — отмахивается Мэри-Линетт, — не грузи его подробностями.

— Какими еще подробностями?

Сестры Монфор переглядываются, и Норин на выдохе сообщает:

— Ада не существует.

Вот значит как. Хэрри неожиданно оказывается рядом со мной, и мы делимся на две команды: команда знатоков и команда придурков с вытянутыми лицами.

— Как это не существует? — Удивляется он. — А откуда тогда все эти твари?

— И под тварями ты подразумеваешь...

— Вы поняли, о ком я.

— Все демоны живут здесь — в людях. — Говорит Норин.

— Грубо говоря, ад — это то, где мы живем.

Мэри пожимает плечами, а я складываю перед собой руки и недоуменно морщу лоб.

— Но если нет ада, — начинаю я деловитым тоном, — выходит, что нет и рая.

— Выходит, что так.

— Вы серьезно? — Хэйдан нервно поправляет очки и усмехается. Он вновь светится от счастья, ведь узнал что-то новое и необъяснимое. — Но это невероятно! И откуда тогда пал Люцифер? Он ведь падший ангел, верно?

— Упасть можно, не взбираясь на вершину, — загадочно протягивает Норин Монфор.

— Но... но где тогда был я? — Голос Хэрри потерянный. — Там было темно и одиноко... и это был ад. Я знаю. Я уверен.

— Люди попадают после смерти в пустоту, дорогой. Это просто конец.

— Вы не можете знать. Это очередная легенда, как и те, что рассказывают нам.

— Еще никто не опровергал эту легенду.

— Это слишком. Знаете, моя голова вот-вот взорвется, — сетую я, взмахнув рукой. — У вас не было желания с самого начала посвящать нас в такие мельчайшие подробности?

— И что бы изменилось, узнай вы, что ада не существует?

— Мы бы не боялись туда попасть.

— Очнись, — усмехается Мэри-Линетт и подается вперед, — вы уже там.

— Так все, хватит, — вмешивается Джейсон, наблюдая за тем, как Монфор улыбаются, и невольно кривит губы. — Вы испугаете парней. Они и так еле на ногах стоят.

Я бы поспорил. Но не сегодня.

— Давайте вернемся к главной проблеме, — говорю я, — чистилище. Помните?

— Это пристанище Дьявола. Только единицы знают, где оно находится.

— И теперь мы в числе этих единиц.

— Верно. — Джейсон достает из кармана брюк пачку сигарет и шмыгает носом. — Тебе несказанно повезло, мальчик. Многие отдали бы жизнь за такую информацию.

— За месторасположение склепа?

— Говорят, в чистилище можно найти все, что пожелаешь. Вход туда пытались найти не только сверхъестественные существа, но и люди. Удивлен? А я — нет. Прошли столетия, прежде чем удалось определить город. Прошли века, прежде чем нашли кладбище.

— Но проход так и не открыли?

— Нет. Дверь в город Дьявола скрыта от любопытных глаз.

Норин присаживается рядом с сестрой и приобнимает ее за плечи.

— Видимо, Меган в отчаянии, — шепчет Мэри-Линетт, — это опасная информация.

— Ее убьют, если узнают.

— Не думаю, что нас это должно волновать. — Бросаю я.

— Да. Нас должно волновать другое, — игнорируя мою реплику, проговаривает Норин и осматривает всех, кто находится в комнате. — Завтра в полночь необычный день.

— В смысле? — Недоумевает Хэйдан, сдвинув на переносице очки.

— Завтра день рождение Ариадны. Ей исполняется восемнадцать.

Джейсон прикрывает глаза, а я растерянно повожу плечами:

— И что?

— Восхождение.

— Какое еще восхождение?

— После совершеннолетия мы становимся сильнее.

Ну, конечно, и кто бы сомневался? Я отхожу в сторону и прокатываюсь ладонями по вспотевшему лицу. Мне вдруг кажется, что пыль уже срослась с кожей. Здесь невыносимо находиться. Слишком тяжелый запах, слишком легко сойти с ума.

— Люцифер устраивает прием в ее честь, — шепчет Норин. — Вот почему тут была фон Страттен. Она боится того, что случится, когда Ариадна достигнет зенита своей силы.

— Выходит, она действительно хочет, чтобы мы ее остановили? — Не понимает Мэри.

— Выходит, что так.

— Выходит, завтра мы должны оказаться одновременно в двух местах, — затянувшись, сообщает Джейсон и впивается взглядом в небесно-голубые глаза Норин. — Кто-то должен отправиться в Ортигию и привезти в Астерию Дельфию Этел.

— И кто-то должен отправиться в чистилище, — продолжает она, — чтобы вернуть Ари и запереть до окончания Йоля. Запереть до того момента, пока она вновь не обретет силы.

— Ортигия? — Переспрашиваю я.

— Да. Именно там живет Дельфия. Восемьсот километров к Западу.

Я перекидываю рюкзак на другое плечо и свожу брови. Нам придется разделиться.

— Я должна пойти на прием, — неожиданно отрезает Норин и поднимается с кушетки.

Мы одновременно смотрим на нее, а она, будто бы не обращает внимания. Ладонями приглаживает края толстого свитера и поджимает губы.

— И почему именно ты? — Настороженно интересуется Мэри. — Объяснишь?

— Все очень просто. На приеме будет Люцифер.

— И что с того?

— Если что-то пойдет не так, я смогу...

— Что сможешь? — Резко перебивает женщину Джейсон. Она смотрит на него. Но я не могу наблюдать за этими терзаниями и отворачиваюсь. Чертовы чувства. Они всегда с ума

нас сводят. Никакого от них толку. Абсолютно никакого.

— Смогу предложить ему то, — едва слышно отрезает Норин, — чего он жаждет.

— Вот как.

— Да. Вот так, Джейсон.

— Нет.

— В смысле?

— Нет, значит, нет. Ты не пойдешь на прием.

— По какой причине?

— Именно по той, что ты уже назвала, дамочка, — приближаясь к Монфор, восклицает Джейсон и затягивается. — Там будет Люцифер, и вам незачем пересекаться.

— Я не спрашиваю у тебя разрешения, — рывкает она.

— Тогда спроси разрешения у меня, — подняв руку вверх, тянет Мэри. — Я против.

Норин превращается в разгневанную львицу, у которой загораются глаза, и пальцы в кулаки сжимаются. Она порывисто поворачивается к сестре и восклицает:

— Хватит заботиться о себе. Хватит защищать друг друга. Мы потеряли Ари.

— И ты хочешь, чтобы мы еще и тебя потеряли?

— Я хочу вернуть нашу племянницу домой. И для этого действовать нужно верно. Ты меня слышала, Мэри? Рационально. Умно. Расчетливо. Я должна присутствовать на этом приеме, потому что тогда у нас появится больше шансов, что Ари вернется в семью, и я не собираюсь вас слушать. Вы можете и дальше сопротивляться, будто дети, а мне уже давно не страшно умирать за то, во что я верю.

— Да что тебе известно о смерти? — Прищурившись, выплевывает Джейсон.

— А что о ней известно тебе?

— Побольше твоего, дамочка.

— Думаешь?

— Мы должны заботиться о своей жизни!

— Поэтому ты все еще здесь? — Округлив глаза, вопрошает она. — Поэтому ты стоишь передо мной весь бледный, измотанный, измученный болезнью, которая исходит от меня, от моего взгляда. И не уходишь?

Джейсон замолкает, а Норин жестко усмехается. Она покачивает головой.

— Я иду на прием. Точка.

— Тогда я тоже, — рычит мужчина.

— Ты должен поехать в Ортигию. Ведь именно ты нашел дом Дельфии.

— Наплевать. Я тебя одну не отпущу.

— Мы съездим. — Неожиданно предлагает Хэйдан и смущенно поджимает губы. Он не решается подойти ближе. Лишь неуклюже покатывается на носках кроссовок. А затем мне в глаза смотрит мужественно, и я, черт его возьми, думаю, что он собирается меня позвать с собой, но нет. Брат кивает на Мэри-Линетт и почесывает шею. — Мы с Мэри.

Я с облегчением выдыхаю. Это отличная идея. Хэрри будет вдалеке от всего, что тут происходит, он будет в безопасности. Вдобавок, он не увидит, как я предаю друзей.

Как я убиваю Ариадну Монфор.

— Я согласен, — быстро выпаливаю я, положив ладонь на плечо брата, — поезжай.

— Что за заговор? — Сетует Мэри, прикрыв бледное лицо подушкой. — Я должна быть здесь, а не колесить по Ортигии. Это неправильно, черт возьми.

— Послушай, это лучший вариант, — присев рядом с сестрой, отрезает Норин.

Она убирает в сторону подушку, а Мэри-Линетт надувает губы, будто ей пять лет.

— Я вас ненавижу. И тебя ненавижу, Хэрри.

— Да что я? Разве есть другой выход?

— И как я тебя здесь оставлю? — Округлив глаза, восклицает Мэри и хватается за руки сестры. — Господи, Норин, мы никогда еще не расставались. Это безумие. Я так не могу.

— Ты должна привезти Дельфию Этел. Ты меня услышала?

— Но...

— Это важно, Мэри. Ты отлично водишь. Вы доберетесь до Ортигии в два счета.

— Я согласен, — заведя за спину руки, кивает Джейсон, — мы выиграем время.

— Мне не нравится этот план: пока вы будете развлекаться на приеме, мы будем ехать в задницу мира. Почему, можно узнать?

— Давай, поднимайся. Чем скорее вы поедете, тем лучше.

— Ты посмотри на нее, она меня еще и прогоняет!

Норин неожиданно улыбается, и я невольно замираю: я давно не видел, чтобы у этой женщины на лице играла искренняя улыбка. Она прокатывается пальцами по щеке сестры, кивает и шепчет:

— Не зли меня. Собирайся.

— Отлично. — Мэри-Линетт ловко поднимается с дивана и приближается к Джейсону, сощуриив глаза. — Ты за главного, услышал? Проследи за этими недотепами.

— Как скажешь.

— А ты, — теперь Мэри тыкает пальцем в мою сторону, — не вздумай бросать их.

— Да, конечно. — Я вру так убедительно. — Вы меня знаете. — Нет, совсем не знаете.

Она кивает, уходит, а я опускаю взгляд в пол. Я поступаю правильно. Правильно.

— Слушай, — внезапно шепчет Хэйдан, и я поднимаю голову, — ты это...

— Что?

— Ну...

Брат неуклюже кусает губы и по сторонам смотрит. Внутри у меня все стягивается и переворачивается. Я так сильно стискиваю зубы, что хруст проносится по челюсти. И мне кажется, что хуже уже быть не может. Но тут вдруг Хэрри обнимает меня. Он делает это так неожиданно, что я даже не успеваю отреагировать! Застываю с распахнутыми глазами и пялюсь куда-то вперед, на оконную раму.

— Ты прости, я чуши наговорил, — бурчит брат, — я рад, что ты здесь. Я волновался.

— Все в порядке, ладно? — Виновато зажмуриваюсь. — Это я кретин.

— Пообещай мне.

— Что?

Хэйдан отстраняется и прожигает меня взглядом полным веры и надежды. Он так на меня смотрит, словно доверяет мне. А я кусок дерьма. Я собираюсь его предать.

— Пообещай мне, что ты сделаешь все, чтобы Ари вернулась домой.

— Хэрри...

— Просто скажи это. Ты никогда слов на ветер не пускаешь. Давай. Скажи.

— Я... — Сглатываю и твердым голосом проговариваю. — Я обещаю.

Плечи Хэрри опускаются, и он вымучивает тусклую улыбку.

— Вух, отлично. И следи за голубками. Мало ли, что с ними случится.

— Ты меня знаешь. Я всегда за всеми слежу.

— Верно.

Хэйдан похлопывает меня по лопатке, отворачивается, а потом вновь обнимает.

Я стою обездвижено и в ступоре. Жаль, что мой брат ошибается. К сожалению, он не представляет, что восхищается предателем и крепко сжимает в руках настоящего убийцу.

ГЛАВА 16. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, АРИ.

Когда я возвращаюсь домой, на моей кровати оказывается черный костюм и нелепая маска, как в фильме «Призрак оперы». Джиллианна любила этот фильм. Я смотрел его раз сто, может и больше, и меня всегда дико раздражала кривая маска на лице главного героя.

Тру от усталости глаза и подхожу ближе. На пиджаке валяется записка.

«Не опоздай».

Очень мило со стороны Меган фон Страттен подарить мне классический костюм. Да, я просто в восторге. Выходит, это маскарад? Замечательно. Так будет проще скрыть лицо.

Я сообщаю Джейсону о том, что они с Норин должны найти костюмы, а потом прячу футболку Ариадны в самый дальний угол шкафа. Плетусь в ванную комнату и стягиваю с плеч толстовку, потом снимаю футболку. На моем теле всегда было много шрамов, сейчас на нем много гематом и порезов, словно я влипаю в неприятности каждые две минуты. Не помню, чтобы я так паршиво выглядел. Щетина покрывает подбородок, под глазами синие круги, будто я не сплю. Хотя, так и есть, я не помню, когда мне в последний раз удавалось нормально отдохнуть. В моей ситуации это непозволительная роскошь.

Я бреюсь, оставляя мелкие порезы, затем под душем смываю остатки дня.

Остатки всех этих дней.

Из ванны я выхожу другим человеком: спокойным и расслабленным. Что бы со мной ни случилось, я со всем справлюсь. Жизнь — дерьмо. Я знаю, я в курсе. Я привык, когда на меня обрушивается ливень из проблем и уже даже не чувствую себя загнанным в угол.

Так или иначе, у каждого из нас своя клетка. Просто в моей нет воздуха и света.

Я не спускаюсь к ужину. И не выхожу на завтрак. Отец заходит ко мне в обед. Но я с ним не разговариваю. Отмахиваюсь, указывая на учебник по биологии, и отворачиваюсь, даже не представляя, что вообще я могу сказать папе, после того, как рыдал на его плече с полчаса, как истеричная девчонка.

Что он теперь обо мне думает? Какие действия собирается предпринять?

Ответ не заставляет себя долго ждать. Часам к пяти ко мне в спальню заходил Дол, и я подозрительно прищуриваюсь, потому что меня раздражает, когда она пытается казаться милой и заботливой мамочкой, которой, увы, не является.

— Мэтт, тут кое-кто пришел.

— Кто?

— Спустишь и увидишь.

— Я никого не жду.

— Спустишь, — повторяет она, кивая, и ее светлые локоны скатываются с плеч, — живо.

Приказной тон? Со мной такие приемы не срабатывают. И, все же, что-то заставляет меня поднять зад и последовать за ней. Возможно, совесть, которая когда-то смотрела на меня в отражении. Или, возможно, мне просто надоело целый день валяться в постели и с маниакальной сосредоточенностью раз за разом обдумывать план действий.

Дол проводит меня в гостиную.

На диванесидит отец, рядом с ним сидит неизвестный мужчина: он толстый или нет,

жирный, как кусок сала. Еще и потный кусок сала с мокрой спиной и блестящими щеками английского бульдога. У незнакомца почти нет волос. Лысина сверкает в ярком свете. И к этой лысине, словно пиявки, прилипли черные пласты кудрей. Когда-то он этими кудрями покорял девчонок. Сто процентов. Хотя, о чем это я? Разумеется, нет.

— Мэтт, — папа нервно вскакивает на ноги и потирает ладонями колени, — я хотел тебя познакомить с мистером Рокетсоном. Слышишь? Подходи ближе.

Свожу брови. Что за чертовщина происходит? Я останавливаюсь и сплетаю на груди руки. Если он думает, что я просто так выполню то, о чем он меня просит — он ошибается.

— Что за мистер Рокетсон?

— Приятно увидеть тебя воочию, Мэттью! — Толстый мужчина, от которого несет так сильно, что глаза слезятся, подпрыгивает ко мне и протягивает пухлую ладонь. — Очень!

Я нежимаю руку.

— Кто вы?

— Это психиатр, Труман Рокетсон, — важным голосом поясняет Долорес, а я гляжу на нее через плечо и чувствую, как мое лицо возгорается. Руки падают сами собой. Я плююсь на женщину и действительно верю, что она проговорила нечто на иврите.

— Что? — Наконец, мой язык отмирает. — Что ты сказала?

— Психиатр. Мы решили, что тебе нужно поговорить с кем-то.

У меня нет слов. У меня нет сил. Первые несколько секунд я не знаю, что ответить и что закричать, потому что прибываю в странном, туманном состоянии, во время которого так и тянет разбить кому-то морду. Но здесь отец и Долорес, их бить как-то неправильно... Выходит, не повезет толстому ублюдку, но у него и так жизнь не классная, да? Разве стоит подливать масло в огонь? Мои сумбурные мысли вертятся в голове, словно сумасшедшие, и, решив, что напугать отца больше попросту невозможно, я смеюсь. Прыскаю со смеху и отворачиваюсь. Оглядываю круглыми глазами комнату и отцу в лицо смотрю растерянно.

— Ты пригласил в дом мозгоправа? — Кривлю губы и вновь усмехаюсь. — Ого. Смелый поступок, пап, очень смелый. Кого он будет лечить?

— Мэттью, пожалуйста.

— Что? Я задал обычный вопрос.

— Прекрати.

— Он сможет тебе помочь! — Горячо восклицает Долорес и приближается ко мне. — Он тебя выслушает, найдет способ избавиться от...

— Чего?

— От проблем, — договаривает отец, сведя брови, — а у тебя ведь много проблем.

— Ты серьезно? — Я больше не смеюсь. Я начинаю злиться. — Невероятно.

— Мэттью, тебе нужна помощь! Слышишь? Сынок, тебе нужен человек, который тебя услышит, который поймет, что творится в твоей голове.

— И ты решил, что этим человеком должен быть какой-то Балу из Детройта?

— Ради Бога, простите, — щебечет Дол, поджав от стыда губы, — он пошутил.

— Да, мистер Рокетсон, я великий шутник, — рычу я, стиснув зубы.

Неожиданно мне становится очень неприятно. Вместо того чтобы понять меня, отец пригласил в дом чужого человека. Я знаю, что напугал его. Знаю, что заслуживаю злость и недоверие. Но в такой поступке проскальзывает неуважение, будто я кусок дерьма. Никто не хочет марать руки, и поэтому пригласили докторишку в перчатках. Меня тошнит. Здесь нет моих родных. Я вдруг отчетливо ощущаю, что я остался один.

— А знаете что, — на выдохе протягиваю я, взмахнув рукой, — вы тут оставайтесь. А я, пожалуй, пойду.

— Мэтт, пожалуйста.

Я поворачиваюсь к папе спиной, делаю несколько шагов и останавливаюсь, так как в мое плечо впивается его рука. Отец тянет меня назад, а я порывисто подаюсь к выходу.

— Ты никуда не пойдешь.

Оборачиваюсь. Я всегда любил отца. Но сейчас я его ненавижу.

— Мэтти, — хрипит он, приблизившись ко мне почти вплотную, — я ведь помочь хочу.

У нас похожие глаза. Мы одинаково разговариваем. Одинаково движемся. Но что-то в эту минуту разрывается, связь между нами исчезает. Пять лет назад у меня умерла мама.

А сегодня у меня умер отец.

— Ты просто должен был спросить. — Бросаю я.

— Мэттью.

— Я бы рассказал.

— Так расскажи сейчас, — папа хватается ладонями за мои плечи, — я здесь, я рядом.

Сбрасываю его руки и равнодушно повожу плечами.

— Нет. Тебя здесь нет.

Он собирается сказать что-то еще. Но я схожу с места. Поднимаюсь на второй этаж и скидываю нужные вещи в огромный рюкзак, перекидываю костюм через плечо. Я выхожу из дома под бормотание Дол о том, что я совершаю огромную ошибку.

Мне наплевать на ее слова.

Близкие люди должны доверять друг другу. Они должны верить друг в друга. Никто в этом доме никогда в меня не верил. Я всегда был плохим сыном, плохим братом. Что бы я ни делал, отцу всегда было мало. Хорошие оценки и успехи в спорте — мало. Я подорвал его доверие в тот день, когда попал в аварию, и с тех пор он не прощает мне ничего, будто вместе с капотом машины вдребезги разбились и наши отношения.

Я не хочу ехать к Монфор. Не хочу видеть Джил. До полуночи еще много времени, и я решаю поехать в парк, чтобы оказаться как можно дальше от знакомых лиц. Хотя, они в этом городке повсюду. Куда не сунься. Я припарковываюсь в тени деревьев. Пикап Хэрри неуклюже глохнет, когда я преждевременно снимаю ногу с педали сцепления. Но плевать, на все плевать. Включаю радио, откидываюсь в сидении и прикрываю глаза.

Наверно, я должен чувствовать себя одиноким. Но я не чувствую.

Я представляю, что со мной рядом сидит Ариадна. Та самая, что смеялась на уроках по биологии, та самая, что перевернула с ног на голову мою жизнь; неожиданно я думаю о том, что я скучаю по ней. Да. Впервые за эти два дня я скучаю по Ари. Принимаю, что все же когда-то она существовала и делала мою жизнь не только опасной, но и стоящей.

Я отчетливо вижу ее изумрудные глаза, которые пробивают брешь в моей защите. Я терпеть не могу, когда люди переходят черту, прорываются внутрь моих мыслей. Но я бы все рассказывал Ариадне. Я бы спросил у Ари, что мне делать. А она бы ответила:

— Жить дальше.

И я бы непременно закатил глаза, а потом она бы сжала мою руку. Возможно, меня к Ариадне влекло не потому, что она была жертвой, которую с первого же дня я должен был спасти. Возможно, жертвой был я. Жертвой повседневности, фальши. Я всегда боролся со всеми проблемами в одиночку, Ари ненавидела, когда за нее принимали решения. Но мы с ней почему-то спасали друг друга, и это было приятно. Это делало нас похожими.

Жаль, что Ари больше нет.

***

Я еду вслед за черной машиной Джейсона. Норин предлагала поехать вместе, но я не представляю, как выдержу несколько часов в их компании. Не то, чтобы они мне казались чужаками, или я испытывал неприязнь. Просто сейчас мы по разные стороны баррикад.

Я отдельно от них, они отдельно от меня. Пусть так и остается.

Мы приезжаем к кладбищу без четверти двенадцать. Я выкатываюсь из пикапа и тут же бросаюсь к сумке, чтобы не забыть пузырек, который мне отдала Джиллианна.

— Ты идешь?

— Да. — Прячу склянку в карман брюк. — Две секунды.

Пронести лук вряд ли удастся. Я бы смог спрятать браунинг за спину. Но сама мысль о том, что мои пальцы вновь зажмут ледяной металл пистолета, сводит с ума. Никогда уже я не смогу взять в руки оружие. И это хорошо. Наверно, это хорошо.

Закрываю пикап.

— Что ж, будем действовать согласно плану, — ровным голосом отрезает Норин.

— Да. — Кивает Джейсон. — Попадаем в чистилище, находим Ариадну. Ты отвлекаешь.

— Я помню.

— Рисуем клетку, вырубаем рыжеволосую бестию и сматываемся.

Если бы все было так просто. Я почти уверен, что ничего из нашего плана не выйдет. Но какая разница? Будем импровизировать по ходу дела, как обычно; к тому же, я как-то и не собираюсь действовать по команде Джейсона. Надеюсь, мне удастся поговорить с Ари, если так вообще можно называть общение между нами. Эликсир даст мне фору. Пока Ари будет думать, что управляет мной, я сделаю все, чтобы управлять ей.

На Норин Монфор зеленое платье и черная накидка. Она выглядит уверенной в себе, пусть я никогда прежде и не видел ее в подобной одежде. Раньше мне казалось, что она не представляет жизнь без толстых свитеров и бесформенных брюк. Сейчас я не узнаю ее. Не узнаю в этом человеке замкнутую Норин Монфор, передо мной женщина, красота которой способна разрезать на части и выворачивать наизнанку.

На Джейсоне тоже классический костюм. Подобное зрелище дорого стоит.

— Что? — Он неуклюже поправляет воротник. — Ненавижу такую одежду.

— Мы идем на бал к Сатане. — Я вдруг хочу пошутить, как это часто делал Хэрри. — У тебя нет выхода. Там дресс-код. Впускают в той одежде, в которой потом хоронят.

Мужчина усмехается, а Норин покачивает головой. Ей моя шутка не понравилась.

На кладбище так темно, что я не вижу надгробий. Просто плетусь за Джейсоном и не думаю о том, что, возможно, под моими ногами закопан чей-то труп. Мерзкое место. Да, я понимаю, что все мы умрем, но я предпочел бы стать пеплом, а не кормить червей. Хэрри умный парень. Я уверен, он додумается развеять мой прах по ветру. Или что там делают.

— Почему именно Мефистофель? — Спрашиваю я, изучая корявые ветки деревьев.

— По одной из легенд, Мефистофель — это злобный дух, — поясняет Джейсон. — Часто фигурировал в мифологии эпохи Возрождения.

— И с каких пор хоронят злых духов?

— Люди умудряются похоронить даже свое будущее, — едва слышно отрезает Норин и

выходит вперед, поддерживая низ платья, — так что не удивляйся. Все возможно.

Я хмыкаю, но вопросов больше не задаю.

Несколько минут мы блуждаем вдоль старых могил, вдоль черных троп и каменных ангелов с распростертыми крыльями вместо рук; единственным звуком, сопровождающим нас, является свист ветра. В темноте виднеются лишь каменные надгробья и кресты. Небо сливается с угольной землей, а луна едва выглядывает из-под серых облаков. Мертвые все слышат, я почти уверен. Слышат топот наших ног, слышат стуки наших сердец. Но как бы паршиво я себя не чувствовал, и какие бы образы не рисовал в голове, я продолжаю идти.

Наконец, Джейсон останавливается перед массивной древней статуей ангела смерти. Его лицо скрыто за каменной мантией. Его костлявые пальцы сжимают косу. Позади него расположен небольшой склеп, дверь в который оказывается открытой.

Норин нервно сглатывает, а я закатываю глаза. Не время сейчас бояться.

Что-то щелкает у меня в голове, и я решаю пойти во мрак первым.

— Подожди, — Джейсон хватается меня за плечо, — не торопись.

— Это просто проход.

— Просто проход в чистилище Люцифера.

— Нас пригласила Меган фон Страттен. Если бы уже здесь нам угрожала опасность, у нее бы возникло желание предотвратить ее. Тебе так не кажется?

— Мне кажется, что все не так просто.

— Вот и проверим. — Я сбрасываю руку напарника, а он вскидывает брови.

Пожалуй, Джейсон удивлен. Но я понятия не имею, чему именно.

— Как знаешь, — отвечает он и отступает назад, не отводя от меня карих глаз. Я бы не сказал, что мы с Джейсоном хорошо друг друга знаем. Но что-то мне подсказывает, что он изучает меня, сомневается во мне. Джейсон подметил нечто такое, что сбило его с толку.

Что именно? Отчаяние в глазах? Резкость в голосе? Уверенность в действиях?

Взъерошиваю волосы и шумно выдыхаю. Пусть думает, о чем хочет. Все равно он не узнает, что мучает меня и не дает нормально дышать.

Я решительно прохожу вперед, огибаю статую и переступаю через порог. Темнота в ту же секунду, будто живой монстр, накидывается на мои плечи, и я оказываюсь во мраке.

— Черт, — порывисто оборачиваюсь, но вдруг понимаю, что позади меня черная стена.

Я угодил в ловушку из угольных прутьев, и я ни черта не вижу перед глазами.

Мне ничего не известно о панике. Но сейчас нечто извне подчиняет рассудок. И мне становится так паршиво, что поперек горла подскакивает вопль, оборачиваюсь, взмахиваю в темноте руками, пытаюсь наткнуться хотя бы на какую-то преграду, и выплевываю:

— Ну же, — панически оглядываюсь, — это просто склеп, просто склеп.

Но в этом мире не бывает просто склепов. Именно поэтому в следующую секунду на расстоянии вытянутой руки от меня появляется человек в рваной накидке. Воздух, словно кулаками заталкивают в мою глотку. И я не понимаю, откуда появляется тусклый свет, не понимаю, откуда появляется этот незнакомец.

И не понимаю, почему на его лице отсутствуют глаза, губы, нос, брови. Нет ничего.

— Твою мать, — я стремительно отхожу назад, — черт, черт. Черт!

Демон или существо, не знаю, что это за чудовище, двигается ко мне, неестественно выгибая спину. Его движения дерганые, рваные. Я слышу, как он шаркает ногами.

— Не подходи, — рявкаю я, выставив перед собой ладони, — я сказал...

«Добро пожаловать, Мэттью Нортон», — внезапно возникает голос в моей голове, и я

ошеломленно примерзаю к месту, округлив до рези глаза. Существо замирает, а его голова наклоняется в бок, но на лице так и не появляются очертания.

Дерьмо. Какое же дерьмо. Я громко сглатываю и прищуриваюсь:

— Что ты за тварь?

«Чтобы пройти дальше нужно заплатить, Мэттью Нортон».

— Что?

«Переступив порог чистилища, ты потерял часть себя. Какую часть?»

Что происходит? Я ничего не понимаю, я до боли стискиваю зубы и подаюсь вперед, борясь с дикой паникой, бурлящей где-то между висков. Кровь так и стучит в голове! Бум, бум, бум. Это сводит с ума. Заставляет дрожать от ужаса.

— Что вам от меня нужно?

«Ты должен заплатить».

— Я не собираюсь платить.

«Ты заплатишь или умрешь».

Умрешь. Он сказал, что я умру. Судорога прокатывается по спине, и мне на редкость становится трудно дышать. Я не планировал сегодня умирать. Существо дергается ко мне, а я сжимаю в кулаки пальцы. Пусть только подойдет, я разом его вырублю.

«Ты потерял часть себя», — повторяет безликий монстр. «Какую?»

— Что вы имеете в виду? Я не понимаю.

«Заплати. Все платят».

— Но чем заплатить?

«Удача. Любовь. Покой. Интерес. Радость. Выбирай».

— Если я выберу, что произойдет?

«Ты потеряешь это навсегда. Выбирай, Мэттью Нортон».

— Но я не могу.

«Выбирай или умри», — существо подходит так близко, что я замечаю кожу, которая полностью обтягивает его лицо, будто лицо манекена. Желудок валится вниз. «Выбирай».

У этого монстра нет глаз. А у меня такое ощущение, будто меня пронзают насквозь. Я импульсивно отворачиваюсь и зажмуриваюсь, пытаюсь соображать, пытаюсь понять, что в моей жизни играет меньшую роль. Удача, любовь, покой, интерес, радость. Что? Что для меня неважно, что можно выкинуть? Любовь, я не хочу любить, это больно. И я открываю рот, чтобы навсегда со своего пути убрать это отвратительное чувство. Чтобы всегда быть в состоянии контролировать свои поступки, контролировать свои мысли. Но я оказываюсь невероятным слабаком. Я застываю с широко распахнутыми глазами и понижаю.

— Нет, — качаю головой, — я не смогу.

«Выбирай. Выбирай прямо сейчас! Выбирай!»

— Покой, — шепчу я, подняв подбородок, — я согласен навсегда избавиться от покоя.

Существо выпрямляется и поднимает руки с невероятно длинными пальцами.

«Да будет так».

Внезапно его руки вонзаются в мою грудь грубыми движениями. От боли я ору и закидываю назад голову, и я смотрю в пустоту и не вижу ничего. Возможно, я уже мертв.

Но боли приходит конец. Копаясь в моих внутренностях, монстр издает гортанные и нечленораздельные звуки, а затем резко отпихивает меня от себя, и я со всей силы влетаю спиной в какую-то преграду. Ноги подкашиваются. Я валюсь вниз. И я жду, что этот зверь вновь накинется на меня, но ничего не происходит.

Когда я поднимаю голову, я оказываюсь в совсем другом месте.

Я оказываюсь посреди широкой дороги, подземного туннеля. Позади меня возникает дверь, ведущая обратно на кладбище. Выходит, я лишь переступил через порог, и все, что я видел, происходило только в моей голове.

— Черт возьми, — прокатываюсь ладонями по вспотевшему лицу и выдыхаю, — черт.

Ну, и дерьмо творится в этом мире. Интересно, неужели я и, правда, лишился покоя?

— Ты как? — От голоса Джейсона я отшатываюсь в сторону.

Он усмехается, а я недовольно закатываю глаза.

— Не подкрадывайся ко мне больше.

— Прости. Ты в порядке?

— Да.

— Ты бледный.

— Мы в чистилище, — прохожусь рукой по мокрой шее и бесстрастно киваю. — Тут все такие. Не обольщайся, ты выглядишь еще хуже.

Джейсон кривит губы, изучая меня любопытным взглядом, а я отмахиваюсь. Пусть в глаза Норин так смотрит. Мне жалости не нужно.

Оказывается, каждому из нас пришлось заплатить. Джейсон продал удачу. Норин же избавилась от радости. Не знаю, чем руководствовались эти двое: удача нам сейчас весьма кстати, а жить без радости — разве это вообще возможно?

— А как ты планируешь жить без покоя? — Интересуется Монфор и покачивает в такт моему сердцебиению головой. — Ты так молод, мальчик.

— О чем вы?

— Как ты насладишься радостью, любовью, счастьем, если никогда не успокоишься?

Что за глупый вопрос. Мы идем вперед по широкому туннелю, освещенному яркими факелами, но я почему-то не вижу дороги под ногами. Вижу грустный взгляд Норин.

— Сомневаюсь, что наша жизнь вообще может быть спокойной.

— Когда-то приключения подойдут к концу.

— Думаете?

— Да, для многих из нас данное испытание станет прошлым. Но для тебя оно навсегда останется настоящим, мой мальчик. Мне очень жаль.

Норин поглаживает меня по спине, а я свожу брови. Она не понимает, что говорит. Я уверен, она просто не понимает, и тут мне вдруг становится страшно: что, если терзания в моей груди, никогда не прекратятся?

Я будто тону все глубже и глубже. Глубже и глубже. Почему никто не вытащит меня на поверхность? Я как никогда нуждаюсь в близком человеке. Мне нужна помощь.

Вскоре мы оказываемся перед ярко-красной дверью, на которой нарисована золотой краской пентаграмма. На фоне каменной стены дверь выглядит довольно странно. Что мы за ней увидим? Куда мы попадем? Джейсон откашливается и переводит на меня взгляд.

— Мы на месте.

— Но что за порогом?

— Что бы ни случилось, просто иди за мной, — наставляет мужчина, нахмутив лоб. — Я внятно выразился, мальчик?

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Ты на мой тоже.

— Джейсон хочет сказать, что мы должны держаться вместе, — вмешивается Норин и с

волнением изучает меня бирюзовыми глазами. — Никто из нас еще не был в чистилище. И мы не знаем, с чем нам предстоит столкнуться. Лишь одно ясно.

— Что именно?

— Что ничего хорошего за этой дверью нас не поджидает, — кивает напарник. — У тебя в голове бардак. Я чувствую. Разберись с этим, Мэттью. Что бы ни сводило тебя с ума, ты должен взять это под контроль.

— У меня и так все под контролем, — холодно отвечаю я.

Мужчина кивает, но вряд ли он мне поверил.

Норин собирается пойти первой, но Джейсон опережает ее, вырвавшись вперед.

— Да что с вами сегодня, — хрипит он, мотнув головой. — Я иду впереди, я говорю, что мы будем делать. — Он прожигает нас недовольным взглядом. — Ваше желание покончить с собой невероятно раздражает меня, поэтому, будьте добры, успокойтесь.

— Но...

— Вы меня услышали? Отвечайте. Иначе мы прямо сейчас вернемся обратно.

— Кто дал тебе право так разговаривать? — Возмущается Норин, правда, неуверенно и как-то незащитно. Пожалуй, она тоже ощутила ярость, что волной исходит от оборотня.

— Я вас сюда привел. И я вас выведу. Думайте, прежде чем совершать поступки.

— Сколько можно думать? — Рывкаю я, отвернувшись.

— Думать нужно всю жизнь, мальчик. Я думал, ты в курсе.

Разочарование в его голосе отдается во мне, будто пинок под дых. Я вновь перевожу на Джейсона взгляд, но он уже отворачивается. Он решительно хватается за ручку и тянет дверь на себя. В ту же секунду мощный поток воздуха врывается в наши лица. И мы вдруг оказываемся посреди широкой улицы, ведущей к огромному, безумной красоты зданию.

Я ошеломленно вскидываю брови и замираю, оказавшись рядом с Монфор.

— Боже мой, — шепчет она. Норин так же, как и я не может оторвать глаз от изящного, величественного сооружения, выполненного в эклектичном стиле. Чистилище Дьявола — это невысокое здание, горизонтальной посадки, с множеством прямоугольных окон. Окна подсвечены желтыми лучами, отчего мне кажется, будто строение движется.

На улице шумно и многолюдно. Незнакомцы в броских, необычных костюмах идут к главному входу Чистилища Люцифера. Лица знакомцев прикрыты масками, потому я не могу понять, кто проходит мимо: человек или чудовище.

Ловким движением я тоже надеваю маску, а затем оглядываюсь и замечаю огромное количество рыночных ларьков, расположенных вдоль улицы. Странно.

Возле каждого из ларьков толпятся люди, они дерут плотки и вскидывают руки, едва не бросаясь с кулаками друг на друга. Что именно их так привлекает? Что сводит с ума?

Я невольно отхожу от Джейсона и Норин, часто дыша под плотной маской. Меня так манит невидимая тяга, что я не могу сопротивляться, я не знаю, что со мной. Мысли разом спутываются. Я бреду к ларьку, отталкиваю толпу зевак и прорываюсь в первые ряды.

— Что здесь такое, — голос совсем сиплый, — что происходит.

— Осторожно!

— Отойди!

— Это мое место!

Обезумевшая толпа набрасывается на меня, как на свежий кусок мяса, она упрямо не подпускает меня ближе, сжимает в тисках, не дает дышать, а я слышу:

— Второй шанс! Последняя склянка! — Женщина в длинном, рваном платье поднимает

руки и хищно улыбается. — Кому достанется второй шанс? Кто готов заплатить?

Что? Второй шанс?

— А, может, вам нужна щепотка смелости? Капля страсти?

— Закупоренные смертные грехи! — Кричит мужчина с соседнего прилавка.

— Уколы вдохновения! Муза не оставит вас, если вы сделаете всего одну инъекцию!

— Деньги в обмен на совесть! — Воскликает позади худощавая женщина. — Вы отдаете нам свою совесть, а мы обеспечиваем вам безбедное существование! Не проходите мимо!

Голова идет кругом; я ошарашено изучаю дикие лица людей и продавцов, и я толком ничего не понимаю. О чем они говорят? Неужели можно продать совесть? Только сейчас я замечаю, что на лицах покупателей нет масок. Это обычные люди с красными от злости и ярости глазами и трясущимися руками. Люди рвутся к ларькам, будто голодные собаки. Я вижу, как молодая девушка сидит за столом, а над ней нависает болезненно худой старик. Он вкалывает в ее вену на руке какую-то золотисто-красную жидкость. Лицо девушки не кажется мне здоровым, оно бледное, блестящее от пота, а веки подрагивают от судорог. Я невольно подаюсь к ней, потому что знаю, что должен помочь, но внезапно кто-то хватается за локоть и резко вытаскивает из образовавшейся толпы.

Я не сопротивляюсь, потому что понимаю, что это Джейсон. Я послушно выбираюсь из океана безумия и останавливаюсь только рядом с Норин Монфор. Она шумно вздыхает.

— Ты не должен был отходить.

— Я просто услышал... и сопротивляться сложно. Я не хотел.

— Может, мне привязать тебя? — Резко бросает Джейсон, на что я щурюсь.

— Попробуй.

— Прекратите. Сейчас не время выяснять отношения.

— Что здесь происходит? — Я смахиваю пот с подбородка и поправляю маску. — Здесь продают немыслимые вещи. Совесть, смертные грехи. Не понимаю.

— Ярмарка соблазна, — задумчиво протягивает Норин, — о ней ходят легенды.

— Но как сюда попали все эти люди? Я имею в виду... это просто люди. Обычные.

— А как сюда попал ты?

— Я — другое дело.

— Везде случаются исключения, мальчик, — раздосадовано хрипит Джейсон.

— Это не исключение. Это чистой воды безумие.

— Давайте не терять времени, ладно? — Норин пристально смотрит на меня и кивает, у нее удивительная способность глядеть не на человека, а внутрь него. — Потом поговорим.

Она права. Мы обмениваемся взглядами и бредем за толпой в Чистилище Люцифера, которое напоминает гигантский театр. И я, наконец, вспоминаю, зачем пришел сюда. Мне становится немного легче, ведь у меня есть цель. Когда есть цель, ты можешь предугадать конечный результат, а, значит, тебя не страшит неизвестность. Я стараюсь даже не думать о том, где я, и каким образом в склепе Мефистофеля оказалась целая улица и сооружение, размером с городскую мерю. Все это вполне обычно для мира, в котором я нахожусь. Это единственное, что имеет значение. Я должен абстрагироваться и на несколько часов стать человеком, который не подозревает, что за статуей Ангела Смерти есть иной мир.

Мир обычных людей.

Мы проходим в чистилище и оказываемся в вестибюле перед золотой лестницей. Я с удивлением притормаживаю. Выложенный мрамором разных цветов, вестибюль вмещает двойной пролёт лестницы, внизу у подножия лестницы стоят два бронзовых торшера — это

женские фигуры, их лица, искореженные гримасой боли, овиты колючей проволокой. Над головами плавают яркие сгустки лучей. Я с интересом слежу за ними и невольно замечаю, что на расписанном потолке изображены различные музыкальные аллегии. По воздуху витают звуки стонущей скрипки.

Мы идем дальше, неспешно поднимаемся по лестнице и проходим в главный зал, где мозаикой выложен мраморный пол. Под музыку кружатся пары, люстры витают в воздухе без каких-либо приспособлений, просто плавают ярко-желтые шары, отчего позолоченные стены сверкают и слепят глаза. Я замечаю в конце зала три громоздких кресла, в одном из кресел восседает Меган фон Страттен со скучающим видом.

— Смотрите, — говорю я, толкая Джейсона в бок, — фон Страттен.

Оборотень напрягается, отчего на его лице выделяются скулы. Однако я не вижу его глаз. Они скрыты под черной атласной маской.

— Ей претит это веселье, — рабочим тоном подмечает Норин, — отлично.

Я дергаю уголками губ. Осматриваю танцующие пары и почему-то нахожу опасным то, что их лица скрыты под масками: я должен видеть лица врагов, должен знать, с кем мы имеем дело. Меня невероятно раздражает неизвестность. Мне вдруг кажется, что, едва все эти люди снимут маски, я окажусь посреди зала, переполненного уродливыми монстрами.

Что, наверняка, полная правда.

Я сосредоточенно оглядываюсь в поисках Ариадны, но внезапно натываюсь на свое отражение. Справа от меня стоит громоздкое, высокое зеркало, я его уже видел.

Это Верумское Зеркало. Зеркало Правды.

Я бы с удовольствием отвернулся, если бы в моей голове не вспыхнуло осознание: я полностью отражаюсь в зеркале, а полностью отражаются в нем лишь бездушные твари.

— Ты чего? — спрашивает меня Джейсон, подходя ближе. — Мэтт?

— Это Верум.

Мужчина следит за мной взглядом, видит зеркало и замирает.

Его очертания едва заметны. Контур размыт. Джейсон — хороший человек. Да, не без грехов, конечно. Но хороший. А я — нет. Он вновь глядит на меня, а я отмахиваюсь:

— Наплевать.

— Это ничего не значит.

Усмехаюсь. Жалкая попытка меня успокоить. Я не идиот, я все прекрасно понимаю.

— Забудь.

— Послушай, — я собираюсь уйти, но Джейсон останавливает меня, схватив за локоть.

Он недоволено выдыхает. — Я даже за километр чувствую, что тебя что-то дерет изнутри.

— Оставь этот психоанализ.

— Иногда люди становятся плохими, им приходится. Все мы через это проходили. И я ошибался, Мэттью. Человек не может всегда быть хорошим или всегда быть плохим, в нас есть и того и другого понемногу. Просто иногда одна сторона перетягивает одеяло.

— Класс.

— Ты не слушаешь.

— Я знаю, кто я такой.

— И кто ты?

Смотрю на свое отражение, в котором отчетливо видны даже морщины около губ и с рыком выдергиваю руку. Мне надоело, что меня пытаются успокоить или научить. Да мне уже плевать хочется от всей этой правды, неправды, плохой, хороший, убийца, спаситель.

Взъерошиваю волосы и неуклюже отворачиваюсь. Как же размыты понятия. Человек может нажать на курок, чтобы спасти кому-то жизнь, но в ту же секунду он становится не просто убийцей, а чудовищем. Спаситель и палач в одном лице.

Я безразлично повожу плечами и шепчу:

— Я должен найти Ариадну.

— Мэтт.

— Я буду здесь. — Киваю и сдавливаю пальцами переносицу. — Всегда буду здесь.

Я ухожу, оставляя Джейсона позади. Он не останавливает меня. Он знает, что во мне все раздроблено: органы, мысли, желания, он знает, что если попытается меня остановить, я сделаю нечто такое, о чем потом буду жалеть всю жизнь. Я прорываюсь сквозь толпу, не видя ничего перед глазами. Я просто иду и просто мечтаю о том, чтобы этот день подошел к концу. Рядом проносится официант. И мне наплевать, что кожа у него серая, будто он не жилец вовсе. Хватаю бокал с красным вином и залпом выпиваю содержимое, но внезапно напиток становится у меня поперек горла. Я стремительно притормаживаю, щурю глаза и понимаю, что жидкость в стакане была не вином. Это кровь. Настоящая кровь!

Желудок сводит судорогой. Я оказываюсь рядом с мраморной колонной и опираюсь об нее руками, в надежде, что меня не стошнит у всех на глазах. Дерьмо.

- Наслаждаешься праздником? — спрашивает меня женский голос, и рядом внезапно оказывается Меган фон Страттен. На ней алое платье, под стать той крови, что катится по моему пищеводу и заставляет гореть горло. Я нехотя оборачиваюсь и стискиваю зубы.

— Вы знаете толк в развлечениях.

— Не понравилась выпивка?

— Предпочитаю что-то не человеческое.

— Тогда ты пришел не по адресу. — Фон Страттен кривит губы и со скучающим видом осматривает пышное торжество. Музыка опьяняет. Женщина прикрывает глаза и вздыхает в особой, грустной манере. — Видел бы ты это место столетие назад, дорогой Мэттью. Мы бы уже кровь не пили, будто заурядные гурманы, а танцевали под дождем из крови.

— Занятно зрелище, — ледяным голосом отрезаю я.

— Тебе бы понравилось. Ты похож на нас больше, чем предполагаешь.

— Вы ошибаетесь.

— Зато Верум — нет.

Ведьма ядовито кривит губы, прожигая меня черным взглядом, а я закатываю глаза.

— Вы весьма внимательны, Меган.

— Наша дорогая принцесса скоро придет. У вас есть план?

— Есть.

Я думаю, что сейчас она начнет задавать вопросы, а потом вспоминаю, что Меган не нужно разговаривать, чтобы выведать ответы. Женщина по-птичьи наклоняет голову.

— Интересно, — прикусив губу, шепчет она.

— Что именно?

— А ты, оказывается, обманщик.

Я стойко выдерживаю испепеляющий взгляд ведьмы, а она приближается ко мне так близко, что я чувствую странный, сладкий запах, который исходит от ее кожи.

— Обманывать нехорошо, — шипит она.

— Почти уверен, что вам все об этом известно, — я сжимаю в кулаки пальцы.

— Так и есть. Мой Хозяин — отец Лжи. Есть достойный пример перед глазами.

Глупый разговор. Почему эта женщина вообще тратит на меня свое время? Разве для нее представляет сложность заставить меня, пригрозить семье, шантаж? Да что угодно. Не понимаю, почему она до сих пор разговаривает, а не прибегает к насилию.

— Может, я люблю разнообразие, — отвечает Меган фон Страттен на мой вопрос и, как ни в чем не бывало, поводит плечами. — Я уже один раз убила тебя, Мэттью... пусть вторая попытка достанется человеку, который не только лишит тебя жизни, но и разобьет сердце.

Очень романтично. Я знаю, кого она имеет в виду, но ничего не говорю.

— Во втором зале висит картина увядающего дерева.

— В смысле?

— За картиной есть тайный проход, Мэттью. Вы выберетесь из чистилища и попадете на противоположную сторону кладбища. Если... если сможете выжить, конечно.

— Разумеется.

— Не разочаруйте меня. Больше разнообразия я люблю только мечь.

Фон Страттен проходится пальцами по моему подбородку и сливается с людьми, что танцуют в центре огромного зала. Я закатываю глаза и почему-то думаю, что иногда даже злодеи хотят быть спасенными, услышанными, понятыми. Это странно.

Странно осознавать, что внутри мертвых душ есть нечто живое.

Я отхожу от колонны и ищу в толпе Джейсона и Норин, они стоят возле верума. Мне не стоит сейчас разговаривать с ними. Но я должен сообщить им информацию о потайном выходе из этого здания. Даже если наши с ними пути разойдутся, я хочу быть уверенным, что они сумеют выбраться и с ними ничего не случится.

Я успеваю сделать несколько шагов вперед, как вдруг музыка затихает. Люди робко, послушно, я бы даже сказал, испуганно отшатываются от центра зала. И через мгновение я замечаю, что в созданном кругу оказывается Люцифер, сжимающий за руку Ариадну.

Толпа взрывается аплодисментами. Световые шары со свистом скользят над нашими головами, сталкиваются и сливаются в единый яркий источник, искрящийся и блестящий! А у меня перехватывает дыхание. Я не обращаю внимания на Дьявола. Не вижу смысла. Я смотрю на Ариадну Монфор и застываю, пораженный ее красотой. Сраженный ею. Ничто в этот момент не кажется мне правильным: ни мои мысли, ни мои цели. Ариадна изучает с интересом гостей, ее зеленые глаза сверкают, будто изумруды, а я не могу пошевелиться.

Однако уже в следующую секунду я вспоминаю, как эти глаза прожигали меня ядом, как они заставили меня испытать нечто настолько страшное, что шрамы горят до сих пор.

Я отворачиваюсь, сомкнув в кулаки пальцы. Смотрю на мраморный пол и стискиваю зубы так грубо, что челюсть сводит. Я приказываю себе успокоиться. Отныне я имею дело с опасным существом, которое одним своим взглядом способно лишать меня рассудка. Не Ари стоит рядом с Люцифером, а чудовище, которое ею управляет. Вот что важно.

— Ты как? — Норин Монфор кладет ладонь на мое плечо и сводит брови. — В порядке?

— Да. — Почему они вечно у меня об этом спрашивают? Все хорошо, я справлюсь.

— Люцифер знает, что мы здесь. Более того, он не против, что мы посетили праздник.

— И вы так думаете, потому что...

— ... потому что мы еще живы, — Норин выпрямляется и смотрит в центр зала, — я ведь не должна объяснять тебе, что сил у него избавиться от нас вполне достаточно.

— Нет.

Она кивает как раз в тот момент, когда Дьявол разводит руки в сторону и говорит:

— Я возлагаю большие надежды на эту девушку! — Ариадна широко улыбается, когда

Люцифер оставляет поцелуй на ее руке и невольно поправляет черное, бархатное платье с длинными рукавами, но с открытой спиной и оголенными плечами. — Прими мой подарок, Ариадна Монфор-л'Амори. Мы сделаем этот мир лучше. Ты сделаешь.

Неожиданно двери смежного зала распахиваются, и на пороге оказывается девушка. Мертвенно бледная, худощавая девушка в белой накидке с босыми ногами.

Заплетающимся шагом она бредет вперед, покачивается, едва не падает, но каким-то чудом удерживает равновесие. Ее светлые волосы мокрые, как и накидка. Глаза огромные, испуганные, налитые таким диким страхом, что даже у меня перехватывает дыхание.

В зале повисает тишина. Люди наблюдают за незнакомкой, а она внезапно падает, не сумев побороть слабость, прямо перед Ариадной. Ари не двигается, сверху вниз глядит на хрупкое, костлявое создание, корчащееся на полу, и молчит.

Внезапно помещение наполняют звуки виолончели. Я ничего не понимаю. Смотрю в глаза Норин, но вдруг понимаю, что в них застыли слезы. Что происходит? Кто это?

И когда я собираюсь потребовать ответа, девушка начинает петь. Петь так, как я еще никогда в своей жизни не слышал. Ошеломленно перевожу взгляд на незнакомку и тут же покрываюсь сотней мурашек, которые забираются под кожу и заставляют внутренности в волнении дрожать и звенеть, будто тонкие стекла. Я невольно подхожу ближе. Наблюдаю за тем, как девушка поет, слышу, как чист и звонок ее голос. И не понимаю, почему она до сих пор не поднимается на ноги. Ей плохо? Что с ней? Почему ее лицо застилают слезы, а руки трясутся, как и все тело? Почему она не бежит, не пытается уйти? Не понимаю. Меня одолевают странные, горячие чувства. Я не вижу угрозы, никто не подходит к незнакомке и не пытается причинить ей вред. Но, в то же время, я ощущаю рьяное желание спасти ее.

— Что происходит? — Наконец, спрашиваю я, посмотрев на Норин.

Женщина быстрым движением смахивает со щек мокрые полосы и поджимает губы.

— Это сирена.

— Кто? — Мои брови удивленно взлетают. — Сирена?

— Да. Сирены — морские существа. Ты, наверняка, о них слышал.

— Слышал, но...

— Она умирает. — Норин запинается и тупит взгляд в пол. Что это значит? Как это она умирает? Я смотрю на незнакомку, потом опять смотрю на Монфор и хмурюсь.

— Но она ведь поет. Как это вообще возможно?

— Она не поет, Мэттью.

— Но что она тогда делает?

— Сирены — необычные существа, умирая, они издают... издают нечто подобное. — Я в недоумении пялюсь на женщину, а девушка поет все громче и громче! И пение ее терзает, заставляет взлетать и падать. Чувствовать благоговение и ужас. — Для нас это музыка. Для нее — предсмертные крики.

Оторопело я перевожу взгляд на сирену и срываюсь с места. Я иду к ней все быстрее и быстрее, и я вдруг думаю, что спасу ее, помогу ей. Но как только я оказываюсь в первом ряду, лазурные глаза сирены в ужасе распахиваются. И девушка, порывисто схватившись тонкими пальцами за горло, падает навзничь, столкнувшись головой с мраморным полом.

Мне нечем дышать. Растерянно и испуганно я смотрю на труп девушки. А потом зал взрывается аплодисментами, и люди улыбаются, и Люцифер кривит губы, но я вижу лишь мертвое тело, ни в чем неповинного существа. Я вижу смерть.

Боже мой. Они убили ее, убили у всех на глазах, будто животное! Ярость вспыхивает во

мне диким пожаром. И я поднимаю подбородок и смотрю на Ариадну, и ощущаю, как у меня по венам растекается уверенность. Здесь действительно нет людей. Здесь одни звери.

Боковым зрением я замечаю Джейсона. Он кивает и сходит с места. Останавливается рядом с Норин, прокатывается пальцами по ее мокрым щекам и пылко прикасается лбом к ее лбу. Они закрывают глаза. Джейсон шепчет что-то, Норин прижимает рукой дрожащие губы. Все это длится не более секунды. А затем мужчина отстраняется и уходит, оставляя Монфор в зале для того, чтобы она исполнила задуманное. Я быстрым движением достаю из кармана брюк склянку, которую отдала мне Джиллианна, и опустошаю ее.

Каждый из нас рискует жизнью, каждый из нас понимает, что, возможно, сегодня мы не вернемся домой. Но в борьбе за то, что верно — за то, что кажется тебе верным — можно и умереть. Такова природа человека: сражаться до последнего, вставать и падать, падать и вставать. Разочаровываться и снова верить. Обманывать себя, но действовать. Я сжимаю в кулаки пальцы и слежу за тем, как Норин Монфор, женщина невероятной красоты и ума, с непоколебимым взглядом бредет вперед, широко расправив худые плечи. Она боится, но я бы отдал все, чтобы выглядеть так же, когда сердце разрывается от паники. Норин ровно и спокойно дышит, медленно переставляет ноги и останавливается только в образовавшемся кругу, рядом с Люцифером. Дьявол не сразу замечает ее. Лишь тогда, когда она грациозно снимает маску, своевольно вздергивает острый подбородок и говорит:

— Уверена, мое приглашение просто не дошло до адресата.

Люцифер не оборачивается. В зале повисает мертвая тишина, Ариадна распахивает в удивлении малахитовые глаза, а Норин сплетает в замок пальцы. Она ждет. Все мы ждем.

Я глубоко втягиваю воздух и отхожу в сторону, чтобы проследить за тем, как Дьявол медленно оборачивается и прищуривает пустые глаза. Он по-птичьи наклоняет голову, а я настороженно хмурю брови. Никто не знает, что будет дальше, как отреагирует враг.

— Твоя энергия отличается от многих, — едва слышно шепчет Люцифер и неожиданно оказывается в нескольких сантиметрах от лица женщины, он касается пальцами ее черных волос, скул, обветренных губ. Но Норин даже не шевелится. Тихо отвечает:

— Я не могла пропустить день рождения племянницы.

— Ты продолжаешь меня удивлять, Норин Монфор-л'Амори.

— Иначе бы ты потерял интерес, Хозяин.

— Я никогда не потеряю к тебе интерес, моя дорогая.

— Правда? — Она смотрит в пустые глаза Дьявола и кажется уязвленным, пугливым и загнанным в угол животным, которое поддалось чарам Господина. И что-то меняется в тот же миг. Что-то становится живым во взгляде Люцифера. Он поднимает руку, которая даже в ярком свете кажется серой и мертвой, и Норин пламенно и страстно прижимается щекой к его руке, обессилено закрыв глаза. Она шепчет:

— Мой хозяин.

— Ты играешь со мной.

— Ты — отец Лжи. — Она глядит на Дьявола из-под опущенных ресниц. — Ты знаешь.

Люцифер резко подается вперед и хватается пальцами за лицо женщины. Он дергает ее на себя, она врезается ладонями в его грудь, но не выпускает ни звука; она продолжает с невероятной страстностью прожигать взглядом его глаза, а потом прокатывается ладонью вверх по его шее, по его подбородку и спрашивает хриплым голосом:

— Важно ли, чтобы я говорила правду? Я здесь. И я — твоя.

Грудь Дьявола тяжело вздымается и опускается. И я вдруг вижу мужчину. Ни зверя, ни

отца Хаоса. Я вижу мужчину, сраженного чувствами к женщине.

Поразительно... Люцифер создал существо, способное пленять не только людей, но и его самого. Распространяется ли проклятье на Дьявола, что случится с ним?

Норин — Черная Вдова. И ее власть оказалась настолько сильной, что даже Люцифер пал перед ее чарами; смотреть на это любопытно и страшно одновременно. Острые взгляды переплетаются, сталкиваются, и между создателем и созданием возникает порочная связь.

Оркестр начинает играть медленную, тягучую музыку, которая притягивает Норин и Дьявола друг к другу. Люцифер возвышается над ней, словно небо над скалой. Накрывает ее своей тенью, забирает в царство темноты и мрака. И Норин соглашается. Они кружатся в вальсе, увлекая друг друга в потаенные уголки своих черных душ. Я туплю взгляд в пол. Норин Монфор всю жизнь боролась с Дьяволом и ощущала невероятный соблазн, боялась и одновременно желала. И теперь она проиграла. Проиграла, чтобы дать нам время, чтобы позволить нам спасти близкого ей человека. Я восхищаюсь ею. И я должен действовать.

Я вновь поднимаю взгляд и смотрю на Ариадну, которая хладнокровно наблюдает за тем, как ее тетя кружится в вальсе с отцом ночных созданий. Она прекрасна. Подобранные кверху волосы открывают вид на тонкую, изящную шею. Я шумно сглатываю и прохожу в толпе, не отрывая от нее глаз. Я прожигаю Ариадну яростным, жадным взглядом. Я хочу ее. Но еще больше я хочу сомкнуть пальцы вокруг этой шеи и покончить с кошмаром. Да, я вдруг отчетливо понимаю, что я не просто должен убить Ариадну Блэк. Я хочу ее убить.

Словно ощутив мое присутствие, Ариадна поднимает подбородок и осматривается, я замечаю, как ее изумрудные глаза наливаются пламенем, интересом. Она оборачивается.

Наши глаза встречаются.

Этот момент, словно вспышка. Ее взгляд парализует, обезоруживает, как если бы на меня обрушилась лавина или ледяной дождь. Я ненавижу эту девушку. Ненавижу то, что я к ней испытываю. Я беру себя в руки и медленно отхожу назад, скрываясь в толпе; я знаю, что она последует за мной. Для Ариадны все это игра. Для нее все это головоломка. Я же в отличие от нее больше не собираюсь поддаваться и закрывать глаза на правду. Я бреду все дальше и дальше, и я смотрю в ее малахитовые глаза и вижу, как она идет за мной.

Да. Сегодня все кончится. Пастор Хью велел мне принести вещь и кровь для обряда. Но я сам все решу. Сам поставлю точку и сделаю это немедленно.

ГЛАВА 17. ОБМАН.

Я оказываюсь в просторном, тусклом коридоре, где плавают ледяные порывы ветра, продолжаю отходить дальше и чувствую, как из открытых окон врывается мороз, я вижу, как белоснежные, тонкие занавески путешествуют по воздуху и ласкают его, будто играя.

Я замираю, когда Ариадна появляется в коридоре, и дверь со скрипом закрывается за ее спиной. Она приближается, изящно переставляет ноги, а я обездвижено стою, ничего не ощущая, ничего не понимая. Я просто делаю то, что должен. Снимаю маску.

— Ты здесь, — говорит она низким голосом, — опять.

Не отвечаю. Смотрю на нее и жду, когда она окажется еще ближе. Ари тоже молчит.

Наклоняет голову и со скучающим видом скрещивает на груди руки. Мы похожи. Не знаю, что именно нас объединяет: пустота во взгляде или в душе, которой у Ариадны уже никогда не будет. Я не знаю, что делает нас такими одинаковыми. Но это что-то изменило в нас каждую частицу тела, каждую мысль, каждое желание. Мы уже совсем не те люди, у

которых было будущее. Даже выиграв сегодня, я определенно проиграю.

— Ты всегда умел молчать. — Неожиданно говорит Ариадна и хмыкает. — Всегда умел манипулировать мной и моими поступками. Ты молчал, и тогда говорила я. Потому что я ненавидела, когда ты что-то скрываешь или не доверяешь мне. Это сводило меня с ума.

— Не говори о ней.

— О ком?

— Об Ариадне.

Ари недоуменно вскидывает брови и скользит по мне удивленным взглядом.

— Не говорить обо мне?

— Ты — не она. Ари умерла в тот день, когда спасла Хэрри жизнь.

— Вот значит как. — Жестко усмехнувшись, шепчет Ариадна и кивает, опустив голову и сделав еще несколько шагов мне навстречу. — Умерла.

— Да, — ледяным голосом бросаю я, — ее больше нет.

— Тогда кто перед тобой?

— Я не знаю.

— Подумай, Мэтт. Ты ведь никогда не ошибаешься. — С ненавистью выплевывает она и приближается ко мне почти вплотную. Ее изумрудные глаза горят яростью. А во мне все переворачивается и вспыхивает от презрения. Она не имеет права говорить о прошлом! Ее не касается то, что было раньше, потому что раньше ее не существовало.

— Почему бы тебе просто меня не убить?

— Убить? Зачем?

— А ты не этого добивалась?

Неожиданно Ариадна громко усмехается, прищулив малахитовые глаза.

— Нет, — с абсурдом восклицает она и всплескивает руками, — разумеется, нет. Убив, я бы облегчила твою жизнь, твою участь. А я хотела, чтобы ты страдал. Хотела увидеть, да, увидеть этот твой взгляд, которым ты сейчас смотришь на меня... Взгляд, полный ярости и злости. Разбитый, мертвый взгляд опустошенного человека.

Она улыбается, и ее улыбкой можно резать вены, но я просто стою напротив и молчу в ожидании того, что будет дальше. Я не знаю, чем заслужил такую ненависть, я не знаю и не понимаю, почему Ариадна Монфор желала видеть мои страдания, но у нее получилось.

Да, у нее определенно получилось.

— Ты опять молчишь, — нетерпеливо шипит она.

— Я жду, — делаю шаг назад, и Ари, будто связанная со мной, двигается вперед.

— Чего ждешь?

— Твоих действий. Я здесь. Что дальше?

— Это ты мне скажи, — она вдруг хищно улыбается, — что будет дальше, Мэттью?

Я втягиваю воздух, приказываю себе успокоиться и делаю еще один шаг назад. Меня обдувает ледяной порыв ветра, до стены остается несколько сантиметров. И кажется, что я оказался в ловушке. Но нет. Сегодня все иначе. Сегодня в ловушке оказывается Ариадна.

Она останавливается напротив, собирается что-то сказать, но я стремительно отхожу в сторону на пару шагов и оборачиваюсь. Девушка ничего не понимает. У меня внутри все дрожит и звенит от напряжения, а она недоуменно сводит брови.

— Интересно, — шипит она, приоткрыв губы, — поиграем в кошки мышки?

— Попробуй.

Ариадна принимает вызов, прищулив черные глаза, собирается приблизиться ко мне, но

внезапно наталкивается на невидимую преграду и растерянно отшатывается назад. В ту же секунду из-за угла выходит Джейсон... Он подходит к Ари, раскрывает ладонь и очень медленно переворачивает ее, чтобы куски мела посыпались на пол. Только сейчас ведьма замечает, что оказалась в центре перевернутой пентаграммы и угодила в ловушку.

— Прости, — ровным голосом отрезает мужчина, — сегодня ты вернешься домой.

— Вы...

— Это наш тебе подарок на день рождения.

Ариадна не задыхается. Эта клетка отличается от той, что мы планировали сделать у пристани. Заклинание Норин нашла в книге Эбигейл. Точнее, в книге ее матери. Довольно простое решение проблемы. Если бы мы раньше владели информацией, которой владеем сейчас. Я уверен, что все было бы совсем иначе... Но даже в мире сверхъестественного нет того, кто смог бы управлять временем. И потому нам остается жить с нашими ошибками и последствиями, жить в неведении, потому что жизнь — и есть одна сплошная загадка.

Я стою за спиной Джейсона и вижу, как Ари прожигает его ядовитым взглядом. Она наклоняется вперед, сжав в кулаки пальцы, на что Джейсон говорит:

— Не пытайся. Твоя сила не пройдет сквозь пентаграмму. Символ блокирует ее.

— Это невозможно.

— У нас есть несколько минут, прежде чем ты вновь сможешь колдовать, сейчас я дам тебе вдохнуть этот отвар, девочка. — Ариадна в растерянности округляет глаза.

— Нет.

— Прости. Ты очнешься дома. И мы поможем тебе.

— Нет, нет!

Джейсон приближается к Ариадне. И я слежу за ним и понимаю, что как только Ари окажется дома, я не смогу уничтожить ее, не смогу убить зверя.

Я должен действовать прямо сейчас. Ради Пэмроу, которая покинула свой дом. Ради тех, кто погиб по вине жестокости и бесчеловечности Ариадны. Ради Эби. Ради нее.

Джейсон достает из кармана капсулу, которую ему отдала Норин, крадется к ведьме, кивает, словно успокаивая ее, а я делаю то, что обязан сделать. Я предаю его.

Размахиваюсь и со всей силы ударяю Джейсона по шее ладонью. Помнится, так мне уже удалось вырубить Логана. Я всегда умел делать это молниеносно и четко. Внутри все же кроется страх, что отключить оборотня гораздо сложнее человека. Но, оказывается, что я зря волновался. Колени Джейсона подкашиваются, и он со стуком валится вниз.

Я так и гляжу на него во все глаза, не до конца понимая, что я сделал, а затем слышу, как Ариадна Монфор испускает нервный смех и ударяется спиной о ледяную стену.

— Мэттью, — хриплым голосом протягивает она. — Какой сюрприз. Тетушка не будет в восторге от этого, когда узнает.

Я не обращаю на ее слова внимания. Уверенными движениями оттаскиваю мужчину в сторону и смотрю через плечо на ведьму. Она продолжает улыбаться, а я поднимаюсь на ноги и резко выдыхаю. По горлу проносится судорога, от которой сводит все тело, пальцы горят, сердце рвется из груди, барабания по ребрам, будто сумасшедшее. И я схожу с места и гляжу на Ариадну, и приближаюсь к ней так близко, что вижу морщинки около ее глаз.

— Мой герой, — шепчет она, вздернув подбородок, и ее теплое дыхание касается моих губ. Я зажмуриваюсь. — Мой Мэтт. Я делала тебе больше всех, но ты здесь. Ты рядом.

Я не могу открыть глаз. Так и стою перед Ариадной, чувствуя, как ее ладони вверх и вниз путешествуют по моим плечам. Я пытаюсь набраться смелости. Я, правда, пытаюсь.

— Посмотри на меня. — Требуется Ари. — Давай же, посмотри на меня, смотри!

Я послушно распахиваю глаза, пусть Ари и неподвластно принуждение, встречаюсь с ней взглядом и ощущаю едкую желчь, которая обжигает глотку. Зря она попросила меня открыть глаза. В мыслях я все еще упрямо рисовал образ живой, настоящей Ари.

Теперь я вновь вижу перед собой чудовище.

- Скажи это, — шепчет она, — скажи, что ты любишь меня.

Ее взгляд умоляет. Взгляд монстра, зверя. Он умоляет меня любить его. Нет. Все это обман, очередная уловка, ложь. Я стискиваю зубы, ощущая, как разваливаюсь на части, а потом решительно вынимаю из внутреннего кармана пиджака нож, который мне Джейсон дал на случай, если придется защищаться, и с рыком подаюсь вперед. Я готов убить ее, да, я готов сделать это, даже не осознавая, что именно последует за подобным поступком! И я вижу, как лезвие сверкает в тусклом свете, как оно приближается к груди Ариадны. И да, я жду момент исцеления. Момент успокоения и очищения. Однако девушка стремительно отшатывается в сторону, и вместо ее сердца нож пронзает ее плечо.

Я никогда прежде не совершал ничего подобного. Лезвие проникает в тело Ариадны, словно тонкая игла, мягко, без препятствий. Оно разрезает кожу. И Ари орет. И ее вопли в моей голове отдаются оглушающим эхом, от которого отключается голова, раскаляются и вспыхивают искрами обнаженные нервы.

Я в ужасе пялюсь на то, как на моих руках оказывается ее кровь. Но не разжимаю ни на секунду пальцев, не выпускаю рукоять ножа, продолжая все глубже вонзать лезвие.

— Так нужно, — лишь бормочу я, — ты убийца, ты — не она, ты — не Ари.

Девушка вопит, намертво прижатая к стене моим телом, а я рычу:

— Ты заслужила. Заслужила за Эби! За Эбигейл!

— Но это ты ее убил, — сквозь боль смеется Ариадна и обнажает окровавленные зубы.

— Нет.

— Ты прострелил голову бедняжке, а она ведь тебе доверяла. Любила тебя.

— Замолчи! — Я сильнее надавливаю на рану, и ногти Ари впиваются мне в шею, и все мое существо вспыхивает, взрывается, и я превращаюсь в монстра, которого хочу убить.

— Ты помнишь, как выглядел ее труп? Надеюсь, да. Я надеюсь, что ты будешь видеть ее лицо каждый раз, когда закрываешь глаза.

— Хватит, прекрати! — Я грубым движением вынимаю нож из плеча девушки. Бросаю его в сторону, а затем хватаюсь оцепеневшими руками за ее худощавые плечи и с размаху впечатываю ее в бетонную стену; голова Ариадны неуклюже валится в бок, но девушка не перестает улыбаться. Смеется, захлебываясь кровью, и сипло дышит.

— Ты не сделаешь мне так же больно, как я тебе.

— Сделаю.

— Нет. Больше нет. — Неожиданно в коридоре поднимается ветер. И я понимаю, что у Ариадны вновь появились способности. Выйти из круга Ари не сможет. Но зато спокойно превратит меня в грудку пыли одним взмахом руки. — О, твоя мамочка прямо сейчас стоит у тебя за спиной. И знаешь, что она делает?

— Нет, замолчи, я сказал, закрой рот.

— Она плачет, — смеется Ари, — она рыдает в три ручья, потому что ее сынок убийца и монстр. Чудовище, у которого нет сердца! Где твое сердце, Мэтт? Что ты натворил?

- Ты врешь, ты все врешь! Моя мать...

— ...поворачивается к тебе спиной и, какая жалость, уходит. — Малахитовые глаза Ари

прожигают во мне дыру, прожигают меня насквозь, и я трясусь, будто сумасшедший. — Ты обладаешь удивительной способностью, Мэттью. Все люди, которые находятся рядом, все они страдают. О да, ты только подумай! — Ее лицо оказывается совсем близко. — Мать, все мы знаем ее историю — умерла. Отец. Брат. Девушка. Друг, которому еще и двенадцати не исполнилось. Я — дочь смерти. Но ты, кажется, сама смерть, Мэттью Нортон.

- Зачем ты это делаешь? — Словно зверь рычу я и подаюсь вперед. — Зачем? Что тебе от меня нужно, что я такого сделал? Кто теперь тебя спасет, Ари? Кто?

— Меня не надо спасать.

— Никто в тебя так не верил, так тебя не ждал. Что ты сделала? Что ты натворила!

— Тебя никогда не было рядом. — Внезапно шепчет она, поджав губы, а я морщусь.

— Я всегда был с тобой.

— Нет.

— Я был. Я не мог иначе.

Неожиданно Ариадна выворачивается из-под моей руки и хватается пальцами за мое горло. Она впечатывает меня в стену, а я растягиваю губы в ядовитой ухмылке:

— Ну давай. Сделай это.

— Закрой рот.

— Или что?

— Я разорву тебя на части.

— Разрывай.

— Что ты сказал? — Ее пальцы впиваются в горло, и я буквально ощущаю, как вены на шее вспыхивают, надуваются от невыносимой боли, но я не сдаюсь. Она сжимает сильнее, а я лишь ближе приближаюсь к ее лицу. К ее глазам. К ее огненным локонам.

- Разрывай, — повторяю я сквозь стиснутые зубы, — сделай это. Сделай!

Девушка застывает, испепеляя меня ядовитым взглядом. Ее голова кренится в бок, и теперь Ариадна осматривает меня и изучает, будто взвешивает варианты. А я не двигаюсь. Тяжело дышу, смотрю на нее и просто жду. Что она предпримет? Что сделает? Я ощущаю, как в голове пульсируют колючие шары, сгустки напряжения, но мне не больно. Меня уже ничего не трогает, ничего не прорывается внутрь. Она все уничтожила. Уничтожила меня, мои чувства, мою волю. Я ничего не потеряю, если сейчас навсегда закрою глаза.

— Ты хочешь умереть?

— Почему бы и нет? — Ее лицо так близко. Девушка настороженно глядит в мои глаза, а я изучаю знакомые черты и вдыхаю знакомый запах. — Однажды ты сказала, что смерти должны бояться те, кто жив. А мертвым смерть не страшна.

— Ты еще жив.

— Откуда ты знаешь.

Ариадна порывисто приближается к моему лицу и застывает, вглядываясь зелеными глазами внутрь моих глаз. Словно два зверя, мы смотрим друг на друга и не шевелимся. Я держал ее за горло мгновение назад, теперь за горло меня держит она. Но, как в замкнутом круге, мы пытаемся избавиться друг от друга и не можем.

— Скоро будет открыт ящик Пандоры, — шепчет Ариадна, — и ты умрешь.

— Зачем ждать?

— Ты должен увидеть, как мир сгорает в агонии.

— Но почему? — Мое лицо перекашивается от недоумения. — Почему именно я?

— Потому что мой мир рушился каждый раз, когда ты отворачивался от меня. Теперь я

хочу разрушить твой мир.

— Но ты тоже живешь в этом мире, Ариадна.

— Этот мир никогда не принимал меня. Если ему не нужна я, он не нужен мне.

— Так все дело в злости.

— Я не умею злиться.

— Я так не думаю. — Я пытаюсь вырваться из оков девушки, но она вновь отталкивает назад. И я неуклюже цепляюсь пальцами за рукав ее платья, разорвав ткань от запястья до середины локтя. Ариадна недовольно наклоняет голову.

— Довольно, — низким голосом бросает она, — сотри пентаграмму.

Это приказ. Принуждение. Однако оно не срабатывает. Я приподнимаю уголки губ и слежу за тем, как лицо ведьмы искажает гримаса недоумения и злости.

— Я сказала, — повторяет она, притянув меня к себе, — сотри пентаграмму.

— Нет.

— Что ты сказал?

— Хочешь, чтобы я стал твоей собачонкой? — Я поднимаю руку и впиваюсь пальцами в острый подбородок девушки. Она ждет ответа, а я шепчу. — Катись к черту.

В изумрудных глазах Ари вспыхивает ярость. Она приближается ко мне так близко, что я могу разглядеть каждую рыжую крапинку на ее радужке. А потом мы замираем. Нас пронзает странное осознание того, что наши лица находятся в миллиметрах друг от друга.

— Сотри пентаграмму, — едва слышно повторяет Ариадна, и ветер врывается в нас, как будто мы два переплетенных дерева посреди пустыни, — сделай это, прямо сейчас.

— Нет.

Ее взгляд проникает куда-то внутрь моей головы. Я чувствую, что расстояние между нами становится все меньше и меньше, что ветер свистит все громче и звонче, и я смотрю в ее малахитовые глаза и вдруг ощущаю легкое прикосновение ее губ к моим. Тут же мы в недоумении отстраняемся. Я едва не прохожу сквозь стену, а Ари отступает назад, шумно и горячо выдохнув. Мы ничего не понимаем. Я должен убить ее. Я должен, должен.

Но потом что-то меняется. Я делаю шаг вперед, притягиваю девушку за талию к себе и врезаюсь в ее губы пылким поцелуем. Я понятия не имею, что творю, понятия не имею, куда улетучивается здравый смысл, логика, истина. Я яростно откидываю Ариадну к стене и вновь целую, заключив в руках ее миниатюрное лицо, а она хватается пальцами за ворот моей рубашки, будто боится свалиться навзничь, будто не может устоять на ногах.

Занавески срываются с петель. За окном полыхает молния. Грохот пронесется такой неистовый, что он отдается у меня в груди, у меня между висков! Но я не выпускаю из рук Ариадну, я не могу, не могу. Стена покрывается трещинами за ее спиной, на нас сыпется и крошится пыль, а мы не обращаем внимания, потому что превращаемся в животных.

Я разрываю рукав ее платья с диким рыком и припадаю губами к ее оголенной шее и плечу, к ее тонкой ключице. Ари откидывает назад голову. И я слышу, как с ее губ слетает мое имя. В этот момент я верю, что сжимаю в неистовых объятиях призрака, сжимаю того человека, которого уже давным-давно нет в живых.

— Я верну тебя домой, — шепчу я, покрывая поцелуями каждый сантиметр ее лица, — я выполню обещание, я выполню его.

Ари кивает, или мне так кажется; возможно, со мной играет воображение, плевать. Я вновь нахожу ее губы и прокатываюсь пальцами вниз по ее ледяным плечам, по локтям и по запястьям, я чувствую, как подушечками пальцев касаюсь кривых, выпуклых шрамов и на

долю секунды раскрываю глаза. У девушки на правой руке оказывается череда красных рубцов разных размеров. Я в недоумении морщу лоб, пытаюсь понять, что это. Шрамы так идеально выведены, сильной рукой. Они не были получены во время драки. Ари сама себя резала. Сама оставляла зарубины, будто считала что-то. Я растерянно поднимаю голову и, тяжело дыша, покачиваю головой.

— Что это? — Смотрю в глаза девушки и вижу ее пораженный и обозленный взгляд. Я открываю рот, чтобы вновь потребовать ответа, но уже в следующую секунду она с рыком взмахивает рукой, и я с невероятной скоростью отлетаю от нее на огромное расстояние.

Я врезаюсь спиной в противоположную стену и со стоном перекатываюсь на бок. У меня перед глазами вспыхивают черные точки, и становится так паршиво, что звенит даже в ушах. Я обессилено прикасаюсь лбом к холодному, мраморному полу, а затем Ари вновь взмахивает рукой, и я вновь подлетаю вверх. Она кричит, а я ударяюсь сначала о потолок, а потом грубо валюсь на пол, испустив хриплый стон.

Когда Ариадна Монфор в очередной раз поднимает руку, я уверен, что я не очнусь.

Мои глаза заполняет кровь, которая льется изо рта, из носа и с головы. Я смотрю на девушку сквозь угольную пелену и вижу, как ее зеленые глаза наливаются тьмой и черной дрянью. Почему я вновь поверил ей? Почему я вновь забыл, что она чудовище.

Я откашливаюсь, выплюнув сгустки крови, и невольно тяну к Ари руку. Мой мозг не понимает, что делает мое тело. Пожалуй, я вспоминаю тот момент в бассейне, потому что тогда я был на краю смерти, и я так же тянулся к этой девушке, ведь боялся ее потерять.

Что меня сейчас заставляет тянуться к ней? Не понимаю. Я просто тянусь.

А затем происходит нечто странное.

Рядом со мной внезапно оказывается Джейсон. Он хватает меня за плечи. Не сбавляя скорости, он тащит меня вперед, и через мгновение я чувствую невесомость, распахнув от испуга глаза. Что происходит? Я ни черта не вижу, не понимаю, и только минуту спустя я прихожу в себя, когда понимаю, что вешу над землей, держась лишь за руку оборотня. Он, черт подери, только что выпрыгнул со мной в открытое окно.

— Еще немного, — бросает мужчина сквозь пелену дождя и ловко раскачивается таким образом, что я достаю ногами до небольшого выступа на втором этаже. — Давай!

Что давать? Перед глазами все кружится. Меня тянет блевать, тело ноет. Я вижу, как Джейсон держится пальцами за колонну, а потом он меня отпускает.

Сердце едва не выпрыгивает из груди. Я едва успеваю запрыгнуть на выступ, прежде чем ветер отталкивает меня в сторону. Я прижимаюсь всем телом к стене, закрываю глаза так сильно, что их режет от боли, но я не шевелюсь. Плевать. Плевать. Уже через секунду рядом со мной оказывается и сам оборотень. Я слышу, как он тяжело выдыхает.

— Мы должны вернуться за Норин, — говорит он, а я нехотя поднимаю голову. Что его останавливает от того, чтобы не врезать мне по лицу? — Как она это сделала?

— Кто? — Бросаю я, прищурившись.

— Ари. Как она так быстро вернула свою силу? В книге говорилось о трех минутах.

Я застываю. Ледяные порывы ветра хлещут по плечам, а я не двигаюсь. Что?

— Ты ничего не помнишь?

— Помню ее дикий взгляд, а дальше — темнота.

Невероятно, я собираюсь ответить, но вовремя прикусываю язык и с силой ударяюсь затылком о стену. Мне это на руку. Мне просто повезло.

Правда, с другой стороны, Джейсон продал Удачу, а не мозги. Я плююсь на мужчину и

озадачено свожу брови. Неужели он притворяется? Но зачем ему это.

— Идем, — мужчина показывает на балкон, который находится в паре метров от нас. Я стискиваю до скрипа зубы. — Нужно торопиться. У нас нет времени на отдых.

Я киваю и привстаю на ноги, мы добираемся до открытого окна и вновь оказываемся внутри чистилища, в смежном коридоре. Смахиваю с лица капли дождя, сбрасываю с плеч намокший пиджак и осматриваю пропитанную кровью сорочку. Рукава багрового цвета. Я вспоминаю, как давил на лезвие, пытаюсь глубже проткнуть плечо Ариадны, и почему-то с чувством зажмуриваюсь. В кого я превратился. Я понятия не имею, кто я.

— Норин удалось отвлечь Люцифера? — Спрашивает Джейсон, убирая с лица волосы. Я смотрю на него. Мне жаль, что ответ утвердительный.

— Да.

— Что она сделала?

— Сдалась. — Голос хриплый. Я устало повожу плечами и киваю. — Она сдалась ему.

Джейсон порывисто отворачивается, поставив на пояс руки. Он думает, что делать, а мне неожиданно кажется, что все мы сегодня проиграли. У каждого из нас были мотивы, и мы действительно считали, что поступаем верно. Но мы ошибались. Норин поддалась тем чувствам, с которыми боролась всю жизнь. Я поддался тем чувствам, о которых раньше не знал и не слышал. А Джейсон поверил нам, пусть и пообещал, что больше никогда никому не будет верить. Мы пошли против своей природы и потерпели поражение.

— Здесь есть тайный проход, — шепчу я, прокатившись пальцами по мокрым волосам.

— Где?

— Во втором зале. За картиной увядающего дерева. Так сказала фон Страттен.

— Сколько времени нам понадобится, чтобы добраться до картины из главного зала?

— Я думаю, несколько минут. Без сопротивления, разумеется.

— Нам нужна новая приманка, — Джейсон стискивает зубы, и на его лице выделяются желваки, — что мы можем сделать? Как нам обмануть Люцифера? Думай, — он срывается с места и хватается руками за виски, — думай.

Я сосредоточенно оглядываюсь и свожу брови.

— А что, если Дьявол не может нас убить?

— Вряд ли.

— Подожди, раскинь мозгами. — Делаю шаг вперед. — Он мог свернуть мне шею, когда я вызвал его в логове Ловари, он мог убить нас сегодня, едва мы пересекли порог, но он не сделал этого. Почему? Что его останавливает?

— К чему ты клонишь? — Напарник перестает расхаживать по коридору и впечатывает в меня озадаченный взгляд. — У Люцифера достаточно сил, чтобы лишить нас жизни.

— В том и дело. Но, в таком случае, почему мы все еще дышим?

Джейсон сплетает перед собой руки, а я задумчиво отворачиваюсь и щурюсь. Что-то здесь не сходится. Мы мешаем. Мы вертимся у него под носом, будто мошकारа. Ему давно пора избавиться от нас, как от лишнего груза.

— Мы знаем, что люди в Астерии забыли о смерти Хэйдана, — рабочим тоном бросаю я и серьезно смотрю на мужчину. — Видимо, это было одно из условий.

— Из тех, что потребовала Ариадна?

— Да. Мы хорошо ее знаем, она бы не согласилась продать душу, не защитив близких.

— Ты хочешь сказать, что она...

— ... согласилась на сделку, потому что Дьявол пообещал оставить нас в покое.

Джейсон хмыкает и устало покачивает головой.

— Это всего лишь предположение.

— Нам нечего терять. Мы в ловушке. — Выпрямлюсь, сжав в кулаки пальцы. — Ты сам прекрасно понимаешь, что, если Люцифер захочет нас убить, он сделает это, что бы мы ни придумали. Мы на несколько шагов позади. Он все знает, он — не человек и не оборотень.

— Ты хочешь войти в зал, взять Норин за руку и просто, — Джейсон усмехается, глядя мне в глаза, — просто уйти? Ты, правда, считаешь, что это хороший план?

— Ни один наш план никогда не срабатывает. Пора действовать спонтанно.

— Это безумие, мальчик.

— Весь ваш мир — безумие, Джейсон. — Легкие болят каждый раз, когда я вдыхаю, мне чертовски плохо, кровь продолжает скатываться по лицу из раны на виске. — Однажды ты сказал мне: просто делай то, что должен, а дальше будет, как будет.

- Записываешь за мной фразы? Я польщен.

— Я это к тому, — с нажимом продолжаю я, ступив вперед, — что мы всегда рискуем. И нас это никогда не пугало. Каждый наш план — всегда полное безумие.

— Тебе хочется умереть.

— Нет. Мне хочется жить.

Джейсон кривит губы и прокатывается пальцами по заросшему подбородку.

— Что ж! — Он громко смеется, всплеснув руками в стороны. — Пойдем. Возможно, мы больше никогда не увидимся. Так что, знай, общаться с тобой было сложно.

— Вот как.

— Впрочем, как и со мной.

Я хмыкаю и закатываю глаза. Обменялись комплиментами.

— Идем?

— Да.

Киваю, и мы решительным шагом направляемся в сторону главного зала. Кто бы мог повести себя столь же безрассудно? Мы раньше никогда не шли навстречу неприятностям полностью безоружные. Мы рассчитываем на удачу, которую Джейсон благородно продал безликому чудовищу. Но ведь надежда осталась с нами. И слепая вера в то, что нам есть за что умирать, а тогда ведь умирать не так страшно. Я обманываю, конечно. Умирать всегда страшно. Но это тот самый самообман, который уже сросся с моими костями. Я не боюсь.

Мы заходим в зал, и танцующие пары замедляют ход, пока и вовсе не замирают. Нам уступают дорогу, словно мы — редкий вирус. А мы просто движемся вперед. Люди, кем бы они ни были, снимают маски, обнажая ошеломленные лица.

За нами тянется мокрый след. За мной еще и кровавый. Голова предательски гудит и кружится, и иногда меня покачивает в сторону, но я старательно не подаю вида. Лишь как можно сильнее стискиваю в кулаки сбитые пальцы. Паршивое ощущение, но я ловлю себя на мысли, что наслаждаюсь удивлением в глазах толпы. Безумие — сильное оружие. Вы не знаете, чего ожидать от безумцев. Вы не знаете, что у них на уме. Они могут вам казаться предельно спокойными, могут казаться неуравновешенными, могут рискнуть всем, что им важно, и принести в жертву все, что важно для вас. Злость, ярость — отголоски. Чтобы тебе как следует слететь с катушек, нужно дойти до апогея собственного безумия. И оно не так часто выражается во взрыве или слепой ярости. Очень часто безумие тихое, оно медленно пожирает тебя изнутри, будто черви.

Музыка затихает, Меган фон Страттен выпрямляется в позолоченном кресле. А мы с

Джейсоном останавливаемся напротив Норин и Дьявола, которые замерли в центре зала.

Люцифер наклоняет в бок голову. Глаза Норин Монфор расширяются от ужаса.

— Что вы... — Срывается резкий шепот с ее губ, но Дьявол не позволяет ей договорить.

Он выступает вперед, прищулив алые глаза, и шипит:

— Интересно.

— Норин, — Джейсон протягивает вперед руку, — мы уходим.

Женщина вдыхает воздух так громко, что эхо проносится по залу. Люцифер молчит, разглядывая мокрую ладонь оборотня, а потом скалит зубы.

— Она никуда не пойдет.

— Норин.

Голос напарника твердый, уверенный, и он даже не смотрит на Дьявола, будто тот не прожигает его лицо ядовитым взглядом. Существо, которое является в кошмарах каждому смертному, сейчас стоит перед Джейсоном, а он не обращает внимания. Ему все равно.

— Пес возомнил себя волком, — науськивает Люцифер, приближаясь к мужчине. В его красных глазах полыхает адское пламя. Возможно, ад сосредоточен в этом существе. — Ты бросаешь мне вызов, Джейсон?

— Просто возьми меня за руку, — шепчет напарник, не отрывая глаз от Норин, — ну же.

— Смотри на меня, — рычит отец Лжи, — когда я с тобой разговариваю.

— Но с тобой не разговариваю я.

По залу проносится волна шепотов, и взгляд Дьявола наливается удивлением и ярим недовольством. Он подается вперед, размахивается, однако его рука застывает в воздухе.

Что-то останавливает его, какая-то невидимая сила. Я широко распахиваю глаза. Мы были правы. Люцифер не в состоянии причинить нам вред! Он связан обещанием, которое дал Ариадне. Я уверен, что она позаботилась о наших жизнях, она не могла иначе.

Джейсон смело вздергивает подбородок.

— Оборотни всегда переоценивали свои возможности. Забывали о том, что одна часть вашего существа — человеческая. И эта часть делает тебя слабым и жалким.

— Эта часть делает меня сильнее.

— Я вижу все твои страхи, — науськивает Люцифер, проведя костлявой ладонью перед лицом Джейсона. Он скалится и с жалостью хмурит брови. — Я вижу каждый твой изъян.

— Мои изъяны делают меня живым человеком.

— Да, я знаю, живым. Ты прав. — Внезапно Джейсон прикрывает рукой рот и начинает громко кашлять, тряся плечами. Он отворачивается, а я решительно подаюсь вперед. — Мы очень сожалеем, что твои человеческие чувства, те самые, что делают тебя живым, вскоре лишат тебя жизни. Мы очень сожалеем.

— Что вы...

— Чувствуешь? — Дьявол резко приближается к оборотню и скалит зубы, будто дикое животное. Он с маниакальным наслаждением наблюдает за тем, как Джейсон задыхается, выплевывая капли темно-красной крови. — Оно уже внутри тебя, — шипит Люцифер. — Оно уже проедает дыры в твоей груди, уже отнимает твою жизнь.

— Хватит! — Воскликает Норин, взмахнув руками. — Прекрати, ему больно, прекрати!

— Что прекратить? — Теперь Дьявол смотрит на Монфор. — Это, увы, неизбежно.

— Не делай ему больно.

— Больно ему делаешь только ты, моя дорогая. — Люцифер хищно улыбается.

— Но я не хочу... Я не...

— Я могу помочь.

— Нет, — рывкает Джейсон, резко выпрямившись, — даже не вздумай.

А затем вновь сгибается от боли и впивается пальцами в покрасневшую шею. Что же с ним? Почему именно сейчас? Его приступ весьма ни кстати.

— Хочешь, я спасу его? — спрашивает Люцифер, обращаясь к Норин, и женщина миг становится бледной, словно лист бумаги. Она приоткрывает рот, а оборотень бросает:

— Молчи. Молчи, Норин.

— Ему так плохо, дорогая. Плохо из-за тебя.

— Проклятье вдовы, — понимающе шепчет она.

— Он умирает.

— Нет. Я ведь не люблю его, он не должен, не должен...

— Ты лжешь, дорогая, — шипит Дьявол, заправляя угольный локон волос ей за ухо.

— Убери от нее свои руки! — Утробно рычит Джейсон и вскакивает на ноги. Он, будто обезумевший рвется на Люцифера, но тот поднимает руку, и Джейсон примерзает к полу.

— Скажи это, милая Норин, скажи мне, что ты хочешь его спасти.

— Что ты потребуешь взамен?

— Совсем немного. Но это стоит того. Его жизнь — дороже, чем мои условия.

— Что ты потребуешь?

— Чувства, — распахнув кровавые глаза, отвечает Дьявол и поводит плечами. — Я лишь заберу ваши чувства друг к другу, и ему станет лучше, все очень просто, моя дорогая.

Норин замирает. А лицо Джейсона искажает гримаса ярости. Он скалит зубы и хочет вперед прорываться, но не может сдвинуться с места, будто невидимая стена не позволяет ему пошевелиться. Беглым взглядом осматриваю сверкающие, золотистые стены, людей, их уродливые лица, которые сейчас мне кажутся смазанными и нечеткими, и сглатываю.

— Черт, — шепчу я, покачнувшись, и сжимаю в пальцах переносицу, — стойте, Норин...

— Чувства? — Твердым голосом переспрашивает она и выпрямляет спину.

— Да, моя дорогая. Всего лишь любовь. Что это? Ты ведь в нее никогда не верила.

— И ему станет лучше?

— Он выздоровеет. Слово Люцифера. Он исцелится.

Все это неправильно. Все это кажется сном или загадкой. Я пытаюсь понять, какой у Дьявола план. Чего он добивается? Но голова раскалывается на части, будто грецкий орех, и я не соображаю. Я просто вижу, как Норин испепеляет Джейсона испуганным взглядом, и понимаю, что сегодня их история закончится. Она уже приняла решение.

По ее щеке скатывается одинокая слеза, которую она тут же смахивает пальцами.

— Хорошо.

— Скажи это еще раз! — Горячо и пылко настаивает Дьявол, едва не врезавшись носом в лицо Норин. — Скажи, что ты заключаешь сделку. Скажи!

— Я заключаю сделку с Дьяволом.

Лицо Люцифера искажает животный оскал, а у меня сводит легкие. Нет, нет. Я резко подаюсь вперед, чтобы схватит Монфор за руку и встряхнуть изо всех сил. Но не успеваю и шага сделать, как вдруг Джейсон валится на колени и откидывает назад голову.

— Да будет так, — шепчет Дьявол, и в зале приглушается свет.

Толпа испуганно пятится назад. Тень Люцифера преобразается в черный, неровный

пласт, который тянется к оборотню, вскарабкивается по его коленям, груди и впитывается в кожу, словно жидкость. Джейсон кричит, раскинув в стороны руки, будто распятый. Я в оцепенении наблюдаю за ним и стискиваю до скрипа челюсти, надеясь, что это не обман и с напарником все будет в порядке, надеясь, что Норин не ошиблась.

А затем вдруг крик оборотня превращается в болезненное кряхтение, и, согнувшись, Джейсон упирается ладонями о мраморный пол. Его руки неожиданно трансформируются в лапы оборотня и царапают покрытие острыми когтями.

Джейсон неестественно выгибает спину, пот толстыми струями катится по его лицу, и уже в следующую секунду из его рта выливается густая, черная дрянь.

— Черт возьми.

Жидкость растекается перед ним, образуя огромное угольное пятно, но напарнику не становится лучше. Его тело дергается в неистовых судорогах, гортанные звуки отдаются в зале эхом. Когда все заканчивается, Джейсон не может пошевелиться. Он лежит на полу, я тут же сажусь с ним рядом на колени, понятия не имея, чем я могу помочь.

— Джейсон, — твердым голосом отрезаю я, — открой глаза, твою мать, открой их.

Норин не шевелится. Она становится такой же прозрачной, как призрак. Она затаила дыхание и ждет. Ждет, что обещание Люцифера сбудется. Ждет, что оборотень очнется. И в следующее мгновение Джейсон измотано открывает глаза.

— Черт, — я расслабляю плечи и покачиваю головой. Невероятно.

Напарник моргает несколько раз и морщится от света, а я протяжно выдыхаю.

— С тобой будет гораздо проще, — сообщает Дьявол, посмотрев через плечо на Норин.

Она переводит на него взгляд, блестящий от слез, и коротко кивает.

— Я готова.

— Нет... — Люцифер медленным шагом бредет к женщине и поглаживает пальцами ее порозовевшие щеки. — Уверен, что не готова, моя дорогая. Но у тебя нет выбора.

Норин закрывает глаза, а Дьявол скользит рукой по ее подбородку, будто успокаивая и убаюкивая. Он поправляет ее взлохмаченные волосы, прикасается губами к ее лбу.

— Прости, моя дорогая. Больше всех мы делаем тем, кого больше всего любим.

Люцифер отстраняется, делает несколько шагов назад и наблюдает за тем, как Норин открывает глаза. Женщина растерянно глядит перед собой, не двигается.

Дьявол с чувством выдыхает.

— Готово. — Он невинно поджимает губы и оборачивается.

Смотрит на Джейсона, подходит к нему и изящно взмахивает в воздухе рукой. Уже в следующую минуту оборотень послушно поднимается на ноги и расправляет плечи. Он не понимает, что происходит. Пот до сих пор струится по его вискам. Он смотрит пораженно и презрительно на Люцифера, тяжело дыша и с трудом удерживая равновесие, а тот вдруг, подавшись вперед, достает из кармана его пиджака пачку сигарет.

— Хочешь? — спрашивает Дьявол, наклонив в бок голову.

Джейсон молчит. Я недовольно свожу брови и вижу, как Люцифер достает сигарету. Он закуривает, выглядя при этом абсолютно нелепо и неестественно, а потом кивает.

— Не стоит.

— Чего?

— Не стоит курить. Пес ты или нет, я уже сказал, что слабости у тебя человеческие.

— О чем ты говоришь?

— Понимаешь, ты умирал, и я спас тебя. Все это, — Дьявол обводит взглядом угольное

пятно, что распласталось на мраморном полу, словно картинка по психоанализу, — все это находилось в твоих легких.

Джейсон превращается в статую. Он стискивает зубы, а я перестаю дышать.

— Ты умирал. Но убивала тебя не Норин. А сигареты.

Люцифер кривит губы, выдыхает белое облако дыма в лицо оборотню, а затем вдруг медленно удаляется, тихо переставляя ноги, будто бы и вовсе не касаясь ногами паркета.

В этот момент я вижу, как Джейсон ломается: он не срывается с места, не говорит ни слова, не меняется в лице, просто в глазах его что-то испаряется. Он смотрит перед собой, и я отчетливо вижу, как в этих глазах тухнут искры, останавливается время.

Во мне вспыхивает такая дикая злость, что я внезапно резко выдыхаю, оборачиваюсь и в спину Дьявола смотрю ненавистно, горячо, презрительно. Он уходит, а я выплевываю:

— Вы обманули их.

— Я — отец Лжи, — не смотря на меня, отвечает Люцифер.

— Это доставило вам удовольствие?

— Немного.

— Я могу сделать ваш день еще приятней! — Рываю я, наблюдая за тем, как он уходит все дальше и дальше. Я подаюсь вперед. — А вы не задумывались над тем, как мы попали в Чистилище? Как мы узнали о том, что сегодня будет прием? Вы — отец Лжи, но вас обвели вокруг пальца. Кто? Присмотритесь. Враг находится ближе, чем можно предположить.

Дьявол притормаживает на долю секунды, но потом вновь продолжает отдаляться. Я собираюсь кинуться за ним вслед, но неожиданно Норин хватает меня за руку и просит:

— Хватит.

— Я еще не все сказал.

— Прекрати. Мы должны уходить.

Она права. Но как же мне хочется отомстить, как же мне хочется избавиться от него.

Черт. Я нервно встряхиваю головой и перевожу взгляд на Монфор. Она бледная, как снег. Она дрожащей рукой цепляется за мое плечо, и я послушно схожу с места.

Мы уходим. Плетемся сквозь толпу к второму, смежному залу. А я все пялюсь назад, ожидая того, что Дьявол посмотрит на меня, и сгорит заживо, потому что я, черт возьми, в действительности верю, что могу сжигать людей одним лишь ядовитым взглядом. Увы, мы уже пересекаем порог, но я замираю на мгновение и оборачиваюсь. Дьявол подходит к Меган фон Страттен и наблюдает за тем, как женщина повержено опускает голову. Меган смотрит вниз, не поднимая глаз. Меган боится посмотреть вверх. Меган приоткрывает рот и собирается что-то сказать, но неожиданно Люцифер резко выпускает вперед руку и лихо прорубает в ее груди широкую дыру. Ведьма застывает с широко распахнутыми глазами, а Дьявол порывистым движением вытаскивает из ее искореженных ребер кровавое сердце.

Женщина валится на пол. Глаза ее закрываются. А сердце, сжатое в пальцах Дьявола продолжает ровно биться, олицетворяя вечную жизнь и вечную молодость.

ГЛАВА 18. БЕССИЛИЕ.

Я не в состоянии вести машину. Я даже не помню, как мы оказываемся в коттедже.

Перед глазами все кружится, и я почти уверен, что у меня сотрясение. Столько раз я падал с огромной высоты, врезался в стволы деревьев, стены, мебель. Я искренне удивлен, что я еще в состоянии нормально ходить и разговаривать.

Я прихожу в себя от неприятной боли. Открываю глаза и разглядываю расплывчатое лицо Норин Монфор. Она наносит какую-то вонючую слизь мне на виски.

— Черт возьми, — вяло сетую я, повернув голову на бок, — что за...

— Не шевелись.

— Чем на этот раз вы меня лечите?

— Коровьей мочой.

Я замираю и перевожу недовольный взгляд на женщину.

— Вы серьезно?

— Нет, конечно. — Норин покачивает головой. — Мы ведь не в средневековье, Мэттью.

— Хорошо. Отлично.

Она отстраняется, а я медленно приподнимаюсь, надеюсь, что комната уже вспомнит о правилах приличиях и перестанет вертеться перед глазами, будто волчок.

Я здорово ударился головой. Слабость никуда не уходит, а в ушах неприятно звенит.

— Как мы... Мы дома? Я ничего не помню.

— Да, мы приехали несколько часов назад. Ты заснул по пути.

— Где Джейсон?

— На улице. — Норин поправляет горло свитера и поводит плечами, словно не знает, с какой стати я вообще решил спросить у нее про оборотня. — Раны затягиваются.

— Спасибо.

— Я думаю, это мы должны сказать тебе спасибо.

— Вряд ли, — я отворачиваюсь и сглатываю, разглядывая переплетенные пальцы.

— Ты столько раз помогал нам, Мэтт. — Монфор неожиданно садится напротив. На ее лице появляется странное выражение благодарности, которое я не заслуживаю. Пусть она молчит, ради бога, пусть она просто встанет и уйдет, или скажет, что я болван, ведь она ко мне никогда теплых чувств не испытывала. — Иногда я думаю о том, что бы мы делали без тебя. Я привыкла, что мы с сестрой самостоятельно решаем проблемы. Но, пора взглянуть правде в глаза. На этот раз, мы с Мэри не сделали ничего путного.

— Не выдумывайте.

— Но так и есть. Вам с Хэрри приходилось разбираться в одиночку с тем, что касается только меня и моей семьи. Мне очень жаль.

— Вы помогли мне, — неуверенно настаиваю я, вскинув брови, — честно.

— Когда, например?

— Ну... — Чешу шею и повожу плечами. — Вы постоянно лечите меня.

— Да брось.

— Без вас я бы давно превратился в калеку.

— И почему бы это с тобой случилось? — Женщина опускает взгляд в пол и неуклюже сминает на коленях пальцы. — Потому что мы позволили тебе рисковать жизнью.

— Слушайте, давайте вы не будете так говорить. Хорошо? Я сам вмешался. И Хэрри.

— Я просто пытаюсь сказать тебе спасибо, Мэттью.

— Но вы не должны, — горячо восклицаю я и почему-то поднимаюсь с дивана, спина в ту же секунду вспыхивает от боли, но я не обращаю внимания. — Я должен пойти домой.

— Да, разумеется, — Норин тоже встает и кивает.

Она протягивает мне руку, и я недоуменно пожимаю ее. Никогда прежде мы с этой женщиной не обменивались рукопожатиями. Это странно. Я почему-то чувствую себя еще большим ублюдком.

— Вы в порядке? — Вдруг спрашиваю я. Все вечно задают этот вопрос мне. Теперь мы меняемся ролями. У меня ссадины по всему телу. А у Норин ссадины внутри.

— Да, я... все хорошо.

— Люцифер слишком просто отпустил нас, верно?

— Я думаю, у него есть на нас планы, на меня, конкретно. — Она смущенно поджимает губы и легкомысленно взмахивает рукой, будто это совсем неважно. — Ничего страшного.

— Какие планы, Норин?

— Скоро Йоль. Вот и узнаем.

— Йоль? Один из языческих праздников, верно?

— Не забивай голову, Мэттью. Я позволила Дьяволу приблизиться ко мне так близко, что уже глупо скрываться и испытывать ужас. Я готова вновь с ним встретиться.

— Но что случится, когда... — Возвращаюсь к своей любимой форме речи и неуклюже верчу пальцами в воздухе, вырисовывая только мне понятные символы.

— Не знаю. — Честно признается Монфор. — Увидим. Я лишь надеюсь, что прежде чем я встречу с ним, мне удастся встретиться с настоящей Ари. Это все, чего я хочу.

Она кивает сама себе, а я отворачиваюсь. С настоящей Ари? Если бы.

Мы прощаемся, и я корявой походкой покидаю коттедж. На улице жутко холодно. А я в одной окровавленной рубашке. Мда. Видок у меня, что надо. Прокатываюсь ладонями по ноющим ребрам, спускаюсь с крыльца и вдруг слышу:

— Лови.

Неожиданно мне в руки летит плотная толстовка. Я едва не роняю ее, так как вполне сейчас похож на подстреленного страуса, и выпрямляюсь. Джейсон усмехается, наблюдая за моими неуклюжими движениями, а я закатываю глаза.

— Ну давай, — бормочу я, натягивая толстовку, — скажи уже.

— Что сказать?

— Что я выгляжу паршиво. Что вид у меня отвратный. Что ты там всегда говоришь.

— На самом деле, для человека, который парил по комнате, а потом вылетел в окно, ты выглядишь вполне прилично, — протягивает оборотень и приподнимает банку с пивом.

— Новая привычка? — Невесело усмехаюсь я и подхожу к мужчине.

— Да. Раз курить мне больше нельзя, буду напиваться вдребезги.

— Отличный выбор.

— В жизни нужно все попробовать.

— Верно.

Джейсон стоит, облокотившись о машину, а я откидываю назад голову. Звезд совсем не видно. Ночь мрачная и холодная. Иными словами, ночь отстойная.

— Как ты себя чувствуешь? — Спрашиваю я и отбираю банку с пивом. Делаю глоток.

— Это мое пиво.

— Я пытаюсь быть вежливым. Ответь на мой вопрос.

— Пытаешься быть вежливым, отбирая мое пиво?

Я закатываю глаза, а Джейсон забирает у меня банку, поводит плечами и говорит:

— Я никак себя не чувствую. Внутри пусто, будто Люцифер забрал не только чувства, которые я испытывал к Норин. Но и все остальное.

— Ну, может..., — с умным видом покачиваю головой, — может, все твои чувства были сосредоточены лишь в чувствах к Норин. Поэтому теперь кажется, что не осталось ничего.

— Давай без философии.

— Ты сожалеешь?

— Наверно.

— Но она ведь тебе так нравилась. Неужели ты действительно все забыл?

— Я все помню, мальчик, — отвечает Джейсон, переведя на меня темный взгляд, — но я больше ничего не ощущаю. Вот в чем разница.

Безнадежная ночь, полная отчаяния и одиноких мыслей.

Я взъерошиваю волосы и почему-то выдыхаю:

— Мне жаль. Ладно? Я не умею говорить классные вещи. Но мне жаль.

— Люцифер сделал то, что он отлично умеет делать — обманул нас. С нами играют, да так, будто мы куклы. То сводят с ума, то обезоруживают, то спутывают мысли. Уверен, ты прекрасно понимаешь, о чем я.

— Да, я понимаю. — Неуклюже скребу носком ботинка землю. — Уж сводить с ума они точно умеют. Я сегодня сделал то, что никогда бы раньше не сделал.

— Например, вырубил меня?

Стремительно оборачиваюсь и округляю глаза. Дерьмо. Он все помнит! Черт.

— Я знал, — выдыхаю я и ударяю себя кулаком по лбу, — знал, что ты увидел.

— И, наверняка, ты удивился, почему я не разодрал тебе глотку.

— Да, такой вопрос крутился у меня в голове.

— Ты сегодня всех нас отлично подставил. И я разозлился. — Джейсон отворачивается и с силой стискивает зубы. — Я разозлился так, что действительно собирался свернуть тебе шею, ведь Норин рисковала собой, я рисковал собой, а ты поддался злости, ярости.

— Послушай, я не хотел... или хотел. Это сложно. Я просто...

— Именно потому, что это сложно, я не тронул тебя пальцем.

Мы смотрим друг на друга, и оборотень поводит плечами. Я опускаю голову.

— Я идиот.

— Да, ты идиот. Но ты молод, эмоционален, пусть отрицаешь эмоции. Я бы отыгрался на тебе, но проблема в том, что лежачих я не быю. А ты уже провалился сквозь землю.

— Ну, спасибо. — Я киваю и взмахиваю рукой. — Отлично.

— Но это правда. Ты запутался. Надеюсь, теперь в твоей голове все пришло в норму?

— Наверно. Я до сих пор считаю, что Ариадна опасна. Мы должны остановить ее.

— Она причинила тебе боль.

— Нет, — усмехаюсь я, откинув назад голову, — она не причинила мне боль, она просто превратила мою жизнь в жалкую пародию, она сделала меня чудовищем.

— И ты решил отомстить.

— Я думал, что поступаю верно.

— А сейчас ты что думаешь?

— Сейчас я думаю, что я кретин. Я врал вам всем, хотя именно вы спасали мне жизнь. Я врал Хэрри, пообещал ему вернуть Ари домой, а сегодня... сегодня чуть не...

Запинаюсь и до боли стискиваю зубы. Что со мной? Я не узнаю себя.

— Я даже связался с фанатиками.

— Что? — Джейсон недовольно сжимает пальцами переносицу. — Мэтт.

— Мне казалось, так нужно. Я... ладно. Давай.

— Что?

Мужчина опускает руки, а я отстраняюсь от машины и киваю.

— Давай, врежь мне. Я заслужил.

— Черт возьми. Не буду я тебя бить.

— Но...

— Мэтт, посмотри на себя. У тебя не лицо, а гематома. Я сейчас толкну тебя пальцем, и ты коньки отбросишь.

— Очень смешно.

— Но я не шучу. — Джейсон все-таки усмехается и устало покачивает головой. — Все, у меня больше нет желания распинаться и объяснять тебе, что ты хороший. Ладно? Давай, я закончу этот психоанализ, а ты просто выплещись и возьмешься за ум.

— Выплюсь... — Занудно ворчу я. — Было бы неплохо.

— Иди домой. Завтра еще увидимся.

— Как скажешь. — Я делаю несколько шагов назад, как вдруг понимаю, что на улице у дома не стоит пикап Хэйдана. Черт. Оборачиваюсь и свожу брови. — А где машина?

— А ты собирался вести ее без сознания?

— Нет, но...

— Завтра пригоню.

— Только пригони, иначе у меня будут проблемы. А у меня и так много проблем.

— Договорились. Может, тебя подвести?

— Нет. Я дойду. — Шмыгаю носом и киваю. — До завтра.

Джейсон отпивает пива, а я слабой походкой двигаюсь к своему дому.

Понятия не имею, сколько я плутаю вдоль улиц. Я помню, как ушел из дома, и меня раздрают на части противоречивые чувства. С одной стороны, отец привел домой врачомозгоправа, который должен был перемолоть мои внутренности. С другой — он имеет, черт подери, на это право. Его сын постоянно где-то пропадает, оправдываясь, как семилетка, у его сына постоянно побои на теле, какие-то проблемы. Он волнуется. И не доверяет. И, да, мне хочется, чтобы отец верил в меня, ведь я никогда не был куском дерьма. Но мой папа обычный человек. Он даже предположить не может, что творится в моей жизни. Я не могу винить его за то, что он борется с неприятностями по-своему. Я должен понять его.

Я прихожу домой в районе трех ночи, собираюсь подняться сразу на второй этаж, но слышу шум телевизора в гостиной. Мои брови тут же хмурятся. Неспешным шагом я тихо прохожу по коридору, а потом застываю на пороге, увидев отца в кресле.

— Пап? — Растерянно протягиваю я, и он тут же оборачивается.

Отец, наверняка, не ожидал меня увидеть. Лицо у него вытягивается. И он озадачено хватается за пульт, чтобы сделать программу тише.

— Почему ты еще не спишь?

— Может, я буду задавать вопросы?

Что ж, я заслужил такой ответ. Повожу плечами и опускаю взгляд в пол. Я виноват, а я ненавижу быть виноватым. Это идиотское чувство внутри, будто я подвел или обидел...

У меня от него изжога.

— Ты все-таки вернулся.

— Да.

— А я думал, что мы опять не будем видеться неделю или около того.

— Пап... — Я втягиваю в легкие холодный воздух и поднимаю голову. — Прости.

Мой отец прекрасно знает меня вдоль и поперек. Услышать от меня извинения — это чудо, сопровождаемое потеплением или похолоданием. Он округляет глаза.

— Что ты сказал?

— Я сказал, прости меня. — Делаю шаг вперед и сажусь напротив отца в кресло. — Мне не понравилось, что ты пригласил мозгоправа, и я вспылел. Я просто схожу сейчас с ума.

— Почему? — Осторожно интересуется он.

— Потому что... это трудно объяснить. Это касается Ариадны.

— Боюсь, имя этой девушки скоро станет запретным в нашем доме. — Сетует отец. — Я не понимаю, что с ней? Может, привлечем властей? Адвокатов? Ты вечно приходишь весь побитый, измотанный. Чем ты вообще занимаешься?

— Я помогаю ей.

— Каким образом?

— Ты можешь просто мне поверить?

— Поверить? — Отец усмехается и передергивает плечами. — Нет уж, Мэтт, это тебе не детская сказка, в которой все друг другу верят просто потому, что не умеют иначе.

— Правда?

— Мэттью...

— Ладно. Прости, я пошутил.

— Ну, и где ты был сегодня? Чей на тебе свитер?

Черт, лучше бы я ночевал на улице. Я не хочу ссориться с отцом, но, в то же время, я не могу ответить ни на один его вопрос адекватно. Он скоро начнет злиться.

— Я был у Монфор. На улице холодно. Мне дали толстовку.

— А откуда синяки?

— Нарвался на парней. Слушай, я со всем разобрался. Правда.

— Господи, Мэтт, объясни, почему Хэйдан, как нормальный ребенок поехал вместе со своей командой по химии на олимпиаду, а ты опять влез в неприятности?

Отличное оправдание, Хэрри! Хорошо, хоть про Польшу ничего не наплел.

— Потому что мы с Хэрри разные люди, пап. И я больше люблю биологию.

— Вот значит как.

— Да. Послушай, — сцепляю перед собой руки и придвигаюсь ближе к отцу, — я идиот, и мне, правда, очень жаль. Прости, что я испортил вам день. Дни. Я исправлюсь.

— На днях ты был совсем разбит, Мэтт, — нехотя шепчет отец и отворачивается. Он со всей силы сжимает в пальцах переносицу, морщит лоб и выдыхает, — ты напугал меня.

— Я знаю. Я сорвался.

— У тебя уже было такое, когда...

— Я знаю, — тверже повторяю я и сглатываю, — я обещаю, что постараюсь измениться.

— Перестанешь пропадать?

— И перестану нарываться на неприятности. — Отличное обещание, которое я вряд ли смогу выполнить. Так держать, Мэтт. — Я даже схожу с вами завтра в церковь.

Вот это уже лучше. Отец удивленно вскидывает брови.

— Серьезно?

— Да. Послушаю проповедь, встану на путь истинный.

— Шутки пускаешь.

— Немного. — Я усмехаюсь, но затем быстро беру себя в руки. Норин и Джейсон были близки, а потом наша жизнь отняла у них это, отняла у них связь. Я не хочу потерять отца. Сегодня очень трудно было ощущать себя одиноким. Я и не догадывался, что я так сильно

нуждаюсь в близких. — Я больше не хочу подводить тебя, пап.

— Ты не меня подводишь, Мэтт. Ты подводишь себя.

— Я исправлюсь.

— Посмотрим. — Отец медленно поднимается с дивана, выключает телевизор и горько усмехается. — Что ж, ты дома. Я могу спокойно идти отдыхать.

— Ты волновался? — Нерешительно спрашиваю я, подняв голову, и папа кивает.

— Конечно, Мэтт. Я всегда волнуюсь, когда тебя нет рядом.

Он уходит, я слежу за тем, как он скрывается за порогом. Он волнуется... значит, ему не все равно. Значит, он все еще мой отец. Я рад, что мы поговорили.

***

Приходить в церковь с разбитым лицом — плохая идея. Все пялятся на меня, словно я нацепил на голову мусорный пакет. Но мне наплевать. Главное, отец немного успокоился. Он до последнего не верил, что я пойду на службу с ними. Да я и сам не верил. Но утром я невозмутимо надел джинсы, свитер, замотал шею шарфом, ведь на ней красовались синие, даже пурпурные следы от пальцев Ариадны, и спустился вниз. Долорес удивилась, но, как умная женщина, которая иногда в ней просыпается, промолчала.

В церкви воняет травами. Ладан, что ли? На самом деле, этот запах ассоциируется у меня с опасностью. В последний раз я дышал им, когда выносил из подвала сумасшедших фанатиков Ари с кровоточащими ранами по всему телу.

Едва мы садимся на скамью, я замечаю Джиллианну. Она подзывает меня рукой, вид у нее недовольный и какой-то растерянный. Я, правда, не хочу подходить к ней. Но что-то мне подсказывает, что, если я не встану, она сама пришвартует рядом, и тогда придется от нее выслушивать пререкания в компании с отцом и Долорес. Этого я допустить не могу.

— Там Джил, — отрезаю я, посмотрев на папу, — я подойду к ней на минуту.

Он кивает, и я поднимаюсь со скамьи. По телу проносится колючая лавина, и вместо того чтобы нормально отойти от отца, я горблю спину и крепко зажмуриваюсь. Конечно, у меня тут же появляются зрители. Люди с интересом изучают мое скорченное лицо.

Черт, как же я ненавижу этот город. Никто не отворачивается. Все такие приличные, что продолжают пялиться на меня вплоть до того момента, пока я не скрываюсь в тени и с зажмуренными глазами не замираю за колонной. Боль адская. Мне кажется, что кости все-таки сломаны: ребра, ключица. Что-то должно быть искореженным, иначе неясно, почему мне так паршиво. Раны стянулись, да, но болеть не перестали.

— Что с тобой? — Взволнованно шепчет Джиллианна и неожиданно прокатывается по моим щекам ледяными пальцами. Я отворачиваюсь. — Что случилось?

— Ничего. — Искоса гляжу на нее. — Все отлично.

— Ты еле стоишь.

— Я в курсе.

— Поэтому ты не пришел вчера? — Ее голубые глаза вспыхивают пониманием. — Мэтт, я ведь переживала, я ждала, что ты позвонишь или напишешь.

— Я не захотел. — Честно признаюсь я, потому что мне уже осточертело придумывать.

— Не захотел? Или не смог.

— Ты слышала, что я сказал.

Девушка в недоумении скидывает брови и выпрямляет спину. На ней белая кофта, в

которой она пришла на наше первое свидание. Я невольно засматриваюсь на эту кофту. Я вдруг думаю, что эта кофта из другой жизни.

— Ты же не всерьез. — Вспыльчиво бросает Джил, вырывая меня из мыслей. — Ты ведь шутишь. Правда?

— Нет. Не шучу.

— Черт возьми, Мэтт!

— Разве тебе можно ругаться?

— Ты еще и издеваешься? — Пораженно охает она, прикладывая ладонь к груди. — Что с тобой происходит? Ты ведь пришел ко мне домой, сам пришел.

— Я ошибся. — Отвожу взгляд в сторону и нерешительно повожу плечами. — Сглупил.

— Нет, нет, Мэтти, ты поступил верно, слышишь? Верно, я точно знаю.

— Я должен извиниться перед тобой. — Вновь гляжу на Джиллианну и вижу, как губы у нее подрагивают. О, нет. Только без слез. — Джил, не надо.

— А как же твоя миссия? — Шипит она, ткнув в меня пальцем. — Ты все бросил?

— Какая к черту миссия? Ты хоть понимаешь, как глупо это звучит.

— Господь выбрал тебя!

— О, замолчи. Я видел Дьявола, Джил. Видел то, что он делает. Но я не видел Бога.

— Бог живет в каждом из нас, — сумасшедшим шепотом протягивает она. А я шурюсь и отворачиваюсь, потому что смотреть на нее в таком состоянии неприятно. Я никогда бы даже не подумал, что Джиллианна настолько помешана на религии. Мы проводили вместе много времени, но я не замечал, как глубоко пастор Хью вонзил в нее свои когти.

— Папа ждет меня. Я пойду к нему.

— А что я скажу своему папе? — Звонким голосом спрашивает она. — Ты обманул нас.

— Вы сами себя обманываете, Джил. Убийство — не выход и не способ.

— А как тогда избавляться от грешников?

— Перечитайте Библию. Seriously. Ты говоришь чушь.

— Не смей так разговаривать со мной! — Девушка подается вперед и поджимает губы, в ее глазах вспыхивает пламя, и я вдруг вижу перед собой совсем другого человека. — Тебе лишь нужно было выполнить два поручения. Два. И все. И мы бы избавились от ведьмы.

— Я разберусь с Ариадной. — Твердым голосом отрезаю я. — Но без вашей помощи.

— Думаешь? Ты, правда, в это веришь? Теперь мы абсолютно беззащитны!

— Меня ждет отец, — собираюсь уйти, но Джил вцепляется в мой локоть.

— Я отдала тебе последнюю капсулу, — продолжает шипеть Джиллианна, — мы верили в тебя, а ты всех нас предал!

— Я иначе не умею. — Порывисто выдергиваю руку, стиснув зубы. — Я всех предаю, не принимайте на свой счет.

— Неприятности в раю? — Неожиданно спрашивает мужской голос, и к нам вальяжной походкой подкатывает Логан Чендлер. Дерьмо. Только его не хватало. Парень улыбается, испепеляя меня недовольным взглядом, а я сжимаю пальцами переносицу. Класс.

— Мы просто... просто разговаривали — тут же находится Джил и поправляет кофту. У нее отлично получается перевоплотиться в милую девушку. Мастерски. Я хмыкаю: может, она и меня обманывала, когда мы встречались? Только казалась хорошей.

— Вся церковь слышала, как вы «просто разговаривали».

— Должно же быть хоть что-то интересное на службах, — бесстрастно отрезаю я.

— А ты давно здесь не был. Решил встать на путь истинный?

— Хотел с тобой увидеться. Соскучился.

Логан прыскает со смеху. Но глаза у него остаются холодными. Мы пялимся друг на друга, и все это время мне хочется врезать ему. Уверен, у Чендлера аналогичные желания.

Джиллианна взмахивает руками в стороны и открывает рот, чтобы сказать что-то, но не успевает. Внезапно высокие, дубовые двери церкви со свистом открываются. Их будто отталкивает сильнейшим порывом ветра. По помещению проносится шум. Люди пытливо оборачиваются, сгорая от желания увидеть, что же происходит. И в следующее мгновение на пороге оказывается Ариадна с медно-рыжими волосами, которые парят над ее плечами, словно оранжевое пламя. Я ошеломленно застываю. Какого черта?

Джил в ужасе распахивает глаза, схватившись за мою руку, а я свожу брови.

— Что она здесь делает? — Мой вопрос риторический, но Хью решает ответить.

— Будто тебе неизвестно. — Ее голос пропитан ядом. — Это из-за тебя.

— Вы чего? Это же Ари. — Логан недоуменно кривит губы и сходит с места. — Пойду к ней. Ариадна веселее вас обоих вместе взятых.

— Что б тебя, стой!

— Какого...

— Стой на месте, — впившись пальцами в плечо Чендлера, рычу я. — Услышал?

— Нортон, я надеру тебя зад на глазах у Господа. Я не шучу.

Ариадна продолжает стоять на пороге, изучая людей прищуренным взглядом, а меня одолевает странное чувство, что сегодня произойдет нечто паршивое. Я смотрю на отца. Я не хочу, чтобы он был здесь. Он должен уйти, уйти прямо сейчас.

— Она не пройдет, — щебечет Джил, — она не ступит на святую землю, не сможет.

И в этот самый момент Ари делает шаг вперед, ее тело прошибает сильная судорога, и под опешивший возглас толпы, она откидывает назад голову и раскрывает от боли рот.

— Что за... — Проговаривает Логан, наморщив лоб, но запинается.

Ариадна начинает громко, прерывисто дышать, оскалив зубы, словно дикий зверь. Я вижу, как она подается вперед, и как прожигает ядовитым взглядом всех, кто находится в церкви. На ее лице появляются черные, толстые вены, и они путешествуют по нему, будто змеи. Дергаясь всем телом, рыча, сипло втягивая разгоряченный воздух, Ариадна стоит на пороге и пытается пройти в церковь, бросая вызов не нам, не людям, а религии и Богу.

Кто победит?

Я быстро достаю из кармана джинс телефон и набираю сообщение Джейсону. Норин должна знать, что здесь происходит. Они вместе должны приехать. Срочно.

Испуганные лица людей похожи на застывшие маски. Никто не понимает, с чем им в эту минуту приходится столкнуться. Кто-то поднимается с мест, кто-то обездвижен. Люди продолжают наблюдать за Ариадной в любом случае. Никто не уносит ноги, не спасается.

Они все очарованы, заинтригованы происходящим. Им страшно, страшно интересно.

— Логан, надо уводить всех, — я смотрю на Чендлера. — Прямо сейчас.

— Но что с ней? Я не понимаю, она... она выглядит...

— Просто проберись к первым рядам и скажи людям, чтобы они уходили.

— Дерьмо. — Логан хватается руками за волосы и с силой дергает их. — Какого черта?

— Живо, давай!

Толкаю парня в бок и перевожу взгляд на Джиллианну.

— Иди с ним, покажи, где здесь запасной выход.

— А ты, конечно, пойдешь болтать со своей любимой, — ядовито шипит девушка. Я не

знал, что она так умеет. Не знал, что Джил может быть гнилой, полной желчи.

Ничего не отвечаю. Просто поворачиваюсь к ней спиной и решительным шагом иду к Ари. В этой церкви только один человек понимает, что происходит, только один человек может дать отпор. И этот человек — я.

Ариадну трясет, как при лихорадке. Пот скатывается по ее бледному лицу, и она зло, порывисто отмахивается от несуществующих демонов руками, а затем вдруг замирает. Да, она превращается в обездвиженную статую с закрытыми глазами и волнистыми локонами. Сглатываю, обхожу деревянные скамейки, останавливаюсь за колонной, наблюдая за тем, как за спиной Ари светит солнце, овивая ее худощавое тело, будто бы блестящий ореол, и сжимаю так сильно пальцы, что ладони сводит от легкой боли.

Ариадна медленно открывает ярко-зеленые глаза. Ее тело расслаблено, а судороги не разрывают ее на части. Ведьма моргает, а затем уверенно переступает через порог церкви.

— Так-так, — шепчет она, облизав алые губы, — кажется, вы начали без меня.

Поднимается шум. Что-то пугает людей, заставляет их резко подскочить с мест! Но я знаю, уже поздно. Они в ловушке. Ариадна поднимает руки и восклицает:

— Всем тихо! — Тут же церковь заполняет безмолвие. Толпа замирает, женщины, дети, мужчины: все следят за ведьмой с нескрываемым ужасом, а она тут же виновато вздыхает. Ее брови вскакивают вверх, а руки падают вниз. — Простите. Я не хотела вас напугать. Мы ведь в храме. Бога ради, примите мои извинения.

Она наклоняется, сжав на груди ладонь, и выглядит растроганной. Она играет. Никто ей не верит. Ариадна всегда была плохой актрисой.

— Садитесь, — приказывает Ариадна, и люди безвольно занимают свои места. Тишина парализует. Всем страшно, но никто не может шевельнуться, сказать хотя бы слово. Нечто подобное было и со мной, когда в коттедже Монфор появился Люцифер.

Все эти люди никогда не видели Дьявола. Настоящего Дьявола. Уверен, теперь им в ночных кошмарах будет являться лик рыжеволосой, милой девушки.

Ариадна сходит с места и проносится по узкому проходу, стуча каблуками о пол.

Я прохожусь пальцами по карманам джинс, пальто и стискиваю зубы: я безоружен, у меня нет ни одной вещи, которая могла бы пригодиться, это паршиво. Сейчас я абсолютно беспомощен и жалок. Но в церкви много людей. И им нужно помочь. Как? Я хмурюсь и на Ариадну гляжу с нескрываемым раздражением. Я не ожидал, что мы с ней встретимся так скоро. Не прошли и сутки, а она уже вновь пытается испортить мне жизнь.

Ари становится у алтаря, кладет локти на деревянную установку и наклоняет голову.

— Простите, что мне приходится отвлекать вас от чтения псалмов. — Тишина: люди не отрывают глаз от девушки, которая воплощает собой красоту и молодость, но они знают, я уверен, они чувствуют, что эта красота убивает, а молодость — истощает и поглощает. Они знают, что Ариадна — не просто прекрасна. Она смертельно прекрасна, и им страшно. — Не так давно я приехала в этот городок. — Неожиданно протягивает Ари, поведя плечами. — Я отлично помню, как вы приняли меня. Точнее, как вы меня не приняли. Это расстраивает.

Я в замешательстве оглядываю толпу.

Отец, как и все в церкви, парализован и скован. Он смотрит на Ариадну, а по его шее в ряд тянутся тонкие, мокрые полосы. Возможно, он борется с принуждением, но ничего у него не получается. И вряд ли получится. Я вновь перевожу взгляд на Ари. Она обозлена и измотана. Мне вдруг кажется, что ей, как и мне, надоело сражаться. В конце концов, долго ли мы еще сможем сталкиваться и бороться, рвать глотку, точить когти, в надежде, что все

закончится лучшим для нас образом? Даже злодеи устают. Даже герои теряют запал. Нам столько всего пришлось пережить, что мы уже просто-напросто хотим успокоиться.

— Мне осточертели эти разговоры, этот шум, — прерывисто бросает Ариадна и нервно передергивает плечами. Создается такое впечатление, что в голове у нее действительно не умолкает какой-то голос, который заставляет все ее тело содрогаться от вспышек ярости.

Я напряженно выдыхаю и медленным шагом приближаюсь к ведьме. Она не видит, с какой невероятной осторожностью я ступаю по половицам, искренне надеясь, что ни одна из них не скрипнет под моим весом. Я подхожу все ближе и ближе, и вижу, как Ари резко, порывисто откидывает назад волосы, вспыхнувшие пожаром за ее спиной.

— Возможно, я не должна быть такой подлой. — Не смотря на толпу, протягивает Ари и уголки ее губ дрогают от ядовитой усмешки. Ари хищно сжимает в пальцах деревянные края алтаря, и внезапно я замечаю красные искры, которые вспыхивают рядом с ее руками и водопадом валятся вниз. По залу не проносится ни звука. — Не все из вас насолили мне, я знаю. Но мы в храме Божьем. — Ее малахитовый взгляд проходится по лицам людей. — Мы не должны врать. Давайте признаем, что каждый из вас заслуживает смерти.

Что-то меняется. Напряжение становятся осязаемым, и оно валится на плечи грубо и безжалостно и прижимает к земле невидимыми колючими лапами.

Черт возьми. Ариадна растягивает губы в ядовитой ухмылке, а я осознаю, что мне не справиться с ней, не остановить ее, но я все равно иду вперед, потому что не вижу другого выхода. Я сам в это дерьмо ввязался, нечего из-за этого плакать. Ну, пострадаю, и что? Не страшнее ли участь труса, предателя? Я столько ошибок совершил. Стремительно нестись к Ариадне и верить, что я смогу вернуть ее — это одно из немногих правильных решений, которые когда-либо были мной приняты.

Мне остается метров десять, как вдруг Ари сводит перед собой руки и восклицает:

— Давайте же сделаем то, зачем вы пришли сюда! — Люди порывисто сплетают перед собой пальцы и начинают молиться, подчиняясь каждой мысли ведьмы. Будто безвольные куклы, они повторяют ее движения, ее жесты. Ариадна смотрит на потолок, люди смотрят на потолок, Ариадна вновь закрывает глаза, люди вновь закрывают глаза. — Да упокой Бог души грешников, что находятся в этом зале. Прими их глухими, немыми, слепыми, сожми в объятиях и пообещай прощение. — Слабый шепот разносится по помещению. — Аминь.

«Аминь», — повторяет толпа и внезапно за спиной Ариадны появляется пастор Хью.

Я замираю с вытянутой ногой и широко распахиваю глаза. Что происходит? Она его видит, она знает, что он находится позади? Я в панике подаюсь вперед, потому что уверен на сто процентов, что пастор достанет из-за спины нож и нанесет Ари смертельный удар.

Я оказываюсь неправ.

Пастор ровными движениями обвязывает свои запястья толстой, джутовой веревкой. Его лицо ничего не выражает. Мужчина не смотрит в зал, не видит перекошенные от шока и недоумения лица людей. Он только делает то, что считает нужным, понятия не имея, что именно он делает и почему. Он не отдает себе отчета в собственных поступках.

— Эта веревка... — Ариадна задумчиво хмыкает и отходит от алтаря. Она проходится в особой, трепетной манере пальцами по желтовато-серым волокнам... — Месяц назад пастор Хью и его приспешники приковали меня этой же самой веревкой к потолку в его подвале, где они, как он сам тогда выразился, избавлялись от нечестивцев. Тогда я была хорошей, я была слишком хорошей, чтобы почуять запах гнили от помешанных святош.

Глаза ведьмы закрываются. Она отбрасывает веревку от себя, и в ту же секунду окна в

церкви распахиваются, а небо на части разрывает ярчайшая, сверкающая молния.

— Ари, — шепчу я, обдуваемый холодным ветром.

У каждого злодея есть своя история. Никто не становится злым просто так.

Люди считают счастливым концом свержение врага, убийство главного антагониста. Они не понимают, что злые люди вынуждены быть злыми, не понимают, что большинство злодеев выбирают светлую сторону, а потом что-то меняется. Что-то ломает их. Они знали жизнь до того, как стали ужасом в наших глазах. Они доверяли и надеялись до того, как у них отняли эту возможность. Мы читали сотни книг, смотрели сотни фильмов, и каждый раз мы думали, что смотрим на счастливый конец. На то, как злодей превращается в пыль, падает со скалы или валится на колени, поверженный копьем. Но мы не понимали, что это трагедия. Этот злодей прошел огромный путь, который был полон предательства и боли, а потом он проиграл, и люди посчитали его смерть чудом. Что в этом счастливого, где здесь справедливость? Счастливой считалась бы концовка, в которой злой становится хорошим, а хороший принимает зло, что находится у него внутри. Ведь зло есть в каждом из нас. Не надо врать. Все мы способны совершать чудовищные поступки. Все. Но почему-то только некоторые из нас расплачиваются за это и становятся главными антагонистами.

Ариадна взмахивает руками, и пастор Хью взмывает над полом; словно распятый он открывает рот в немом крике, растерянно оглядывается, а ветер бьет его по лицу.

— Вы сделали мне больно, Мистер Хью, — ядовито шепчет ведьма и сжимает в кулаки пальцы, от которых отпрыгивают красные искры. Она наклоняет в бок голову, а я быстрее приближаюсь к пьедесталу. Она не хочет убивать, она просто забыла, как быть человеком.

— Ариадна, остановись. Не надо! — Восклицаю я, и, обернувшись, девушка прожигает меня презрительным взглядом, а затем отбрасывает силой мысли в дальний угол церкви. Я ударяюсь спиной о стену так сильно, что дышать становится невозможным.

Боль напоминает о себе, я пытаюсь подняться, но не могу даже открыть глаз. Тело не слушается, горит, пылает так сильно, что я готов орать во все горло. Я должен встать. Я не имею права бездействовать, только не сейчас. Не сейчас!

— Мэтт, — неожиданно меня поднимают крепкие руки.

Сквозь мутную пелену я вижу лицо Джейсона. Черт возьми, они здесь.

— Она убьет его... — Невнятно лепечу я. — Мы должны...

Меня шатает, я едва не падаю, но оборотень решительно хватается за мои плечи.

— Эй, мальчик, сейчас не время для обмороков.

— Заткнись.

— Что она делает? — спрашивает Норин. Женщина воинственно смотрит по сторонам, а затем сводит тонкие брови. — Я поговорю с ней. Хотя бы попытаюсь.

— Это же безумие, дамочка, — отрезает Джейсон.

— Я поговорю с ней. — Повторяет Монфор, расправив плечи. — А вы...

Внезапно разносится мужской, гортанный крик, и, выглянув из-за плеча Джейсона, я вижу, как Ариадна придавливает ладонь к груди пастора. От ее пальцев исходят искры.

— Она его...

— О нет.

Тело священника загорается. Ведьма отшатывается назад, прижимает к себе руки, но взгляда от горячего тела пастора не отводит. Уже в следующее мгновение она смеется. Я в ужасе гляжу на то, как пастор Хью в муках и агонии виляет ногами, головой, орет и тонет в собственных криках, а Ариадна смеется. Смеется, будто сумасшедшая.

— Она завершила ритуал, — шепчет Норин Монфор и прикрывает пальцами губы.

Пламя, что пожирает отца Джиллианны, становится все ярче и ярче. Все больше! А я вспоминаю о ящике Пандоры и хватаюсь ладонями за виски. Что делать. Что нам делать.

Я слышу, как взрываются раскаленные волдыри, как хрустит его кожа. Я вижу, как к телу мужчины прилипает черное одеяние, пылающее оранжевыми вспышками. Я ощущаю запах. Горелый, мерзкий запах, который распространяется по церкви вместе с дымом, и на меня будто взваливают груды кирпичей, тонну ответственности.

Я не остановил ее раньше. Крепко зажмуриваюсь. Я позволил ей убить его.

— Нет! — Разносится по помещению неистовый крик, и, обернувшись, я вижу Джил. Я виновато стискиваю зубы и чувствую, как внутри все разрывается на части. — Нет, нет!

Девушка хватается ладонями за лицо и начинает недоуменно качать головой, не веря в то, что она видит, и я срываюсь с места, и несусь к ней, а она отпрыгивает назад.

— Это мой отец! — Не своим голосом кричит Джиллианна, сгибаясь от боли. Я хватаю ее за плечи, чтобы она не упала, а она впивается ногтями в губы. — Это папа, мой папа.

— Джил, я...

— Убирайся! — Верещит она, ударив меня по груди. — Не трогай, я сказала, не трогай!

— Пожалуйста.

— Это все ты, ты! Ненавижу тебя!

Она свирепо бьет меня, разрываясь от плача, а Ариадна смеется, раскинув в стороны руки и наблюдая за светом, который гаснет в глазах пастора. Она вдыхает запах смерти.

Тело пастора стремительно падает вниз, так как веревки, сковывающие его запястья, превращаются в пепел. Огонь утихает, шум испаряется, словно по волшебству, и внезапно Ари, будто подстреленная птица, валится на колени. Широко распахнув глаза, я выпускаю из объятий Джиллианну и оборачиваюсь. Какого черта? Что за...

Ариадна хватается руками за горло. Дергается в судороге, расправляет плечи, глаза у нее становятся огромными, яркими, испуганными, и неожиданно из ее тела вылетают тени разных размеров и форм. Девушка испускает вскрик, оставляя царапины от ногтей на шее, подается вперед и стискивает до скрипа зубы. Я слышу этот скрип. Он скрипит во мне, он скрипит у меня между висков и заставляет согнуться от боли.

Что происходит? Я ни черта не понимаю! Черные тени вырываются из тела Ари, и, в мгновение ока они вылетают из церкви, будто птицы; выползают из окон, будто черви. Не знаю, что делать, просто верчу головой и вдруг встречаюсь взглядом с отцом, он встает на ноги, и я ошарашено застываю. Как он это сделал? Как поборол принуждение?

Только потом я замечаю, что все люди в церкви подорвались с мест. Они кричат и со всех ног несутся к выходу, деря глотки, толкая друг друга, словно они дикие животные. И в этом хаосе я не вижу ничего, кроме огромных глаз отца, наполненных ужасом. Он тянет ко мне руку, а я покачиваю головой.

— Нет. Прости.

— Мэтт, — папа прорывается ко мне, — Мэттью!

Я зажмуриваюсь и схожу с места. Он должен уйти. А я должен поставить точку.

— Мэттью! — Доносится до меня его крик. — Мэтт!

Толпа уносит отца все дальше, будто лавина, будто цунами, а я плетусь к Джейсону.

В неразберихе и хаосе визжат оконные рамы, гоняемые сильным ветром. Молнии, то и дело, вспыхивают в затянувшемся, темном небе. Тени выплывают наружу, как демоны, а я наблюдаю за ними и бездействую. Я абсолютно бесполезен.

— Что происходит? — Пытаясь перекричать людей, спрашиваю я. — Что это было?

— Ящик Пандоры.

— Но... — Кто-то задевает меня, и я неуклюже пячусь в сторону. — Но ящика здесь нет!

— Мы неправильно истолковали легенду. Никакого ящика не существует!

— Что?

— Она сама ящик, — взволнованно отрезает оборотень. — Она — сосуд.

Я растерянно оборачиваюсь и вижу, как Ари изнуренно откидывает назад голову, эта сила отнимает у нее энергию. Она изматывает ее. Никогда прежде Ариадна не была столь беззащитна и уязвима. Я понимаю, что она не способна сражаться. Не способна дать нам отпор. Это именно тот момент, которого мы ждали! Ведь завтра Йоль! Мы должны срочно увести Ари домой, тогда мы выполним обещание и поможем ей.

Я собираюсь сорваться с места, как вдруг в проходе появляются люди в мантиях; мы уже видели эти мантии. Темно-красные мантии, как цвет венозной крови.

Доминиканский орден.

— Джейсон, — толкаю оборотня в бок.

Он уже заметил гостей. Ничего не отвечая, мужчина выходит вперед и становится на краю пьедестала, прикрывая Ариадну спиной. Я становлюсь рядом с ним, мы наклоняемся вперед и поочередно прочищаем горло. Десятки людей в мантиях останавливаются всего в нескольких метрах, и внутри у меня искореживаются внутренности.

— Не стоит, — тихо протягивает Джейсон, хрустя костяшками пальцев. — Будет умнее, если вы уйдете. Уйдете прямо сейчас.

Он смотрит на врагов из-под опущенных ресниц, а безликие фанатики не двигаются, наверняка, понятия не имея, с кем они имеют дело. Я бегло осматриваюсь, пытаюсь найти, чем мне защищаться. Но как только мой взгляд натывается на изогнутую кочергу, один из доминиканцев подается вперед и вынимает из внутреннего кармана мантии лезвие. Чудом мне удается избежать столкновения, отклоняюсь, напрягая мышцы спины, и рычу от боли, которая ядом прокатывается по позвоночнику. Черт возьми. Как все осточертело. Я несусь на мужчину и со всей дури ударяю его по ребрам, свирепо размахиваюсь и вонзают кулак в его челюсть. Мужчина падает, я тяжело дышу. Он валяется у моих ног без чувств, а я его исследую рассеянным, обезумевшим взглядом и киваю. Киваю сам себе. Я разорву всех. Я смогу, потому что я — не хороший человек. И защищаю я не хорошего человека. Мы злее и безжалостней. У них жизнь, посвященная религии, у нас моменты, подвластные чувствам.

С каждой вырвавшейся тенью из тела Ариадна на землю опускается мрак. Мы знаем это, и мы все равно прикрываем ее своей спиной. Как же я раньше не понимал, что для нас значит эта девушка. Что она для меня значит. Наплевать на мир. Он всегда был жесток, он никогда не обнимал так, как Ари. Никогда не понимал так, как Ари.

В ярости я отталкиваю еще одного мужчину, затем еще одного; они рвутся вперед на нас с Джейсоном, а мы отбиваемся, как будто защищаем собственную жизнь. Я едва стою на ногах. Дышать почти невозможно. Сколько еще врагов? Где Норин? Перед глазами все кружится, кружится, и я смахиваю со лба испарину, и моргаю и отбиваюсь, и шатаюсь. Не помню, чтобы когда-либо мне было так паршиво. Мышцы горят, ледяной ветер забирается под одежду и заставляет все тело трястись от холода. И неожиданно я пропускаю удар. Он приходится мне прямо по солнечному сплетению. Я выплевываю воздух и застываю.

Черт. Судорожно валюсь на колени, осматриваюсь, не видя ничего перед глазами, не

слыша ни единого звука, и моргаю. Моргаю еще раз.

— Мэттью! — Я считываю по губам. Норин вырывается из оков мужчины и смотрит на меня взволнованным взглядом. — Вставай, Мэтт! Вставай живо!

Я зажмуриваюсь от боли, от слабости, от паники, и с рыком поднимаюсь.

Я кидаюсь вперед, подхватив с пола острую кочергу. Взмахиваю ею в воздухе грубо и безжалостно, и брызги разгоряченной крови падают на мое лицо. Ошеломленно вдыхаю, выдыхаю воздух, а потом взмахиваю вновь и вновь, пока мои руки полностью не утопают в алых разводах. Я резко осматриваюсь, вижу Ариадну, такую же бледную, как призрак. А потом я вижу Джиллианну Хью, вдалеке. Она стоит почти у входа в церковь, и в руках она держит мой спортивный лук. Все в этой церкви замораживается, притормаживает, потому что я отчетливо замечаю стрелу в пальцах девушки, и эта стрела направлена на Ари.

— Нет, — я рассеянно передергиваю плечами, — нет, нет, Джил, не надо!

Срываюсь с места, наваливаюсь на мужчину и отталкиваю его от себя.

Джиллианна хорошо стреляет. Я сам ее учил стрелять. Я знаю.

— Джил, стой!

Несусь. Несусь со всех ног. Прорываюсь к ней, словно она — единственный источник света, словно она — оазис, посреди мертвой пустыни. Я бегу к ней, бегу! И вытягиваю руку как раз в тот момент, когда Джиллианна сводит брови и решительно выпускает тетиву.

— Нет!

Стрела свистит в воздухе. Она проносится рядом с моим лицом, летит вперед, минуя искореженные от злости и ярости лица доминиканцев, минуя Джейсона и алтарь. Стрела с невероятной скоростью парит в волшебном свете, который прорывается сквозь витражи, и она вонзается в женскую грудь, насквозь пробив ребра.

Все замирают в безмолвии. Я замираю в ужасе. Отшатываюсь назад, будто пробитый автоматной очередью, и сипло втягиваю воздух. Нечто подобное делает и Норин Монфор. Стрела в ее груди не позволяет ей дышать. Женщина хватается дрожащими губами воздух, и леденящий душу ужас вспыхивает в ее небесно-голубых глазах. Но она не сходит с места.

Норин Монфор продолжает стоять перед Ариадной, закрывая ее своим телом, она не могла иначе, она не сомневалась, не думала. Она касается бледными пальцами крови, что, скатываясь по ее свитеру, превращается в овальное пятно, и падает.

Я перестаю дышать, что-то ломается во мне, что-то взывает нечеловеческим рыком. Но я не могу произнести и слова. Никто не может. Молчание. Ари встает на ноги, не знаю, откуда она находит силы. Но она встает. Смотрит. Не шевелится. Ее глаза заполняет мрак, я уже видел нечто подобное. Видел эту черную дрянь, которая лишала Ари рассудка. Но в следующее мгновение происходит нечто удивительное. Ошеломляющее.

По бледному лицу Ариадны неожиданно начинают скатываться угольные слезы.

Я подаюсь вперед в состоянии неподвластном описанию. Я хочу ринуться к ней, и я должен это сделать. Но мои ноги врезаются в землю, когда Ари, схватившись пальцами за лицо, испускает неистовый вопль, который отдается в уголках церкви звонким эхом.

Я резко отворачиваюсь. Она кричит, сдавливая ладонями виски, и я зажмуриваюсь, я не могу это слышать, не могу, не могу. Сломленный, мертвый голос девушки разрывает во мне каждый орган, обнажает каждый нерв. Я смахиваю пальцами пелену с глаз и нахожу в себе силы вновь посмотреть на Ари, и ссутулюсь. Ари, пожалуйста, я рядом! Я делаю шаг, а потом отворачиваюсь, потому что она валится на колени и закрывает ладонями лицо. Не могу заставить себя подойти ближе. Мои руки опускаются, словно во мне не остается сил.

— Норин? — Доносится голос Джейсона. Я поднимаю подбородок, а мужчина зовет ее. Наверно, он не понимает, не хочет понять, что ее больше нет.

Джейсон начинает часто дышать. Резко поводит плечами, отворачивается, сжимает в кулаки пальцы и зажмуривается, как будто пытается бороться с тем, что сильнее его.

Мне становится не по себе. Мне становится чертовски не по себе.

Я уверенно иду к напарнику, но торможу, едва из его горла вырывается волчий вой.

— Твою мать.

Я никогда не видел оборотней, никогда не осознавал до конца, что обозначают слова Джейсона о том, что с ним не стоит связываться... но сейчас, когда он сдирает с себя кожу, становится в разы больше и покрывается черной шерстью, я понимаю, что дела плохи. Я в панике отшатываюсь назад и перевожу взгляд на Ариадну. Она сидит над телом тети. И от ее пальцев, то и дело, отскакивают красные искры. Здание содрогается от грома, что резко и внезапно раздается за окном. Пол под ведьмой начинает шевелиться, и, в скором счете, покрывается тонкими трещинами, которые, словно паутина, расползаются по церкви.

Все вышло из-под контроля. Абсолютно все! Теперь я должен остановить Ариадну и привести в чувство Джейсона, что кажется мне полным безумием, ведь мы не проиграли.

Мы потеряли Норин Монфор. Этой женщины больше нет.

— Ариадна, нет! — Восклицаю я и срываюсь места. Здание скрипит, звучит очередной раскат грома, и витражи разом ломаются, обрушив на нас дождь из острых осколков. Мне становится дико больно, и я морщусь от боли, но не перестаю бежать. Все это неважно. Не сейчас, не позже. Я должен помочь Ари. — Пожалуйста! — Стены покрываются трещинами, и церковь стонет, словно подстреленное животное. — Остановись, не надо!

Я бегу к ней, видя, как огонь вспыхивает на ее руках, как она обезумевшим взглядом пялится на свои ладони и неожиданно приближает их к своему лицу.

Что она собирается сделать? Что, черт возьми, она творит?

— Нет, — восклицаю я, вспомнив слова Хэйдана: «она извинилась, а потом схватилась ладонями за лицо и сожгла себя заживо». — Ари, не делай этого!

Я перегоняю ветер, время, но внезапно на меня наваливается нечто тяжелое.

Я отлетаю к стене и отпружиниваю вперед, пытаюсь удержать равновесие

— Что за...

Хочу выпрямиться, но через секунду меня порывисто впечатывают обратно.

Приподнимаю голову и вижу перед собой желтые глаза и клыки. Человеческое лицо, изуродованное животными чертами... Это Джейсон. В его когтях застряло человеческое мясо, с его клыков скатываются слюни и густые полосы крови. Он размахивается, зарывав так громко, что у меня закладывает уши, а затем проходится когтями по моему лицу. Боль вспыхивает адская, и я испускаю стон и зажмуриваю глаза: дерьмо! Я ударяюсь головой о стену, чувствую, как кровь скатывается по лицу, заливая глотку, и рычу:

— Это же я, кретин, — раскрываю глаза, — это я, Джейсон!

Оборотень впивается когтями мне в шею, дырявя кожу, будто тесто, а я повторяю:

— Это я! Это, черт возьми, я!

Он меня не слышит. Берется руками за мои плечи, тянет на себя, а затем вновь грубо ударяет о стену. Дерьмо! Словно безвольная кукла, я хриплю в его руках, давясь своей же кровью, а он продолжает рычать, не подавая признаков человека. Он бьет и бьет. Голова в очередной раз наполняется шумом, ненужными воспоминаниями, и я повисаю в его руках.

— Джейдан, — срывается слабый шепот с моих губ, — Джейдан, остановись.

Оборотень замирает. В его ярко-желтых глазах вспыхивает нечто странное, и он так близко приближается, что я чувствую запах человеческой плоти, смердящий из его пасти.

— Это я — Мэттью, — повторяю я, только тверже и громче, а потом хватаю его за плечи и сильно сдавливаю в трясущихся пальцах. — Это я, черт возьми, и ты не перегрызешь мне глотку. Услышал? Не перегрызешь, сукин сын. Я так не умру, Джейдан Соннер, не умру!

Оборотень внезапно импульсивно отстраняется и расставляет в стороны руки. Он на меня глядит сосредоточенно и настороженно, наверняка, обдумывая вариант, при котором он вырывает сердце из моих ребер. Но я решительно стискиваю зубы.

— Мы должны помочь Ариадне! — Выплюываю я. — Очнись сейчас же.

Джейсон наклоняет в бок голову, а я подхожу к нему и рычу:

— Там ведь тело Норин. — Меня всего трясет, колотит. — Забери ее. Давай же, быстрее.

— Норин? — Хрипло переспрашивает чудовище. Это не голос Джейсона. Но я киваю и пылко хватаюсь за его плечи. В этот момент я вдруг понимаю, что Дьявол слаб перед тем, чего у него никогда не будет и чего он никогда не испытает. Он отнял у напарника любовь к женщине, но почему-то именно имя этой женщины срывается с его уст.

— Да. Норин.

Оборотень отстраняется. Делает несколько шагов назад на волчьих лапах, и в один прыжок оказывается рядом с Монфор. Он подхватывает ее на руки, будто она стеклянная, а я, наконец, вижу Ариадну. И вижу разодранные в клочья трупы. Оторванные руки, ноги, головы. Джейсон позволил животному взять верх над человеком.

Желудок скручивается, я обещаю себе, что паника овладеет мной всего на несколько секунд. На три секунды. Всего на три. Я считаю в уме, разглядывая лужи крови и людские внутренности, перемешанные с грязью, с пылью. Вижу, как вспыхивает молния. Внезапно с потолка валится огромная балка. Она ударяется об пол с оглушительным треском, прямо напротив Ариадны, и я посылаю к черту собственное обещание и срываюсь с места.

— Ари, — оказываюсь перед девушкой и падаю на колени, — Ари, взгляни на меня.

Она не смотрит. Ее руки пылают, а угольные слезы застыли на коже. Я прохожусь по ним большими пальцами и ощущаю, как дрожь пробирает все тело. Ведьма, будто меня не видит. Она продолжает изучать диким взглядом собственные руки.

— Ари.

Она поднимает искрящиеся ладони, чтобы прижать их к лицу.

— Нет, — стремительно подаюсь вперед, хватаюсь за ее пальцы, но тут же отдергиваю руку, так как огонь обжигает кожу. Только сейчас Монфор переводит на меня взгляд. Это обзленный, пустой взгляд, который так часто прожигал меня насквозь. Я ненавижу его, я боюсь его, потому что за ним следует нечто страшное. Но я не отвожу глаз.

— Что ты...

— Я не позволю.

— Не смей! — Она слабо покачивается. Тени плавают над ее головой, втягивая всю ее энергию, и глаза Ари едва не закатываются. Она встряхивает волосами. — Не трогай меня!

— Нет. — Принуждение не действует. Возможно, она слабая. Возможно, я сильный.

Она размахивается, однако я ловко перехватываю ее раскаленные руки. Боль тут же проносится такая адская, что глаза слезятся, но я не выпускаю ее пальцев, не отстраняюсь.

— Ты хотела меня сломать, Ари. Но у тебя не получится... Я не отступлюсь! Если тебе плохо, мне плохо. Тебе больно, мне больно. Ты меня услышала? — Ее изумрудные глаза на

меня смотрят испуганно и растерянно, а я крепче сжимаю ее руки. — Услышала?

Она не отвечает. По ее щекам вновь скатываются черные дорожки из слез, которые я раньше принимал за мрак, за отражение ее черных помыслов, второй природы. Я ошибался.

Ариадна начинает неровно дышать, в панике оглядывается, следя за демоническими тенями, что порхают над нами, будто черные птицы, а затем ее плечи поникают. Девушка больше не находит в себе сил на борьбу, на существование.

Глаза Ари закатываются, и она теряет сознание, повиснув в моих руках.

ГЛАВА 19. ПРЕКРАСНАЯ СМЕРТЬ.

Я отношу Ари в спальню. Кладу ее на кровать. Осторожно поправляю волосы, чтобы они не свисали на ее лицо, а затем накрываю одеялом. Несколько минут я смотрю на нее и не могу заставить себя уйти, как бы ни старался. Я не верю, что она дома.

Неуклюже потираю ладонью лицо и все-таки выхожу из комнаты. Я спускаюсь вниз, прохожу в гостиную и вижу Джейсона. Он сидит в кресле, и руками сдавликает виски.

Я не знаю, что сказать. Сомневаюсь, что в подобной ситуации вообще можно что-то говорить. Мне приходится переступить через все сооруженные мною барьеры, чтобы все-таки набраться смелости и спросить:

— Ты как?

Глупый вопрос. Идиотский. И Джейсон не отвечает. Он продолжает сжимать в руках голову и смотреть сквозь предметы, сквозь время. Он думает, эти мысли раздирают его на части, а я нервно стискиваю пальцами переносицу. Норин Монфор умерла.

Как мы могли это допустить?

— Я нарисую защиту. Хорошо? — Мужчина не обращает на меня внимание. Я опускаю руки и киваю. Наверняка, он согласен со мной. Ему больно, он потерян. Но он согласен.

Сначала иду к главной двери, рисую символы, которые указаны в книге Эбигейл. Не знаю, нормально ли у меня выходит: узоры получаются кривыми и неуклюжими, но никто не сделает лучше, по крайней мере, сейчас. Придется довольствоваться тем, что имеем.

Поднимаюсь на второй этаж, захожу в спальню Ариадны и вывожу на паркете круг, который не только защитит девушку от злых сил, но и не позволит ей покинуть границы.

Когда я заканчиваю, руки у меня дрожат от напряжения. Все это кажется чужим, мне до сих пор трудно принять, во что превратилась моя жизнь, какую роль в ней играю я. Как можно смириться с тем, что Норин Монфор умерла? Как можно смириться с тем, что мы с Джейсоном не смогли ее спасти? Мы говорим себе, что справимся, мы обещаем всем, что справимся. А потом мы терпим поражение. Я прикрываю ладонями лицо и зажмуриваюсь.

Как бы мы ни старались, как бы ни были уверены в себе, мы постоянно сталкиваемся с испытаниями, которые ломают нас. Не знаю, помогут ли эти символы, не знаю, есть ли в них хотя бы какой-то толк. Но я продолжаю верить и делать, потому что я уверен, что как только я остановлюсь, будет очень больно. Я не должен останавливаться. Ни на секунду.

Я запираю все окна и проверяю, закрыты ли двери. Прихожу во вторую гостиную и в растерянности замираю, увидев на бархатной кушетке тело, накрытое белой простыней.

Я порывисто отворачиваюсь, стиснув зубы, и сдавливаю пальцами глаза. Что же... ну почему так жжет? На выдохе опускаю руки и обессилено горблюсь.

Норин Монфор спасла Ариадну, умерла именно так, как хотела: отдала за нее жизнь. В этом поступке я вижу не только благородство, но смелость, отчаяние. Любовь. Норин не

проявляла свои чувства. Я редко видел ее улыбающейся, в отличие от Мэри-Линетт. Редко видел ее увлеченной, в отличие от Джейсона. Но я видел ее сильной, упрямой.

Она думала, что ничего не знает о любви. А в итоге любила Ари больше всех.

Я медленно схожу с места, шаркая ногами; протираю лицо и замечаю на столе миску с отваром, которым Норин лечила мои раны. Неуверенно забираю его и покидаю комнату.

Ладони болят от ожогов. Когда в церкви я сжимал руки Ариадны, я сжимал огонь. Я не обратил тогда на это внимание, а теперь не могу спокойно вытянуть пальцы.

Я прохожу в ванную комнату, включаю свет и замираю. Смотрю на свое отражение, но не вижу себя. Вижу покрытое густой кровью лицо незнакомца. Вижу уродливые раны, что тянутся вдоль щеки и подбородка и скатываются по шее, будто следы от когтей. Так и есть. Прежде чем Джейсон пришел в себя, он размахнулся и поцарапал мне лицо. Я забыл. В конце концов, надо мной нависли проблемы куда серьезней. Однако сейчас я теряюсь. Я не узнаю себя. Этот человек в зеркале — я не знаю его. Вижу, как на лице незнакомца вдруг выделяются желваки, и неуклюже облакачиваюсь руками о край мойки. Черт возьми. Мне становится страшно. Страшно от того, что теперь каждый день я буду видеть эти шрамы и вспоминать о том, от чего хотел бы убежать.

Собравшись с мыслями, я обрабатываю ладони и лицо лечебной смесью Норин.

Руки восстанавливаются почти сразу же. Боль исчезает, да и ссадин не остается. Но в отражение ничего не меняется. Я умываюсь, сдираю прилипшую к коже кровь и грязь, но, когда я выпрямляюсь, я встречаюсь взглядом с незнакомцем, на лице у которого пылают и горят толстые, уродливые шрамы. Очередное напоминание о том, кто я есть.

Неожиданно я слышу, как хлопает входная дверь. Символы я нарисовал. Раз кому-то удалось пройти, значит, опасности он не представляет. Неужели Хэйдан вернулся? Черт, я рад увидеть брата. Рад, что он в порядке. Но Мэри-Линетт...

Встряхиваю головой и вытираю мокрое лицо полотенцем. Я должен выйти. Должен.

Но я не хочу. Вновь зажмуриваюсь и представляю испуганный взгляд Мэри. Сложно так просто переступить через порог и столкнуться с последствиями. Куда проще закрыть в ванной комнате засовы, выключить свет и представить, что все это ночной кошмар.

Я стремительно выпрямляюсь. Люди с трудом находили со мной общий язык, ведь я говорил то, что думаю, никогда не поддавался эмоциям.

Хотя бы это должно остаться неизменным.

Выхожу из ванной комнаты и поднимаюсь на второй этаж. Я бреду вдоль коридора и смотрю на серое небо, что мелькает в окнах. Я навсегда запомню эту зиму. Отталкиваю от себя дверь в спальню Ариадны, вижу брата, но не останавливаюсь.

Мне вдруг кажется, что, если я пронесусь достаточно быстро, он не заметит шрамов.

— Мэтт? — Протягивает Хэйдан. — Черт возьми, что с тобой? — Все-таки заметил. — Я с тобой разговариваю, Мэтт, что случилось? У тебя на лице...

— Я видел. — Бросаю я ледяным голосом. Искося гляжу на брата, потом на гостью. На ее лице плавают искреннее недоумение, а еще страх. Девушка низкого роста, у нее круглое лицо, покатые плечи. Она не выглядит так, будто может нам помочь. — Это ее мы искали?

Сажусь рядом с Ари и ласковым движением накрываю спавшее одеяло, потом нежно поглаживаю волосы. Когда я ее касаюсь, я вспоминаю о том, что она реальна.

— Это Дельфия, — не своим голосом шепчет Хэйдан.

— Кое-что случилось. — Минуту погодя, отрезаю я и сглатываю. «Кое-что». Отличное определение катастрофы, трагедии. Абстрактное понятие, но уверен, Хэрри уловил смысл.

— Что именно?

Трепетно прохожусь пальцами по щеке Ариадны и убираю рыжий локон волос ей за спину, а потом вспоминаю о теле Норин, накрытом белой простыней.

— Мэтт, что произошло? — Повторяет Хэйдан твердым голосом. — Почему Ари здесь? Что с ней? Она без сознания?

— Она спит, — шепчу я, а затем по дому проносится такой невообразимый вопль, что у меня воспаляются органы. Я знаю, в чем дело. Знаю. И я резко поднимаюсь. Вижу, как Дельфия отшатывается назад, порывисто сжав ладонями уши, и морщусь. Что с ней?

— Что у вас тут творится? — Взволнованно восклицает Хэйдан.

Я не отвечаю. Быстрым шагом покидаю комнату и спускаюсь на первый этаж. Я иду, продумывая в голове фразы, прокручивая различные варианты, которые могли бы помочь, успокоить, привести в чувство. Я вспоминаю, что мне сказал отец, когда умерла мама.

«Теперь ей не больно».

Возможно, в этом есть какой-то смысл. Но, дело в том, что крышу сносит не столько из-за смерти близкого человека, сколько от осознания того, что ты остался один. Что он не поговорит с тобой, не обнимет, не сядет рядом, не помашет из окна рукой. Он умер. И ему не больно. Это успокаивает. Но не отнимает собственную боль.

Я переступаю порог гостиной в тот момент, когда Монфор разъяренно опрокидывает маленький столик, на котором несколько минут стоял отвар Норин, и хватается ладонями за лицо. Она мотыляет головой и шепчет:

— Нет, нет.

Джейсон стоит рядом с телом Норин. Впервые я замечаю в его карих глазах пелену, которую он смахивает неуклюжим движением руки, абсолютно ему несвойственным.

— Мэри, — тихо отрезает он, смотря в пол, — прости.

— Прости? Ты просишь у меня прощения?

— Все произошло так быстро, — решаю вмешаться я.

— Замолчи!

— Вам больно.

— Нет, — Мэри-Линетт передергивает плечами и морщится, отступая назад. — Хватит!

— Мэтт, что за... — Хэйдан спотыкается, опирается о мое плечо и замирает. — О Боже.

— Она поступила так, потому что не могла иначе! — Горячо отрезаю я, ступив вперед, и поджимаю губы. Внутри все дрожит. Но я должен быть сильным, должен ей сказать всю правду, чтобы она знала, чтобы она понимала. — Мэри, у Норин не было выбора.

— Прекрати, прошу тебя, — слезы градом скатываются по лицу женщины. Она плачет, отходит все дальше и дальше, и, в конце концов, упирается спиной в деревянный комод. Я вижу, как содрогаются ее плечи. — Не надо!

— Она спасла Ари жизнь.

— Вы пообещали. Вы дали мне слово!

— Мэри...

— Ты дал! — Монфор выпрямляется и, будто фурия, несется к Джейсону. — Ты сказал, что позаботишься о ней! Ты сказал, сказал...

Мэри-Линетт бьет оборотня в грудь, рыдая и трясясь всем телом, но он не двигается. Его глаза крепко зажмурены, пальцы сжаты. Он не шевелится. Брат тихо всхлипывает, тут же приглушив звук ладонью, и отворачивается. Я же обхватываю себя руками за плечи и в оцепенении наблюдаю за женщиной. В какой-то момент Мэри перестает бить мужчину по

плечам, торсу. Она закрывает руками лицо и порывисто прижимается к его груди, сторбив худощавые плечи.

— Я не слышу ее, — плачет Мэри-Линетт, сипло втягивая воздух, — я ее не слышу!

Мэри едва не падает. Джейсон крепче обнимает ее, приоткрыв рот, но не произносит и звука. Меня передергивает. Я отворачиваюсь, вижу Хэйдана и опускаю глаза в пол. Брат смотрит на меня растерянно. У меня, черт возьми, все внутренности переворачиваются, и, не выдержав, я схожу с места, мечтая убраться отсюда как можно дальше.

На автомате взлетаю по лестнице, бреду вдоль коридора, вдоль сужающихся стен, но останавливаюсь, так как неожиданно кто-то хватает меня за плечи.

— Что произошло? — Хэйдан потерянно поводит плечами. — Как это случилось?

— Джиллианна.

— Что?

— Она выстрелила.

— Джил? — Брат ошеломленно округляет ореховые глаза и отшатывается назад. — Нет.

— Да. Она хотела попасть в Ари, но... — Взмахиваю рукой и отворачиваюсь.

Хэрри судорожно втягивает воздух, жмурится, а я откидываю назад голову. Брат был в поездке всего пару дней, но он пропустил так много. Он пропустил, как я предал Норин, Джейсона. Как Люцифер отнял их чувства. Пропустил открытие ящика Пандоры, которым оказалась не деревянная коробка, а сама Ариадна. Он пропустил момент, когда сила Ари в буквальном смысле вышла из-под контроля, как рушилась церковь, как гремело небо.

— О чем ты думаешь? — Тихо спрашивает Хэйдан, а я повожу плечами.

— Обо всем, что случилось.

— Расскажешь мне?

Хмыкаю и почему-то улыбаюсь. Как будто от этого парня можно что-то скрыть.

— Конечно, расскажу. Только давай сначала разберемся с этой Дельфией. Кстати, она куда делась? Она не спустилась за нами?

— Эм, нет. — Брат сводит брови. — По-моему, нет.

Мы идем в спальню Ариадны, но гости тут нет. Недоуменно осматриваюсь и вдруг думаю о том, что нельзя доверять никому. Что, если судьба обманула нас? Что, если мы не должны были впускать в дом незнакомку. Да, я нарисовал символы, но я новичок, я...

— Слышишь? — Прерывает мои мысли Хэрри и резко оборачивается. — В ванной. Там, кажется, бежит вода. Ты оставлял кран открытым?

Я не отвечаю. И так ясно, что никто туда не заходил последний месяц.

Хэрри замирает у двери и стучит, как приличный парень. Я закатываю глаза. Мог бы и просто ворваться. Честное слово. В последнее время правила хорошего тона не волнуют ни меня, ни Монфор. Облокачиваюсь о комод, сплетаю на груди руки, а брат протягивает:

— Дельфия? Все хорошо?

— Просто зайти.

— Это ванная комната, Мэтт. Дельфия может быть... ну... Ты понял.

— Нет, не понял.

— Да брось. Все ты понял! — Возмущается он, а я на выдохе подаюсь вперед и толкаю дверь. Брат собирается сказать что-то еще, наверняка, недовольное и грубое. Однако мы с ним застываем, так как видим Дельфию Этел. Одета она лежит в наполненной до краев ванне и держится руками о скользкие бортики.

— Святые угодники, — вспыхивает Хэрри и бросается к девушке. Он порывисто тащит ее

на поверхность, а эта сумасшедшая обозлено взмахивает руками.

— Н-не трогайте м-меня!

— Что ты творишь?

— Остав-вь! Д-дай мне...

— Дать тебе что? — Вмешиваюсь я и делаю шаг вперед. Мои глаза, наверно, сейчас так и выкатятся из орбит. Я чертовски устал. Норин умерла! Эби умерла! Все вокруг только и делают, что отбрасывают коньки, и не потому, что им вдруг взбрело в голову свести счеты с жизнью, а потому что их убивают! А эта ненормальная сама набрала для себя ванну? — У тебя вообще мозги есть?

Серый взгляд испепеляет меня. Но я мастер таких взглядов. Они мне не страшны, я и сам умело заставляю людей проваливаться сквозь землю.

— Вылезай. — Командую я.

— Мэтт, не перегибай. — Ненавязчиво шепчет Хэрри, обнимая Дельфию за плечи. Но я не перегибаю. Я бы перешел границы, если бы выставил ее из дома.

— Ты приехала, чтобы принять ванну?

Она не отвечает. Вода скатывается по ее покрасневшим щекам, а я хмурюсь.

— Что молчишь?

— Т-ты ничего обо м-мне н-не знаешь.

— И не узнаю, видимо, раз ты хочешь утопиться.

— Вода успок-каивает.

— Слушай, — Хэйдан как всегда улыбается в самый неподходящий момент, — мы ведь тоже можем выслушать и успокоить. Как тебе идея?

— Говори за себя, — бросаю я и собираюсь выйти из комнаты. Однако девушка вдруг в мою сторону вытягивает руку и шепчет:

— Я вижу.

Замираю и оборачиваюсь через плечо.

— Что?

— Я вижу, к-как тебя п-почин-нить.

У нее странные глаза. Странное лицо. Она не красавица, но отвести взгляд сложно. Я не знаю, что заставляет меня все еще стоять в ванной и наблюдать за каплями воды, что не перестают скатываться по ее русым волосам. Починить? Не понимаю.

— Ты поломан. — Говорит девушка и неожиданно поднимается. Она будто и не видит, что вся одежда промокла; не чувствует, что в помещении холодно. Хэйдан помогает ей на пол спуститься, а потом она уверенно выпрямляет спину. — Ты исцелишься, если она тоже исцелится. Если исцелится эта девушка в спальне.

— Я думаю, всем станет легче, если Ариадна придет в себя.

— Им станет легче. — Соглашается Дельфия. — А ты начнешь жить.

От меня не может ускользнуть тот факт, что сейчас девушка говорит, не запинаясь.

Это странно.

— Хэрри, дай ей сухую одежду Ариадны, — хмурюсь и потираю мокрую шею, — потом спускайтесь вниз. Нам нужно многое обсудить.

***

Я спускаюсь вниз. На улице так темно, что неясно: настал вечер, или это тучи. Бодро сворачиваю на кухню, разминая шею, но застываю в проходе, едва заметив Мэри-Линетт.

Женщина опирается руками о разделочный стол. Ее голова опущена, волосы тянутся вниз, будто черный водопад, но как только я оказываюсь рядом, женщина выпрямляется.

У нее удивительно рассредоточенный взгляд, налитый страхом и болью.

Мэри-Линетт ждала кого-то. И этот кто-то не я. Едва наши глаза находят друг друга, она отшатывается, захлопывает ладонью рот и отворачивается, ссутулившись так сильно, что ее спина становится похожей на вопросительный знак.

Я сглатываю желчь, застрявшую в горле. Я не знаю, что сказать. Я не умею.

— Ты что-то хотел?

— Я просто...

— Наверно, ты проголодался. — Мэри решительно смахивает с лица слезы и подходит к холодильнику. Она тянет на себя дверцу. — Что хочешь? — Свет врезается ей в лицо.

— Нет. Не нужно.

— У вас тут совсем пусто. Вы вообще ели?

— Не особо.

— Может, омлет?

Я наблюдаю за женщиной и не шевелюсь. Я знаю, что не стоит шевелиться. Сейчас я нахожусь рядом с бомбой замедленного действия, и единственный выход — просто ждать.

— Можно омлет.

Мэри-Линетт достает дрожащими руками пакет с молоком, ставит на стол, потом так же решительно собирается достать пару яиц. Ее глаза покраснели, сосуды полопались. Не думаю, что Мэри вообще что-либо видит. Она шатается, будто слепая, изучая пальцами то ручку от холодильника, то край разделочного стола. Она достает упаковку яиц, смотрит на сковородку и в недоумении морщит бледный лоб.

— Я вот только не знаю... не знаю, как тут все работает.

— Я тоже в этом не разбираюсь.

— Надо постелить кровать для Дельфии. Я совсем забыла.

— Ничего страшного.

— Она ведь не будет спать на полу, — тыльной стороной ладони она вытирает слезы со щек и кивает, — надо подготовить гостевую комнату.

— Там вещи Хэрри. Но я попрошу его....

— Верно. Совсем не соображаю.

— Мы разберемся.

— Я не сомневаюсь, что... — Внезапно из рук Мэри-Линетт выпадает пакет с молоком. Он ударяется об пол, и белая жидкость хаотично растекается по деревянным половицам. В глазах женщины проносится что-то беззащитное.

Она садится на корточки и застывает, будто мраморная статуя.

Я подаюсь вперед, однако Мэри восклицает:

— Не надо.

— Я хочу помочь.

— Я сама справлюсь. — Она зажмуривается. — Я смогу поднять пакет, Мэттью, и смогу его выбросить. Смогу приготовить этот омлет, включить приборы, постелить постель.

— Мэри...

— Я научусь, правда, просто понимаешь, — она взмахивает руками, — это она делала. Я к счетам пальцем не прикасалась. К счетам, уборке, готовке. Я ничего не умею, ничего. Но я должна. Теперь я должна научиться.

— Вы ничего не должны.

— Должна. — Мэри прожигает меня пристальным взглядом. Ее губы дрогают, в глазах вновь появляются слезы, а у меня ком застревает посреди горла. — Я должна делать что-то, потому что если я не буду, если остановлюсь, я пойму, что ее действительно больше нет.

— Вы справитесь, слышите?

— Как? — Мэри-Линетт широко распахивает глаза и смотрит растерянno, сломлено, со всей силы стискивает зубы. — Как я позабочусь обо всем, если я не знаю, что делать?

Она мотыляет головой, а я присаживаюсь рядом с Монфор и говорю:

— Все будет в порядке.

— Нет, Мэтт, ничего не будет в порядке. Уже не будет. Я — не Норин.

— Никто не просит вас становиться Норин.

— Ты думаешь? — Ее бирюзовые глаза вспыхивают яростью. — Но кто, если не я? Кто позаботится о доме? Кто позаботится об Ари? Об это ты подумал?

— Мы поможем вам. — Я пытаюсь говорить ровно, но голос дрожит. — Вы не одна.

— Конечно, одна! У меня никого не осталось. Все мои близкие умерли, все. Я думала, я никогда не переживу потерю Реджины. Но теперь нет и Норин, о боже. — Мэри хватается руками за лицо и громко втягивает воздух. — Я не понимаю... не понимаю...

Она запинается и прижимает к себе ноги, будто защищаясь от реальности. Но ничего не выходит. Не получится. У боли есть отличное свойство — она не проходит просто так. Я помню, как чувствовал себя, когда умерла мама. Меня разрывало на куски, все жгло. Боль ни с каким чувством не сравнится. Да. Ни с любовью, ни с завистью, ни с гневом. От этих чувств тебе хочется действовать, сорваться с места и совершить нечто особенное. Плохое, хорошее, неважно. От боли же тебе хочется уйти. Уходя, хочется перестать дышать.

— Когда умерла моя мать..., — шепчу я, в растерянности опустив взгляд на свои руки, я никогда не делился этими переживаниями, — мне было паршиво, я не знал, как избавиться от чувства, что легче никогда не станет. Знаете, что-то вроде тупика. Просыпаешься и уже наперед знаешь, что лучше не будет.

— И что изменилось? — Мэри-Линетт смаргивает слезы.

— Да особо ничего. Я просто подумал об отце.

— Ты был ему нужен.

— А вы нужны Ариадне. — Я перевожу взгляд на женщину, а она отворачивается.

— Из меня выйдет плохая мать, Мэтт.

— Из меня тоже.

Мы усмехаемся, и Мэри-Линетт вскидывает брови, словно удивляется, что может не вспоминать о боли несколько миллисекунд и растягивать губы в улыбке.

— Я просто думаю, что мы не должны заменять кого-то. У Ари уже была мать. Вы для нее должны быть тетей, которой и были раньше.

— Возможно.

Женщина замолкает, а я поднимаюсь с пола и протягиваю ей руку.

— Давайте уберемся и сделаем омлет.

— Научишь меня включать конфорку?

— Не обещаю. Но попытаюсь.

Мэри кивает и уверенно хватается за мою руку. Она собирается что-то сказать, но не произносит ни звука. Просто кивает, и я киваю в ответ. Думаю, мы поняли друг друга.

Через пятнадцать минут мы все-таки разбираемся, как работают приборы. К нам уже

спускаются Хэрри с Дельфией, а чуть позже подходит и Джейсон.

Кто-то предлагает включить телевизор. В новостях говорят про изменение климата и вспышку эпидемии неизвестной болезни на Востоке штата. Показывают людей, у которых из глаз катятся кровавые полосы. Желание перекусить тут же пропадает... Все мы знаем, что катаклизмы связаны с девушкой, что сейчас спит на втором этаже. И это пугает. Меня мучает главный вопрос: как предотвратить последствия, если ящик уже открыт?

— Я ис-сцелю ее, — внезапно проговаривает Дельфия, смущенно сгорбив плечи.

— Это поможет?

— Думаю, д-да.

— Ящик Пандоры был открыт не Ариадной. Ее душа — чиста, — предполагает Джейсон и неуверенно проходит ладонью по волосам. — Чисто теоретически мы вернем к жизни другого человека и избавимся от того, кто выпустил грехи.

— А что, если не сработает? — Я задаю этот вопрос, потому что я единственный, кто в состоянии смотреть в глаза реальности и не бежать с дикими воплями.

Они, наверно, думают, что мне не страшно. Что мне все равно.

Они понятия не имеют, что происходит у меня внутри, как жутко мне хочется уже со всем этим покончить, как осточертело копать в самое дерьмо, видеть то, что другие видеть попросту отказываются. Но я спокоен. Я сдержан. Я держу все под контролем.

— Ты знаешь ответ, — отрезает Джейсон. Еще один смельчак в комнате.

— Давайте, мы прекратим нагнетать обстановку, ладно? — Хэйдан вскидывает брови и на всех смотрит недовольно, словно представляет, как отвешивает каждому оплеуху. — Вы забыли, что к нам приходила Мойра Парки? Забыли, что это ее идея — привести Дельфию?

— Хэрри, судьба любит обманывать.

— Судьба все знает. Она велела найти Дел, мы ее нашли. Хватит пугать всех.

Мэри-Линетт безучастно ковыряется вилкой в омлете, Джейсон испепеляет взглядом коробку сигарет, которая валяется на верхней полке. Я же мну под столом пальцы. У меня и в мыслях не было никого пугать. Я просто хочу, чтобы все понимали, на что мы идем.

— Сегодня в полночь Йоль. — Я смотрю сначала на брата, потом на Дельфию. — Мы не станем ждать. Будет лучше, если ты выступишь сразу же.

Девушка нервно поджимает губы и опускает взгляд на свои пальцы, которые робко и произвольно вырисовывают на столе угловатые узоры. Этел кажется мне слабой. Я, как ни стараюсь, не могу представить, что она способна нам помочь, впрочем, как и себе.

— Ты слышишь? — Спрашиваю я с нажимом. — Дельфия?

— Мэтт, она не глухая, — вступается Хэйдан и пронзает меня недовольным взглядом.

— Тогда пусть потрудится ответить.

— Ей сложно говорить, если ты не заметил.

— Я должен знать: да или нет.

— Т-ты не обяз-зан. — Неожиданно шепчет девушка. Она поднимает голову и невинно хлопает ресницами, а я недоуменно отклоняюсь.

— Что?

— Не обяз-зан все конт-тролирует-ть. М-меня не н-надо контролирует-ть.

— Да не собираюсь я никого контролировать. Я просто задал вопрос. — Прокатываюсь пальцами по подбородку и поднимаюсь. — Тебе ничего не нужно для ритуала? Или как это вообще называется... Свечи, мел. — Чувствую себя идиотом. — В общем, ты меня поняла.

— Нет.

Отличный ответ. Короткий и вполне приемлемый. Я киваю и, взглянув на Джейсона, сплетаю перед собой руки. Он выглядит отстраненным. Как и Мэри. И мне вдруг кажется, что я должен спросить у каждого в этой комнате, готов ли он действовать.

— В полночь? — Утоняю я, приподняв брови. — Все согласны?

— Разумеется. — Мэри-Линетт не отрывает глаз от еды. — Чем скорее, тем лучше.

Я боюсь, что спасение Ариадны омрачено слишком большим количеством трагедий. Все так устали, что уже не верят в хороший конец. Лишь Хэрри смотрит ровно на меня, ни секунды не сомневаясь, что все будет в порядке. Я соскучился за таким Хэрри. Невольно я подаю вперед и кладу ладонь ему на плечо. Брат растерянно округляет глаза. А я нелепо улыбаюсь. Мне хочется сказать спасибо. Один такой взгляд Хэйдана способен разрушать стереотипы, испепелять неуверенность, сокрушать страх.

— Я проверю Ари, — я разговариваю только с братом, только он сейчас может придать мне решительности, смелости, — хочу убедиться, что она в порядке.

— Мог и не говорить, куда идешь, гений, — лыбится Хэрри, — я бы и так понял.

Он похлопывает меня по руке, и я покидаю кухню.

Что ж, последняя глава. Последний шанс. Если сегодня Дельфия Этел не спасет Ари никто ее не спасет. Я отчетливо осознаю риск. Знаю, что поставлено на карту. Внутри все трепещет и волнуется, но снаружи я спокоен. Мы справимся. Сжимаю в кулаки пальцы и с силой зажмуриваюсь. Я точно уверен, что мы справимся.

***

Я слишком слаб, чтобы уйти.

Но я найду силу в ком-то другом.

Я слышу, как стрелка перемещается. Ощущаю каждое ее движение.

Я вижу, как она оказывается на двенадцати. Перевожу взгляд на Дельфию и киваю:

— Пора.

Девушка расправляет плечи, сжимает, разжимает пальцы и медленным шагом бредет к Ариадне. Хэйдан стоит рядом со мной. Джейсон и Мэри-Линетт — по другую сторону.

Впервые мы лишь зрители. Мы пришли, чтобы наблюдать, от нас ничего не зависит. Не уверен, что подобный расклад снимет ответственность с моих плеч, если что-то пойдет не так. Но я упрямо прокручиваю в своей голове: Дельфия справится, справится. И меня и правда, окутывает странная уверенность в том, что все получится.

Девушка переступает границу магического круга и наклоняет по-птичьи голову. Она изучает ведьму пристальным взглядом, в котором внезапно просыпается нечто холодное и незнакомое. Она садится на корточки, вглядывается в закрытые глаза Ариадны и шепчет:

— Интересно.

— Что? — Мэри-Линетт хмурится. — Что ты видишь?

— Ключ к спасению этой девушки не в любви. — Загадочным голосом протягивает она и улыбается. Происходит нечто невероятное — мгновенное перевоплощение. Минуту назад мы общались с забитой серой мышкой, но сейчас рядом с Монфор стоит хищник. Дельфия пожирает ведьму взглядом, будто она — ее наркотик. — Ариадна Блэк верила в любовь. Но Ариадна Монфор-л'Амори не знает, что это такое. Она знает, что такое боль.

— Что ты собираешься делать, Дел? — Спрашивает Хэрри, но девушка не обращает на

него внимания. Даже не поводит бровью. Она медленным, тягучим движением заправляет за уши непослушные, густые волосы и облизывает губы.

— Я почию ее. Я сделаю это.

Взгляд Этел вспыхивает, будто факел. Она тянет вперед дрожащие от ломки пальцы, прижимает их к груди Ариадны и внезапно отшатывается назад.

В то же мгновение зеленые глаза Ари распахиваются, ведьма стремительно встает на ноги, порывается вперед, словно не ощущает слабости, растерянности, но врежется телом в невидимую преграду и яростно скалит зубы. Она не понимает, что происходит. Горбится и растопыривает в стороны пальцы, будто когти.

— Остановись! — Приказывает Дельфия Этел, и Ари порывисто оборачивается.

Совершенно разные глаза девушек сталкиваются, будто грозовые молнии.

— Сегодня ты не причинишь никому зла, — принуждает Дельфия.

— Новые лица, — не своим голосом пропевает Ариадны, — мы знакомы?

— Ты не будешь использовать свою силу.

— Наверно, ты замена Эбигейл? Осторожней с Мэттом. Он отлично стреляет в голову.

Она переводит на меня обжигающий взгляд, а я хмыкаю:

— Что еще ты скажешь?

— Что я твой самый страшный ночной кошмар.

— Сны о тебе — лучшее, что у меня есть. — Ари морщится, будто я плюнул ей в лицо, а я безнаказанно повожу плечами. — Не нравится?

— С каких пор ты стал таким романтичным?

— С тех самых пор, как ты стала бездушной тварью.

Она вновь порывается к границе круга, но Этел твердо отрезает:

— Стой. Ты будешь делать то, что я скажу.

— Очень, — обернувшись, рявкает Ариадна, — сомневаюсь.

— Ари, послушай ее! — Подавшись вперед, просит Мэри-Линетт и обхватывает себя за талию бледными руками. — Она поможет. Слышишь?

— Не слышу, милая Мэри. Слышу только твои рыдания и вопли. Вы уже ее закопали?

Повисает тишина, и Ариадна начинает утробно смеяться, откинув назад голову.

Что-то сидит в ней, что-то заставляет ее говорить такие вещи. Я свожу брови, а Мэри в оцепенении отходит назад, не обращая внимания на пелену, возникшую перед глазами.

— Милая Мэри, не плачь, я обещаю тебе, все образуется. — Шипит ведьма и наклоняет голову. — Ты ведь тоже когда-нибудь умрешь. Возможно, умрешь так же героически.

Она вновь растягивает губы в животном оскале, как вдруг вперед выходит Хэйдан.

— Хватит, — твердым голосом отрезает он и стискивает в кулаки пальцы, — замолчи.

Принуждение срабатывает молниеносно, девушка замолкает, но глаза у нее остаются такими же пустыми, как и улыбка остается такой же хищной и презрительной. Ари трясет, как при лихорадке. Она не убирает с лица оскал, но резко оглядывается в поисках лазейки, и, когда осознает, что выхода нет, покрывается еле заметной испариной.

— Я сделаю тебе больно, — спокойным голосом сообщает Этел, она подходит к ведьме и округляет серые глаза, — очень больно. Я сломаю тебя, а потом дам отдохнуть несколько минут, чтобы сломать вновь. Ты слышала то, что я сказала? Кивни.

Ариадна кивает.

— Отлично. А теперь подойди ближе.

Бороться с принуждением невозможно. Несмотря на все попытки, Монфор сходит с

места и замирает перед Дельфией Этел, широко распахнув малахитовые глаза. Вряд ли ей страшно. Возможно, девушка не до конца понимает, что происходит, и почему она терпит поражение. Вопрос, действительно, хороший, ведь по сравнению с Дел — Ариадна сильнее и опаснее. Но мы в очередной раз убеждаемся, что первое впечатление обманчиво. Плюс к этому, сегодня Йоль — день зимнего солнцестояния. Ариадна Монфор бессильна.

Интересно, какое проклятье у Дельфии Этел?

Я выплываю из мыслей в тот момент, когда Дельфия прижимает ладонь к груди Ари.

Две абсолютно разные девушки просто стоят друг напротив друга и не шевелятся, не произносят ни звука. А затем что-то меняется. Ариадна резко поводит плечами и сжимает в кулаки пальцы изо всех сил. С ней что-то происходит. Но что? Я недоуменно подхожу к ней, останавливаюсь на границе круга, но хочу подойти еще ближе. Девушка часто дышит и приоткрывает обветренные губы. Она испепеляет Дельфию Этел растерянным взглядом, а Дельфия не поводит бровью. Лишь наклоняется ближе и сильнее придавливает пальцы к дико бьющемуся сердцу ведьмы. В глазах Монфор появляются черные слезы. Они катятся по ее щекам, оставляя угольные дорожки, и обжигают, будто кипяток. Ари пытается резко смахнуть их, поднимает руку, дергается, но внезапно видит порезы на запястье и локте. Не помню, чтобы в ее взгляде мелькал такой ужас, такое отчаяние.

— Это ты делала, — ровным голосом отрезает Этел. — Ты делала это каждый раз, когда лишала кого-то жизни. Ты что-то чувствовала, не нужно отрицать. Ты чувствовала вину.

Ариадна рычит, как дикое животное, порывисто прижимает к себе израненную руку, отшатывается назад, но Дельфия придвигается ближе.

— Вспомни, — закликает ее голос, — вспомни это чувство. Оно ядовитое, как и мысли в твоей голове. Вспомни лицо каждого, кого ты убила. Каждого, кто умер из-за тебя. Что ты видишь? Черные волосы, голубые глаза, черные волосы, голубые глаза, горло свитера, чай с мятой. Черные, угольные волосы. Кто это? Ари, скажи мне, кто это?

— Норин! — Нечеловеческим голосом кричит ведьма и сгибается от боли.

Она вопит, вырывается из оков Дельфии и зажимает пальцами уши. Ари трясется и в ужасе падает на колени. Я не могу на это смотреть, в солнечное сплетение будто врезается нечто твердое и меткое! И я хочу отвернуться, но нахожу в себе силы быть рядом.

Сажусь на границе круга и гляжу на Ариадну пылким, сопереживающим взглядом. Я шепчу одними губами: я здесь, но она вряд ли слышит. Она кричит так громко, что трещат окна, а стены покрываются мелкими трещинами. Я тяну к ней руку и наблюдаю, как слезы в неистовом потоке застилают ее зеленые глаза. Ари ударяет ладонью себя по лбу, сипло и беззащитно вдыхает разгоряченный воздух, а потом начинает мотать головой:

— Хватит, пожалуйста, — ее пальцы дрожат, сдавливая виски, — не надо, остановись.

Дельфия поджимает губы. Присаживается рядом и пустым голосом отвечает:

— Нет. — А затем вновь прижимает ладонь к ее груди.

Ариадна испускает дикий вопль, будто рука Этел — раскаленное железо. Она едва не падает назад, но удерживает равновесие, расставляет в стороны руки и откидывает голову, словно подстреленная птица. Ее взгляд смотрит вверх, ее губы открыты. Ари повержена и сломлена, она глядит куда-то сквозь время, а ее бронзовые, огненные локоны в мгновение ока покрываются серебряными, тонкими нитями. Я ошеломленно застываю.

— Что с ней? — Хрипит Мэри-Линетт и подходит ближе. — Что происходит?

— Мэри...

— Ей больно, я должна прекратить это!

Женщина срывается с места, но Джейсон останавливает ее, выставив вперед руки.

— Ари справится.

— Она умирает! — Монфор в диком испуге округляет глаза. — Ей очень плохо! Хватит!

Дельфия не прекращает. Одержимым взглядом она прожигает бледное лицо Монфор и кривит губы, словно получает удовольствие от ее мук.

Угольные слезы уже не катятся по щекам Ариадны. Ари превращается в мертвенно-бледную статую, изо рта которой доносится едва уловимый шепот. Это отрезвляет меня.

Я вспоминаю пророчество: только Вода победит Огонь, и поднимаюсь на ноги.

— Что ты делаешь? — В моем голосе звучит металл. Дельфия не отвечает. Мои ноздри раздуваются, словно я псих, и я решительно подаюсь вперед. — Что ты...

— Так нужно, — ведьма наклоняет голову, наблюдая за тем, как силы Ари покидают ее и превращаются в легкую дымку, — еще чуть-чуть.

— Чуть-чуть?

— Доверься мне.

Довериться ей? Я раздраженно прохожусь пальцами по волосам и замечаю Хэйдана.

— Твоя подружка спятила, — рывкаю я и начинаю расхаживать по границе круга. Что у нее на уме? Неужели это обязательно? Черт. Смахиваю со лба капли пота, нервным шагом меряю метры спальни и замечаю, что почти все рыжие локоны Ари отливают сединой.

Это невероятно. Что с ней? Внутри у меня все переворачивается от дикого волнения.

— Пожалуйста, — неожиданно шепчет Ариадна хриплым голосом.

— Еще совсем немного.

— Мне больно, — блестящая слеза, прозрачная и кристальная, скатывает по щеке Ари, и мы в растерянности покрываемся дрожью. Она плачет. Плачет по-настоящему. — Мне...

Ведьма не договаривает. Ее плечи поникают, голова опускается, а руки валяются вниз, налившись свинцом. В это же мгновение Дельфия Этел стремительно подскакивает с пола и обхватывает себя пальцами за талию. Решительный взгляд дает пробоину. Девушка тихо всхлипывает, зажмуривается и прикрывает руками лицо, а я цепенею.

— Что случилось? — Она молчит, передергивает плечами. А я покрываюсь дрожью и в ярости иду на Дельфию. — Что ты с ней сделала? Что ты...

— Холодно.

Я замираю на полпути и чувствую, как судорога пронзает тело... В спальне внезапно становится так тихо, что можно уловить звук моего сердцебиения, можно услышать, как я сглатываю, как втягиваю ледяной воздух. Я перевожу взгляд на Ариадну.

Девушка растерянно поднимает голову и прикасается пальцами к мокрым щекам. Не знаю, что делать, что сказать, что предпринять. Я пялюсь на нее, ничего не понимая, а она потеряно оглядывается и обхватывает себя руками за плечи.

— Очень холодно, — хрипло повторяет она.

— Ариадна? — Ошеломленно спрашивает Хэйдан, но девушка не отвечает.

Она морщит лоб, встает, но неожиданно слабо покачивается назад и падает. Я тут же оказываюсь рядом. Пересекаю границу круга, не подумав о последствиях, и подхватываю ее так крепко, так пылко, что руки сводит от приятной боли.

Она растерянно смотрит мне в глаза и прокатывается ладонью по моему лицу.

— Мэтт? — Тихо спрашивает она. — Это ты?

Я не нахожу в себе сил ответить. Я вдруг вижу ее глаза, те самые глаза, что смотрели на меня, кажется, в другой жизни, и зажмуриваюсь.

Ариадна накрывает мои веки холодными пальцами.

— Мэтт, что ты...

— Я в порядке.

— Ты врешь.

— Я в порядке. Правда. — Но я не в порядке. Меня всего трясет. Я распахиваю глаза, и в то же мгновение легкие сводит сильнейшей судорогой. — Все хорошо.

Мои ладони прокатываются по ее густым волосам, которые теперь разбавляют седые локоны, практически белые, и я поглаживаю ее холодные щеки, подбородок.

— Ариадна, — доносится глухой голос Мэри-Линетт, ведьма срывается с места, нервно стирает границу круга подошвой и порывается к племяннице, как к спасительному свету.

Я непроизвольно отхожу в сторону.

— Ты... моя дорогая, ты вернулась, вернулась!

Женщина обнимает Ари и сжимает руки в замок за ее спиной.

— Вернулась.

Ари хватается за плечи тети, словно боится упасть, словно не может больше вынести той тяжести, что скопилась на ее спине и гирями тянет вниз. Ее худые плечи подрагивают, колени подкашиваются, и я тянусь к ней, собираюсь поддержать, но Ари справляется.

Она отстраняется и шепчет:

— Вернулась, — смахивает слезы с лица Мэри-Линетт пальцами, — я, правда, здесь.

Джейсон похлопывает меня по лопатке.

— Все получилось, — низким голосом отрезает он, — ты выполнил обещание.

Обещание выполнил не я. Да и получилось все неправильно, вылившись в огромную кучу неприятностей. Но мне действительно сейчас наплевать на многие факторы. Надоело думать головой. Я толкаю оборотня в бок, приближаюсь к Ариадне, но вдруг замечаю, как в ее взгляде что-то меняется. Девушка растерянно хлопает ресницами.

— Тетя Мэри...

— Что с тобой, милая?

Ари недоуменно наклоняет голову. Изучает лицо тетушки и делает шаг назад.

Ничего не понимаю. Собираюсь подойти к ведьме, но застываю, когда Мэри-Линетт оборачивается и смахивает с лица ярко-красные слезы.

Я пропускаю сильнейший удар по груди. Округляю глаза, а Мэри спрашивает:

— Что? Чего вы уставились?

Нет. Нет. Все вновь переворачивается. Мир разрывается на сотни осколков, и я вдруг хочу разорваться вместе с ним. Давай же. Давай! Почему нужно наблюдать за тем, как все, что имеет значение, рушится? Почему нужно проходить через столько испытаний?

Красные слезы Мэри-Линетт Монфор — это симптом, болезнь.

Мы вернули душу Ари, но не уничтожили демонов из ящика Пандоры. Тени, что так безжалостно вырывались из груди Ариадны, все еще путешествуют по городам, улицам, и они убивают, сеют хаос. Они не исчезли. Мы в очередной раз потерпели поражение.

Я хватаюсь руками за голову и невольно сталкиваюсь взглядом с Ариадной, девушка растерянно глядит на меня, часто моргая, а я чувствую, как внутри все обливается кровью.

— Мэтт? — Голос Хэрри слабый. Я оборачиваюсь и вижу, как он стоит у стены, крепко держась пальцами за деревянную выпуклость. За запотевшими стеклышками очков совсем не видны его глаза, но видны кроваво-красные линии, которые катятся по щекам и капают на светло-голубую футболку. — Что-то... Мне паршиво, Мэтт.

Брат падает, и я срываюсь с места, не до конца понимая, что вообще происходит. Не думал, что мне вновь придется испытать это чувство. Я помню, как обнаружил Хэйдана на кровати без сознания, помню, как приложил пальцы к его шее и не нащупал пульс.

— Нет, нет, — сбивчиво бормочу я, приподнимая его за плечи. — Ты не сделаешь этого. Я ясно выразился? Ты не потеряешь, мать его, сознание, засранец.

— Не нарывайся, — едва слышно отвечает он, откинув назад голову, а я застываю.

Что делать? Что мне делать?

— Нужно увести их на первый этаж, — командует Джейсон. — Ну же, Мэтт, не спи.

— Да, я...

— Помоги Мэри. Я возьму Хэйдана.

Мы уходим. Я оглядываюсь через плечо на Ариадну, которая стоит посреди спальни, не шевелясь и не моргая, в ее малахитовых глазах застыло нечто пустое, отрешенное, меня тянет обратно к ней, но сначала я должен увести Монфор и Хэрри. Я просто шепчу:

— Будь здесь.

Она не отвечает. Даже не смотрит на меня.

Я помогаю Мэри-Линетт присесть в кресло в гостиной. Джейсон кладет Хэйдана на кушетку и неуклюже отстраняется, когда мой брат свисает с дивана, и из его рта вытекает отвратительная, кровавая слизь. Что это вообще за чертовщина? Не паниковать. Ни в коем случае не паниковать. Но сердце так и стучит где-то в голове, в шее, в пятках.

— У них п-п-поднялся сильн-ный жар, — неуверенно шепчет Дельфия и садится около моего брата. Она поглаживает его вспотевший лоб. — Л-лихорад-дка.

— Как это остановить? — Твердым голосом спрашиваю я, но никто не отвечает.

Я перевожу взгляд на Джейсона, а он отворачивается. И у меня внутри все вскипает, загорается, и я со всей силы размахиваюсь и отталкиваю от себя рядом стоящее кресло. Не повалив его, я пробую вновь и вновь, и потом яростно хватаюсь руками за виски и тяжело выдыхаю. Нет. Пусть они катятся к черту с такими предложениями.

— Я придумаю что-нибудь, — опускаю руки и показываю на Джейсона пальцем. — Я не собираюсь сдаваться, я найду способ.

— Мы знаем.

— Хорошо. Дайте им воды, а я поднимусь к Ариадне.

— Н-но... — Дельфия переводит на меня недоуменный взгляд. Ее брови хмурятся. — Ты в-ведь м-можешь зара-зиться. З-зачем рисков-вать?

Она действительно не понимает моих мотивов. Не понимает, что движет мной, когда я срываюсь с места, когда взлетаю по лестнице. Дело в том, что мне наплевать на болезнь, на последствия. Я отчетливо осознаю, что сейчас в моей жизни есть Ариадна, и ради нее я готов быть безумцем. Быть сумасшедшим, слабым или сильным. Я не умею любить, я еще не научился. Но я хочу научиться. Если это значит, что я должен совершать безрассудные поступки и забывать о себе, ладно. Когда-нибудь все это обретет смысл.

Я врываюсь в спальню и вижу девушку. Она стоит у окна со сгорбленными плечами, а на полу разбросаны листы бумаги, карандаши и ручки. Все тумбочки открыты. Щурюсь.

— Ты что-то искала?

— Не бери в голову.

— Мы все исправим. — Мой голос тверд и решителен. — Тебе не нужно бояться, Ари.

— Я не боюсь.

Иду вперед, наблюдая, как за окном стягиваются черные тучи, и стискиваю зубы. Не

знаю, что здесь происходит, но я нутром чувствую нечто неладное. Ариадна говорит тихо.

Слишком тихо. Она продолжает стоять ко мне спиной, а я восклицаю:

— Я уверен, есть способ остановить последствия. Обратимся к Ловари, к Люциферу, у нас много вариантов.

— И каждый из них безумен.

— Да брось. — Останавливаюсь перед девушкой, но не решаюсь прикоснуться к ней. У нее молочная кожа, почти прозрачная. Я изучаю изгиб ее шеи, рыжеватые пряди, которые теперь разбавлены серебристыми нитями, и стискиваю зубы. — Ты вернулась. Это главное.

Она кивает, но продолжает молчать. Как же это невыносимо. Почему она не взглянет на меня, не обернется? Я все-таки кладу ладони на ее плечи и чувствую, как Ари дрожит.

— Тебе все еще холодно? — Отстраняюсь и в два шага оказываюсь рядом с комодом. Я достаю теплую кофту, шерстяную, с какими-то нелепыми узорами. Мне нужно было сразу об этом подумать. Но все произошло так быстро, ее слова попросту вылетели из головы. Я собираюсь подойти к ней, но замираю. Ариадна смотрит на меня через плечо, а в руке она сжимает ножницы с окровавленными лезвиями. Кофта валится из пальцев. — Что ты...

Замолкаю. Я вдруг думаю, что она вновь начала себя резать. Оставлять зарубины. Но на локтях ран нет, как и на запястьях. Тогда зачем ей ножницы? Откуда кровь? Ариадна со мной играет, я уверен, опять играет! Может, ничего не вышло? Может, Дельфия не сумела вернуть ей душу? Но все это чушь, я точно знаю. Я смотрю в глаза Ари и вижу настоящую Ариадну, ту самую, что когда-то ворвалась в мою жизнь, и из этих глаз вдруг скатываются слезы. Я ошеломленно шурю, а девушка выпускает из пальцев ножницы и шепчет:

— Прости.

Ножницы валятся на деревянные половицы с оглушающим грохотом.

Она оборачивается ко мне невольно. Просто падая, ее тело наклоняется вперед, и мы с ней оказываемся лицом друг к другу. Неожиданно я замечаю окровавленное пятно на ее животе, которое с каждой секундой становится все шире и шире.

Легкие судорожно сжимаются. Нет. Пожалуйста. Она не могла, она не...

Ари падает. Я порываюсь к ней, и я подхватываю ее налету, но понимаю, что в руках сжимаю ледяное тело человека, который находится на краю смерти. Мои глаза так широко распахнуты, что становится больно, а Ариадна неожиданно улыбается.

— Ты вернул меня домой.

Я оседаю на пол, не выпуская ее из объятий, а она прокатывается пальцами по моему лицу. Испепеляет изумрудным, пристальным взглядом.

— Что ты натворила. — Это не мой голос, не мои руки, которые придавливают ее рану. А кровь не останавливается. Просачивается сквозь пальцы и растекается рядом. Я в ужасе задыхаюсь и свожу брови. — Что ты сделала, что ты сделала!

— Все хорошо.

— Нет, нет.

Черт возьми! Я мнусь на полу, прижимая к себе девушку все ближе и ближе, но меня неожиданно покидает рассудок, покидает воля, я пытаюсь найти выход, мой мозг работает так отчаянно, как никогда еще не работал! Но ничего не получается. Она ранила себя. Она взяла ножницы и ранила себя, чтобы умереть.

— Зачем ты это сделала! — Опешившим взглядом я всматриваюсь в глаза ведьмы. — Не молчи, давай, не смей молчать!

— Я не должна жить, если кто-то умирает по моей вине.

— Абсурд. Плевать на остальных.

— Мэтт. — Ее тонкие пальцы касаются моих губ, я так крепко зажмуриваюсь, что глаза щиплет, что виски вспыхивают. А она не отнимает руку. Прижимает ее ко мне нежно, так трепетно, что я тянусь к ней навстречу и примыкаю щекой к ее холодной ладони. — Так...

Она запинается, и я распахиваю глаза.

— Ари, не молчи, прошу тебя.

— Так мало времени. — Из ее малахитовых глаз тянутся слезы. — Так мало времени для нас с тобой. Я бы хотела... хотела, чтобы времени было больше.

— У нас еще будет время, — шепчу я, обнимая ее изо всех сил, — конечно, будет.

— Я так виновата. — Слезы градом скатываются по ее щекам, и ее спина выгибается от судороги. — Я... я не хотела.

— Все в порядке.

— Нет.

— Все в порядке! — С нажимом повторяю я, стиснув зубы, а Ариадна шепчет:

— Мне очень жаль.

— Ничего страшного. — Поглаживаю ее волосы. — Я с тобой, Ари.

— Ты... нет. Ты не должен.

— Тебе больно, мне больно. Помнишь?

— Тебе плохо, — задыхаясь, хрипит она, — м-мне плохо.

— Точно, все правильно. — Оставляю поцелуй на ее щеке и закрываю глаза. — Я рядом.

— Ты рядом.

Я убаюкиваю ее, чувствуя, как слезы застилают глаза, и морщусь, понятия не имея, в какой момент мое сердце разобьется, в какой момент я разорвусь на части.

Неожиданно Ариадна оборачивается, будто кто-то позвал ее по имени. Она опускает на пол руку, обессилено моргает и тянется пальцами к окну. Не отводит глаз от занавесок.

— Ари, кого ты видишь?

Она не отвечает. Все тянется и тянется сквозь стиснутые зубы, а потом застывает.

— Ари? — Недоуменно свожу брови. — Ари? Что ты...

Я наклоняю голову и замираю. Гляжу на то, как вытянута рука девушки. Как широко распахнуты ее изумрудные глаза. Я сразу все понимаю. Осознание наступает мгновенно, и я судорожно сгибаюсь, сдавив пальцами глаза. Нет. Пожалуйста! Шумно втягиваю воздух, выпрямлюсь и приподнимаю девушку за плечи. Она безвольно повисает в моих руках.

— Ари? — Ее имя обжигает. Сводит с ума. — Ари, скажи что-нибудь! Давай, скажи!

Я жду, что она ответит. А она не отвечает. Лежит в моих руках, будто мертвая птица с распростертыми крыльями. Прижимаю ее к себе и разваливаюсь. Разваливаюсь на сотни частей. Мы так много слышали о смерти, так часто ее видели. И даже притвориться у меня не получается. Не получается хотя бы на секунду представить, что Ариадна спит.

Все разом теряет смысл. Моя борьба, мой путь. Если это тот конец, который был мне предначертан, зачем я вообще старался? Зачем я встретил эту девушку? Зачем она увидела меня? Зачем мы почувствовали то, что почувствовали, если это делает так больно?

Я робко прижимаю ее голову к своей груди и вижу, как за окном рассеиваются тучи, тусклый свет проникает через пыльное стекло, занавески, и падает на ее блестящее от слез лицо. Этот момент знаменует начало новой жизни: ящик Пандоры закрыт, но для меня все кончено, все кончено для Ариадны, потому что она была сильной, потому что она любила, потому что она боролась. И она умерла.

Я зол, хочу сорваться с места, но я рычу и крепче стискиваю ее маленькое тело, и все больше погружаюсь в темноту, во мрак. Ари больше нет. Черт возьми, ее больше нет.

— Неправда, — не своим голосом хриплю я, — ты ведь не можешь... не можешь.

Я прикасаюсь лбом к ее лбу и плачу. Я не должен, я сильный! Но все выходит из-под контроля. Все разламывается, разлетается на сотни осколков и впивается в мою грудь. Как же мне больно! Адски. Ад существует... Он здесь. Между нашими лицами. Он в ее глазах, налитых ужасом, в моих руках, сжимающих ее тело. Он в этих минутах, которые тянутся с маниакальной жестокостью, с издевкой, с насмешкой. Я не могу дышать, а время плетется все медленнее и медленнее, заставляя мое тело гореть в агонии. И я вдруг понимаю, что я виноват. Что мы виноваты. Наши поступки привели к тому, что я держу в руках девушку, которую, возможно, любил. Которую, возможно, всегда бы любил. Мы не ценили время, и теперь уже ничего не исправим. Комнату заполняет свет, а я погружаюсь во мрак.

Я больше не могу. Это сильнее меня. Гораздо сильнее. Я боролся. Я, правда, боролся изо всех сил, и я, черт возьми, любил Ариадну и хотел ее вернуть. Я делал все правильно!

— Черт, — слезы ошпаривают глаза. Смахиваю их тыльной стороной ладони и встаю.

Я не могу. Не могу больше быть здесь, видеть ее, чувствовать ее.

— Прости, — закидываю за голову руки и морщусь, — прости, пожалуйста.

Я уйду. Вырываюсь из комнаты и несусь по лестнице, стирая кровь о джинсы. Мне нужно лишь вырваться на свежий воздух, и тогда, возможно, станет легче, проще.

— Мэтт? — Джейсон недоуменно вскидывает брови. — Что ты...

Не останавливаюсь. Бегу к выходу и решительно отталкиваю от себя дверь. Солнце в меня вонзается яркими стрелами. Такое яркое, такое теплое. Я не видел такого солнца уже несколько недель, и оно выглянуло сейчас. В тот момент, когда Ари перестала дышать.

— К черту, — лицо перекашивает от боли, — к черту все, наплевать.

Я иду по улице. Бегу по улице. Уношусь все дальше от того, что прорывается внутрь и разрывает на куски. Я уношусь от друзей, от правды, от воспоминаний, которые должны были стать чем-то хорошим, но все это дерьмо, смысла ни в чем не было, я не постиг план Мойры, не понял мотивов Ноа. Люди на моем пути умирали несправедливо. Они умирали жестоко. Мы сражались за каждого, но проигрывали. Да мы только и делали, что падали и вставали. Опять падали и опять вставали. Но больше нет сил вставать. Ради кого?

Судорога сжимает легкие, я спотыкаюсь и в исступлении валюсь на колени. Я ведь... Я ведь до сих пор чувствую запах ее кожи. Вижу цвет ее волос и глаз. Я слышу ее смех.

Горблюсь и зажмуриваюсь изо всех сил, и мне внезапно кажется, что со спины меня обнимают ледяные руки. Но я не оборачиваюсь. Не оборачиваюсь, потому что знаю:

— Там никого нет.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ АРИАДНА МОНФОР

Я наконец-то дотягиваюсь до руки Ноа Морта. Его пальцы теплые, что противоречит всем нашим знаниям о Смерти. И еще его руки надежные. Он помогает мне встать на ноги и тихим, ровным голосом отрезает:

— Мне очень жаль.

Мне нечего ответить. Разве я заслуживаю сожаления? Вряд ли.

— Ари? — Я невольно оборачиваюсь и вижу свое тело, которое лежит в руках Мэттью.

Его брови сходятся на переносице. — Ари? Что ты...

Парень замолкает, округлив синие глаза, а я зажмуриваюсь: мне не жаль себя. Увы, я заслужила все то, что со мной случилось. Но они не заслужили. Мэтт, Джейсон. Мои тети. Хэрри. Все эти люди просто пытались помочь мне, просто поступали по совести. И теперь почти все они сломлены, а Норин...

Мои губы дрогают, и я яростно стискиваю зубы. Я не стану плакать. Не стану жалеть себя и сетовать. Я чудовище.

— Ари, скажи что-нибудь! — Просит Мэтт, а я отворачиваюсь.

Поднимаю взгляд на Ноа и быстрым движением смахиваю с глаз пелену.

— Ты пришел за мной.

— Я пришел к тебе, — исправляет он.

— А есть разница? Впрочем, неважно. Я готова.

— К чему?

— К путешествию в небытие.

Мой голос резок и спокоен, что не приходится Морту по вкусу. Мужчина наклоняет голову в бок и сплетает на груди руки. Смотрит на меня, изучая, а я повожу плечами:

— Что?

— Ты ведешь себя иначе. Пытаешься притвориться, словно тебе не больно. Зачем? — Я понятия не имею, что это у него за выражение на лице: мол, ты моя дочь, и мне ничего не стоит разузнать правду, но у нас не та ситуация и не те отношения, чтобы опуститься до исповедей и признаний. — Я слышу твои мысли. — Подмечает Ноа, и я недовольно свожу брови. Черт. Совсем забыла.

— Давай как-нибудь без этих фокусов.

— Ари, я не узнаю тебя, — поражается Морт. — Ты только что лишила себя жизни, но в твоём голосе столько сарказма и злости... Пожалуй, я давно с подобным не сталкивался.

— Рада, что еще способна удивлять, — ядовито отшучиваюсь я.

— Прекрати.

— С чего вдруг? Ты мне папочка, что ли?

Ноа сводит брови и прожигает меня взглядом, который проникает внутрь моих ребер и ошпаривает легкие, будто кипятком. Я начинаю нервно кусать губы.

— Что? — Всплескиваю руками. — Мертвецы скоро выстроятся в очередь.

— Зачем ты это делаешь?

— Что делаю?

— Ты знаешь, что.

— Тик-так, информация для отставших от жизни бессмертных волшебников: я от тебя только одну способность переняла, и это не умение читать мысли. Так что...

— Ты злишься? — Ноа с интересом сужает глаза. — Или это страх?

Он придвигается ближе, а я с напускной уверенностью вздергиваю подбородок.

— Пытаешься понять людей? — Отхожу назад. — Плохая идея.

— Я пытаюсь понять тебя. — Ноа Морт оказывается рядом. — Почему ты огрызаешься, ведешь себя так, будто я твой враг? Ариадна, посмотри на меня.

Не хочу. Я невольно перевожу взгляд на Мэтта. И мне становится чертовски больно. Я чувствую, как колени подгибаются, но стою ровно. Стою, потому что заслужила. Стою, потому что должна в полной мере испытать этот огонь, этот кипяток. Мэтт плачет. Я вижу его слезы, и в груди у меня что-то вспыхивает, переворачивается. Я судорожно выдыхаю.

— Ари...

— Что? — Порывисто оборачиваюсь и гляжу в шоколадные глаза отца. Руки не просто сжимаются в кулаки, они немеют от боли, но я продолжаю неистово сжимать их. — Что ты хочешь услышать, что я должна сказать?

— Умирая, люди обретают покой.

— Поэтому Хэрри вернулся совершенно другим человеком? Такой у тебя «покой»?

— Твой друг — обычный человек. Обычные люди умирают. И все.

— Не понимаю.

— Смерть — это тишина, Ари. Пустота. Люди умирают, и на этом все заканчивается. А твой друг пробыл за чертой какое-то время и вернулся: вернулся с воспоминаниями. Такое не проходит бесследно. Для меня минуты — это часы, а для него секунды — целая вечность. Хэрри пробыл в темноте, в тишине почти целую жизнь, и он не мог проснуться прежним.

— Спасибо за краткий экскурс.

— Ты хотела услышать ответ.

— Я ничего не хочу, Ноа. Просто... просто пусть все это закончится.

Закрываю глаза и ударяюсь головой о стену. Внутри растекается ядовитая желчь. Не хочу этого чувствовать, пожалуйста, не хочу.

— Ариадна...

— Как же жжет, — шепчу я, хватаясь пальцами за ворот кофты, — прямо здесь, в горле.

— Ты не виновата.

— Не виновата? — Распахиваю глаза и чувствую, как слезы скатываются по щекам. Ох, черт, я ведь пообещала не реветь. Не реви, Ари. Возьми себя в руки! Смахиваю полосы и с ненавистью стискиваю зубы. — Я убила столько людей, я причинила столько вреда. Меня раздрает изнутри невероятное чувство сожаления, отчаяния. Я чудовище! — Слышу, как у Мэттью с губ срывается сиплый вопль, и захлопываю ладонями уши. — Чудовище.

— Нет.

Ноа пытается опустить мои руки, но я сопротивляюсь, крепко зажмурив глаза.

— Пусть все это закончится, — хриплю я, — пожалуйста, пусть боль уйдет.

— Ари, взгляни на меня. Взгляни.

Я послушно поднимаю сломленный взгляд на отца и морщусь, хватаю губами воздух и медленно покачиваю головой.

— Я не хочу уходить, — убираю с лица волосы. — Но это правильно. Я больше не могла никак искупить свою вину, помочь близким. Не могла. Я должна была.

Пальцы Ноа Морта неумело поглаживают мои трясущиеся плечи. Ему в новинку эти чувства, эта роль. Он прочищает горло и вдруг ровным голосом отрезает:

— Ты — не чудовище. И никогда им не была.

— Не надо...

— Я покажу тебе. — Я морщю лоб. А Ноа вытирает большими пальцами дорожки слез с моих покрасневших щек. Его брови сходятся на переносице. — Все это время я был с тобой рядом, я наблюдал. Я видел тебя, Ари, и я знаю, кто ты.

— И кто я?

Смерть прожигает меня серьезным взглядом и протягивает вперед ладонь.

— Я покажу. — В его глазах полыхает нечто пугающее. — Если ты доверишься мне.

Однажды я уже доверилась Ноа, и он показал мне аварию, в которой погибла вся моя семья. Стоит ли вновь играть с Судьбой? Я стискиваю зубы и послушно беру отца за руку.

***

Я сипло дышу и сжимаю в пальцах горло. Со мной что-то не так, что-то не так прямо во мне. Внутри. Мысли путаются, я не контролирую свои поступки. Понятия не имею, как я здесь оказалась, не помню, как ушла от Меган фон Страттен. Она велела стоять рядом, и я кивнула, а потом... Потом меня будто вытянули из ледяной воды. Я шла и шла, не зная, в каком направлении я двигаюсь, куда иду. Я просто шла и оказалась лицом к лицу с домом Нортонов. словно наваждение. Я недоуменно осматриваю черную крышу и наклоняю поптичь голову. Почему вид этого места заставляет меня волноваться?

Неожиданно из дома выходит высокий, черноволосый парень. Мэттью. Он неспешно плетется по каменной тропинке, вперив взгляд вниз, и прячет в карманы руки.

Я следую за ним. Не знаю, зачем. Просто бесшумно схожу с места. Я чувствую: меня тянет к этому человеку, и это отвлекает. Звенит где-то в ушах, словно надоедливый комар. Я пытаюсь отогнать эти мысли. Но не могу. Я лишь прибавляю скорость.

Мэттью взъерошивает угольные волосы, а затем вдруг останавливается; он хватается руками за голову и ссутулится, отчего выглядит уязвленным, растерянным. Тогда я слышу нечто странное. Прямо в моей груди. Это стук. Стук моего сердца, который заставляет все мое существо сжаться, уменьшиться. Я распахиваю рот, округляю глаза и шепчу:

— Мэтт.

Недоуменно моргаю. Что это? Что за чувство? Нечто извне подчиняет мысли. И уже в следующее мгновение я схожу с места и стремительно несусь к парню.

— Мэтт!

Парень оборачивается и порывисто опускает руки. Взгляд у него наполняется чем-то неопишным, горячим и искренним. Он кидается ко мне, я прибавляю скорость, бросаюсь ему в объятия, ничего не понимая, ничего не осознавая, и впираюсь пальцами в его плечи.

— Мэтт, — я карабкаюсь вверх, словно боюсь свалиться навзничь, — боже, мой.

— Ари? Что ты здесь делаешь? — Его хриплый голос пробивает дыру в моей груди. Он отстраняется, прикладывает ладони к моим щекам и растерянно улыбается. — Ты пришла.

— Подожди...

— Ты вернулась.

— Нет, нет, — мотыляю головой и морщусь, — в моей голове, что-то есть в моей голове.

— Я не понимаю.

— Черт. — Отпрыгиваю в сторону, зажмурившись от боли, и ударяю пальцами по лбу.

Я вновь начинаю терять контроль, вновь какая-то сила извне пожирает все тепло, все хорошее, что есть во мне. Становится холодно. Так холодно.

— Что с тобой? — Мэтт широко распахивает сапфировые глаза и придвигается ко мне.

— Я не знаю. Не знаю.

Потираю плечи, пытаюсь согреться, и тут же Мэттью накрывает теплыми руками мои руки. Я невольно закрываю глаза и судорожно выдыхаю, а он прижимает меня к себе.

— Ты вернулась. Ты смогла, Ари.

— Это сильнее меня, Мэтт. Это...

— Неправда.

— Послушай! — Я порывисто оборачиваюсь и впираюсь взглядом в его глаза. Я нежно

поглаживаю его заросший подбородок и киваю. — Это победит, совсем скоро. Это возьмет надо мной контроль. Но вы должны помочь. Хорошо? Вы должны найти способ.

— Ари...

— Просто пообещай. Пообещай мне, Мэтт!

— Я сделаю все, чтобы вернуть тебя домой, — отрывисто шепчет он.

— Но не ценой собственной жизни.

— Я сам разберусь, Ари.

— Нет. Ты не станешь жертвовать собой. — Это принуждение. Мэтт прожигает меня недовольным взглядом, а я вновь чувствую, как темнота поглощает мой рассудок. Черт, не могу сопротивляться. Я... я попросту не могу! Неожиданно я отчетливо осознаю, что меня впереди поджидают ужасные события, в которых я буду виновата. Мои близкие должны в меня верить. Но, если они узнают, что я беру верх над своим сознанием, над чудовищем, у которого так много сил, они не смогут поставить точку. Не смогут убить меня, ведь будут верить до последнего. А это неправильно. Я отстраняюсь и шепчу, — неправильно.

— Что? Что неправильно?

— Я не могу этого допустить.

— Да чего же, Ари? — Мэтт нагибается, чтобы посмотреть мне в глаза, и касается моих щек теплыми пальцами. Он смотрит на меня так, что сводит легкие. Я всегда хотела, чтобы он так на меня смотрел. — Все будет в порядке, слышишь?

Я накрываю его руки своими ладонями и шепчу:

— Все будет в порядке. Но вы должны понимать, с кем боретесь. Это уже не я.

— Прекрати.

— Мэтт, послушай, это не я. И то, в кого я превращусь... Вы должны будете убить это.

— О чем ты вообще говоришь? Разумеется, мы...

— Ты будешь верить в меня, — настаиваю я, не отрывая глаз от Нортон. — Ты будешь в меня верить, Мэттью. Но когда наступит момент, ты решишься. Ты убьешь меня.

— Хватит! — Парень пытается отстраниться, а я придвигаюсь к нему и, чувствуя, как в глазах покалывает, шепчу:

— Если ты будешь помнить об этом моменте, ты никогда не сможешь... не сможешь...

— Ариадна, клянусь, если ты сейчас же не прекратишь, я лично прикончу тебя.

— Так и надо, — я усмехаюсь, а он зло сводит брови.

— Не вздумай.

— Мне страшно, Мэтт, — поджимаю губы и часто моргаю, — мне так страшно.

— Но все будет в порядке, — его голос мгновенно становится нежным, трепетным, — не нужно бояться, я всегда буду рядом. Хорошо?

Я киваю. А потом приближаюсь к нему близко-близко. Так, чтобы его обсидиановые глаза смотрели в мою душу. В мою душу, от которой остался лишь осадок.

— Ты забудешь этот разговор. И ты будешь сильным. Слышишь? Чтобы с тобой ни случилось, чтобы я ни сделала, ты будешь сильным, Мэтт. Ты выживешь.

— Ари, я...

— Найди Ноа Морта. — Прижимаюсь губами к губам парня и закрываю глаза. Мэттью сжимает меня в руках, словно боится, что я испарюсь, исчезну, и он прав. Я отстраняюсь и делаю несколько шагов назад. — Прощай, Мэттью.

Я взмахиваю рукой, и глаза парня послушно закрываются. В себя он приходит лишь, когда я скрываюсь за одним из домов и щелкаю пальцами. Мэтт растерянно оглядывается,

сводит брови, проходится пальцами по взъерошенным волосам, а потом сходит с места.

Я прячусь в тени, откидываю назад голову и чувствую, как грудь горит. Что делать?

Я в клетке. В ловушке. И темнота так близко. Так опасно близко.

Я в ужасе пячусь назад, а затем сталкиваюсь спиной с преградой и ощущаю холод. Я ощущаю его так же неожиданно, как и ощутила тепло. А затем мысли исчезают.

Ариадна Монфор исчезает.

***

Я смотрю на то, как Логан Чендлер с размаху ударяет Мэтта по челюсти, и хмыкаю.

Мальчики любят бить других мальчиков, когда речь заходит о девочках.

Будто дикие звери, они рвутся друг на друга, а я бреду сквозь толпу и слежу за ними, слежу за Мэттом. Он, кажется, знает, что я наблюдаю. Потому вновь пропускает удар.

Мне становится скучно. Я разворачиваюсь на каблуках и покидаю гостиную. Дорогу сложно разглядеть из-за едкого дыма, плавающего по коридорам.

Оказавшись на улице, сплетаю на груди руки и опираюсь об ограждение, понятия не имея, куда идти дальше и что еще сделать для любимого Хозяина. Его идея выпустить все грехи, сосредоточенные в ящике Пандоры, показалась мне до невозможного скучной. Мы, как мне кажется, уже проходили через это. Сотню раз. Неужели отец лжи, хаоса и чего он там еще отец, не смог придумать нечто более оригинальное?

Неожиданно я замечаю пикап Хэйдана Нортон, припаркованный напротив дома. Не знаю, о чем его брат думал, оставляя Хэрри одного. Мне стоит только пальцем взмахнуть, и вся их праведная компания умрет. Почему же я медлю? Почему не сравняю их с землей?

А почему Дьявол не уничтожит людей?

Мы должны кому-то причинять боль. И интереснее всего причинять боль близким.

— Хэрри, — я наклоняюсь, оперевшись ладонями о край колымаги, и парень переводит на меня ошеломленный взгляд. Думаю, он хочет закрыть окно, но, кажется, поезд уехал. Я хмурю брови. — Неужели этот злобный, старший брат вновь кинул тебя?

Хэйдан молчит. Не люблю, когда меня игнорируют.

Стискиваю в пальцах холодный металл пикапа, и тут же по лобовому стеклу, скрипя, прокатывается тонкая трещина, будто молния. Ни один мускул на лице парня не дрогает.

— Пытаешься меня напугать? — Спрашивает он спокойным голосом, и я хмыкаю. Я не ожидала, что этот очкастый хиппи вновь научится выговаривать буквы. — Не выйдет.

Вскидываю брови, ощущая раздражение, вспыхнувшее в венах ядовитым потоком. У меня на пальцах загораются ярко-алые искры. Такое случается, когда я собираюсь кого-то убить. Или изрядно помучить. Подаюсь вперед, а потом... потом что-то меняется.

Резкая судорога пронзает все мое тело. Отшатываюсь назад, стискиваю зубы и рычу, прекрасно понимая, что произойдет дальше. Мысли спутываются. Но бороться сложно. Не знаю, как избавиться от этого тепла в груди. Как, черт возьми, от него избавиться?

Я шумно выдыхаю, подаюсь вперед и хватаюсь пальцами за плечи Хэйдана:

— Хэрри, живее зови Мэтта. Давай же! Сигналь! — Парень обескуражено нажимает на гудок и в растерянности округляет глаза. У меня осталось несколько секунд. Совсем чуть-чуть. Я придвигаюсь к другу и шепчу. — Возьми себя в руки. Ты сильнее, чем думаешь. Ты слышишь меня, Хэрри? Ты справишься.

Он хмурится, открывая рот, а я взмахиваю перед его ореховыми глазами ладонью и в

следующее мгновение скрываюсь в тени.

***

Меган фон Страттен останавливается напротив меня и поднимает подбородок:

— Они думают, что Джейсон подвержен проклятью. Твои тетушки покинули коттедж.

— Что насчет полиции?

— Я разобралась с ними.

— Что еще ты узнала? — Я пронзаю ведьму ледяным взглядом. — Рассказывай.

Ей не нравится, что я использую принуждение, что я командую и руковожу ей, будто она моя новая игрушка. А я получаю колоссальное удовольствие, когда в ее черных глазах вспыхивают презрение и гнев. Так сложно заставить мое тело чувствовать. Реагировать.

Но ломать эту женщину приятно. По крайней мере, сейчас.

— Девчонка. — Фальшиво улыбаясь, шипит фон Страттен. — Она впитывает силу.

— Впитывает силу? — Я расхаживаю перед ведьмой, нахмутив лоб. — Интересно.

— Правда, впитывает временно, когда другой объект рядом.

— Хм, бессмысленная способность.

— Я бы так не сказала.

Останавливаюсь и приподнимаю руку. Тут же ведьма хватается пальцами за шею, на которой появляются невидимые силки. Терпеть не могу, когда она мне перечит.

— Ты скажешь свое мнение тогда, когда я позволю тебе его сказать.

Опускаю ладонь, стискиваю зубы и вижу, как фон Страттен прищуривается. Что-то в моей груди дрогает, я почему-то улыбаюсь. Давай же, Меган, брось мне вызов.

Но ведьма отворачивается. А я шепчу не своим голосом:

— Верно, Мегги. Не стоит рисковать своим бессмертием.

Женщина выпрямляет спину, а я схожу с места и выхожу из леса.

Итак. Дельфия Этел — новая опасность, Как же некрасиво со стороны моих тетушек к разборкам привлекать ребенка. Рассчитывать на победу в таком случае глупо. Я убью ее, а больно будет им. Неужели они до сих пор верят? Ждут. Им кажется, что я в ловушке. Они, без сомнения, пытаются меня спасти. Но я не нуждаюсь в спасении. Больше не нуждаюсь.

Бреду по темной улице Астории, спрятав руки в карманы пальто, ветер путешествует по асфальту, подгоняет искореженные, сухие листья. Осень подходит к концу, и вскоре на наши головы обрушится холод, которого мы еще не испытывали. Холод иного рода.

— Постой, прошу тебя!

Невольно притормаживаю, наклоняю голову и вижу, как из-за угла выходит Норин.

В груди что-то екает, но это ощущение молниеносно исчезает. Щурюсь и отхожу как можно дальше в тень. Щелкаю пальцами, и фонарь над моей головой тухнет.

— Норин, я хочу поговорить!

— Оставь меня, Мэри.

— Пожалуйста.

— Я не собираюсь ничего обсуждать. Так что...

Старшая Монфор покачивает головой, но сестра нагоняет ее и хватается за руку. Нечто внутри меня с интересом затихает, превращается в кроткого зверя, изучающего добычу.

— Поговори со мной, — настойчиво требует Мэри-Линетт, — не закрывайся, не надо.

— Я сама решу, что мне делать.

— Зачем тебе решать что-то самой?

— Потому что я всегда так делаю. Я всегда решаю все сама, Мэри! Всегда.

— Но ведь я рядом.

— И что? — Норин округляет глаза и резким движением смахивает с лица волосы. —

Не хочу ничего обсуждать, хочу уйти как можно дальше. Хочу убежать.

— От кого? — Тихо переспрашивает Мэри-Линетт, поджав губы. — Чего ты боишься?

— Я боюсь себя.

— Но ты не сделала ничего дурного.

— Я почувствовала! — Женщина хватается пальцами за грудь и горбится. — Здесь, я...

я ведь дала себе обещание, что не поддамся, что не взгляну, не откроюсь.

— Но так невозможно жить. Ты и сама прекрасно это понимаешь.

— Мэри, жизнь — это... — Норин устало поводит плечами и вздыхает, — это не красивая история. Здесь не бывает так, как хочешь ты. Это редкость. А любовь — чувство, в которое по большей части все лишь верят, но которое почти никто в своей жизни не испытывает.

— Я не понимаю. Почему ты не борешься? Почему опускаешь руки?

— Бороться? С кем, Мэри? — Глаза женщины становятся огромными. — С Дьяволом?

Я всю жизнь нахожусь под его опекой. Сколько себя помню. Он сильнее.

— Не говори так, — бросает Мэри-Линетт, — ты давала ему отпор.

— Лишь потому, что он позволял. Он играет, Мэри. Играет так безупречно! Ну, а я... я действительно поверила. — Норин неожиданно захлопывает ладонью рот и замолкает. Я не знаю, что меняется, но в моей груди вспыхивает нечто горячее. Женщина стирает слезы со щек, а я подаюсь вперед. Что-то тянет меня вперед. — Я поверила, что могу чувствовать.

— Можешь, — младшая Монфор хватается за руки сестры, — конечно, можешь.

— Он умирает, Мэри.

— Ты не знаешь.

— Он умирает, — голос Норин тверд, — мы можем позволить себе умереть ради других, но мы не можем позволить другим умирать ради нас.

По лицу Мэри-Линетт скатываются слезы. Она порывисто отворачивается, стягивает с шеи шарф и безвольно опускает руки. Женщина медленно покачивает головой.

— Это несправедливо, Люцифер лишает нас самого дорогого.

— Меня лишает.

— Нас.

— Мэри.

— Хватит, пожалуйста, прекрати. — Мэри-Линетт взмахивает руками и хмурится. — Не знаю, почему до тебя до сих пор не дошло, но все, что касается тебя, касается и меня.

— Это глупо. Разумеется, ты не причем.

— Я — твоя сестра.

— И поэтому...

— Да, Норин. Поэтому когда тебе плохо, я рыдаю. — Женщина усмехается и смахивает с лица слезы. — Видишь? Вся тушь размазалась.

— Тушь, — старшая Монфор закатывает глаза, — когда ты успеваешь краситься?

— Когда ты носишься по дому или готовишь.

— Вот оно что.

— Пожалуйста, не отворачивайся от своих чувств. — Настаивает Мэри-Линетт и вновь

подходит к сестре. — Мы ведь не уверены, что болезнь Джейсона связана с проклятием. Ты и сама понимаешь, что шанс есть. Шанс, что все наладится.

— Шанс? Этого мало.

— Один случай может все изменить. Мойра — сумасшедшая. Ты ведь знаешь.

— Мэри, я не стану отворачиваться от своих чувств.

— Не станешь?

— Нет. Потому, когда мы вернемся, я попрошу Джейсона уехать.

— Что? Но...

— Я не знаю, что между нами, честно. И я не смыслю в любви. Но, если бы смыслила, то сказала, что любовь — это ответственность. Он должен уехать, потому что шанс, будто с ним ничего не случится, меня не устраивает. Я должна быть уверена. Но уверенности нет.

— Никогда нельзя быть в чем-то абсолютно уверенным.

— Хватит.

— Но нам нужна помощь. Мы все еще не вернули домой Ариадну.

Неожиданно рядом со мной пролетает ворон. Он хлопает крыльями и садится на пик фонарного столба, будто ночной сторож. Я тут же отхожу в тень, а Монфор одновременно переводят взгляды в мою сторону. Меня они не замечают.

— Пойдем домой, — шмыгая носом, отрезает Мэри-Линетт, — здесь не по себе.

Норин кивает, и они сходят с места. Я провожаю их изумрудным взглядом и думаю, как странно переживать за другого человека. Как странно перенимать его боль. Наверно, я испытывала раньше нечто подобное. Наклоняю в бок голову и хмурюсь. А, может, и нет.

***

Он стреляет. Пуля проносится рядом с моими волосами, и я удивляюсь. Я не думала, что он решится. Ведь так сложно стрелять в человека, которого любишь.

— Неожиданно, — хриплю я, по-птичьи наклонив голову. — Но ты промахнулся.

— Я верну тебя домой. — Опять эти драматические отступления. — Я пообещал тебе!

— Чего ты так кричишь? Праведный Мэтт всегда умел держать себя в руках.

— Пожалуйста, — шепчет он. И я в удивлении замираю. Мэттью Нортон умоляет. Это нечто новенькое. — Дай нам уйти, Ари. Дай нам уйти отсюда.

Он ждет, что я отвечу. Смотрит на меня огромными, синими глазами, а мне плевать.

— Нет.

Парень горбится. Встряхивает головой, пытаюсь взять себя в руки, и хрипит:

— Тогда я должен сделать это.

— Должен. Но не сделаешь... — Я упираюсь грудью в дуло пистолета. Мэтт смотрит на меня во все глаза. — Мне всегда казалось, что ты способен совершать отчаянные поступки. Но ты слабак... Как и все люди. Увы. Прости меня, Мэтт. Но сегодня я сломаю тебе жизнь.

Он недоумевает, хлопая густыми ресницами, а я представляю, как его руки движутся в сторону маленькой Эбигейл и улыбаюсь, когда мои мысли становятся реальностью.

— Нет, нет, что ты... что ты делаешь?

Он пытается со мной разговаривать. Он жалок. Хэрри мычит где-то у пристани, даже оборотень безоружен и уязвим. Они проигрывают так часто, что сражаться с ними больше неинтересно и неувлекательно. И это мои соперники? Это они должны меня остановить?

— Черт возьми, — рычит Мэттью сквозь стиснутые зубы. А я наблюдаю за тем, как пот

толстыми струями скатывается по его подбородку.

Внезапно его взгляд становится другим. Наливается ни страхом, ни ужасом... В нем вспыхивает огонек безумия. Мэттью начинает стрелять в воздух, намереваясь опустошить обойму до того момента, как дуло пистолета остановится напротив головы милашки Эби.

Признаться, меня завораживает его стремление преодолеть все неприятности. Он так слепо сражается с собственными демонами, так слепо верит в победу добра над злом.

— Беги, — шепчет он, наблюдая за испуганными глазами девочки, — беги, пожалуйста.

Хорошая попытка. Я наклоняю голову, а затем слышу возглас Хэйдана:

— Не делай этого с ним! — Кажется, это недоразумение в очках обращается ко мне. Не реагирую. — Не поступай так с Мэттом, я прошу тебя.

Он просит, и что? Интересный аргумент. Я безразлично взмахиваю рукой, и мальчик падает на колени, захлопнув свой болтливый рот. Кривлю губы, наблюдая за ним, а потом вновь перевожу взгляд на Мэттью. Что-то меняется. Что-то трогает меня в его глазах. Ему плохо, парень едва стоит на ногах. Пот скатывается по вискам. Но он борется. Борется.

— Я не сдамся, — шепчет он, и я невольно подхожу ближе, — не сдамся, не сдамся.

Откуда в нем столько силы? Почему до сих пор не сломлена воля? Прежде никто так не сопротивлялся, не мог попросту. А какой-то обычный человек дает мне отпор, словно и не ощущает боли, судорог, изнеможения. Его трясет, как лист, но он стоит.

Я оказываюсь совсем близко и вдруг прикасаюсь пальцами к его волосам. Я не знаю, что заставляет меня медлить, что заставляет меня чувствовать себя разбитой. Я побеждаю. Совсем скоро я сломаю его, я ведь так этого хотела! Но я не ощущаю удовольствия. Гляжу на этого молодого человека и вдруг испытываю странную привязанность, призрачную, да, едва ощутимую, но такую искреннюю. Такую чистую, что не может не отравлять вены. Не понимаю, что со мной. Глаза щиплет, ведь я понимаю, что одно мое слово, и этот человек никогда не станет прежним. Мэттью Нортон из моего прошлого умрет.

Я неосознанно прикасаюсь губами к его щеке... Чувственно и проникновенно. Как не думала, что умею, и неприятная судорога сжимает мои легкие. Что я делаю? Что со мной?

Я сдавливаю до боли пальцы и шепчу:

— Стреляй.

Мэттью нажимает на курок, и мы с ним вместе теряем часть себя. Что-то умирает.

Я прокатываюсь ладонью по его спине, упрямо подавляя в себе неизвестные чувства, и схожу с места, направляясь вглубь леса, оставляя позади эту пристань, этого человека. И этого мертвого ребенка. Да. Я убила ребенка. И что с того?

Она мешала. Она стояла у меня на пути.

Я иду быстрее. Быстрее. Оглядываюсь по сторонам, понятия не имея, какого черта, в моей голове вспыхивают нервы, какого черта немеют пальцы: мы прострелили ей голову... Пуф, один выстрел! И малышки Эби больше нет. Разве это должно цеплять? Должно меня трогать, разрывать на куски. Нет.

— Нет, — покачиваю головой, — мне наплевать.

— Правда?

Я резко торможу, зарывшись в грудь листьев, и оборачиваюсь, расширив глаза.

Передо мной оказывается Эбигейл Роттер с простреленной головой.

Я ошеломленно пячусь назад и стискиваю зубы:

— Не подходи, — на пальцах вспыхивают искры, — не приближайся ко мне.

— Или что? — Ангельский голосок девочки прорывается внутрь моих ребер, а из дыры

в ее голове тянутся толстые, густые линии крови. — Убьешь меня?

- Замолчи.

— Ты поступила нехорошо, Ариадна.

— Заткнись!

— Сегодня ты убила не только меня. — Эби подходит ближе, а я отшатываюсь. — Ты не только заставила Мэттью Нортон прострелить мне голову... но и лишила себя последнего шанса на спасение.

— Меня не нужно спасать.

— Ты думаешь?

— Меня не нужно спасать! — Я наклоняюсь вперед, растопырив пальцы. — Убирайся.

— Нет. — Девочка хлопает густыми ресницами и поводит плечами. — Я всегда буду так близко, что ты будешь слышать мое дыхание, Ари. Мы станем хорошими подругами. Ты и я, ты будешь закрывать и открывать глаза, видя мое лицо, видя эту рану. — Эби прижимает пальцы к глубокой дыре, из которой торчат обугленные куски кожи, и улыбается.

Легкие сдавливают. Я задыхаюсь. Хватаюсь руками за волосы и покачиваю головой.

— Нет, — зажмуриваюсь, — нет, нет. Это неправда.

— Ты убила меня.

— Нет.

— Ты — чудовище.

— Закрой свой рот!

— Как ты могла так со мной поступить? — Я открываю глаза, а Эби оказывается прямо перед моим лицом. В нескольких сантиметрах... Так близко, что я замечаю полопавшиеся сосуды в ее глазах, заполнившие голубую радужку багровыми точками. — Ты — монстр.

— Тебя здесь нет.

— Увы, — Эби пожимает костлявыми плечами, — я здесь, в отличие от твоей души.

Она начинает смеяться. Детский смех разносится по лесу, поднимая ветер, заставляя птиц сорваться с веток. Я рассеянно пошатываюсь, обхватив себя руками за талию. Что-то во мне трескается. Где-то внутри. Я судорожно вдыхаю воздух, а он обжигает глотку. Мне нечем дышать! Я обессилено валюсь на колени, вонзаю ногти в запястье и с силой дергаю руку на себя. Тут же остаются ровные, глубокие ссадины, и я испускаю всхлип. Ударяюсь ладонями о мокрую землю, чувствую, как в груди растет нечто горячее, колючее, и нелепо зажмуриваюсь, будто это остановит механизм, предотвратит боль. Но ничего не меняется. В какой-то момент от моих рук отскакивают искры. Листья вспыхивают и загораются. Не знаю, как это контролировать, и просто наблюдаю за огненным ковром, который бежит от меня к стволам деревьев, забирается по веткам, ломает их и валит вниз. Поднимается дым. Ветер гоняет его по лесу, будто шерстяное покрывало, а огонь распространяется дальше и дальше. И я обессилено прищуриваюсь. Пожалуй, в этот момент я что-то чувствую. Но эта эмоция мимолетна, как яркая звезда, сверкнувшая на небе, и тут же исчезнувшая. Вокруг пылают костры, и я сижу посреди огня и не боюсь его. Я знаю, что огонь для меня опасен, но я принимаю его. Теперь нас что-то связывает: тяга к разрушению и отсутствие души.

***

Он паркуется под деревом. Машина глохнет, он выключает ближний свет, а я стою в тени сплетенных веток, и не понимаю, что делаю здесь. Что забыла в этом месте.

Сегодня мой день рождения, и внутри беспокойно. Мне чего-то не хватает, и дело не в окружении, не в моих поступках. Дело в чем-то конкретном. Мне всегда холодно. Никто не может меня согреть. Может, поэтому я здесь, потому что я не знаю, что я чувствовала к этому человеку, но я помню, что мне было рядом с ним тепло. Это абсурд, меня не должно волновать его существование. Но я ничего не могу с собой поделать... Меня тянет к этому парню мистической, подсознательной связью, которую нельзя объяснить.

Я открываю пассажирскую дверь, без спросу сажусь в салон. Глаза Мэттью Нортон вспыхивают презрением, недоумением, и я тут же взмахиваю рукой и приказываю:

— Притворись, что все как прежде. Притворись, что я прежняя.

Зачем я это делаю? Я не понимаю. Не понимаю! Это одержимость. Редкие вспышки в моей голове, которые обескураживают, берут под контроль мысли. Я смотрю на парня, а он откидывается в сидении и протяжно выдыхает:

— Что мне делать?

Растерянно свожу брови и отвечаю первое, что приходит на ум:

— Жить дальше.

Мэттью закатывает глаза, а я поддаюсь странному порыву и беру его за руку. Мэтт с интересом глядит вперед, сквозь лобовое стекло, и переплетает наши пальцы. Невольно. Я не могу не обратить на это внимание.

— Мой отец сегодня пригласил в дом мозгоправа.

— Что? — Я вскидываю брови. — Серьезно?

— Да. Решил, что мне пора пообщаться со специалистом.

— Наверно, он хочет, как лучше.

Притворяться хорошей не так уж и сложно. Наклоняю голову, а Мэтт хмурится. Мне вдруг кажется, что для этого парня сложности предстают даже в простых вещах. Он вечно что-то анализирует, думает. Я покачиваю головой.

— Ты слишком много внимания уделяешь мелочам.

— Так в этом ведь весь смысл.

— Смысл чего?

— Всего. — Он усмехается и переводит на меня сапфировый взгляд. Я замираю. Что-то в моей груди взывает не своим голосом, переворачивается, и я морщусь. Нет. Это глупо и неверно. Я так не могу, и я не умею. — Ты поздоровалась со мной через тринадцать секунд, после того как села рядом на первом уроке биологии. — Ошеломленно поднимаю взгляд на парня и задерживаю дыхание. — Ты ненавидишь, когда я закатываю глаза. Морщишь нос, когда тебе что-то не нравится. Ты не можешь отличить комбайн от соковыжималки. И, да, ты поцеловала меня под песню Дэвида Боуи «День святого Валентина».

Я хлопаю ресницами. На фоне играет радио. Мэтт приближается ко мне и улыбается, я никогда не видела, чтобы он улыбался. Я недоуменно щурюсь, а он поднимает мою руку и касается тыльной стороны ладони своими теплыми губами.

— Если бы не все эти мелочи, я бы не влюбился в тебя, Ари.

«Не влюбился». Что... Что он говорит. Я свожу брови и резко отстраняюсь:

— Нет. — Зажмуриваюсь. Холод возвращается. Кидается на меня, будто голодный пес!

— Ари? Тебе нехорошо?

— Не трогай меня. — Я распахиваю дверь, но внезапно Нортон хватается за мою руку. Я растерянно оборачиваюсь, а он недовольно подается вперед.

— Какого черта ты делаешь? Куда ты убегаешь?

— Будет лучше, если ты смиришься.

— Что?

— Ари больше нет. — Я смотрю парню прямо в глаза, и он застывает. — Она умерла.

Мэттью в недоумение разглядывает меня, а я нервно прохожусь ладонью по лицу.

— Забудь об этом. Я не должна была приходить.

Я срываюсь с места и несусь вдоль темного парка, понятия не имея, что так пылает у меня в груди. Оно не должно пылать. Ведь я мертвая. Я пустая.

Холод сваливается на плечи, и я падаю под его весом. Я пустая, пустая.

Но почему тогда так больно?

***

Русоволосая незнакомка прижимает ладонь к моей груди, и я хмыкаю. Интересно, на что она способна. Видимо, ни на что, раз, чтобы одолеть меня, они дождались Йоль, и еще нарисовали вокруг магические символы. Они меня боятся.

Я не отрываю глаз от угловатого лица девушки, а затем что-то загорается в груди. Не понимаю. Повожу плечами, пытаюсь стряхнуть неприятное чувство. Растерянно морщусь, сжимаю в кулаки ладони и ощущаю, как колючая энергия перетекает с кончиков пальцев незнакомки внутрь меня, впитывается в кожу. Начинаю часто дышать, но кислород словно не насыщает легкие. Что происходит? Я приоткрываю губы, испепеляю ведьму взглядом и понимаю, что ей все равно. Она даже бровью не поводит. Наступает на меня, сильнее руку к моей груди прижимает, и ощущение перевоплощается в ядовитую боль, которая свирепо растекается по венам и взрывается где-то в голове. В глазах щиплет. Я не могу... я не могу сопротивляться, начинаю чувствовать. Чувствовать! Это невозможно. Нет. Пытаюсь резко смахнуть слезы с глаз, но вдруг обращаю внимание на свое запястье. На нем порезы. Даже на локте есть порезы. Раны. Глубокие и не очень. Оставленные лезвием или ногтями... Что со мной, что заставляет меня так испугаться? Я неожиданно понимаю, как много людей не проснется, как много людей погибло по моей вине. Я убийца.

— Это ты делала, — ровным голосом отрезает Этел. — Ты делала это каждый раз, когда лишала кого-то жизни. Ты что-то чувствовала, не нужно отрицать. Ты чувствовала вину.

Перевожу взгляд на девушку, скалюсь и рычу, прижав к себе израненную руку. Я не позволю ей копаться в моей голове, указывать на чувства и менять что-то... что-то во мне. Я отшатываюсь назад, а она придвигается вперед и громко произносит:

— Вспомни, — покачиваю головой. — Вспомни это чувство! Оно ядовитое, как и мысли в твоей голове. Вспомни лицо каждого, кого ты убила. Каждого, кто умер из-за тебя! Что ты видишь? — Я зажмуриваюсь. Она не станет рыться во мне. Не станет! — Черные волосы, голубые глаза, черные волосы, голубые глаза. — Заткнись! Закрой рот! Я не хочу видеть. Я не должна ее видеть. Пожалуйста. Но образ гордой, холодной женщины так и стоит перед глазами. Образ женщины в нелепом фартуке. Образ женщины в толстом свитере. Ее руки обнимают меня крепко-крепко. Ее голос успокаивает и прорывается внутрь ребер. — Горло свитера, чай с мятой. Черные, угольные волосы. Кто это? — Слезы градом катятся по лицу, я мотыляю головой, а ведьма настаивает. — Ари, скажи мне, кто это?

— Норин! — Нечеловеческим голосом кричу я и сгибаюсь от боли. Боже, нет. Норин, я не могла... Ты не могла уйти. Меня трясет. Я валюсь на колени, с ужасом распахнув глаза, ударяю себя ладонью по лбу и прошу. — Хватит, пожалуйста. — Пальцы дрожат, сдавливая

виски. — Не надо, остановись.

Молодая ведьма присаживается рядом и тихо отвечает:

— Нет.

А затем ее ладонь вновь прикасается к моей груди, и я кричу, что есть мощи. Едва не падаю, увидев перед глазами вспышку! И потом... Потом я оказываюсь в другом месте. Не здесь, не в своей новой спальне. Я оказываюсь на похоронах родителей и сестры, я бросаю цветы — колючие розы — которые летят в воздухе слишком долго, они ударяются о крышку гроба, и лепестки разлетаются в стороны, будто цветы давно завяли.

Еще одна вспышка. Я в школе, в огромном помещении. Это бассейн. Я прикладываю к животу руки, пытаюсь остановить кровотечение. А потом оборачиваюсь и вижу Мэтта. У него такая же рана. Парень едва стоит на ногах, но он тянет ко мне руку, он сейчас упадет. Я не могу этого допустить. Упадет он, упаду я. Умрет он, умру я. Он не должен страдать, не должен, не должен! Но потом его колени подкашиваются, и меня выбрасывает из этого видения, ослепив очередной вспышкой.

Я в морге. Я стою перед телом Хэйдана Нортона. Доктор спрашивает:

— Это ваш друг?

А я не отвечаю. Его лицо белое, как снег. Очков нет. Я касаюсь пальцами его темных волос, заправляю их за уши и замираю. Я убила Хэрри... Слезы скатываются по щекам, и я сгибаюсь, как после удара в живот. Я его убила, боже мой, я его убила.

Перед глазами вспыхивает яркий свет. Под неизвестной тяжестью я падаю. Валюсь на колени, хрипло втягиваю воздух и вижу перед собой Норин. Я вижу ее спину. Что за...

Женщина оборачивается, и я понимаю, что из ее груди торчит стрела.

— Нет, нет... — Я в ужасе распахиваю глаза. — Нет.

Мотыляю головой, и ничего не могу изменить.

Она падает передо мной. Кровь растекается по ее толстому свитеру ярким пластом, и я смотрю на нее и чувствую, как внутри меня что-то ломается. Что-то сдавливают глотку и перетягивают веревкой легкие. Я смотрю на нее. Смотрю. А потом кричу. Этот крик похож на невообразимое рычание. Этот крик — моя боль. Мое разбитое сердце. Я потеряла Норин и потеряла все, что придавало мне сил, что не позволяло сдаваться. Погибла моя воля, моя путеводная звезда. Всегда сильная, смелая, отчаянная моя тетя лежит передо мной.

И не дышит.

— Нет! — Кричу я, раздирая горло. — Нет! — Я хватаюсь руками за волосы. Боже мой я не верю, этого не может быть. — Норин, — слезы застилают глаза, но я зову ее. — Норин! Не поступай так со мной. Не поступай!

Искры вспыхивают на ладонях. Я хочу обнять ее, но не могу. Я чудовище. Я больше не имею права прикасаться к тем, кто мне дорог, я должна умереть. Я должна. Должна. Не хочу служить Дьяволу, не хочу причинять больше боль. Не хочу быть той, кем я являюсь.

Я даю отпор. Бросаю вызов! Если мои близкие страдают из-за меня, лучше умереть.

Я зажмуриваюсь, а, когда открываю глаза, понимаю, что вновь нахожусь в спальне и сил у меня больше не осталось. Что-то покидает мое тело. Что-то темное и колючее. Я так и смотрю вверх, на светлый потолок, а по щекам медленно скатываются слезы.

— Пожалуйста, — шепчу я хриплым голосом.

Оковы спадают, дымка рассеивается. Я оказываюсь наедине со своими демонами, но они не нападают, они просто смотрят на меня. Пожирают взглядами. Эти демоны — люди, которых я убила. Люди из ордена, люди из школы. Родители. Лора. Эбигейл. Норин.

— Мне больно. Мне...

Я чувствую, как плечи поникают, как руки валяются вниз. Я чувствую. Я ощущаю. Не думала, что вновь испытанию горячую, неистовую боль. И она возвращает меня к жизни.

Она напоминает мне, кто я есть. Я — человек.

***

Ноа Морт отстраняется, и я неуклюже прижимаюсь к стене. Часто дышу, а он смотрит на меня и кивает, будто соглашается с чем-то. Но с чем? Не понимаю.

— Ты — человек. Я соглашаюсь с этим.

— Зачем? — Руки безвольно валяются вниз. Я подхожу к Смерти, а он хмурит брови. — Я не понимаю, зачем ты мне это показал, зачем?

— Чтобы ты знала.

— Знала, скольких людей больше нет рядом? Знала, какую боль я причинила?

— Ты должна была вспомнить, что ты боролась, Ариадна. Ты — не чудовище.

— Хватит, — я прикрываю глаза, — хватит повторять это. Прошу.

— Я видел монстров. Они становились ими по собственной воле. — Ноа Морт нависает надо мной, и его тень падает мне на лицо. — И именно это отличает тебя от них.

Неожиданно в комнате кто-то появляется; только сейчас я понимаю, что Мэттью уже нет в спальне. Мое тело лежит посреди магического круга. И к нему приближается Хэрри. У парня кровавые полосы на лице. Он отшатывается назад, увидев мое тело, и застывает.

— Ари? — Его голос едва слышен. — Что ты...

Он замолкает. А я стискиваю зубы. Слезы вновь скатываются по щекам, я порывисто отворачиваюсь и шепчу:

— Ноа, прошу тебя, это невыносимо. Я не хочу смотреть, я не могу... Ты ведь говорил, что смерть — это пустота. Почему я здесь? Почему я все еще говорю с тобой?

Морт не отвечает. Что-то в его взгляде становится взволнованным, человеческим. Не понимаю. Я хмурю брови, а он растерянно поводит плечами.

— Я не думаю, что у меня есть возможность... — Он запинаясь, наблюдая за тем, как в смятении дрожат его руки. Мнет их и сглатывает. — Не думаю, что могу объяснить.

— Что именно? Почему я здесь?

— Почему я здесь. Почему не могу уйти. Почему... почему жжет.

Мужчина прикладывает длинные пальцы к сердцу, нелепо дергает уголками губ и на меня переводит странный взгляд. Я неуклюже стираю со щек слезы.

— Что же в этом необычного? Тебе больно.

— Мне не может быть больно.

— Потому что ты Смерть?

— Потому что я мертв. — Ноа сводит брови и сходит с места, едва не задев Хэйдана. А тот, конечно, ничего не замечает. Присаживается рядом с моим телом и закрывает глаза.

— Но когда умирала мама... — нахожусь я, смотря на мужчину, — тебе не было больно?

— Пожалуй... знаешь, я давно потерял Джин. Я любил ее. Но давно потерял.

Я сплетаю на груди руки и сканирую Смерть настороженным взглядом. Он говорит в странной для себя манере. Нерешительно. Отрывисто. Что его так мучает?

— Меня мучает мысль, что я должен забрать тебя. Свою дочь.

Растерянно смотрю на Ноа Морта и часто моргаю. Он... он выглядит таким грустным и несчастным, сбитым с толку человеком. Это цепляет меня. Я ощущаю связь между мной и этим существом. Незримую, тонкую связь, которая возникает только между близкими.

Между отцом и дочерью.

Я не могу сдерживать улыбки. Правда, она получается кривой. Да и слезы тут же вновь скатываются по щекам, будто еще глупее я не могу выглядеть. Я приближаюсь к Морта. Я не могу себя остановить. Я поднимаю руки и прижимаю его к себе. Крепко-крепко, словно он моя поддержка и опора. Словно я доверяю ему и принимаю его.

— Ари...

Он неуклюже кладет ладони поверх моих плеч, стоит обездвижено, наверно, понятия не имея, что делать, как реагировать, а я утыкаюсь носом ему в грудь. Он тяжело дышит, я чувствую, как внутри него что-то трепещет и дрожит. Жмурюсь и содрогаюсь от плача.

— Истории должны заканчиваться, Ноа. — Слезы катятся все сильнее и сильнее.

— Истории живут вечно, Ариадна.

— В отличие от людей.

Он молчит. Нерешительно обнимает меня и кладет подбородок мне на макушку.

— Я увижу... увижу маму? — Запинаясь, спрашиваю я и захлопываю ладонью рот. Мне нельзя плакать, нельзя, нельзя. — Она будет со мной?

— Она всегда с тобой.

Я плачу. Умирать сложно. Не помню, чтобы люди говорили об этом. Обычно все так уверенно кричат, что умирать легко и просто, что жить сложнее и так далее, но это полная чушь. Люди должны жить. Люди должны наслаждаться жизнью. Раньше я думала, что все мы родились, чтобы умереть: эдакая странная издевка, мол, всем нам все равно придется с миром попрощаться рано или поздно. Но теперь я понимаю: мы родились, чтобы жить.

Как просто быть рядом с друзьями. Как просто отмечать дни рождения. Как просто с улыбкой встречать хорошее и со слезами встречать плохое. Как просто ссориться и ждать, что все наладится. Как просто ошибаться и учиться на ошибках. Как просто говорить отцу или маме, что ты их любишь. Как просто доверять секреты брату или сестре.

— У людей это вызывает проблемы. — Неожиданно тихо усмехается Ноа и глядит мне в глаза, отстранившись. — Все, что ты назвала. Обычно, это самое сложное.

— Вот тебе еще один факт про людей, мистер Смерть. — Я стираю со щек слезы. — Мы всегда все усложняем. Но понимаем, что мы все усложняем, лишь тогда, когда усложнять уже нечего. — Повожу плечами и усмехаюсь. — Как там говорится... ну...

— Что?

— Дорожишь, когда потеряешь?

— Наверно.

— Что-то в этом духе.

Делаю шаг назад и выпрямляюсь, дрожа от холода. Пусть все это закончится.

Человек я или монстр, я должна поплатиться за то, что сделала. Осознанно или нет, я не думаю, что кого-то волнует этот вопрос. Не думаю, что им зададутся родственники тех, кого я лишила жизни. Не думаю, что я вообще имею права сомневаться.

— Нет. — Ноа поднимает подбородок, а я согласно киваю.

— Я не имею права сомневаться.

— Но я могу. Я могу сомневаться, могу хотеть сомневаться и могу все это исправить.

— Что?

Внезапно глаза Смерти становятся черными. Хлопок, и он рядом со мной, его ладонь на моей груди, его взгляд внутри моей головы. Я ошеломленно застываю, а он рычит:

— Я — Смерть. И я решаю, кто умрет, а кто останется жить.

— Нет, Ноа, не надо! — Впиваюсь пальцами в плечи отца. — Я не могу... я не...

— Я уже однажды спасал тебе жизнь, Ариадна.

— Это неправильно! Так не должно случиться, ты же знаешь.

— Ты — моя дочь.

Внутри все переворачивается, становится дико больно, и я распахиваю глаза, а Ноа в эту секунду перевоплощается в незнакомое мне существо с пустым взглядом. Холодный и опасный. Смертоносный. Морт сжимает меня в руках, будто мошку, и произносит:

— Каждый день ты будешь помнить о том, что совершила. Каждый день будешь жить с этими мыслями, и ты никогда не избавишься от воспоминаний. Никогда! Это твое третье проклятье, Ариадна Монфор-л'Амори. — Глаза Смерти вонзаются в мою грудь стрелой, и я чувствую, как легкие сводит. Раз толчок, два. Мое сердце скрипит, пытаюсь очнуться. — Ты будешь жить, потому что я — часть тебя, Ариадна. Потому что я — твой отец.

— Ноа...

— Ты будешь жить.

Он прижимается губами к моему лбу и шепчет дрожащим голосом:

— Ты была права. Законами вселенной правит любовь.

А затем меня разрывает от такой горячей боли, что я кричу. Сердце взрывается, меня пронзает колючая судорога от головы до кончиков пальцев, и уже в следующее мгновение я открываю глаза и вижу светлый потолок, нависающий над головой, будто небо.

Не могу пошевелиться. Смотрю вверх и шурюсь. Что за странный звук... в ушах...

Я постанываю, приподнимаясь на локтях, и замечаю краем глаза Хэйдана: его голова опущена между колен. Парень сидит рядом, сжимает в замок трясущиеся пальцы.

— Ты... ты мне не поможешь?

Его руки замирают, голова медленно поднимается, парень ошеломленно распахивает глаза и восклицает не своим голосом:

— Ари? Что за...

Лицо друга вытягивается, губы подрагивают, он кидается ко мне и прижимает к себе так судорожно, что дыхание перехватывает.

— Боже мой, — хрипит он, вода ладонями по моей спине, — ты жива, боже, ты жива!

— Я так скучала, Хэрри.

Зажмуриваюсь, а он вдруг начинает трястись. Друг плачет, я не помню, чтобы Хэрри плакал. Прокатываюсь пальцами по его прилизанным волосам и шепчу:

— Не надо, пожалуйста.

— Я думал, что потерял тебя.

— Хэрри.

— Я думал... — Он отстраняется, стягивает очки и морщится. — Думал, что больше тебя никогда не увижу, черт возьми. Как же так...

Его пальцы сжимают переносицу, а я вновь обнимаю друга.

— Это я во всем виновата.

— Издеваешься? Ты ведь спасла мне жизнь! — Его ореховые глаза смотрят на меня так пристально и искренне, что внутри все переворачивается. — Ты из-за меня...

— Замолчи. Если потребуется, я сделаю это снова.

— Идиотка.

Он смеется и плачет, и сжимает меня в медвежьих объятиях, пытаюсь задушить. Но я не против. Я прижимаюсь к нему близко-близко, чтобы слышать биение его сердца. Хэрри отстраняется и неуклюже шмыгает носом.

— Черт возьми, — протягивает он, усмехнувшись, — это же невероятно, как так вышло?

— Ноа.

— Вот же старик. Не мог сразу тебя спасти?

Я хмыкаю и устало убираю с лица волосы. Думаю, он вообще не должен был спасать меня. Его помощь — ошибка. Кто знает, во что выльется очередное нарушение баланса? Не исключено, что мы еще заплатим за это. Люди совсем не учатся на своих ошибках. И даже у Смерти теперь есть собственная шкатулка совершенных просчетов.

— Помоги... помоги встать, пожалуйста.

— Конечно.

Хэйдан берет меня за руку и аккуратно поднимает с пола. Перед глазами тут же все в бок кренится, и я едва не валюсь обратно. Опускаю взгляд на окровавленную кофту.

А ведь так просто было отыскать ножницы, так просто было проткнуть себя лезвием.

— Мэри-Линетт потеряла сознание, когда мы были внизу, — говорит Хэрри, вырывая меня из мыслей, — ну, когда мы поняли, что все паршиво, и заразились какой-то дрянью.

— Она не знает о том, что случилось после?

— Видимо, нет.

Хорошо. Ей и так пришлось пройти через многое.

— Да никто ничего не понял, — глухим голосом протягивает Хэйдан. — Мэтт спустился по лестнице и вырвался из дома, ничего не объяснив. Я тогда еще не мог толком стоять... я хотел за ним пойти, но сначала решил тебя проверить. Джейсон остался с Мэри.

— А эта девушка...

— Дельфия. Она тоже внизу.

— Она спасла меня. — Задумчиво хмурюсь. — Что в таких случаях говорят?

— Спасибо?

Усмехаюсь и прищуриваюсь от головной боли. Стоять сложно. Слабость дикая.

— Тебе нужно отдохнуть. Давай, ложись, а я...

— Я сама. Я должна найти Мэтта.

— Слушай, я ведь могу приказать. Сегодня Йоль.

Парень поднимает с пола очки и деловито улыбается, а я недовольно прищуриваюсь.

— Только попробуй. И завтра я на тебе отыграюсь. Лучше помоги спуститься. Ладно?

— Ладно.

Он бережно приобнимает меня за талию и ведет вдоль коридора. За окнами светло. Я принимаю это за хороший знак. Когда происходит нечто плохое, погода меняется. Я с ней связана. Дергаю уголками губ и плетусь по лестнице, с трудом переставляя ноги.

Все это кажется таким странным. В прошлый раз Ноа Морт вернул меня к жизни, но Норин залечила раны. Кто залечил мои раны на этот раз? Как я, черт возьми, выжила? Это с ума сводит. Я ведь не должна дышать, не должна обнимать друга, улыбаться. Я ужасный человек. Опасная ведьма. Мне вдруг кажется, я никогда не прощу себе того, что сделала, и тогда в голове возникает вопрос: что было бы более жестоким, позволить мне умереть или позволить мне жить с виной, которая каждый день будет прожигать легкие?

Мы оказываемся на первом этаже, и я с облегчением выдыхаю. Слава Богу.

— Ари? — Джейсон оборачивается и порывисто опускает руки. Он отшатывается назад и смотрит на меня во все глаза, молчит, изучает, а я виновато поджимаю губы. Этот человек должен был просто жить своей жизнью, а я вовлекла его в огромные неприятности.

— Слушай, — я опускаю глаза в пол, — я знаю, что ты не должен здесь находиться. И я, правда, пойму, если ты скажешь, что...

Я не успеваю договорить. Три широких шага, несколько мгновений. Джейсон крепко прижимает меня к себе, и я в растерянности округляю глаза. Почему он меня обнимает?

— Ты как? — Говорит он тихо, а я стискиваю зубы.

— Не надо. Не спрашивай. Лучше скажи, что у тебя все хорошо.

— У меня все хорошо.

Он врет. Я знаю. Но мы продолжаем хранить тишину, потому что правда ранит. Нам придется ее принять, но не сегодня. Не сейчас. Я отстраняюсь и сглатываю:

— Пойду, найду Мэтта.

— Он ушел минуты три назад.

Я плетусь по коридору и сжимаю в пальцах окровавленную кофту. Прохожу рядом с обугленной гостиной и быстро отворачиваюсь, я не хочу сейчас вспоминать о том, что там происходило. Вижу дверь, тянусь к ручке, но внезапно замечаю Дельфию Этел. Она стоит около стены с черно-белыми снимками. Черт, не знаю, что я должна сказать? Какие найти слова? Такие фразы вообще существуют? Мнусь на пороге, судорожно соображая, а затем вдруг девушка оборачивается. Мы смотрим друг на друга совершенно разными взглядами. Но что-то нас связывает. Исцеление. Собираюсь подойти к девушке, но она шепчет:

— Он исцелится, когда ты исцелишься.

— Прости, что?

— Ид-ди. — Дельфия кивает и неуверенно сжимает в кулаки пальцы. — Он ж-ждет.

Я с интересом изучаю лицо незнакомки. Мне хочется узнать ее лучше, но сейчас мне и, правда, нужно поскорее найти Мэттью. Я киваю и выхожу из дома.

Куда он мог пойти? В какую сторону? Оглядываюсь, спускаюсь по ступенькам и тут же морщусь от легкой боли в спине. Черт возьми. Неужели я и шага не могу ступить? Мне наплевать на боль. Наплевать на усталость. Я просто должна идти и все.

— Мэтт? — Сворачиваю на перекрестке направо. На улицах пусто, что неудивительно.

После того, что я сделала в церкви, люди вполне заслуженно могут ненавидеть меня и бояться. Надо будет применить принуждение и заставить их позабыть о случившемся. Я стала сильнее. На темной стороне мои способности развились до невероятных высот, меня больше не манит темнота, но навыки не исчезли.

Наверно, мне вообще стоит забыть о своем даре, о том, кто я. Стоит вычеркнуть всю магию из моей жизни и продолжить путь обычным человеком. Но это неправильно. Я ведь никогда не избавлюсь от ощущения, что внутри меня есть нечто иное. Да, пока я ведьма, я представляю угрозу для Хозяина, для окружающих. Но проблема в том, что я всегда буду ведьмой. Всегда буду Ариадной Монфор-л'Амори. Этого не отнять.

— Мэтт! — Где же он? Голова кружится. Я неуклюже смахиваю с лица волосы. Теперь они отливают серебром. Напоминают о том, через что мне пришлось пойти. — Черт.

Я нигде его не вижу. Плетусь вдоль переулка, собираюсь вернуться к дому и пойти в другую сторону, как вдруг замечаю силуэт. Силуэт парня на коленях.

— Мэтт, — мое сердце камнем валится вниз, я нашла его. Присматриваюсь и понимаю, что со спины парня обнимает какая-то женщина. Но кто это? Словно услышав мой вопрос,

женщина оборачивается. И я замираю: это мама Мэтта. Темноволосая, бледная женщина с прямым носом и карими глазами. Он похож на нее. Хотя, конечно, глаза у него папины.

Я собираюсь подойти ближе, но неожиданно женщина испаряется: она превращается в легкую дымку и улетает вместе с ветром, путешествующим по заледеневшему асфальту.

Мне вдруг становится так паршиво, нужно позвать Мэтта, сказать хоть что-нибудь, а я не могу вымолвить и слова. Горло сдавливают невидимые силки, а в груди образуется не просто дыра, а целая галактика.

Иногда мы причиняем боль близким непроизвольно. Но я делала Мэтту больно, ведь хотела показать, как больно было мне, когда он не видел меня. Не замечал. Он считал, что мы с ним друзья, а я так никогда не думала. Эта причина кажется настолько нелепой. Едва я вспоминаю о том, что сотворила, хочется свалиться навзничь и хочется закричать. Меня прожигает дикая вина, ведь, что бы я ни ощущала в прошлом, как бы сильно я ни была на него обижена, я не имела права. Я не должна была. Но я делала. Снова и снова. Ломала и с новыми силами принималась ломать опять. Могу ли я позвать его? Должна ли я звать его?

— Мэтт? — Прищуриваюсь и быстрым движением смахиваю со щек слезы.

Парень выпрямляется. Оборачивается и в растерянности пялится на меня. Тишина и безмолвие. В эту самую секунду нас разделяют целые миры, вселенные. Мэттью встает на ноги, руки у него безвольно падают вниз, и он покачивается назад, сведя брови.

— Мэтт. — Я начинаю идти вперед, но он молчит. Разве так сложно ответить? Сложно.

Он испепеляет меня обжигающим взглядом, а я бегу. Забываю про боль и усталость, забываю про вину. Я несусь к нему навстречу, зная, что не имею на это права, я улыбаюсь, когда он оказывается совсем близко. Слезы застилают глаза, а я все равно отчетливо вижу его тонкие губы, угольно-черные волосы и сапфировые глаза. Я вижу, как выделяются на его лице желваки, вижу, с какой силой он стискивает в кулаки руки. Мэттью не отводит от меня глаз, а я, наконец, приближаюсь к нему вплотную и...

И замираю. Вижу шрамы на его щеке. Вижу боль в глазах. Вижу безумие, да, я вижу именно его, и оно пылает между нашими лицами, словно огонь, словно искры. Это жжет в груди, это отдается эхом по всему телу. И мне становится так больно, что я сгибаюсь. Мне нечем дышать, все разом становится недостижимым, разбитым, побежденным. Я ломаюсь. Подаюсь вперед и упираюсь лбом в его грудь. Я не могу стоять ровно, не могу, не могу.

— Прости, — шепчу я, чувствуя, как дрожит все его тело, — прости меня, пожалуйста.

Он сугулится, а я зажмуриваюсь и обнимаю его, встав на носки и потянувшись к его лицу. Я касаюсь щекой его щеки, прижимаюсь так близко, что перехватывает дыхание, но я не отстраняюсь. Овиваю руками его плечи и упираюсь лбом в его яремную впадину.

— Скажи что-нибудь. Не молчи, пожалуйста.

Но он не говорит. Он вдруг порывисто опускает голову мне на макушку и сжимает в руках так крепко, так неистово и испуганно, что весь мир переворачивается и разрывается на тысячи, миллионы осколков. Мэтт дрожит, а я поглаживаю его холодными ладонями.

— Ты умерла. — Хрипит он едва слышно.

— Нет. Я здесь, Мэтт. Я здесь.

— Ты не понимаешь. — Он отстраняется и смотрит в глаза мне так пристально, что все во мне вздрагивает и покрывается мурашками. — Я чувствую... чувствую, что ты умерла.

Он прокатывается большими пальцами по моим щекам, а потом вновь тянет к себе, и я судорожно впиваюсь ладонями в его крепкие плечи. Мир кружится в неистовом танце. А мы замерли, застыли, будто статуи, и ничего вокруг не видим. Одни посреди вселенной, и одни

посреди целой толпы незнакомцев. Если бы сейчас земля развалилась на части, небо свалилось на крыши одинаковых, серых домов, мы бы не заметили.

Мэтт проходится пальцами по моим серебристым волосам. А я прохожусь пальцами по его шрамам. Мы отвыкли от прикосновений, мы не успели привыкнуть.

Мы встречаемся взглядами, и я тихо спрашиваю:

— Что будет дальше?

— Не знаю.

— Но что нам делать?

Парень неожиданно горько усмехается. Он прикасается лбом к моему лбу и шепчет:

— Жить дальше.

Я ошеломленно смотрю на него. Неужели он помнит? Но как? Мои пальцы сжимают ворот его кофты, глаза закрываются. Я позволяю себе утонуть в этих чувствах, я позволяю себе расслабиться и стать слабой. Мэттью оставляет на моих губах легких поцелуй, а я тут же прижимаюсь к нему, кладу голову на его плечо. Он так близко.

Иногда мне хочется сказать, что я люблю его, хочется сказать, чтобы он не выпускал меня из рук, потому что тогда я упаду. Разобьюсь на сотни частей. Но я знаю, что гораздо безопаснее ему будет вдалеке от меня. Вдалеке от всего, что касается моей жизни.

— Пообещай мне кое-что. — Неожиданно шепчет Мэтт. И мы вновь глядим друг другу в глаза. Он сводит брови, а я растерянно покачиваю головой.

— Что именно?

— Ты никогда не используешь на мне принуждение.

— Мэттью...

— И мы уедем.

— Что? — Я неуверенно улыбаюсь и вскидываю брови. — О чем ты?

— Окончим школу и уедем. Ты и я.

— Но куда?

— Куда угодно. — В его глазах загорается что-то теплое, яркое. Он прикасается ко мне холодными руками и поглаживает плечи. — Но вместе.

— Мэтт...

— Пообещай. — Это принуждение. Сегодня Йоль, и я могла бы обидеться, но я даже не думаю об этом. Мэттью сталкивается со мной лбом, а я поджимаю обветренные губы.

— Обещаю.

— Отлично. Иди сюда.

Мэтт притягивает меня к себе и целует, а я представляю, как дорога излечивается от трещин, как стеклянные и цветные витражи церковей собираются воедино. Я представляю, как люди в Астерии забывают о том, что случилось, и продолжают жить.

Я не уверена, что мне удастся исправить все, что я сделала. Не уверена, что жизнь не найдет способ напомнить о том, что потеряно, и указать на то, что разбито. Но, наверно, я постараюсь справиться. Ноа Морт дал мне второй шанс. Я должна им воспользоваться. Не имеет значения, как долго я буду испытывать вину, как сильно мне будет больно. Со мной рядом близкие люди, которые всегда готовы принять меня такой, какая я есть.

Мэттью шепчет:

— Пошли домой.

Я киваю, он обнимает меня за талию, и мы медленно сходим с места.

ЭПИЛОГ

— Я догоню вас.

— Мы будем ждать тебя на выходе. — Мэри-Линетт сжимает мою руку и кивает. Глаза у нее красные, потому что всю службу она проплакала. Внутри что-то вспыхивает, но я не позволяю эмоциям взять верх. Только не сегодня, когда я должна быть сильной.

— Ты как? — Рядом неожиданно оказывается Мэтт.

— Все в порядке. Дайте мне пару минут.

Парень оставляет поцелуй на моей щеке и вместе со всеми уходит к машинам.

Я перевожу взгляд на каменное надгробье, тонкий слой снега уже скопился на земле. Я пытаюсь представить, что бы я сказала Норин, будь она рядом. И ничего не приходит на ум. Наверно, я бы опять расплакалась, потому что в последнее время слезы выражают все, что накопилось у меня внутри, как бы прискорбно и жалко это не выглядело.

Неожиданно прямо передо мной, возле надгробья, появляются фиолетовые цветы.

— Что за...

Я отшатываюсь назад и округляю глаза, наблюдая за тем, как цветы становятся все ярче и ярче, пока и вовсе не перевоплощаются в букет орхидей. Ошеломленно смотрю по сторонам и по-птичьи наклоняю голову, потому что это, черт подери, очень странно. Разве букеты появляются из воздуха? Тем более, когда это не я заставляю их появиться.

Мое внимание привлекает маленькая записка, черный прямоугольник. Я наклоняюсь к цветам, переворачиваю листок и растерянно хлопаю ресницами. Здесь лишь одна буква.

— Как романтично, — недовольно морщусь, разглядывая каллиграфическую букву «Л» на черном листке и выпрямляюсь. Люцифер пытается сказать, что умеет чувствовать? Нам ли с тетушками не знать, как он чувствует и проявляет свою любовь. Однако...

Однако я все-таки не выбрасываю записку. Это ужасно глупо.

— Черт, — смахиваю со лба испарину, хотя на улице холодно.

Неужели Дьявол сожалеет о смерти Норин Монфор? Мэттью говорил, что Дьявол в мгновение ока лишил Меган фон Страттен жизни, вырвав из ее груди сердце. Ей он тоже к могиле приложил букет с запиской? На выдохе осматриваюсь и вдруг замираю. Кладбище тут небольшое, деревьев почти нет. Спрятаться проблематично, именно поэтому я вижу не только силуэт девушки, но и ее лицо, ее золотистые волосы, серые глаза, я вижу Джил, и у меня внутри все вспыхивает таким пламенем, что над головой взывает ветер, а ладони уже в следующее мгновение покрываются красными искрами.

— Ты...

Девушка испуганно срывается с места, а я взмахиваю рукой, морщусь, и она валится на землю, прокатившись коленями по мокрому снегу. Я несусь к ней, тяжело дыша. Я бегу к ней, вспоминая, как она выстрелила, вспоминая, как она лишила мою тетушку жизни.

— Вставай. — Одно мое слово, и Джиллианна снова на ногах.

— Подожди, не надо.

— Не надо? — По-птичьи наклоняю голову. Зря она пришла.

Я едва могу дышать. Девушка испуганно моргает. Ее щеки красные от холода. А я не знаю, как утихомирить пожар, как взять себя в руки. Я вдруг отчетливо понимаю, что мне стоит лишь моргнуть, лишь щелкнуть пальцами, и я отомщу за Норин.

— Тебя не было, — вдруг бросает Джил, и я недоуменно прищуриваюсь.

— Что?

— Ты не пришла на похороны моего отца. Но ведь именно ты убила его.

Я замираю. Губы Джиллианны дрожат, глаза пылают, а я растерянно отшатываюсь, я была уверена, что принуждение подействовало на всех. Но она помнит. Она все помнит.

— Ты должна была забыть. — Едва слышно отвечаю я и ощущаю колючую боль где-то в горле. Я пытаюсь сглотнуть ком, но не выходит. — Должна была...

— Ты его убила. Я это видела!

— Мне очень...

— ...жаль?

Девушка трясется. Она закрывает ладонями лицо, а до меня вдруг доходит, что... что я не имею права ее осуждать. Эта мысль жжет, она разрезает меня на куски, ведь я должна люто ненавидеть этого человека, должна хотеть его смерти! Но Джил потеряла отца. Я его убила. Неважно, каким он был: хорошим или плохим. Он был ее отцом.

— Ты... — Выпрямляюсь и гляжу в серые глаза Хью. — Ты должна забыть о том, что случилось в церкви. Твой отец умер, потому что болел. Твоя мать знала об этом.

— Мой отец болел.

— Верно. Но он не хотел тебя расстраивать и поэтому молчал.

— Молчал.

— И ты забудешь... — Делаю шаг вперед. — Забудешь о том, что убила Норин Монфор.

Джил кивает, а я протяжно выдыхаю.

— Но каждый день ты будешь просыпаться и чувствовать вину. Каждый день. Ты так и не узнаешь, откуда это ощущение. Но оно никуда не денется. Всегда будет с тобой.

Джиллианна продолжает смотреть на меня растерянным взглядом, и я морщусь. Мне так больно видеть ее рядом и понимать, что именно она забрала жизнь Норин. Я гляжу на убийцу и ничего не делаю. Я отпускаю его. Поступаю ли я верно?

— Иди, — я неуклюже убираю с лица волосы, — уходи, Джил. Пожалуйста.

Девушка послушно срывается с места, оставляя следы на белоснежном ковре, а я тру глаза и осматриваюсь: наверно, я должна отомстить, но разве Ноа для этого дал мне шанс? Я зажмуриваюсь и сжимаю в кулаки пальцы. Как много последствий.

— Я горжусь тобой.

Растерянно выпрямляюсь и вижу Норин.

Воздух разом выкатывается из легких. Я округляю глаза, смотрю на тетюшку в сером толстом свитере, смотрю на ее распущенные волосы и яркие, небесно-голубые глаза. И не знаю, что делать, забываю, как разговаривать, как двигаться.

Я судорожно прикрываю рот пальцами и шепчу:

— Норин?

Голос срывается, выходит какой-то идиотский писк. Я порывисто горблюсь. А тетя в следующее мгновение оказывается рядом и обнимается меня худыми руками.

— Не плачь.

— О, боже, это же ты. — Я прижимаюсь щекой к ее шее. — Это ты!

— Я должна была увидеть тебя.

— Норин, — мои руки трясутся, — ты пришла ко мне! Я так ждала.

— Я знаю.

Тетя отстраняется и вздергивает подбородок. От этого движения у меня все внутри в ту же секунду переворачивается и вспыхивает. В этом вся Норин Монфор. Стоять ровно, а говорить холодно. Пусть плечи стонут от груза ответственности, а голос дрожит.

— Как... — Норин запинаяется и бесстрастно пожимает плечами. — Как Мэри?

Я устало стираю с лица мокрые полосы.

— Ей плохо. Разве может быть иначе?

— Она впечатлительная.

— Неудачное определение для ситуации.

— Ты права. Мэри нужно время. Просто будь с ней рядом, хорошо? Она справится.

— Конечно. — Берусь за руку тетушки и киваю. — Я хотела сказать тебе...

— Не надо.

— Выслушай.

— Ари, я бы сделала это еще раз... — Взгляд Норин пронзает насквозь, как и та стрела, что пронзила ее грудь. — Снова и снова. Я лишь рада, что ты цела.

— Это неправильно, — рычу я сквозь стиснутые зубы. — Вы с мамой... Вы так похожи.

Внезапно Норин смеется. Искренне. Я даже замираю, потому что не помню, чтобы я слышала нечто подобное. Женщина прикрывает тонкими пальцами губы и кивает:

— Так и есть. Мэри всегда была немного другой. А мы с Реджиной любили правила.

— Ты уже видела маму?

— Да, — Норин прокатывается пальцами по моей щеке и кивает, — она следит за тобой.

— Правда?

— Каждую минуту.

Я хмыкаю и нервно улыбаюсь. Мне всегда казалось, что за мной кто-то наблюдает.

— Что ж, я не могу тут долго оставаться. Я хотела тебя увидеть настоящую, и я...

— ...увидела.

— Верно.

Норин Монфор улыбается, подставляет лицо зимнему солнцу, и затем вдруг снимает толстый свитер. Я ошеломленно округляю глаза, ведь на улице холодно, но потом до меня доходит, что передо мной неживой человек. С этим тяжело смириться.

— Что ты делаешь?

— Снимаю свитер.

— Это я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Женщина поводит худошавыми плечами, поправляет волосы. Она глядит на меня, и, как мне кажется, становится гораздо моложе. Ей так идет улыбка. Она очень красивая.

— Я буду наблюдать за вами, — обещает Норин и сжимает мою руку.

— А я буду скучать.

— Моя дорогая, — тетушка вновь прижимает меня к себе, — я тоже. Тоже буду скучать.

Она отстраняется, машет мне рукой и начинает двигаться в сторону безликих могил. Я наблюдаю за тем, как солнце блестит на ее бледной коже, как улыбка озаряет лицо. Она отходит все дальше и дальше, исцелившаяся, освобожденная, а потом исчезает.

Я стираю слезы тыльной стороной ладони и отворачиваюсь.

Я думаю, мои близкие научили меня, что очень важно любить. Защищать. Бороться. Мы должны сражаться за свою жизнь до последней секунды, мы должны знать, что, когда наступит тот самый заключительный момент, мы не будем сожалеть; да, разумеется, люди не могут не совершать ошибок, не могут, не причинять друг другу боль. Все это спутники нашей странной жизни, в которой часто прощают то, что прощать нельзя, и помнят то, что

можно забыть. Но важно возвращаться к тому, что делает тебя лучше. Находить свет. Свет необязательно сосредоточен в тебе. В момент, когда все плохо, когда ты растерян, внутри нет ничего кроме темноты. И тогда ты должен обратиться к близким. У меня есть близкие. И я сделаю все, чтобы они всегда были рядом со мной.

Неважно, чего мне это будет стоить.

КОНЕЦ

БОНУС. РОЖДЕСТВО.

Как проходит Рождество ведьм?

Ночью они идут в лес. Находят там огромную ель с пышными ветками.

Молоденькая, ведьма с рыжими волосами, которая, собственно — я, взмахивает рукой и выдергивает дерево с корнями из заснеженной земли. А старшая ведьма, Мэри-Линетт, с невозмутимым лицом поднимает его, закидывает на спину, как пушинку, и улыбается.

Мы решаем поставить елку возле камина. У нас совсем немного игрушек, надо будет съездить в магазин и купить еще парочку гирлянд. А еще сверкающего оленя. И Санту.

Собственно, остановить меня сложно, поэтому Мэри не пускает меня в магазин.

— У нас все есть, — говорит она, наблюдая за тем, как Джейсон украшает елку шарами с серебряной окантовкой, — тебе просто хочется потратить деньги, дорогая.

— Мне просто хочется украсить дом.

— Как у ваших соседей. Они выставили гномов во двор. — Мужчина хмыкает. — Бьюсь об заклад, эти гномы выглядят хуже фурий Люцифера.

— И причем здесь гномы? Может, это эльфы?

Я сплетаю на груди руки и недовольно свожу брови. Они вечно переводят тему, едва я пытаюсь поговорить серьезно. У нас единственный дом на всей улице, у которого пусто во дворе, а крыша не переливается разноцветными огоньками. Разве это правильно? Злые ведьмы, наверняка, становятся злыми, потому что их тети не разрешают им купить Санту и сверкающего оленя.

Неожиданно в дверь звонят. Я бреду в коридор, подпрыгиваю к двери и тяну на себя ручку. На черных волосах Мэтта белые хлопья. Он стряхивает их, переступая через порог, и недовольно выдыхает, будто уже успел поссориться с кем-то по дороге.

— Что? — Я настороженно морщусь. — Только не говори, что у тебя плохие новости.

— У меня плохие новости.

Парень стягивает с плеч черное пальто, а я закрываю за ним дверь и кривлю губы.

— Я вся во внимании.

— Мне пришлось потратить несколько часов, чтобы хотя бы немного разобраться. Ты вообще открывала учебник? Мы пропустили очень много.

О, господи. Он серьезно? В этом весь Мэтт: сделать проблему вселенского масштаба из контрольной работы по тригонометрии. Беру парня за руку, она у него ледяная, и тащу за собой на второй этаж. Когда мы оказываемся в спальне, я поддаюсь горячему чувству и обнимаю Мэтта, встав на носочки. Парень усмехается, а я ворчу:

— Ты пообещал прийти вчера.

— Я должен нагнать материал, — отвечает он мне в волосы, — скоро экзамены.

— Какой ты зануда.

— Я реалист. Чтобы уехать, нужно поступить в колледж.

— Или... — отстраняюсь и невинно хлопаю ресницами. — Я просто заставлю комиссию выделить нам стипендию.

Парень закатывает глаза, а я усмехаюсь.

— Конечно, такой вариант тебе не нравится.

— Это неправильно, плюс нечестно, мы сами поступим, Ариадна. — Его поучительный тон должен выводить из себя, но я не испытываю злости. Пусть бросается нравоучениями, сколько ему хочется. Иногда мне кажется, что я нуждаюсь в подобного рода замечаниях и советах. — Так что забудь о своей силе и подумай о силе тригонометрии.

— Очень остроумно.

Мэтт садится и тянет меня за собой, облокачивается об изголовье кровати. А я кладу голову ему на плечо, прикасаюсь ладонью к его груди. Мэтт тяжело дышит, всегда тяжело дышит, словно ждет чего-то плохого, и сердце у него громко бьется. Но я уже привыкла.

— Хэрри хочет съездить на Рождественские каникулы к Дельфии, — говорит он.

— Это хорошая идея, — задумчиво отвечаю я и слышу, как Мэтт хмыкает.

— Думаешь? Что может быть лучше поездки посреди зимы неизвестно куда.

— Эта девушка спасла мне жизнь.

— Я видел ее, Ари. И в ее глазах было нечто такое... Нечто странное. Она спасла тебя, но я не уверен, что она действительно этого хотела.

— Какая разница? — Приподнимаю подбородок, чтобы посмотреть парню в глаза, и он тут же наклоняется ко мне ближе, я прохожусь кончиками пальцев по его шрамам. — Разве важно, хотела она меня спасти или нет? Я жива. Вот и все.

— Интересные ты вещи говоришь. — Ворчит Мэттью. — Что же тогда важно?

— Что твой брат хочет вырваться из Астерии на пару дней. Было бы замечательно, если бы мы поехали вместе и навести девушку, вернувшую мне душу.

— Она тебе понравилась? Я искренне удивлен.

— Зато я не удивлена, что тебе никто не понравился.

— Я ей не доверяю.

— И не надо. — Пожимаю плечами. — Пусть ей Хэрри доверяет, тем более что она явно засела у него в голове. Это так мило. Он постоянно о ней говорит.

— Мило. — Мэтт закатывает глаза, а я цокаю.

— Ну что опять?

— Мой брат в очередной раз втрескался, а ты называешь это милым. Это катастрофа.

Я смеюсь и толкаю Нортон в бок. Иногда он бывает невероятно невыносимым, но я выношу его, как бы странно и нелепо это не выглядело. Мы оба выносим друг друга.

— Все замолчи. — Я оставляю едва ощутимый поцелуй на его губах.

Собираюсь отстраниться, но Мэтт притягивает меня к себе и целует вновь, только не едва ощутимо, а пылко и настойчиво. Каждый раз, когда он обнимает меня, внутри что-то переворачивается, вспыхивает, я никак не могу научиться контролировать себя, едва Мэтт оказывается опасно близко. Он заключает меня в клетку, поставив руки по обе стороны от моей головы, но я рада такому заключению. Его губы касаются моих век, подбородка, шеи и ключицы, и я глубоко втягиваю разгоряченный воздух.

— Тетя Мэри уже услышала, как мое сердце сделало сальто.

— Ничего не говори, она подумает, что так на тебя действует тригонометрия, — между поцелуями отвечает Мэттью, а я прокатываюсь пальцами по его твердой спине.

— О да, она решит, что я впадаю в дикий экстаз от теорем и доказательств.

— Ты впадаешь в дикий экстаз?

Парень отстраняется, выгнув правую бровь, а у меня вспыхивают щеки, я растерянно морщусь лоб, пытаюсь придумать нечто правдоподобное. Но его нахальная улыбка сбивает с толку и обезоруживает, словно сильнейшее оружие, созданное специально против меня.

— Ты нарочно вгоняешь меня в краску?

— Конечно. Это мое любимое занятие.

— А мне казалось, твое любимое занятие — чтение занудных параграфов по биологии.

— Это на втором месте.

Мэттью скатывается на спину, притягивает меня к себе. А я удобно располагаюсь на его груди, прижимаюсь так близко, чтобы слышать неровное сердцебиение; мы лежим так некоторое время, наблюдая за переплетенными пальцами, и за тем, как темнота плавает по комнате, опускаясь на наши лица. По телу растекается приятное тепло. Мне всегда тепло, когда Нортон рядом. Когда я слышу его голос, я понимаю, что все в порядке.

— Я принес кое-что.

Мэтт поднимается с кровати, а на меня тут же обрушивается холод. Я накидываю на плечи одеяло и хмурюсь: такое ощущение, что зима в моей груди никогда не закончится.

— Вот, — парень достает из рюкзака какую-то футболку, — я забрал ее, когда... когда не соображал, что делаю. Мне показалось, что я должен вернуть ее на место.

Недоуменно выгибаю бровь, присматриваюсь и понимаю, что это черная футболка с надписью «Рамоунз». Я искала ее несколько недель назад, но не смогла найти. Растерянно гляжу в сапфировые глаза парня, а он стоит напротив и превращается в статую. Все сейчас напоминает о том, через что мы прошли, с чем остались. Мэтт хотел избиваться от меня, а я хотела избавиться от него и от человечества. Наверно, такое никогда не сотрется из моей памяти. Коротко киваю и выдавливаю фальшивую улыбку.

— Спасибо. — Киваю еще раз. — Мне всегда нравилась эта футболка.

— Я знаю. — Его голос тверд, мышцы на руках напрягаются. Мэтт отводит взгляд, но у меня все еще горит кожа, словно он прожигает во мне дыру. Я поднимаюсь с кровати.

— Помнишь, как мы с тобой договаривались?

Нортон вновь смотрит на меня.

— Оставить прошлое в прошлом.

— Но это не так-то просто, верно?

— Совсем не просто.

— Я все время думаю... — прохожусь ладонью по лицу, — как я выжила? Да, Морт спас мне жизнь, но он ведь не залечил рану, Мэтт. Это так странно.

— Слушай, не всему можно дать объяснение. Мир, в котором ты живешь, безумный.

— Но раньше такого не случалось.

— Все бывает впервые. Может... Может, это Норин излечила тебя. Ты ведь до сих пор не знаешь, на что способны призраки. Если они могут прикасаться к тебе, то...

— Или же это Люцифер. — Я стискиваю зубы и морщусь. — Он решил, что вернет меня к жизни и ящик Пандоры вновь откроется.

— Ну, — Мэттью всплескивает руками в стороны, — если и так, он ошибался.

— Дьявол никогда не ошибается.

— А еще Дьявол влюбился в Норин и наколдовал цветы на ее могиле. Тебе не кажется это странным и необычным? Прекрати накручивать себя, ладно?

— Ладно, — я сутулюсь, — давай просто к чертовой матери сожжем эту футболку.

Парень усмехается и потирает пальцами переносицу.

— Хорошая идея. Но с этой вещью плохих воспоминаний связано столько же, сколько и хороших. Может, лучше просто спрятать ее куда-нибудь? У тебя все равно такой бардак, что ты еще на месяц ее из виду потеряешь.

— Вот значит как. — Я возмущенно округляю глаза и ставлю на пояс руки. — Бардак не у меня, а у тебя, ясно? А в моей комнате творческий беспорядок.

— Буду знать, как это называется, — закатив глаза, ворчит он.

— Иногда хочется треснуть тебя, честное слово.

— Я бы на твоём месте так не рисковал.

Он вновь улыбается, крадется ко мне, а я прищуриваюсь. Самодовольный павлин, не слушающий никого кроме себя! Черт возьми, и угораздило меня в него влюбиться. Словно широкие, обсидиановые глаза, угольные волосы и кривая ухмылка смогут затмить плохой характер и отвратное поведение. Мэтт откидывает на кровать футболку, притягивает меня к себе, и, черт подери, да. Могут. Он вновь улыбается, а я как идиотка всегда жду, чтобы у него на лице расплылась улыбка, потому что это такая же редкость, как и снег зимой.

— Ты невыносимый, — на выдохе признаюсь я, но руки все же овивают его шею.

— Это политика Хэрри, всегда говорить правду. Помнишь?

— Помню. Но Хэрри простить можно, а тебя — нет.

— Почему это?

— Потому что к тебе у меня всегда было предвзятое отношение.

Неожиданно дверь в спальню распаивается. На пороге оказывается Джейсон.

Он усмехается, увидев руки Мэттью на моей талии, а мои руки — на его плечах, я тут же покрываюсь багровыми пятнами.

— Понимаю, у вас тут экстаз, — низким голосом протягивает оборотень, — но Мэри на кухне ждет вас уже минут пятнадцать. Спускайтесь. Она приготовила чай.

Он уходит. А я до сих пор стою пунцовая, как и шторы в гостиной. Естественно, они подслушали весь наш разговор, и, естественно, они даже не подумали, как это ужасно.

— Наверно, они догадались, что речь идет не о тригонометрии, — предполагает Мэтт, а я искренне усмехаюсь и перевожу взгляд на парня.

— Скорее всего.

— На самом деле, я даже не поздоровался.

— Поздоровайся сейчас. Она все равно все прекрасно слышит! — Громче протягиваю я и в растерянности покачиваю головой. — Никакой личной жизни.

— Придется встречаться у меня.

Я хмурюсь и нервно дергаю уголками губ. После всего, что случилось, находиться в доме Нортон и общаться с его родителями невероятно сложно. Мэттью рассказал мне о том, как отец приглашал домой психотерапевта, как он видел Мэтта в комнате, когда Эби погибла. Я причинила этой семье слишком много боли.

— Ты опять об этом думаешь.

— Да нет, — отмахиваюсь, — не думаю.

— Думаешь. Ари, — Мэтт заключает мое лицо в ладони, — прекрати. Мой отец хорошо к тебе относится, а Долорес так вообще тебя обожает.

— И все это потому, что я стерла их память.

— Если бы они знали всю правду, их мнение бы не изменилось.

Почему Мэтт вечно со мной спорит? Прощусь пальцами по его рукам и на выдохе отхожу в сторону. Нахожу в столе кривой осколок размером с ладонь.

— Что это? — Парень становится рядом.

— Часть зеркала.

— Какого зеркала?

— Верума. — Я искоса гляжу на Нортон, а затем нервно сглатываю. — Я нашла его. Но я даже не помню, как принесла его домой. Это странно, да?

— Да.

Мы становимся рядом и в растерянности глядим каждый на свое отражение. Глупо и наивно скрываться от правды, когда она так очевидна, так ясна и отчетлива. Наши лица не просто отражаются в зеркале: в таком миниатюрном осколке видны морщинки около моих глаз и губ, видны серебристые нити, спутавшиеся с рыжими локонами. Видны шрамы, что пересекают лицо Мэтта. Верумское зеркало никогда не лжет. В него смотрят два человека, за плечами у которых столько плохого, что впору навсегда забиться в угол. В него смотрят два человека, внутри у которых совсем нет света. Внутри которых лишь темнота.

Мэттью опускает мою руку. Он обнимает меня, а я крепко зажмуриваюсь.

Теперь темнота не вокруг меня. А во мне. Я и есть темнота. Смогу ли я когда-нибудь от нее избавиться? Я бы очень хотела. И я сделаю все, что от меня зависит.

ОТ АВТОРА ИЛИ НЕМНОГО О БУДУЩЕМ

Итак, вот и завершилась история Ариадны Монфор, и думаю, я должна сказать пару слов о том, почему я выбрала именно такой конец, и с какого ж черта все мои героини живут долго и счастливо. Ну, почти все.

Во-первых, вы можете кидаться в меня тапками, кричать «Фу!» и отмахиваться от экрана ладонями, ведь концовка действительно хорошая. Относительно. Я планировала убить Ари, не возвращать к жизни. Но потом... Потом я просто подумала не о реакции читателей, не о том, что зацепит или будет верным. А о том — о чем моя история? Она о девушке, которая боролась, жертвовала, рисковала, и что? Умерла? Во имя чего? Смерть нельзя оправдать. Она может быть героической и красивой. Но она остается смертью. До меня вдруг дошло, что я не хочу такого конца для Ариадны. Она столько боролась, она с Мэттом заслужили счастье. И вы можете поспорить. Можете считать меня бесхребетным автором. Но я сделала то, что сделала — позволила своим героям пройти через испытания и дала им второй шанс.

Разъясню еще один подпункт. Ноа Морт — Смерть — решается спасти Ариадну. И вы можете спросить: какого черта именно сейчас? Почему он в первой-то части медлил? Да и с какой стати вообще читателю бояться за главную героиню, если ее папочка способен щелкать пальцами и возвращать к жизни? Ну, начнем с того, что Ноа — не человек, и осознать свои чувства, свою привязанность к дочери, ему было сложно. Он не понимал, как так вообще бывает, что родители волнуются за детей, а дети волнуются за родителей. Для него все это в новинку, и, когда до него дошло, что потерять Ари — трудно, он вспомнил, кем является. И, конечно, не упустил шанс. Благороднее ли было дать ей упокоиться с миром — не знаю. Но люди ведь еще и эгоисты. А рядом с дочерью Смерть становился именно человеком со всеми нашими заскоками и слабостями.

Во-вторых, я хотела воссоединения Ариадны и Мэттью. Я хотела увидеть их вместе.

Они сражались друг за друга, любили друг друга, но даже за руки не держались... А мне так хотелось показать их отношения. Трепетные, страстные. Хотелось показать, как они уживаются. Как принимают друг друга в реальной жизни. Не на поле боя. Они оба очень сложные люди. Ариадна — легкомысленная, капризная, но в то же время сильная, храбрая, самоотверженная. Мэтт — упрямый, своенравный, но верный, умный, заботливый. Они будто половинки одного пазла. Если бы Ари умерла, я бы никогда не сложила этот пазл.

В-третьих, сейчас вы скажете, что каждой твари по паре. Ведь Хэрри влюбляется в Дельфию. А Джейсон перебирается к Мэри-Линетт. Позвольте и здесь внести ясность.

Начну с Хэйдана и Дельфии. Дело в том, что Хэрри — противоположность всем моим героям. Он добрый, открытый, жизнерадостный. Он влюбляется в каждого человека, даже не поняв, что именно его привлекает: ум, красота, цвет волос, шепелявость. Он сходил с ума по Каролине Сагтор, которая оказалась перевертышем и была убита уже в десятой главе первой части. Он втрескался в Бетани Пэмроу, которая не нашла в себе сил бороться и уехала вместе с родителями из Астерии во второй книге. И он заинтересовался Этел. Он не мог не заинтересоваться, потому что она странная, испуганная и одинокая, а Хэйдан к таким людям прилипает, как мотылек к лампочке. Сначала он будет пытаться вернуть ее к жизни своими шутками и байками, а потом осознает, что все гораздо серьезнее. А насчет Дельфии, то она найдет в Хэйдане спасение. И, что не мало важно, она не захочет его «починить», так как наш парнишка побывал на той стороне и вернулся немного другим. Дельфия рядом с ним сможет быть самой собой. Раньше она испытывала нечто подобное только с мамой. Так что в Хэрри она найдет родственную душу.

Мэри-Линетт и Джейсон. Вот эта пара была неожиданностью и для меня, потому что я терпеть не могу, когда главные герои сначала клянутся в вечной любви, а потом вдруг, да простит их Боже, резко об этом забывают, как в фильме «Легенды Осени», где главная героиня любила всех братьев по очереди. Но потом я кое-что поняла. Мэри-Линетт одна не останется, Ариадна не бросит ее на произвол судьбы, но все же Мэри нужен будет кто-то, кто всегда будет рядом. Норин находилась рядом круглосуточно. Я должна была найти кого-то, кто смог бы на время притупить боль от потери сестры. Этим человеком оказался Джейсон. Мэри-Линетт нуждается в опеке, ведь Норин занималась всем: домом, счетами Ариадной, проблемами, самой Мэри-Линетт! Пусть младшая Монфор и жила ради Норин жертвовала многим, жертвовала собой, она и сама нуждается в том, кто будет защищать и оберегать ее. Как это делала сестра. Собственно, такими одинаковыми словами, я пытаюсь сказать, что появление рядом Джейсона вполне оправдано. Да и наоборот будет сложно. Он останется рядом с Мэри, чтобы поддержать ее. Потом поймет, что и она поддерживает его. Так все и случится. Невольно. Неожиданно. Эта любовь не будет великой, о ней не напишут книги и не сложат стихов. Она не будет страстной, как у Ари и Мэтта. Не будет романтической, как у Хэрри и Дельфии. Она будет вынужденной. Эти двое просто в какой-то момент поймут, что они привыкли друг к другу, и что им спокойно и хорошо вместе.

Да-да, сопля на сопле. Любовь любовная. И сейчас я добью вас еще больше, потому что скажу, что у Дельфии и Хэйдана будет трое детей! Трое мальчишек.

А вот у Ариадны и Мэттью родится дочка. Черноволосая и зеленоглазая, которую они назовут Эбигейл. Эта девочка переймет способности дедушки — Ноа Морта, и будет видеть мертвецов. Ее основным даром станет способность контролировать время. И это будет первый ребенок за несколько сотен лет, контролирующей временной континуум. Ей достанется оригинальное проклятье от Люцифера, который решит, что каждый языческий

праздник будет отнимать у Эби месяц жизни. Она будет стареть быстрее, чем все обычные люди. Так себе перспектива. Родители не особо обрадуются таким известиям.

Как вы уже поняли, жизнь у Мэттью с Ариадной легкой не будет. Но ведь в нашей жизни легко ничего не бывает. Верно? У Мойры Парки все продумано. В конце концов, не стоило Мэтту избавляться от покоя в чистилище Люцифера. Ой как не стоило.

Теперь касаясь второстепенных персонажей.

Джил и фанатики. Почему она не забыла, что Ариадна убила ее отца? Пожалуй, я бы была глупым автором, если бы свято поверила в то, что Доминиканский орден исчезнет. Я уверена, последователи пастора Хью до сих пор ходят по Астерии. Знания этого ордена передавались из поколения в поколение со Средневековья! Ясное дело, что просто так их история не закончится. И Джиллианна — дочь предводителя. Хотелось бы мне верить, что она действительно поддалась чарам Ариадны и убежала. Но, увы. Я так не думаю. Хватит ли у нее сил отомстить? Боюсь, нет. В конце концов, Ари обладает огромной силой, и она проиграет лишь в том случае, если сама захочет проиграть.

Обещание Люцифера. Возможно, некоторых из вас мучает вопрос: с какого черта Дьявол пообещал Ариадне не трогать ее близких и, действительно, не смог их тронуть? Я ведь преподношу Дьявола, как отца Лжи, Злодея всех Злодеев, но, наверно, стоило сделать акцент на том, что Слово Люцифера — это закон. И он распространяется и на него в том же числе. Он дал обещание, а в сверхъестественном мире обещание — вещь серьезная. Ни то, что у нас, обычных людей. Сказал и забыл.

Бетани Пэмроу. Наверняка, вы думаете, зачем вообще был нужен этот персонаж? Не храбрая, не умная, не особенная. Обычная. Со страхами и тараканами в голове. Но я ведь и хотела создать подобную героиню. Она олицетворяет реальность происходящего. Бетти убегает, потому что ей страшно, потому что она любит свою семью. И так бы сделали все, мне кажется, здравомыслящие люди. Хэрри — не здравомыслящий человек, да простит он меня. Мэтт — влюбленный человек, что в разы хуже. Так что Бет лишь поступила обычно, по-человечески. Она оценила ситуацию и выбрала то, что наиболее важно.

Что ж, наверно, я пролила свет на все вопросы, которые меня волновали. Надеюсь, у вас сложилось целостное представление о выдуманном мною мире.

История Ариадны Монфор не закончилась. Я точно знаю, что в ее жизни будет еще много приключений, неприятностей и головоломок. Но мне бы хотелось поставить точку. Мы с ней славно провели время. Надеюсь, эта рыжая бестия успела и вам запасть в душу.

Больше книг на сайте — Knigolub.net